И.А. Мироненко

РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ НАУКИ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 159.9.07
ББК 88.1
М64

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 15-06-16020*

Мироненко И.А.
М64 Российская психология в пространстве мировой науки. — СПб. : Нестор-История, 2015. — 304 с.

ISBN 978-5-4469-0721-2

В данной монографии автор предлагает свой ответ на вопрос о месте российской психологии в мировой науке. Этот вопрос сегодня является ключевым для профессионального самоопределения каждого российского психолога, с начала своей профессиональной подготовки активно ассимилирующего продукцию зарубежной иноязычной науки и, в то же время, в подавляющем большинстве говорящего и пишущего только по-русски. На протяжении советского периода российская психология развивалась в относительной и односторонней изоляции от иноязычного мейнстрима. Сегодня мир становится единым. Происходит интеграция мировой науки, в пространство которой вливаются локальные школы. Каким же является сегодня и каким может быть место российской психологии в мировом контексте? Ответ на этот вопрос оказывается разным в зависимости от того, понимаем мы под российской психологией те оригинальные психологические концепции, которые рождены в России, являются продуктом и лицом российской психологической школы, или говорим о судьбе современного российского профессионального сообщества.

Существенное внимание в монографии уделяется анализу современных тенденций в развитии мировой психологической науки, в контексте которых рассматриваются вопрос о месте и значении российской психологии, статус и перспективы ее полноценного вхождения в пространство мировой науки.

Mironenko I.A.
Russian Psychology in the Context of International Science. — SPb. : Nestor-Historia, 2015. — 304 p.

ISBN 978-5-4469-0721-2

The monograph dwells on contemporary developments in international and in Russian psychology and on the problems of the integration of Russian psychology into international science. The author argues that in the context of globalization, local scholarly traditions necessarily integrate into international science and future development of Russian psychology is not possible outside of the international context. However, Russian psychology should not lose its heritage and authenticity. The book is aimed to reveal and substantiate the authentic character of theoretical and methodological bases, on which theories of Russian psychological school are grounded.

Оглавление

Введение 5

Глава 1
Отечественная психология на рубеже тысячелетий

1.1. Отечественная психология в постсоветский период 14
1.2. Фундаментальная психология в России в 80-х — 90-х годах XX века 22
1.3. Развитие отечественной психологии в XXI столетии 36
1.4. О мотивах и проблемах интеграции отечественной психологии в мейнстрим 46

Глава 2
В поисках самоидентификации: биосоциальная проблема в контексте мировой интеграции психологического знания

2.1. Биосоциальная проблема в психологии.
О понятии «социальное» в психологической науке 54
2.2. Социальный заказ как фактор постановки биосоциальной проблемы
в науке XX века 59
2.3. Биосоциальная проблема как главная проблема психологии в период кризиса 65
2.4. Социобиология и эволюционная психология
о биосоциальной природе человека. 69
2.5. Биосоциальная проблема в социальном конструктивизме и кросскультурной
психологии. 82

Глава 3
Диалектика биологического и социального в человеке в свете отечественной теории

3.1. Предпосылки отечественной теории биосоциального единства человека 97
3.2. Биосоциальная природа человека в трудах основоположников
отечественной школы. 102
3.2.1. Понятия об эндопсихике и экзопсихике в теории А. Ф. Лазурского. 102
3.2.2. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна 104
3.2.3. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского. 109
3.3. Дальнейшая разработка представлений о природе человека в отечественной
психологии советского периода 116
3.3.1. Взгляды на структуру и природу личности А. Г. Ковалева и К. К. Платонова. 116
3.3.2. Концепции развития личности Д. Б. Эльконина и Л. И. Божович 119
3.3.3. Концепция человека Б. Г. Ананьева 126

3.3.4. Концепция отношений В. Н. Мясищева 130
3.3.5. Личность в теории деятельности А. Н. Леонтьева 133
3.3.6. Исследования человека в школе В. С. Мерлина 136
3.4. Развитие представлений о биосоциальном единстве человека в отечественной психологии конца советского периода 139

Глава 4
Отечественная школа в контексте актуальных проблем и дискуссионных вопросов мировой психологии

4.1. Классические подходы и направления в современной зарубежной психологии личности 145
4.2. Классификации теорий личности с помощью биполярных шкал 161
4.3. Взаимосвязь онтогенеза и жизненного пути личности: подходы и концепции 168
4.4. Проблема опосредованности человеческого познания 179
4.5. Самореализация личности: подходы и противоречия 187
4.6. Биологическое и социальное в человеке: современный методологический кризис и вечная проблема мировой психологии 192

Глава 5
Современные методологические дискуссии в Российской психологической науке

5.1. Дискуссия о предмете психологии 202
5.2. Дискуссия о естественнонаучной и гуманитарной парадигмах в психологии 211
5.3. Дихотомия описательной и объяснительной парадигм в современной российской психологии 221
5.4. Психологическая наука и психологическая практика 227
5.5. Кризис психологии: перманентный, общий или локальный? 234

Заключение
О перспективах прогресса российской школы в психологической науке

1. Сомнительность прогресса? 243
2. Сомнения в прогрессе? 251

Resume

Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian Psychological Science 255
Concerning Interpretations of Activity Theory 262

Литература 282

ВВЕДЕНИЕ

Для российской психологии современный период является периодом динамичных и радикальных изменений, временем парадоксального сочетания тенденций в ее развитии. Это, *во-первых*, время интеграции мировой науки после длительного периода, когда «школы» развивались относительно независимо, в отсутствие единой общепринятой теории. *Во-вторых,* это время распада целостного научного направления, сложившегося в СССР.

В водовороте происходящих перемен Российской психологии есть что приобрести и — на мой взгляд — есть что терять. В сочетании процессов неизбежной и быстро идущей «глобализации» мировой науки и бурной дивергенции методологических подходов отечественных ученых и практиков сейчас кажутся возможными очень различные варианты будущего.

В результате длительной изоляции за «железным занавесом», когда российская психология фактически выпала из поля зрения зарубежных коллег, современный процесс интеграции мировой науки для отечественной психологии оказался вызовом самому ее существованию в качестве самобытной школы.

Для российской психологии вхождение в контекст мировой науки осложняется особенностями протекания предшествующего периода, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции психологических школ усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития страны, языковым барьером. Об этом так пишет А. В. Петровский: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года “великого перелома”[1] эти связи стали очень быстро истончаться. “Железный занавес” опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки <...>. Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки» [Петровский, 2000, с. 43–44].

В сознании **зарубежных коллег** отечественная психология представлена в качестве понятия скорее географического: есть огромная Россия (раньше был СССР),

---

[1] 1929 г.

там живут психологи, они чем-то занимаются — малозначимым, судя по представленности результатов их трудов в зарубежных энциклопедиях. Там жили гениальные И. П. Павлов и Л. С. Выготский, теории которых интегрированы в мировую науку и живут там собственной жизнью. Еще там жили такие ученые, как С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев и некоторые другие, имена которых особо сведущие зарубежные коллеги могут назвать, но никто практически не может сказать, чем именно они прославились. И все это не вызывает ни малейшего интереса.

Отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях. Показательно, что в многотомной американской психологической энциклопедии [Encyclopedia... 1994] развитие психологии личности в СССР после С. Л. Рубинштейна не только не освещается, но даже не упомянуто. В той же энциклопедии в специальной статье, посвященной опыту выращивания детенышей обезьян в человеческой семье, отсутствует упоминание о первом в мире эксперименте такого рода, выполненном Н. Н. Ладыгиной-Котс еще в 1913–1915 гг. [Ладыгина-Котс, 1935]. Статья начинается непосредственно с соответствующих американских исследований, проведенных на двадцать лет позже.

О недостаточной известности за рубежом отечественной школы говорит и такой факт. Накануне XXVII Всемирного психологического конгресса 2000 г. журнал "European Psychologist" [Tele-interviews, 2000] провел опрос среди 30 крупнейших психологов Европы. Их просили назвать основные достижения психологической науки XX века, основные вехи в ее современной истории, те новые тенденции в развитии психологии, которые, по их мнению, будут определяющими в XXI веке. В числе опрошенных был только один человек из России — А. В. Брушлинский, ответы которого на вопросы анкеты разительно отличались от остальных. А. В. Брушлинский, характеризуя психологическую науку XX века, говорил прежде всего об отечественной школе, ее теориях и концепциях. Остальные мэтры не видели места и роли отечественной школы в развитии мировой науки. Упоминались часто лишь имена И. П. Павлова и Л. С. Выготского.

Так что в глазах мирового научного сообщества отечественная школа, по всей видимости, — не более чем «позитивизм, обросший марксистской фразеологией» [Юревич, 2004, с. 12][2]. Как собственно научная школа она не воспринимается, ее не только нет, но и не было. Отсюда «миссионерское» отношение к нам сегодня западных коллег, стремление просветить и приобщить, но отнюдь не научиться у нас чему-либо.

Проблема образа отечественной психологии в мире — это не отвлеченная проблема адекватного или неадекватного понимания ее особенностей зарубежными коллегами, это проблема онтологическая, проблема бытия нашей психологии в формирующемся едином контексте мировой науки, проблема ее сущности и существования, ее настоящего и будущего — будущего в структуре мировой науки, а другого будущего не будет. И над этой проблемой нужно работать. Следует

---

[2] Отметим, что в числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В. А. Кольцова называет высокую теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций [Кольцова, 2002].

признать, что в настоящее время образ отечественной психологии в восприятии зарубежных коллег находится на стадии аморфного пятна.

В то же время актуальной тенденцией является и утрата самой отечественной психологией претензий на самобытность. А. В. Юревич с беспощадной честностью пишет о том, что в условиях современности «отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т. д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» [Юревич, 2004, с. 13]. Примером проявления подобного профессионального самосознания является статья группы авторов [Balashova et al., 2004] о российской психологии в изданном в США значительным тиражом учебном издании «Интернациональная психология» (“Handbook of International Psychology”). В этой статье сказано: «После Октябрьской революции и гражданской войны, начиная с 1920-х годов, в силу социально политических ориентаций коммунистической идеологии и диктата государственного управления развитие психологии как науки прервалось. На смену эмпирическим исследованиям и свободной научной дискуссии пришел политико-идеологический подход <...>. В силу этого, а также в результате политической и социальной изоляции Советского Союза во время “холодной войны” развитие российской психологии было задержано, так что ее называют “прерванной наукой”» [Balashova et al., 2004, p. 294]. Только в результате хрущевской оттепели, по мнению авторов статьи, началось возрождение психологической науки в России, которое — до времени перестройки — описывается в объеме 0,5 страницы и исключительно в терминах открытия факультетов психологии и организации общества психологов.

Такие публикации формируют отношение к нам мирового профессионального сообщества[3].

Таким образом, в сознании отечественного профессионального сообщества существование отечественной психологии как самобытной школы сегодня тоже не является фактом.

Для **молодых** ученых причиной этого является то, что вся ситуация, в которой происходит их профессиональное становление, настраивает их прежде всего на активное усвоение опыта зарубежной психологии. Срастание отечественной науки с западной набирает силу, и процесс этот имеет односторонний характер. Отечественные ученые переводят, излагают, цитируют и включают в образовательные программы концепции западных авторов. Встречное же движение фактически отсутствует. Отечественный книжный рынок сегодня заполнен переводной зарубежной литературой, в том числе прекрасными современными учебными изданиями, которые все шире используются в учебном процессе в российских университетах как студентами, так и педагогами. В этих учебниках тот или иной раздел психологической науки представлен широко и разносторонне, описан понятным языком.

[3] Следует заметить, что в качестве исходных, традиционных для российской психологии направлений в статье названы два: клиническая психология и экспериментальная. Духовно-нравственное направление, например, оказавшее существенное влияние на развитие экзистенциальной психологии в мире, вообще никак не упомянуто.

К сожалению, в этих учебниках отечественные теория и методология не только не представлены, но обычно и не упомянуты. Соотнести их с содержанием зарубежных учебников — непростая задача, требующая хорошего владения зарубежной и отечественной теорией.

Ситуация усугубляется тем, что в отечественной науке в настоящее время преимущественно развиваются направления прагматической, прикладной ориентации. Переводятся и воспринимаются преимущественно теории из области прикладной же психологии, причем тех ее областей, которые в силу отсутствия социального заказа и идеологических запретов в отечественной психологии советского периода развиты были не достаточно. Соответствующие зарубежные концепции воспринимаются некритично и не соотносятся с положениями отечественной теории и методологии.

Утрата целостности, общей теоретико-методологической основы, ослабление связей между направлениями и отраслями отечественной психологии проходят на фоне ослабления авторитета естественнонаучного направления, приоритетного в советской психологии, и интереса к нему (Психологическая... 1997).

В результате уже складывается ситуация, зеркально повторяющая ту, которая имела место в период «нормального» развития советской науки. Если двадцать лет назад молодой специалист-психолог знал отечественную теорию и умел ею оперировать, а дополнительно имел некоторые представления о том, что есть еще какие-то иные теории за рубежом, то теперь молодой профессионал, особенно практик, может в доступной ему мере, то есть в рамках того, чему можно научиться, развиваясь вне целостного контекста научной школы, по отдельным переводным изданиям, владеть аппаратом зарубежной науки, имея некоторые представления о том, что были (или есть?) и какие-то отечественные школы.

У наших **ученых старшего поколения** существует определенное внутреннее сопротивление тому, чтобы воспринимать отечественную психологию как школу. Долгое время мы не воспринимали себя как школу, потому что считали себя чем-то большим, чем школа — психологической наукой как таковой, внутри которой существуют школы: школа Леонтьева, Ананьева, Мерлина и др. В определенной мере это общая тенденция, присущая развитию всех школ в период затухания кризиса психологии. Однако в отечественной психологии эта тенденция проявилась с особой силой по причине парадигмального статуса нашей науки в советский период. Признание наличия парадигмы в советской психологии само по себе вызывает сильное сопротивление у существенной части старшего поколения отечественных психологов, привычно фиксирующих внимание на различиях между «внутренними» школами нашей науки и нежелающих за деревьями увидеть лес. Однако можно считать убедительно доказанным исследованиями ученых ИП РАН [Психологическая... 1997], что в результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии

не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но, наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве.

Думать, что мы — вся психологическая наука, больше уже невозможно. Тем не менее «геоцентризм», идущий из эпохи парадигмального развития отечественной школы, препятствует ей сегодня в осознании себя как одной из великих школ психологии, уникальной, но не единственной по своим подходам и разработкам. Между тем выявление самобытности отечественной школы, ее отличности и полемического потенциала по отношению к положениям других школ необходимо для того, чтобы разработанные в советский период теория и методология заняли достойное место в формирующемся контексте мировой психологической науки.

Отечественное профессиональное сообщество и каждый из его членов в отдельности стоят сегодня перед необходимостью выбора одного из трех возможных путей развития:

- Согласиться с тем, что ничего существенного, сопоставимого по значимости с достижениями зарубежной психологии советской наукой сделано не было, принять роль представителей «развивающейся» провинции мировой науки. При этом теоретико-методологическое наследие российской психологии советского периода с неизбежностью ждет судьба артефактов умершей цивилизации.
- Признавая достижения отечественных авторов, приняв роль «наследников» советской психологии, перетолковать и перекроить это «наследство» по образу и подобию западной науки, акцентируя сходства и параллели, адаптировать отечественные психологические теории к западным, придавая при этом последним статус обобщающих научных систем. В отношении таких достаточно распространенных сегодня попыток актуально звучат слова Л.С. Выготского: «При таких попытках приходиться просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в <...> сводимые воедино системы» [Выготский, 1982, с. 330].
- Обозначить самобытность отечественной психологической школы, акцентировать ее полемический потенциал по отношению к другим школам. Включиться в мировой процесс, не потеряв собственного лица, как самостоятельное направление, которое в принципе не может быть сведено ни к одной из принятых за рубежом теорий.

Третий путь — самый сложный, но только он обеспечит для отечественной науки возможность стать полноценной частью единой мировой психологической науки, которая формируется на наших глазах, ибо «цельность в науке — это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» [Василюк, 2003, с. 3].

Основополагающим моментом и первым шагом в этом плане представляется самоопределение отечественной психологии в контексте мировой психологической науки, которое должно стать основой интеграции отечественной теории и методологии в мировую науку.

Является ли отечественная психология советского периода самобытной школой? Представляется, что есть основания считать ее одной из великих школ XX века, школой, которая обладает уникальной, изощренной теорией и методологией и потрясающим опытом экспериментирования и эмпирических доказательств.

Задавшись целью показать самобытность отечественной школы в контексте различных направлений мировой психологической науки, в поисках общих оснований для соотнесения теорий целесообразно обратиться к биосоциальной проблематике, так как именно эта проблематика стала центральной для исследований человека и для практической психологии в XX веке. Ускорение исторического процесса к XX веку привело к быстрым и радикальным изменениям в культуре. Биосоциальная проблема, традиционно понимаемая как соотношение в человеке вечного (биологического) и изменяющегося с течением поколений (социального), обрела новое измерение — соотношение сравнительно устойчивой человеческой психики с изменчивым социумом — и новую актуальность. Каждый период в развитии науки имеет своего рода «визитную карточку» — основную проблему, вокруг которой концентрируются усилия ученых; в поисках решения этой проблемы достигаются максимальные научные достижения своего времени. «Нервом» психологических исследований и теорий XX — начала XXI веков является проблема биосоциальная [Мироненко, 2002; 2003 б; 2005]. Таким образом, представления о биологическом и социальном в детерминации человеческой психики, развиваемые различными школами, можно использовать в качестве базиса для сопоставления этих школ.

В этой книге предпринята попытка определить место и роль отечественной биосоциальной теории в контексте интеграции современных различных направлений и школ мировой психологической науки. Под «отечественной биосоциальной теорией» здесь и далее понимается система обобщенных положений о роли биологического и социального в детерминации человеческой психики. Эта система знаний объединяет различные теоретические направления и отрасли отечественной психологической науки XX века. Она обеспечивает общий теоретико-методологический контекст, в котором эти направления и отрасли могли обмениваться информацией и вступать в конструктивные дискуссии.

Отечественную психологическую науку отличает уникальная, исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России, обусловленная достижениями российской физиологической науки рубежа XIX–XX вв. традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, рассмотрения социализации как запрета природного и естественного поведения, подход к культуре как к силе, выводящей человека за пределы власти законов природы. Традиция подлинно диалектического подхода к проблеме развития человека, построенного на понимании развития как разрешения внутренних противоречий, заложенных в самой природе человека, а не являющихся результатом каких-либо дефектов социального окружения.

Представляет ли интерес отечественная теория в контексте актуальных проблем и дискуссий современной зарубежной психологии?

Можно утверждать, что исследования в русле отечественной биосоциальной теории не повторяют выводы ведущих зарубежных школ и не противоречат им,

но заполняют существенно иное предметное пространство. Это предметное пространство ранее на западе практически не исследовалось, а сегодня является областью интенсивных разработок и бурного роста теорий в силу их востребованности и актуальности. На рубеже XX–XXI вв. политика и идеология в мире изменились. Мир уже не строится на антагонизме двух систем, что снизило идеологическое напряжение в области биосоциальных теорий. Это делает перспективным налаживание конструктивного диалога и формирование для отечественной науки общего научного контекста с новейшими направлениями, как теоретическими, так и конкретно-психологическими, возникшими на западе в посткризисный период.

Это прежде всего такие теоретические направления, как эволюционная психология и социобиология, социальный конструктивизм, кросскультурная психология, а также такие области конкретно-психологических исследований, как

— life-span human development,

— развитие человека в период взрослости,

— личность как определяющий фактор и интегратор психических процессов и состояний,

— кросс-культурная психология,

— самореализация личности.

В русле данных направлений общность предметного пространства и отсутствие идеологического пресса позволяют прогнозировать возможность конструктивного диалога с отечественной теорией.

Отечественная теория несомненно самобытна и в большой степени, как это присуще великим теоретическим школам, обладает потенциалом интеллектуального вызова оппонентам, потенциалом для разворачивания полемики. **Почему смелость, радикальность и острая полемичность отечественной теории нуждаются в доказательствах, не являются очевидными?**

А. В. Петровский называет способ существования отечественной психологии при советской власти тактикой выживания [Петровский, 2000]. Возможно, как один из аспектов этой тактики следует рассматривать ту своеобразную маскировку «острых углов», затушевывание полемического потенциала работ, которые закрепились в нашей науке в советский период. «Позитивизм, обросший марксистской фразеологией» [Юревич, 2004, с. 12], действительно составлял внешнюю поверхность советской психологии. Внимание цензоров, привлеченное яркими, полемически заостренными положениями, оборачивалось запретом, если не уничтожением, по всей видимости, «на всякий случай», чтобы не пропустить что-нибудь опасное. Вспомним судьбу таких «смелых», как Л. С. Выготский, В. А. Вагнер, Б. Ф. Поршнев. Эти ученые не грешили против официальной идеологии марксизма, напротив, они были даже слишком последовательными марксистами в использовании диалектического метода, в своем подходе к человеческой психике как к явлению изначально внутренне противоречивому, развитие которого потому и происходит с неизбежностью, что основано на внутреннем противоречии. Они не были репрессированы, но их труды фактически не публиковались прижизненно, игнорировались официальной наукой, уже набранными исчезали в типографиях.

А. В. Юревич говорит об утрате современной отечественной социогуманитарной наукой, и в первую очередь психологией, претензий на «самобытность», о том, что отечественные ученые «как “интеллектуальные посредники” <...> играют очень важную и вполне творческую роль, однако свое традиционное предназначение в качестве производителей нового знания они начинают утрачивать.

И это — возможно, главный результат «адаптации» отечественной социогуманитарной науки к тому социальному контексту, который сложился в современной России» [Юревич, 2004, с. 13] (курсив наш. — *И. М.*).

Школа в науке — явление временное. Возможно, наступает естественный конец той школы, которая сложилась в СССР. В то же время есть основания думать, что возможно возрождение этой школы в новом облике, соответствующем реалиям современности, в чем-то радикально отличной от советского периода, но что-то главное в традиционной парадигме развивающей. Конечно, не следует рассчитывать, что все, получившие диплом психолога в современной России сплотятся в единое моно методологическое течение, как это было в советский период. Это и невозможно, и ненужно. Существенная часть этих людей уже и не имеет прямого отношения к той школе, которая развивалась в России на протяжении большей части XX века. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР), и в весьма ограниченном количестве, а сейчас более 300 ВУЗов России ежегодно выпускают более 5000 психологов. При таких темпах роста психологического сообщества на фоне методологической эклектики бороться следует не за методологическое единство, а за сохранение норм научности в целом.

Российская психология сейчас подобна кораблю, идущему между Сциллой западных направлений и Харибдой ненаучности, и держаться следует ближе к Сцилле.

Пусть каждый примкнет к той школе, которая ему ближе. Однако мне кажется, что и школа, сложившаяся в России, не исчерпала своего потенциала: при условии необходимой герменевтики она представляется остроактуальной в контексте тенденций развития мировой психологической науки и имеет все основания войти в психологическую науку XXI столетия в качестве самобытной.

На мой взгляд, отечественная психология сегодня стоит перед необходимостью решения двух взаимосвязанных задач:

- во-первых, задачи интеграции в качестве самобытной школы в числе других направлений и школ в структуру единой мировой мультипарадигмальной науки;
- во-вторых, задачи сохранения статуса и сущности науки, что требует четкого размежевания с ненаучными формами психологического познания.

Обе эти задачи объективно поставлены условиями развития психологии в современном обществе, они продиктованы самой жизнью. Эти задачи отвечают общим тенденциям в развитии мировой психологической науки, и в то же время именно в России их решение сопряжено со специфическими сложностями, требует особых усилий от профессионального психологического сообщества. М. К. Мамардашвили писал: «Древние философы утверждали, что зло делается само собой, а добро

нужно делать специально и все время заново, оно, даже сделанное, само не пребывает, не существует. Этот вывод, как мне представляется, в равной мере относится <...>, с одной стороны, к науке как познанию (этой мерцающей, пульсирующей точке, связанной с возможным человеком и требующей постоянного, специального усилия), а с другой стороны, к науке как собственно культуре (в смысле человекообразующего действия упорядочивающих жизненный хаос структур)» [Мамардашвили, 1982, с. 57].

Глава 1
Отечественная психология на рубеже тысячелетий

1.1. Отечественная психология в постсоветский период

Изменения в социально-политической жизни России в конце XX столетия привели к кардинальным преобразованиям в психологической науке. В развитии психологии в постсоветской России явно выделяются два периода, которые различаются ведущими тенденциями. Первый период — с конца 80-х гг. до конца века — можно обозначить как «время разбрасывать камни». С начала нового века наступило время «собирать камни».

В конце 80-х гг. идеологическое давление и контроль в науке, характерные для советского периода, существенно ослабли. Появились возможности для изложения и отстаивания точек зрения, оппозиционных традиционным для советского периода взглядам. Как отмечается в изданной ИП РАН монографии «Психологическая наука в России XX столетия» [Психологическая... 1997], с начала 90-х гг. развернулся процесс пересмотра и критики исходных методологических и теоретических принципов. Прошли «круглые столы», посвященные обсуждению вопросов значения марксизма в психологии, возможностям гуманистической парадигмы и ограничениям естественнонаучной ориентации в изучении человека. Был опубликован ряд проблемных статей на тему о нетрадиционных и новаторских подходах в изучении психики.

Возможность подобной дискуссии после десятилетий, когда данная тема считалась запретной, безусловно, явилась значительным достижением и источником развития современной психологии в России. Однако в развитии постсоветской психологии закономерно сочетались как позитивные, так и негативные тенденции.

Характеризуя в целом состояние психологии в России этого периода, авторы монографии «Психологическая наука в России XX столетия» обозначают его как переходный период от устойчивой, унифицированной и моноструктурированной системы к новой, наиболее существенные особенности которой прогнозировались следующим образом [Психологическая... 1997]:

— научно-практическая и прикладная ориентированность психологических исследований;

— плюралистичность в выборе исходных теоретико-методологических оснований;

— многообразие форм профессиональной подготовки психологов и применения их знаний и умений;

— более узкая специализация психологов;

— достаточно жесткая детерминация тематики психологических исследований со стороны запросов общества;

— прагматизация взглядов психологов относительно своего будущего в психологическом сообществе.

Далее в цитируемой монографии отмечено возрастание в российской психологии удельного веса элементов и компонентов западноевропейской и американской моделей.

Важной тенденцией постсоветской психологии в России является принципиальное изменение приоритетности фундаментальных и прикладных разработок в пользу последних [Психологическая... 1997]. В советской психологии авторитетность фундаментальных разработок была очень высока. Ученые, работавшие в этой области, пользовались поддержкой государственных структур, что обеспечивало им высокий статус и достойную оплату труда. Интересно, что Ж. Пиаже, вспоминая о своем визите к советским коллегам в конце 50-х гг., отмечает высокий социальный статус ученых в СССР, огромное уважение, которым они пользуются в обществе [Piaget, 1996]. Это создавало возможности притока в фундаментальную науку лучших сил, наиболее способных людей.

С разрушением системы государственного финансирования фундаментальных исследований и появлением альтернативных государственным источников субсидирования прикладных разработок ситуация резко изменилась. Большинство ученых вынуждено было переориентироваться на работу в области практической психологии. Более того, отмечается [Психологическая... 1997], что статус теоретической работы в среде молодых психологов стал достаточно низким. То, что было сильной стороной отечественной школы, — наличие мощных теоретических концепций и профессиональных специалистов в области теории и методологии — оказалось в значительной мере невостребованным.

Адекватное понимание процессов в российской психологии последних десятилетий XX века невозможно без анализа места и роли психологической науки в российском обществе и порождаемых ситуацией взаимодействия с обществом проблем в развитии науки. Такой анализ представлен в статье А. В. Юревича «Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту» [Юревич, 2004]. Данная статья позволяет прийти к следующим выводам.

1. В обществе имелся выраженный и хорошо обеспеченный финансами социальный заказ на проблематику, относящуюся к предметной области психологической науки — к определенной части гуманитарного раздела этой области:

— обслуживание мира политики: улучшение политических имиджей, подготовка и проведение избирательных компаний, зондирование и «зомбирование» общественного мнения;

— в области бизнеса создание наиболее выгодных для продавца условий его взаимодействия с покупателем, оптимизация внутренних механизмов деятельности коммерческих структур, а также оправдание характера современного российского бизнеса и преподнесение его обществу как единственно возможного.

2. Данный спрос породил подъем в развитии социогуманитарных наук, своего рода «бум».

3. Результатами подъема, оживления на рынке, явились:

— приток в указанную предметную область новых сил, как профессионально подготовленных, так и дилетантов;

— бум в области гуманитарного образования, сопровождающийся снижением его стандартов и вариативностью форм;

— усиление и ужесточение борьбы за рынок, развитие разнообразных форм борьбы, от «войн экспертов» до войн теорий.

Добавим сюда обширное поле работы с защитными механизмами фрустрированного населения (см. о постсоветском сознании, например, [Андреева, 2000]), что также дополняет потребительский «бум» на рынке практической психологии.

В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области психологии, сегодня активно включились вне- и околонаучные формы познания — поп- и парапсихология, широко и незаконно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они и сегодня успешно конкурируют с научной психологией [Юревич, 2005]. Происходил целенаправленный и активный процесс размывания границ социального института психологической науки, как извне (людьми, не имеющими профессионального статуса психолога), так и изнутри (сертифицированными специалистами).

В лаборатории истории психологии ИП РАН под руководством В. А. Кольцовой было проведено исследование направлений и тенденций развития российской психологии в 80-е — 90-е гг. XX века [Кольцова, 2002]. Объектом был избран массив книжных публикаций по психологии, изданных в 1980–1995 гг. Для выявления тенденций развития психологии в указанный период использовалось распределение публикаций по отраслям и направлениям психологии и внутри направлений — по проблемам. Полученные данные позволили обнаружить ряд интересных тенденций, отражающих особенности развития отечественной психологии в последние два десятилетия.

Во-первых, выявлен неуклонный рост количества публикуемых книг по психологии, что свидетельствует о растущей значимости психологического знания в жизни общества, а также о расширении внутренних ресурсов самой психологической науки.

Во-вторых, прослежены связи роста количественных показателей развития науки с социально-историческими факторами, в первую очередь политическими и экономическими, что отражается в пиках подъемов и спадов в количестве публикаций: подъем приходится на 1990 г., спад — на 1992 г.

В-третьих, отмечается несоответствие количества публикаций и рассматриваемых в них проблем за счет таких работ, в которых охватывается сразу несколько проблем, что свидетельствует о расширении междисциплинарных связей. Согласно данным науковедения, это и есть так называемые точки роста в развитии науки.

При изучении распределения публикаций по отраслям и направлениям психологии выделились 4 направления-фаворита, объем публикаций по которым составил от 200 до 503 печатных единиц:

1. общая психология (503),

2. социальная психология (387),

3. психология личности (230),
4. парапсихология (203).

Далее по убывающей следуют такие направления:

5. история психологии (171),
6. научно-популярная литература (145),
7. практическая психология (141),
8. возрастная психология (114),
9. психология труда (95),
10. психодиагностика (89),
11. педагогическая психология (75),
12. психология управления (63),
13. психология творчества (61).

Наименее представлены в книжных изданиях анализируемого периода направления, объем публикаций по которым не превысил 5 печатных единиц:

— сравнительная психология (1).
— нейропсихология (3),
— эволюционная психология (3),
— психометрия (4).

Бесспорное лидерство по количеству научных публикаций принадлежит общей психологии как системному основанию психологической науки. По мнению авторов цитируемого исследования, большое количество научных публикаций в этой области свидетельствует о сохранении традиционно высокого уровня теоретичности отечественной науки. Отметим, однако, что рост количества публикаций книг по общей психологии начиная с 1994 г. отчасти может являться и следствием роста популярности психологического образования, который повлек за собой повышение спроса на учебные издания, относимые к данному разделу рубрикатора. Представляется, что подсчет с разделением на отдельные категории учебных и научных изданий мог бы существенно дополнить и изменить картину в отношении общей психологии.

Интенсивный рост социальной психологии связан, по мнению авторов исследования, с усилением научно-практической и прикладной ориентированности психологических исследований, а также с усложнением процессов социальной адаптации человека в условиях изменяющегося общества.

Приоритетная позиция психологии личности ярко отражает тенденцию к гуманизации психологии. В динамике развития психологии личности наблюдается плавное увеличение количества публикаций с 1986 по 1989 гг., а к 1995 число публикаций вырастает почти в два раза по сравнению с началом 90-х гг.

Обращает на себя внимание высокая представленность в массе публикаций парапсихологии. Интересна динамика роста публикаций по парапсихологии. Начавшись практически с нулевого уровня в 1980–82 гг., это направление постепенно наращивает темпы публикаций, а с 1992 г. их рост становится стремительным. Авторы цитируемого исследования высказывают мнение, что данный факт свидетельствует прежде всего о «феномене конца века» и нестабильности общества, когда на фоне утраты духовных основ растет тревога за будущее и начинается поиск

новых «мессий» и смыслов жизни. Также данный факт рассматривается «как показатель начавшегося методологического кризиса науки, размывания ее границ, утраты строгих критериев научности» [Кольцова, 2002, с. 16].

Уверенная позиция истории психологии объясняется тем, что в переломные моменты истории, к каким несомненно можно отнести рассматриваемый период, особенно сильно проявляется тенденция к осмыслению происходящего и к рефлексии над прошлым. В кризисные периоды обостряется интерес к истории, стремление найти в ней точки опоры для дальнейшего движения. Как отмечает Н. А. Бердяев, само понятие “историческое” выступает как функция переломного, кризисного времени.

В возрастной и педагогической психологии «пик» роста публикаций совпадает и приходится на 1987 г., что является отражением общей тенденции к гуманизации общества и начинающейся перестройки образования. В дальнейшем динамика развития этих двух областей расходится. Интерес к возрастной психологии остается стабильным, число же публикаций по педагогической психологии в 90-е годы идет на спад.

Существенно снизился по сравнению с доперестроечным периодом интерес к психологии труда, инженерной психологии и психологии управления.

Отмечено появление нового направления — христианской психологии, контуры которой все больше обозначаются к середине 90-х гг. Ее развитие обусловлено национальной культурой и потребностью людей в осмыслении духовных основ жизни.

Наряду с анализом дисциплинарной структуры психологии в данном исследовании проводилось также описание структуры и динамики проблемного поля психологии. Изучение проблемных зон внутри направлений с помощью метода подсчета количества публикаций и кластерного анализа позволило выделить 20 проблем, поставленных наиболее ярко и привлекающих наибольшее внимание в отечественной психологии анализируемого периода.

Приводим перечень проблем, проранжированных в соответствии с количественной представленностью публикаций: психология общения (86); психологическое наследие ученых (65); психология личности (общие вопросы) (59); психология мышления и интеллекта (56); психология эмоций и чувств (49); история развития направлений в психологии (47); психотерапия (46); социальная психология (общие вопросы) (43); психология памяти (42); психологическое тестирование (41); психология сенсорно-перцептивных процессов (38); методы исследования в психологии личности (36); психология деятельности (29); психологический практикум (27); психология влияния (24); психология творчества (22); возрастная психология (19); психология сознания и самосознания личности (18); психология подросткового возраста (17); психология макросоциальных процессов (16).

Авторы цитируемого исследования отмечают появление новых проблем, ранее не отмеченных особым вниманием психологов: психологии духовности, акмеологии, суицидологии, психологии наркозависимости, психологии безопасности жизнедеятельности, психологии социальной работы, психологии создания информационных систем, психологии бизнеса, рекламы, имиджа и т. п.

Характеризуя в целом общее состояние психологии в России на рубеже 80-х — 90-х гг. XX века, В. А. Кольцова описывает его как переход от устойчивой, унифицированной и моноструктурной системы к новой системе, построенной на иных основаниях. Контуры ее уже можно было прогнозировать с определенной степенью вероятности. Это:

— возрастание научно-практической и прикладной ориентированности психологических исследований. Усиление связи с практикой и ее ориентирующей роли в развитии научно-исследовательской деятельности, что обусловливает интенсивное развитие таких отраслей и проблем, как практическая психология, психодиагностика, психотерапия, прикладные отрасли социальной психологии;

— расширение проблемного поля исследований;

— усиление тенденций к внутринаучной рефлексии и активное освоение опыта зарубежной психологии;

— увеличение числа междисциплинарных комплексных исследований;

— лидирующее положение такой фундаментальной отрасли, как общая психология, что свидетельствует о сохранении тенденции к фундаментальности научных разработок и системному строению психологии и может рассматриваться как результат влияния традиций отечественной науки и внутренней логики ее развития;

— появление и развитие социально-детерминированного блока отраслей — психологии рекламы, бизнеса, имиджа, безопасности жизнедеятельности, а также психологии духовности, акмеологии, суицидологии, психологии наркозависимости и других;

— размывание границ классической научной психологии и проникновение в нее околонаучных (парапсихология) и вненаучных (религия, искусство) идей;

— неравномерный, гетерохронный характер развития отраслей и проблем психологической науки, проявляющийся в неравномерности их подъемов и спадов.

Обнаружены различия в интенсивности и динамике развития дисциплинарно-проблемного строения психологии в советский и постсоветский периоды, что проявляется в резком увеличении количества публикаций по психологии и серьезном изменении проблемного поля исследований. Отход от старой идеологии привел к необратимым изменениям в содержании и структуре научного знания, что еще раз подтвердило: наука является социально детерминированным явлением.

Обращаясь к проблеме интеграции отечественной психологии в общемировой контекст, в свете вышеизложенного можно сформулировать некоторые положения.

Не вызывает сомнения тот факт, что в постсоветский период сразу же сложилась ориентация Российской психологии на активное усвоение опыта зарубежной науки. И сегодня срастание отечественной науки с западной продолжается и набирает силу. Однако обозначившиеся в его ходе тенденции внушают определенные опасения: интеграция происходит несимметрично и неравноправно.

Во-первых, процесс принятия и включения в свой контекст чужеродных элементов имеет односторонний характер. Отечественные ученые переводят, излагают, цитируют и включают в образовательные программы концепции западных авторов. Встречное же движение фактически отсутствует, отечественная наука начиная с середины XX века остается недостаточно известной мировому научному

сообществу и не вызывает интереса. Укрепляется отношение к российским ученым как к представителям развивающейся страны, которые следуют по пути, проложенному западными коллегами.

Во-вторых, в силу того что в отечественной науке в постсоветский период преимущественно развиваются направления прагматической, прикладной ориентации, переводятся и воспринимаются преимущественно теории из области прикладной же психологии, причем тех ее разделов, которые в силу отсутствия социального заказа и идеологических запретов в отечественной психологии советского периода развиты были недостаточно, соответствующие концепции воспринимаются некритично и не соотносятся с положениями отечественной теории и методологии. Можно утверждать, что в отечественной науке конца XX века нарушены связи, когда-то крепкие, между ее отраслями и фундаментальной теорией. Отечественная теория и методология уже не является основой для развития отраслей.

Таким образом, отечественная фундаментальная наука оказывается отрезанной от таких источников поддержания жизни, как госзаказ и возможности прикладного использования.

Утрата целостности, общей теоретико-методологической основы, ослабление связей между направлениями и отраслями отечественной психологии проходит на фоне ослабления авторитета естественнонаучного направления и интереса к нему (о чем можно судить по цитированным выше данным о публикациях). Минимум публикаций приходится, по данным исследования Кольцовой, на сравнительную психологию — одно из самых ярких, самобытных, теоретически сильных и традиционных направлений отечественной науки Показательно, что в многотомной американской психологической энциклопедии [Encyclopedia... 1994] в специальной статье, посвященной опытам выращивания детенышей обезьян в человеческой семье, подобно ребенку, отсутствует упоминание о первом в мире исследовании такого рода, выполненном Н. Н. Ладыгиной-Котс [*Ладыгина*-Котс, 1935].

В последние годы XX века ситуация несколько изменилась: вышел из печати ряд книг по зоопсихологии, прежде всего учебников и учебных пособий. Однако обращает на себя внимание тот факт, что авторами в большинстве случаев являются не психологи, а биологи, и книги эти во многом входят в противоречие с основополагающими положениями отечественной школы сравнительной психологии. Да и в большинстве ВУЗов сегодня сравнительную психологию преподают будущим психологам биологи.

Так, в широко распространенных учебниках, написанных биологами (Зорина, Полетаева, 2000; 2001), трактовка соотношения инстинктивного и прижизненно приобретенного поведения, соотношения психики человека и психики животного оказывается ближе к американскому бихевиоризму, чем к положениям, выработанным отечественной школой сравнительной психологии и представленным в трудах В. А. Вагнера, Н. Н. Ладыгиной-Котс, А. Н. Леонтьева, Н. А. Тих, П. Я. Гальперина. Естественно, что положения, выработанные основоположниками школы, могут и должны подвергаться критике и пересматриваться последователями. Однако при сохранении преемственности в развитии школы отказ от установившихся в ней положений должен становиться предметом обсуждения, быть аргументированным. В данном же случае речь идет о равнодушном

игнорировании авторами чужеродного материала — отечественных сравнительно психологических концепций.

Таким образом, ослабление интереса отечественных психологов к зоологии, биологии, физиологии и другим естественным наукам приводит к тому, что пограничные области занимают "соседи", уже со своей методологией, и между этими областями и фундаментальной теорией также образуется разрыв. В то же время отечественная теория, в том числе и прежде всего теория биосоциального единства человека, при условии необходимой герменевтики представляется остроактуальной в контексте тенденций развития мировой психологической науки, в которой, как можно судить по материалам последних всемирных и европейских конгрессов, безусловно преобладают тенденции естественнонаучной ориентации, предметно близкие отечественной школе советского периода.

Н. Н. Ладыгина-Котс и другие российские психологи своими трудами еще в начале XX столетия заложили фундамент нового раздела психологической науки — эволюционной психологии. Следует отметить, что их подход радикально отличается от того направления эволюционной психологии, которое бурно развивается в современной мировой науке. Эволюционная психология как новейшее научное направление в западной науке [Dawkins, 1976; Cartwright, 2000] возникла в русле развития социобиологии [Wilson, 1975]. Исследования современных эволюционных психологов являются областью бурного и плодотворного развития в мировой психологии, здесь уже появились яркие теории, такие как модульная теория мышления [Tooby, Cosmides, 1990; Tooby, Cosmides, 1992], меметика [Dawkins, 1976]; проведены парадоксальные и часто шокирующие эмпирические исследования [Daly, Wilson, 1988; Cartwright, 2000].

Заслуживает внимания то, что в работах российских психологов данное предметное поле начало разрабатываться существенно раньше, чем на Западе и с существенно иных, по сути, альтернативных, теоретико-методологических позиций. Представляется, что это различие подходов делает работы отечественных специалистов по сравнительной психологии особенно актуальными в контексте современного развития мировой науки, свидетельством чему является переиздание Оксфордским университетом в 2002 г. самого известного труда Н. Н. Ладыгиной-Котс, «Дитя шимпанзе и дитя человека ...» (1935 г.)[4].

Представляется, что и то сближение науки с околонаучными (парапсихология) и вненаучными (искусство, религия) подходами, которое наблюдается в отечественной психологии постсоветского периода, идет в разрез с тенденциями, преобладающими в мировой фундаментальной науке, и не способствует полноценной интеграции отечественной школы в единый мировой контекст.

Также представляются негативными с точки зрения полноценной интеграции плюрализм в формах психологического образования и узкая специализированная подготовка психологов, которые отмечены выше как тенденции развития отечественной школы того периода. В конце XX века процесс объединения

[4] "Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935 Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence". Oxford University Press, 2002.

Европы вызвал к жизни ряд проектов разработки единых стандартов профессий. Среди них так называемый проект Europsych, финансируемый Европейским союзом психологов и реализуемый в основном силами Европейской федерации профессиональных союзов психологов (EFPPA), направленный на создание единого диплома о психологическом образовании, действительного во всех европейских странах. Цель создания единого диплома — общеевропейский рынок труда для психологов, возможность работать в любой европейской стране и создание общеевропейской единой правовой базы, регулирующей профессиональную деятельность в сфере психологии, с целью обеспечения гарантий высокого уровня соответствующих профессиональных услуг для населения европейских стран.

Обязательным условием достижения этих целей является формирование единого стандарта знаний, которыми должен обладать специалист, получающий диплом о высшем образовании. Выработка такого стандарта предполагает соотнесение в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными школами, существующими в современной психологической науке. Это непростая задача, над решением которой работают и Европейский союз психологов, и Европейская федерация профессиональных психологических ассоциаций [Lunt, 2000; Newstead, Makkinen, 1997]. Требования европейских психологов к стандарту образования очень высоки.

Снижение требований к психологическому образованию в постсоветской России, стремительное расширение этого образования, не достаточно подкрепленное методически, которое имело место в рассматриваемый период и отчасти продолжается и сегодня, являются факторами, препятствующими полноценной интеграции отечественной психологии в мировую науку.

Представляется уместным вспомнить и трагический опыт отечественной школы — разгром педологии, существенную роль в котором сыграло и то, что педология была скомпрометирована в глазах общества деятельностью недостаточно профессионально подготовленных специалистов, наскоро переученных представителей других профессий, которыми спешно заполняли места в открываемых повсюду педологических лабораториях [Психологическая... 1997].

1.2. Фундаментальная психология в России в 80-х — 90-х годах XX века

В рассматриваемый период продолжалось, несмотря на трудности, и развитие фундаментальной психологии в крупных научных центрах, сохранивших традиции и квалифицированные кадры.

Существенной тенденцией в психологии в 80-е — 90-е гг. стало усиление так называемого гуманистического подхода, в определенном отношении альтернативного социалистической идеологии. Для советской идеологии было характерно не только создание стандартной модели личности «советского человека» и провозглашение утопического тезиса о гармоничной всесторонне развитой личности, но и традиция подхода к человеку (в том числе и к самому себе) как к средству достижения стоящих перед обществом целей, утверждение принципа «советский человек

может все»[5]. Гуманистический подход к человеку в психологии выразился прежде всего в нарастающем внимании к цене человеческой деятельности, к личностно-психологическим затратам, ценой которых достигается тот или иной результат. В русле этой тенденции нарастает внимание к проблемам здоровья и болезни человека, к проблемам психического здоровья личности. Начинается бурное развитие психотерапии, консультирования, психодиагностики.

Важной особенностью развития психологии личности в 80-е — 90-е годы является также обращение к исследованию реальной личности и создание таких моделей, в которых воплощались бы особенности личности данного общества в данный период времени. Эта тенденция не является новой для отечественной школы, она была максимально выражена в психологии двадцатых годов. В силу этой тенденции исследования приобретают все более конкретный характер.

Большинство фундаментальных научных разработок в этот период, несмотря на упразднение в отечественной психологии тех идеологических барьеров, которые сдерживали свободное творческое развитие психологов, по-прежнему опирается на принципы, обоснованные в рамках советской психологии. В 80-е — 90-е годы исследования в области психологии личности представлены несколькими направлениями [Психологическая... 1997].

Во-первых, предпринимаются попытки рассмотреть личность как целое — как систему, включенную в общественные отношения, общение (Б. Ф. Ломов, А. А. Бодалев и др.), как развивающуюся систему (Л. И. Анцыферова), как систему, включенную в отношения коллектива (концепция деятельностного опосредования межличностных отношений А. В. Петровского и личностных «вкладов» в другого человека В. А. Петровского).

Второе направление — это, напротив, изучение отдельных личностных образований: способностей, эмоций, мотивов, воли, сознания, самосознания, потребностей. Учениками и продолжателями Рубинштейна разрабатывается концепция зонного (с учетом актуального и потенциального характера) строения системы мотивации [Асеев, 1976; 1990; 1993]. В ряде работ раскрываются механизмы духовных, эстетических, нравственных потребностей (Л. И. Анцыферова, Г. С. Тарасов, И. А. Джидарьян) и дискутируется вопрос о самой природе потребностей (П. В. Симонов и др.). В русле деятельностного подхода осуществляются исследования таких высших личностных образований, как сознание [Петренко, 1983; Зинченко, Моргунов, 1994 и др.]. Разрабатывается теория самосознания (В. В. Столин, И. И. Чеснокова). Проводится теоретический анализ эмоций (В. К. Вилюнас), соотношения эмоций и чувств (Б. Д. Додонов), предлагаются теоретическая типология переживаний (Ф. Е. Василюк) и эмпирическая типология эмоций (А. Е. Ольшанникова).

В 80-е — 90-е годы продолжается теоретическая и эмпирическая разработка одной из труднейших проблем: соотношения личности, субъекта, индивида (как природного уровня организации) и индивидуальности. Сложность проблемы,

---

[5] Отметим, что такое отношение имеет глубокие корни в отечественной культуре, например, в дневниках Л. Н. Толстого настойчиво повторяется мысль о необходимости относиться к себе как к орудию улучшения мира, заботиться о себе лишь постольку, поскольку это необходимо для поддержания себя как орудия.

во-первых, заключается в том, что понятие индивида употребляется в нескольких значениях без их четкой дифференциации. В первом (близком психологии) социально-философском контексте (прежде всего у Маркса) оно обозначает общественного индивида, употребляется для раскрытия социальной сущности личности как совокупности общественных отношений (последнее становится наиболее общепринятым определением личности). Однако понятие индивида в этом смысле не раскрывает сущности личности, так как одновременно понятием «индивид» в философии обозначается любое единичное явление, особь. В самой же психологии все более и более понятие индивида используется для обозначения именно биологической, а не социальной природы человека. Отмечается [Психологическая... 1997], что возникает явное противоречие двух значений понятия «индивид» — биологического и социального.

Сложность имеется и в соотнесении понятий «индивид», «индивидуальность», «личность». Когда сущность последней связывается преимущественно с социальными детерминантами, то индивидный уровень исключается из ее определения и одновременно из него исчезает особенное, индивидуальное, тем более индивидуальность. Если же индивидуальный уровень включен в определение личности, то требуются уточнение и разведение понятия «индивидуальные различия», которое относится преимущественно к сфере дифференциальной психофизиологии, и понятия «индивидуальность» как определения качества личности, относящегося к области психологии личности.

Восьмидесятые годы становятся периодом ренессанса концепции субъекта, которая была разработана Рубинштейном и Узнадзе еще в двадцатые годы, позднее конкретизирована Ананьевым, а начиная с семидесятых, с момента выхода в свет книги Рубинштейна «Человек и мир» (1973), стала широко распространяться и была конкретизирована и развита его учениками — Абульхановой-Славской и Брушлинским. Она стала основным научным направлением исследовательской работы Института психологии РАН по крайней мере на два пятилетия [Брушлинский, 1994]. Если в предшествующие периоды развития отечественной психологии сущность подхода к личности проявлялась либо в утверждении идеала гармонически развитой личности и стремлении ее сформировать [Веденов, 1956; Вопросы..., 1965; Давыдов, 1986; Костюк, 1948; Макаренко, 1956–58; Психологические основы... 1981 и др], либо — более глубоко и содержательно — в понимании ее развития как человеческого духовно-нравственного становления (Анцыферова, Чудновский и др.), в признании ее индивидуальности, то в 70-е — 90-е годы — она сосредоточилась вокруг категории субъекта, превратившейся в целую проблемную область. Для возглавляемого Брушлинским направления исследований центральной стала не констатация у личности неких ценностей, мировоззрения, включающего морально-этические принципы, а, с одной стороны, более классическая, с другой — весьма актуальная задача выявления того, как личность решает моральные проблемы и задачи.

В 80-е — 90-е годы отечественные ученые все больше обращаются к проблеме субъекта и ее психологическим аспектам. Само введение этого понятия в психологию свидетельствует о гуманизации психологического знания, увеличивает удельный вес личностной проблематики, позволяет обратиться к высшим личностным модальностям — ее активности, развитию, сознанию. Но появление нового понятия

потребовало его соотнесения с понятиями «личность», «индивид», «индивидуальность». Такое соотнесение остается еще не до конца решенной задачей психологической науки. Именно потому, что психология ориентирована на эту общую категорию, она получает возможность одновременно с дифференциацией разных субъектов — субъект общения, субъект деятельности, личность как субъект жизненного пути, группа как субъект и т. д. — осуществить интеграцию, обобщение знаний на единой основе. Многое для раскрытия понятия субъекта и его соотношения с понятиями «индивид», «личность», «индивидуальность» дало изучение личности, ее развития в жизненном пути (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Т. Б. Карцева и др.).

Основным для понимания личности как субъекта оказывается парадоксальный переворот в самой постановке проблемы личности. Она не есть «корзина», набор потребностей, ценностей, способностей, характера, воли, темперамента, который так или иначе пытались, каждый на свой лад, структурировать психологи, а она есть субъект в той мере, в какой использует свой интеллект, свои способности, подчиняет свои низшие потребности высшим, строит свою жизнь в соответствии со своими ценностями и принципами.

В работах Л. И. Анцыферовой получил свою конкретизацию функциональный подход к личности, представление о личности как иерархически организованной системе, развивающейся и функционирующей в жизненном пути [Анцыферова, 1978; 1981; 1990]. К. А. Абульхановой-Славской разработана концепция личности как субъекта жизненного пути и структура последнего, включающая позицию, жизненную линию и перспективу (дифференциация перспектив на когнитивные, мотивационные и др.) и жизненные задачи. Жизненный путь представляет собой совершенно особое «измерение», особый «масштаб» рассмотрения личности — ценностное человеческое время и пространство.

К. А. Абульхановой-Славской введено понятие личностной организации времени, осуществлено многолетнее эмпирическое исследование реально существующих типов личностной организации времени. Была выдвинута гипотеза: структура личностного времени состоит из осознания, переживания и практической регуляции времени, которые находятся в разном функциональном соотношении у разных типов, что определяет особенности организации всего жизненного пути (активно-пролонгированный, пассивно-пролонгированный, активно-ситуативный и пассивно-ситуативный типы) [Ковалев, 1979]. Эмпирически выявлены особенности типов — их возможности и ограничения в тех или иных временных режимах профессиональной деятельности, в условиях дефицита времени прежде всего [Абульханова-Славская, 1990]. В центре внимания К. А. Абульхановой-Славской — способность личности решать жизненные противоречия, проблемы, т. е. не только зависеть от жизни, но и определять ее. Эта способность высшего порядка принадлежит личности как субъекту жизни и является качеством, которое вырабатывается в процессе жизни, способом жизни [Абульханова, 1973; 1977]. Эта жизненная способность осуществляется высшими механизмами — сознанием, активностью и способностью к организации времени жизни. В контексте данного подхода открывается возможность связать сознание не только с формами отражения и общественным

бытием, но и с жизненным путем личности, с ее активным отношением к жизни. Сознание, таким образом, может быть понято как релевантное всей жизни функциональное образование, регулирующее не только отдельные движения и действия, но всю стратегию жизни человека. [Абульханова-Славская, 1989; 1991; 1994].

В психологии сложилось два в известном смысле противоположных представления об иерархических закономерностях психических систем (прежде всего личности). В соответствии с одним, закономерности высшего уровня преобразуются и конкретно проявляются на низшем. В соответствии со вторым, высшее «снимает» низшее — в том смысле, что, например, свойства темперамента могут преобразовываться и изменяться на уровне характера. Абульханова-Славская поддерживает идею возможности «снятия» высшими уровнями личностной организации особенностей и закономерностей низших, их коренного преобразования. Однако она полагает, что такое «снятие» является не универсальным законом, а проявлением основных особенностей личности, зависит от способа саморегуляции, самоорганизации личности, благодаря которому одерживают верх ее высшие или низшие уровни. Этот способ регуляции составил основу типологии, охватывающей личность в ее соотношении с действительностью. Предложенная Абульхановой-Славской типология охватывает не соотношение «личность — организм», и не соотношение «личность — деятельность», но соотношение «личность — жизненный путь» [Абульханова-Славская, 1989; 1991; 1994]. В качестве основания для определения личности приняты характеристики активности и саморегуляции.

Саморегуляция как операциональный механизм реализации притязаний является гибким механизмом, который воплощает в себе не фиксированную, а экзистенциальную (в терминологии Рубинштейна) или процессуальную (в понимании Брушлинского) сущность личности. Притязания — идеальная проекция личности, которая экзистенциально реализуется саморегуляцией, а последняя в таком понимании (в отличие от понимания дифференциальной психологии и психофизиологии) охватывает не только «внутренний контур» личности (даже если иметь в виду разные уровни ее организации), а контур, сочетающий внешнее и внутреннее. Саморегуляция является той вертикалью в личностной организации и самоорганизации, которая определенным образом соподчиняет и соотносит все уровни личностной организации. Такое понимание «задач» и функций саморегуляции преодолевает альтернативу, выявленную Х. Хекхаузеном, когда одни личностные концепции рассматривают детерминацию личности, а другие — ее ситуативную обусловленность [Хекхаузен, 1986]. Этой альтернативой статика приписывается самой личности, а динамика — внешним условиям, ситуациям (что является типичным для западной психологии, как уже отмечалось).

Построенная Абульхановой-Славской на этих исходных теоретических основаниях типология имела прогрессивный, открытый характер, поскольку представляла собой скорее эмпирическую методологию или стратегию исследования высших личностных способностей, в частности активности, дифференцированной на две основные формы — инициативу и ответственность. Она строилась не на структурных, а на функциональных принципах, и поэтому типообразующие параметры были не априорно заданы, а представляли искомое, которое обнаруживалось в эмпирическом исследовании, моделирующем ситуации по типу естественного эксперимента

[Абульханова-Славская, 1988; 1991]. Были получены типологии инициативы, ответственности, семантического интеграла активности личности, личностной способности к организации времени, социального мышления личности и ряда других, сопоставление которых давало возможность отработки типологического метода или стратегии [Абульханова-Славская, 1988; 1991; Белицкая, 1990; Григорьев, 1991; Дементий, 1990 и др.].

Л. И. Анцыферовой развивается динамическая концепция личности, в которой ставятся проблемы выхода личности за свои пределы, рассматривается диахроника ее развертывания в жизни и деятельности, условия достижения ею оптимального жизненно-деятельностного состояния, поиска новых мотивов, условия совпадения с характером деятельности [Анцыферова, 1981]. В начале следующего десятилетия, опираясь на результаты проведенных под ее руководством исследований, она рассматривает уже не столько развитие личности как проявление общих закономерностей развития, не только развитие личности как динамику жизни и ее периодов, а развитие как высшую форму ее динамики, как ее качественное преобразование. Оно связано с повышением уровня организации, с возрастанием способности осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать мир по-новому: более структурированным, более интегрированным и содержательным. Ею выделяется специальная способность личности к развитию — способность удерживать и сохранять все позитивное содержание своей истории, аккумулировать результаты развития, актуализировать потенциальное содержание своего сознания и создавать нечто новое в мире и в самой себе, расширяя тем самым зону потенциального. Л. И. Анцыферова обобщает результаты исследований «субъективной картины жизни» как отражения в сознании человека прошлого, настоящего и будущего, субъективного переживания тех или иных периодов жизни человека, их насыщенности событиями.

Л. И. Анцыферова обсуждает не только абстрактно-теоретические проблемы жизненного пути, но и актуальные сегодня проблемы трудных жизненных ситуаций, которые составили характерную для второй половины двадцатого столетия психологическую проблему «совладания» личности с этими ситуациями, выявления конструктивных, неконструктивных и порождающих стратегий такого совладания. Она дает глубокую классификацию таких стратегий совладания, связанную с психологическими особенностями сознания и поведения личности, обобщая опыт мировой психологии в разработке данной теоретико-практической проблемы. Типологический подход к личности позволяет ей сформулировать положение о неоднозначном влиянии на личность трудных жизненных ситуаций, что в конечном итоге выступает как новое звучание тезиса о личности как совокупности внутренних условий, о личностном опосредствовании процесса взаимодействия человека с миром.

Можно отметить, что в 80-е — 90-е годы произошла наметившаяся ранее дифференциация ряда направлений изучения личности (Психологическая... 1997):

1-е направление — исследование личности в деятельности (или иногда, говоря точнее, исследование деятельностных модальностей личности: целевых, установочных, диспозиционных, потребностно-мотивационных и, конечно, способностей);

2-е направление — исследование личности в общении, причем последнее также дифференцируется на реальную коммуникацию и особенности включения в нее личности и идеальный, «интериндивидуальный» и даже «метаиндивидуальный» пласт личностных проекций [Дорфман, 1993; 1994; Петровский, 1996 и др.].

Внутри первого направления, в свою очередь, исследования личности и личностных особенностей познавательной деятельности постепенно дифференцируются от исследований личности в деятельности. Под последней имеют в виду профессиональную, трудовую, т.е. практическую деятельность [Маркова, 1996].

В.Д. Шадриковым был сделан новый шаг в понимании психологической системы деятельности. Он реализует функциональный подход к деятельности, опираясь на идеи Анохина и Рубинштейна, и на этой основе раскрывает всю сложность деятельности как функциональной системы, связывая способ ее осуществления с субъектом и выделяя не только традиционные мотив и цель, но и личностные характеристики, выражающиеся в уровне притязаний и характере достижений, критериях субъективной приемлемости — неприемлемости результата. Шадриков акцентирует и сам принцип выдвижения субъектом критериев принятия решений, составления программ деятельности и их изменения в зависимости от тех или иных условий психологических стратегий. Он рассматривает процесс становления личности субъектом деятельности как процесс качественного преобразования, реорганизации включенных в нее и обеспечивающих ее психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности. В высшей степени существенно, что при характеристике требований деятельности автор не ограничивается их частно-эмпирическим описанием, а выдвигает новую формулу нормативных способов социальной деятельности, отвечающих характеристике деятельности как труда, параметрами которой являются производительность, качество и надежность. В данной монографии раскрыта «сущность процесса перехода от психических свойств к ПВК» [Шадриков, 1994, с. 78], механизм перестройки личностных способностей, их развития, координации и нового соподчинения в *связи* с требованиями деятельности и становлением личности в качестве субъекта. Процесс реорганизации способностей, их превращения в ПВК прослежен на разных уровнях: как на уровне самих способностей (микроуровень), так и на уровне личности (макроуровень), а последний описан в категориях выбора профессии, обучения, научения и включения в профессию. Таким образом, концепция системогенеза деятельности, выдвинутая Шадриковым ранее, получает здесь не только принципиально новое развитие, но является отражением нового уровня постановки проблемы соотношения личности, ее способностей, психических процессов и деятельности.

Личностные характеристики в самом высоком смысле слова (а не только мотивацию, способности и т.д.) выдвигают в качестве решающих психологи профессиональной деятельности, в частности таких наиболее сложных и рискованных ее видов, как летная. В.А. Пономаренко, воссоздавший в деталях специфику профессионального труда летчика, начиная от вхождения в профессию и кончая проблемами профессионального долголетия, отстаивает (в том числе и прежде всего в практическом отношении) необходимость учета прав личности человека, доказывает роль

личности как гаранта надежности, раскрывает совершенно особый духовно-нравственный тип личности летчика.

Традиции комплексного подхода к проблеме человека, к проблеме биологического и социального в человеке, присущие ленинградской-петербургской школе, получают развитие в концепции В. Н. Панферова, ставящего перед собой задачу создания целостного представления о психологии человека, в котором были бы синтезированы психологические знания о человеке из различных отраслей психологии и других наук. Для этого оказывается необходимым соотнести философские представления о человеке и аналитические знания о нем, содержащиеся в частных науках.

Основополагающим оказывается выделение двух подходов к человеку в научном познании: объектного, в рамках которого человек рассматривается как объект, независимо от свойств его души, и подхода психологического, субъектного. «Вопрос “Кто такой человек?” адресован к душе, к психике человека, к тому, что делает его субъектом. Вопрос “Что такое человек?” направлен к телесной, соматической организации человека, к тому, что характеризует его как объект природы» [Панферов, 2002, с. 20].

Таким образом, человек рассматривается в рамках объектных и субъектных свойств, которые между собой находятся в сложных взаимосвязях. Это предопределяет три ракурса рассмотрения проблемы человека:

— в плане материальных (физических и биологических) свойств;

— как духовное существо, наделенное особой психической организацией;

— с точки зрения взаимосвязи материальных и идеальных свойств человека.

Последнее находится в центре внимания В. Н. Панферова и представляет собой его версию решения биосоциальной проблемы. Психические свойства человека рассматриваются как результат трансформации природного потенциала человеческого организма в процессах субъектного взаимодействия с миром вещей и людей. Через анализ свойств человека, соматических и психических, и их объединение в целостную структуру, автор приходит к формулированию своего представления о психической организации человека через выделение функций психики. Выделяются функции имплицитные, внутренние (гностические, аффективные, регуляторные), и эксплицитные, внешние (коммуникативные, информационные, когнитивные, эмотивные, конативные, креативные).

Процессы психической деятельности человека являются механизмами трансформации психических свойств, в результате которой происходит интериоризация психических образований во внутреннюю структуру психической организации человека. В то же время процессы субъектной активности человека трансформируют его внутренний психический потенциал в особенности предметных действий, поступков, поведения, которые экстериоризируются как психические свойства личности.

В. Н. Панферов предлагает две взаимосвязанные теоретические модели структурной организации психики: в процессе интериоризации и в процессе экстериоризации.

Модель структурной организации психики в процессе **интериоризации** содержит пять блоков психических образований, взаимодействующих между собой в структуре целого.

1. П*сихофизиологические образования*. К направлению взаимодействия человека с самим собой (интериоризации) отнесены следующие психофизиологические образования: потребности, эмоции, темперамент, чувства, настроение, воля, внимание. Психофизиологичские образования, синтезируясь, порождают эффекты самочувствия как результат психического отражения человеком органического баланса со средой.
2. *Психофизические образования* (ощущения, восприятие, память, представления, мышление, воображение, картина мира) являются результатом интериоризации познавательной деятельности человека как процессов конкретно-чувственного, конкретно-логического, абстрактно-логического отражения материальных свойств объектов окружающего мира, которые представляют субъективный интерес для удовлетворения потребностей человека.
3. *Психорефлексивные образования* (сознание и самосознание, дух и душа, Бог и совесть, вера, надежда, любовь) отнесены к сверхинтегративным явлениям человеческой психики, так как в них трансформируются и психофизиологические, и психофизические образования.
4. *Социально-психологические образования* (психические, психологические, социальные установки, стереотипы поведения, отношения к людям, к себе, к деятельности, к предметной и природной среде, речь) возникают на векторе взаимодействия людей.
5. *Деятельностно-психологические образования* (общие и специальные способности, опыт, интересы, знания, умения, навыки, мастерство, талант, гениальность, стиль деятельности) возникают в процессе предметно-практического взаимодействия с миром вещей и людей.

Модель структурной организации психики в процессе **экстериоризации** содержит пять блоков психических образований, взаимодействующих между собой в структуре целого.

1. *«Я — хочу» (*потребности, влечения, склонности, желания, интересы, намерения, ценностные ориентации, мотивы, мечты).
2. *«Я — могу»* (задатки, сензитивность, работоспособность, опыт, знания, умения, навыки, способности, темперамент, характер, социальное происхождение).
3. *«Я — интимное»* (самосознание, мировоззрение, установки, ожидания, вера, надежда, любовь, чувства, суеверие, личные проблемы, достоинство).
4. *«Я — должен»* (сознание, воля, внимание, эмоции, убеждения, цели, совесть, мораль, закон, общественное мнение).
5. *«Я — реальное»* (телесные движения, предметные действия, поступки, поведение, деятельность, внешний облик, речь, межличностные отношения, социальное положение).

Социально-психологическое направление в отечественной психологии личности

Существенной тенденцией в развитии психологии в России в последние десятилетия XX столетия является усиленное развитие гуманитарных направлений, в первую очередь социальной психологии, и широкая экспансия социальной психологии в предметную область психологии личности, которая в советский период преимущественно

исследовалась с позиций общепсихологической методологии естественнонаучного толка (об этом подробнее в следующем параграфе). Проблема личности закономерно привлекает внимание социальных психологов. Б.Д. Парыгин называет личность среди «острейших и требующих безотлагательного решения социально-психологических проблем» [Парыгин, 1999, с. 153]. Современность, по его мнению, настоятельно требует исследования путей и возможностей «соотнесения всех психических сил и возможностей личности, ее духовно-нравственного и социально-психологического потенциала с ее же психологической готовностью дать адекватный ответ на вызов своего времени» [Парыгин, 1999, с. 153].

В качестве примеров социально психологических теорий личности, появившихся в этот период, можно привести концепцию диспозиций личности В.А. Ядова, концепцию динамической структуры личности Б.Д. Парыгина и концепцию полиментальности России В.Е. Семенова.

Концепция динамической структуры личности Б.Д. Парыгина

В основу концепции Б.Д. Парыгина положено представление о личности как о сложном, многоплановом и внутренне противоречивом явлении. Б.Д. Парыгин предлагает оригинальный выход в поисках решения традиционной для психологии личности проблемы — описать и объяснить то, что, с одной стороны, обладает определенной устойчивостью и внеситуативным постоянством, а с другой — изменчиво и текуче, в зависимости от ситуации. В его концепции представлена не структура личности вообще, а различные подходы к ее построению и соответственно две качественно различные модели структуры личности: статическая и динамическая.

Статическая структура личности. Под статической структурой личности Б.Д. Парыгин понимает предельно отвлеченную от реально функционирующей личности абстрактную модель, характеризующую основные аспекты, пласты или компоненты психики индивида.

При наиболее обобщенном подходе статистическая структура личности рассматривается им как состоящая из трех основных пластов: 1) общечеловеческого, 2) социально-специфического, 3) индивидуально-неповторимого.

Каждый из трех названных пластов может быть далее дифференцирован, расчленен на составляющие. Однако независимо от степени дифференцированности, основным признаком статической структуры остается ее отвлеченность от реального процесса функционирования, психического состояния и поведения.

Общечеловеческими, в соответствии с данной моделью, в психике человека являются: во-первых, комплекс основных психических процессов (ощущение, восприятие, память, мышление, воля) и состояний, подчиняющихся общим для всех людей закономерностям психофизиологических механизмов, обеспечивающих функционирование психики; во-вторых, факт биосоциальной детерминированности психического мира и поведения человека, результатом и проявлением чего являются такие устойчивые черты и свойства личности, как ее темперамент и характер; в-третьих, факт социальности психики человека в отличие от психики животного.

К социально-специфическим относятся те особенности психики, которые связаны с принадлежностью человека к той или иной социальной общности. За принадлежностью личности к той или иной общности стоит предписанная извне

программа поведения, система требований, правил, шаблонов поведения. Все элементы социально-специфического опыта личности выполняют функции регламентации, регулирования, санкционирования, направляют поведение индивида. К ним относят роли, нормы, ценности и символы.

Степень интернализации индивидом социального опыта может быть различной. Процесс усвоения социального опыта Парыгин разделяет на четыре стадии. На первой индивид получает исходную информацию о требованиях социума, знание. На следующей стадии обретается социально-психологический стереотип восприятия, положительное или отрицательное отношение к социальным нормам и ценностям. На третьей стадии данные стереотипы закрепляются, переходят от симпатии к глубокому убеждению. Завершающей, высшей ступенью в процессе усвоения индивидом социального опыта становится переход от убеждения к побуждению, обозначающему волевое усилие, необходимое для того, чтобы готовность к действию переросла в само действие.

Парыгин выделяет два интегральных образования личности, характеризующих ее отношение к социально-специфическому опыту: позицию личности и ее самосознание.

Динамическая структура личности. Модель динамической структуры личности фиксирует основные компоненты в психике индивида в непосредственном контексте человеческой деятельности, ситуации. Это модель психического состояния и поведения человека, которая позволяет понять механизмы взаимосвязи всех структурных пластов в психике индивида. Важной особенностью динамической структуры личности в отличие от статической является ее приуроченность к какому-то конкретному отрезку времени, в течение которого можно говорить об определенном состоянии психики или деятельности человека. В соответствии с этим нужно различать два основных аспекта динамической структуры личности: внутренний (структура психического состояния) и внешний (структура поведения). И внешний, и внутренний аспекты могут носить характер как вербальный (осознанный), так и невербальный (неосознанный). В контексте динамической модели личности Б. Д. Парыгин вводит понятие психического настроя личности [Парыгин, 1971]. Под последним подразумевается интегральное структурное образование, которое характеризует тональность и степень предметной направленности психического состояния человека на данном отрезке времени.

Значимость психического настроя личности определяется многообразием его функций: 1) в качестве аккумулятора всей текущей информации, воспринимаемой и перерабатываемой индивидом в единицу времени; 2) в качестве регулятора и тонизатора активности человека; 3) в качестве установки восприятия информации и деятельности; 4) в качестве фактора ценностной ориентации личности. Психический настрой может рассматриваться в качестве эквивалента той части модели динамической структуры личности, которая связана с психическим состоянием человека. Психический настрой личности представлен, с одной стороны, неосознанным эмоциональным фоном, что соответствует невербальному психическому состоянию, с другой — умонастроением, что соответствует вербальному психическому состоянию.

Важное место в концепции Парыгина отводится понятию **духовного потенциала личности**, которое самым органичным образом связано с представлением о динамической структуре личности, понимаемой как ее сиюминутный статус. Под потенциалом личности понимают определенный уровень ее психических возможностей и внутренней энергии, направленной на самовыражение и самоутверждение. Психические возможности личности складываются из ее интеллектуального, эмоционального и волевого потенциалов.

В концепции Парыгина нам представляется реализованным присущее отечественной психологической школе понимание проблемы социального в контексте взаимодействия социального и природного в человеческой психике, если можно так выразится, интрапсихологический подход в социальной психологии, в отличие от понимания социального как противоположности индивидному, индивидуальному, присущего западноевропейской и североамериканской традиции, где в центре внимания социальной психологии находится взаимодействие индивида и группы, т. е. реализуется интер-психологический подход в социальной психологии.

Концепция диспозиций личности В. А. Ядова

В основу концепции автором положены установочные или диспозиционные механизмы регуляции социального поведения личности. Это означает, что поведение личности регулируется ее *диспозиционной системой,* однако в каждой конкретной ситуации в зависимости от ее цели ведущая роль принадлежит определенному уровню диспозиций. Поскольку сама диспозиция (установка) формируется при наличии потребности и соответствующей ей ситуации, в которой она может быть реализована, то иерархии диспозиций соответствуют иерархия потребностей, с одной стороны, и иерархия ситуаций, с другой.

Что касается *иерархии потребностей,* то их классификация осуществляется В. А. Ядовым по принципу предметной направленности человеческих потребностей как потребностей физического и социального существования. Основанием классификации, по словам автора, с одной стороны, выступает разделение потребностей на биогенные и социогенные, а с другой — выделение различных видов социогенных потребностей на основе включения личности во все более расширяющиеся сферы деятельности, общения. На этом основании выделяются следующие виды потребностей:

- психофизиологические, витальные потребности;
- потребности в ближайшем семейном окружении;
- потребности включения в многочисленные малые группы и коллективы;
- потребности включения в целостную социальную систему.

Условия деятельности или ситуации, в которых могут быть реализованы данные потребности также образуют иерархическую структуру. За основание классификации автор принимает «длительность времени, в течение которого сохраняется основное качество данных условий», иными словами, устойчивость ситуации.

Низший уровень этой структуры составляют наименее устойчивые *«предметные ситуации»,* В течение краткого промежутка времени человек переходит из одной ситуации в другую.

Следующий уровень — это *«условия группового общения»*. Эти ситуации более устойчивы, поскольку основные требования группы, закрепленные в «групповой морали», сохраняются неизменными в течение значительного времени.

Еще более устойчивы во времени *условия деятельности в той или иной социальной сфере* — труда, досуга, семейной жизни.

Максимально устойчивыми оказываются *общие социальные условия жизнедеятельности человека* — экономические, политические, культурные. Эти условия претерпевают значительные изменения в рамках «исторического» времени.

Поскольку, как отмечалось выше, диспозиции личности представляют собой продукт «столкновения» потребностей и ситуаций, в которых потребности удовлетворяются, формируется соответствующая иерархия (система) диспозиций.

Первый, низший уровень образуют *элементарные фиксированные установки*. Они формируются на основе потребностей физического существования и простейших предметных ситуаций. Эти установки лишены модальности и не осознаваемы. Они лишь лежат в основе сознательных процессов.

Второй уровень диспозиционной системы — *социально фиксированные или социальные установки*. Ведущими факторами их формирования являются социальные потребности, связанные с включением личности в первичные группы и соответствующие им социальные ситуации. Социальные установки образуются на базе оценки отдельных социальных объектов (или их свойств) и отдельных социальных ситуаций. По сути это «отношения личности» по В. Н. Мясищеву.

Третий уровень системы составляет *общая (доминирующая) направленность интересов личности*. Она формируется на основе более высоких социальных потребностей и представляет собой предрасположенность к идентификации с той или иной областью социальной деятельности. У одних людей мы обнаруживаем доминирующую направленность интересов в сферу профессиональной деятельности, у других — семьи, у третьих — досуга (хобби) и т. д.

Высший уровень диспозиционной системы *образует система ценностных ориентаций* на цели жизнедеятельности и средства их достижений. Она формируется на основе высших социальных потребностей личности (потребность включения в социальную среду) и в соответствии с образом жизни, в котором могут быть реализованы социальные и индивидуальные ценности личности. Именно этому уровню принадлежит решающая роль в саморегуляции поведения.

Элементы и уровни диспозиционной системы не изолированы друг от друга. Напротив, они тесно взаимодействуют между собой, а сам механизм взаимосвязи, по мнению В. А. Ядова, следует рассматривать как «механизм мотивации, обеспечивающий целесообразное управление поведением личности, его саморегуляцию».

Важнейшая функция диспозиционной системы состоит в регуляции социального поведения личности. Само поведение представляет собой сложную структуру, внутри которой можно выделить несколько иерархически расположенных уровней.

Первый уровень — это *поведенческие акты,* реакции субъекта на актуальную предметную ситуацию. Их целесообразность детерминирована необходимостью установления адаптивных отношений между средой и индивидом.

Следующий уровень поведения — *привычное действие или поступок* — формируется из целого ряда поведенческих актов. Поступок — это элементарная социально

значимая единица поведения, цель которого в установлении соответствия между социальной ситуацией и социальной потребностью.

Целенаправленная последовательность поступков *образует поведение в той или иной сфере деятельности*, которая представляется для человека максимально значимой. К примеру, ярко выраженное профессиональное поведение, реализующее себя в стиле профессиональной деятельности.

Наконец, *целостность поведения в различных сферах жизнедеятельности человека* и есть собственно проявление деятельности во всем ее объеме. Целеполагание на этом уровне представляет собой некий «жизненный план».

Завершая характеристику свой концепции личности, В. А. Ядов подчеркивает, что диспозиционная регуляция социального поведения есть в то же время и диспозиционная мотивация, т. е. механизм, обеспечивающий целесообразность формирования различных состояний готовности к поведению. При этом регуляция социального поведения должна быть истолкована в контексте всей диспозиционной системы личности.

Концепция полиментальности России В. Е. Семенова

В центре внимания В. Е. Семенова — цивилизационно-культурная специфика личности в том или ином обществе, игнорирование которой в теоретическом отношении не позволяет правильно понять личность в ее конкретно-историческом существе, а в практическом — «чревато социальными, конфессиональными и национальными конфликтами» [Семенов, 2001, с. 22]. Ключевым понятием в концепции В. Е. Семенова является понятие менталитета.

Под менталитетом В. Е. Семенов понимает «исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном (познавательном), эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее представителям той или иной социальной группы (общности)» [Семенов, 2001, с. 20]. В соответствии с концепцией В. Е. Семенова, неверно говорить о национальном, этническом менталитете как о едином образовании, т. к. каждому народу, а тем более такому народу, как русский, присущ не один менталитет, а некоторое множество менталитетов, характеризующих отдельные группы населения, при том, что нормы, ценности и установки данных групп могут существенно различаться.

Семенов говорит не о едином менталитете современного русского народа, а о некотором множестве «основных российских менталитетов нашего времени». Для определения этих менталитетов Семенов пользуется системой философских универсальных категорий-оппозиций:

- дух (Бог) — материя (идол),
- общество (коллектив) — личность (индивидуальность).

Исходя из данных философских, культурно-исторических и социопсихологических предпосылок и подкрепляя их результатами эмпирических исследований, В. Е. Семенов выделяет следующие базовые российские менталитеты:

- Православно-российский. Этот менталитет имеет тысячелетнюю историю на Руси и в России, активно возрождается с конца 80-х годов. Опирается на ценности Бога, Духа, заповедей Христовых, святости, совести, соборности.

- Коллективистско-социалистический. Этот менталитет зародился в крестьянской общине, рабочей артели, партийной ячейке, сформировался за три четвери века в СССР. Он выражает ценности коллективизма, вождизма, конформности, социальной справедливости, труда на благо общества.
- Индивидуалистско-капиталистический. Возник на Западе, постепенно проник в Россию, где сформировался в XIX веке и возрождается в наше время (как отмечает В. Е. Семенов, скорее в одиозном виде). Этот менталитет выражает ценности индивидуализма, упрощенного рационализма, личного успеха, прагматизма, денег.
- Криминально-мафиозный. Исповедует вульгарный материализм и гедонизм, культ грубой силы и обмана, клановую иерархию, мифологию, ритуалистику.

Названные менталитеты В. Е. Семенов рассматривает как основные для нашего общества, помимо которых существует еще ряд менталитетов: менталитеты других конфессий (прежде всего исламский), переходные, промежуточные настроения на основе базовых менталитетов и др.

Обращаясь к традиционно значимым для российской идеологии спорам между славянофилами и западниками и между идеалистами и материалистами, В. Е. Семенов анализирует духовные и идеологические приоритеты современных россиян, в частности, петербуржцев, которые считаются в наибольшей степени «европейцами» в нашей стране [Семенов, 2001]. В серии репрезентативных социопсихологических исследований 1999–2000 гг. в Петербурге сотрудники НИИКСИ под его руководством получили ряд данных.

Петербуржцам, в частности, предлагалось выразить свое мнение о том, какой бы они хотели видеть свою страну в будущем — самобытной или похожей на какую-либо высокоразвитую страну. Ответы распределились следующим образом: самобытной Россию хотят видеть 75% петербуржцев, похожей на Германию — 5%, похожей на Францию или США — по 2%, на Японию — 1,7%. Образ будущей России в целом явно не является прозападным. Характерен и тот факт, что в качестве стран, являющихся настоящими друзьями России, петербуржцы прежде всего называют Белоруссию (51% опрошенных), Украину (17%), Китай (13%), Индию (11%), Югославию (9%). Среди западных стран более-менее часто петербуржцы называли только Финляндию — страну-соседа (8%).

1.3. Развитие отечественной психологии в XXI столетии

С начала века отчетливо проявляются новые тенденции в развитии нашей науки. Наступило время осмыслить происходящее, пришло осознание необходимости методологической рефлексии современной российской психологической науки. В российском профессиональном сообществе обозначился интерес к методологии, в центральных журналах проходят острые методологические дискуссии, вышел из печати ряд крупных работ методологического и теоретического содержания, среди которых монография А. Л. Журавлева «Психология управленческого взаимодействия» (2004), монография В. А. Кольцовой «Методологические основы истории психологии» (2004 г.), монография А. В. Юревича «Психология и методология» (2005 г.), монография А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко «Экономическое

самоопределение: теория и эмпирические исследования» (2005), коллективная работа под редакцией А.Л. Журавлева и Н.В. Тарабриной «Психология: современные направления междисциплинарных исследований» (2003 г.), коллективная работа под ред. В.А. Барабанщикова «Идея системности в современной психологии» (2005 г.), коллективная работа под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной «Субъект, личность и психология человеческого бытия» (2005 г.) и др.

В 2006 г. начался выпуск специального журнала «Методология и история психологии». В Ярославле ежегодно проводится методологический семинар, который вызывает большой интерес психологического сообщества.

Поворот российского профессионального сообщества к методологии после периода, охватившего конец 80-х и 90-е гг., когда мало кто обращался к методологическим исследованиям, является важным свидетельством прогрессивного развития нашей науки и отвечает насущным потребностям сегодняшнего дня, т.к. «методологический анализ создает те опорные точки, без которых *систематическое и целенаправленное* движение психологического знания невозможно» [Кольцова, 2007, с. 5].

Директор ИП РАН А.Л. Журавлев в своем докладе на юбилейной научной конференции, посвященной 35-летию Института психологии РАН и 80-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова, 31 января 2007 г. обращается к важнейшему теоретическому вопросу о так называемом парадигмальном «сдвиге» в современной психологии [Журавлев, 2007]. В научной литературе 90-х годов XX века парадигмальные изменения обозначались не только как «сдвиг», но и как «ломка», «взрыв», «революция» и, конечно, парадигмальная «перестройка», «трансформация» и т.п. Сегодня произошедшие перемены видятся иначе. По мнению А.Л. Журавлева, парадигмальные изменения состоялись и продолжаются не столько в форме «сдвига» или тем более «революции», сколько в виде *развития системы научных представлений* в психологии.

В качестве тенденций, которые характеризуют парадигмальное развитие психологии в начале XX века, А.Л. Журавлев выделяет следующие.

Во-первых, продолжающееся движение психологии к объединяющей, синтезирующей, или интегративной методологии, разработка, развитие и использование которой имеет место в самых разных конкретных формах. Прежде всего это относится к комплексному, системному, синергетическому и другим подходам в психологической науке как способам организации исследований, интерпретации получаемых данных и в целом как способам познания окружающего природного и социального мира и себя в этом мире. Исторически сложилось так, что в исследованиях ИП РАН особая роль принадлежала и по-прежнему принадлежит именно системному подходу как некоторому метаподходу, получившему свое обоснование в теоретических работах Б.Ф. Ломова. Различным же формам его развития и конкретизации всегда придавалось первостепенное значение.

В этой связи необходимо выделить три наиболее значимых *направления развития системной парадигмы* в ИП РАН:

1. реализация и развитие *принципа полисистемности* применительно к изучению психических свойств человека (это исследования Д.Н. Завалишиной, выполненные на материале решения практических задач);

2. обоснование и использование в психологических исследованиях понятия «системный комплекс», в частности при изучении межсистемных взаимодействий в сложнейших человеко-машинных комплексах, а также формулирование *принципов межсистемного подхода* (методологические разработки Ю.Я. Голикова и А.Н. Костина);
3. методологический анализ современного состояния и перспектив *развития принципа системности* в психологии, обоснование требований к использованию *системного метода* исследования психических явлений, раскрытие его возможностей и ограничений (методологические работы В.А. Барабанщикова).

Перечисленные и многие другие направления исследований свидетельствуют о высокой конструктивности системной парадигмы в психологической науке в целом и в развитии отдельных ее отраслей, научных направлений, в решении конкретных проблем. В качестве примеров можно привести:

- системно-эволюционный подход в психофизиологических исследованиях лаборатории нейрофизиологических основ психики (Ю.И. Александров и др.);
- системный подход к исследованию психологии коллектива и коллективного субъекта в лаборатории социальной и экономической психологии (А.Л. Журавлев);
- системно-деятельностный подход в исследованиях психической саморегуляции функционального состояния человека в лаборатории психологии труда (Л.Г. Дикая);
- системно-субъектный подход в исследованиях лаборатории психологии развития (В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко) и др.

Во-вторых, в исследованиях человека и социальных групп активно утверждается тенденция к пониманию их как индивидуальных и коллективных субъектов, способных к активной, самостоятельной и социально ответственной деятельности, произвольной регуляции и рефлексии своего поведения и т.п. Интенсивные исследования феноменов субъекта и субъектности в разных его формах и видах — это явно выраженная тенденция развития современных психологических исследований. Принципиальное положение, заслуживающее специального теоретического анализа, состоит в том, что интерес многих исследователей концентрируется на изучении известных и многообразных феноменов «самости» человека: его саморегуляции (Л.Г. Дикая) и самоутверждения (Н.Е. Харламенкова), самопрезентации (Ал.Н. Лебедев) и самоопределения (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко) и т.д. Именно в феноменах «самости» наиболее ярко проявляются субъектные характеристики личности и группы, составляющие активное, действенное начало в человеке, во многом определяющие особенности его действий и поступков, отношений и общения, деятельности и поведения, других форм активности и в целом жизнедеятельности человека.

Субъектный (или субъектно-деятельностный) подход, ведущий свое начало из работ С.Л. Рубинштейна и развитый в 70-е — 80-е годы XX века в трудах К.А. Абульхановой, а в 90-е годы в разработках А.В. Брушлинского, интенсивно продолжает развиваться, конкретизироваться и уточняться в исследованиях сотрудников ИП РАН, прежде всего в современных теоретических работах

К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферовой, В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко и др., причем в последние годы он продуктивно развивается во многих направлениях.

Одно из таких направлений, как уже было сказано выше, заключается в формировании *системно-субъектного подхода*, разрабатываемого в лаборатории психологии развития ИП РАН. С его позиций центром концептуальной схемы анализа психологии является человек как субъект деятельности, общения, отношения и переживания. На каждом этапе своего развития субъект выступает носителем системных психических явлений (процессов, состояний и свойств), раскрывающихся в его взаимодействии с миром. Субъектность постепенно становится системообразующим фактором формирования сложной многоуровневой психической организации человека. Критерии субъекта при этом являются уровневыми. Поэтому выделенные многими исследователями разные критерии субъекта не являются ни противоречивыми, ни тем более взаимоисключающими, а относятся к разным *уровням организации субъекта*. В результате конкретных исследований, выполненных Е. А. Сергиенко и под ее научным руководством, выделено несколько уровней в процессе непрерывного становления субъектности человека: от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта деятельности, субъекта жизни.

Другое направление развития субъектного подхода характерно прежде всего для социальной, экономической и организационной психологии, психологии труда и управления Это исследования *группового (или коллективного) субъекта*, причем субъектные свойства выявляются на группах принципиально разного объема (численности): от диад и первичных трудовых коллективов (А. Л. Журавлев, В. П. Позняков, В. А. Хащенко и др.) до больших социальных групп студентов, наемных работников, безработных, ветеранов ВОВ и др. (Т. П. Емельянова, Н. А. Журавлева, В. А. Хащенко и др.).

Субъектно-деятельностный подход продуктивно развивается и в психологии труда применительно к исследованиям профессиональной пригодности, которая рассматривается как свойство субъекта деятельности наряду с работоспособностью, надежностью и др. (В. А. Бодров). В работах сотрудников лабораторий психологии труда, психологии способностей, инженерной психологии и эргономики анализируются особенности отражения психологических уровней субъектности в характеристиках профессиональной идентичности (Е. П. Ермолаева), разрабатываются современные представления о профессиональном развитии субъекта труда (Д. Н. Завалишина), психической регуляции операторской деятельности в особых условиях (А. А. Обознов) и многие другие проблемы.

В-третьих, в парадигмальном развитии психологической науки просматривается тенденция движения от исследования явлений, ставших более понятными и тем самым простыми, к разработке более непонятных, сложных феноменов, свойственных тому или иному историческому периоду. В настоящее время психологическая наука в полной мере подошла к пониманию необходимости изучать сложнейший комплекс нравственных и духовных (или духовно-нравственных) составляющих природы человека, его социальных групп и общества. Однако для

такой разработки в психологической науке пока отсутствует необходимая «инфраструктура»: четко сформулированный предмет, выделенные (или обозначенные) научные направления и проблемы, адекватные методы исследования, строгая система соотнесенных понятий и др., с помощью которых должна решаться фундаментальная теоретическая задача формирования научной парадигмы, ориентированной на анализ нравственных и духовных свойств, качеств, состояний сознания и поведения современного человека. Именно в этом состоит уже наметившееся, не столько по способам организации исследований и интерпретации данных, сколько по содержанию изучаемых явлений, парадигмальное развитие психологической науки, которое тесно связано с формированием новой отрасли — нравственной (или этической) и духовной психологии, постепенно становящейся одной из приоритетных в системе современных отраслей психологии. Важную роль в ее становлении играют работы В. Д. Шадрикова о духовных способностях и происхождении нравственности, В. А. Пономаренко — о духовных компонентах профессиональной деятельности летчиков, В. В. Рубцова — об институционализации «духовной психологии» как отрасли психологической науки, Л. М. Попова — о психологии добра и зла и др.

Необходимо подчеркнуть, что и у сотрудников ИП РАН значительно возрастает интерес к исследованию таких проблем, как: социальные представления о нравственном идеале современного человека (М. И. Воловикова); нравственно-психологическая регуляция социальной, в частности экономической активности, ценностно-смысловые образования самоопределяющегося субъекта (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко); динамика ценностных ориентаций личности и группы в изменяющемся обществе (Н. А. Журавлева); роль нравственных (этических) регуляторов в деятельности человека в условиях высоких технологий (Ю. Я. Голиков, А. Н. Костин); нравственная оценка различных манипулятивных форм воздействия (В. В. Знаков, А. Н. Поддъяков); доверие и недоверие в межличностных и межгрупповых отношениях и взаимодействии (А. Б. Купрейченко, Т. А. Нестик); критерии (в том числе психологические) нравственного прогресса (Ал.Н. Лебедев) и т. д. Показательно и то, что в последние годы научное сотрудничество ИП РАН с другими психологическими учреждениями стало развиваться в том числе по проблемам формирования ценностей, включая нравственные, и жизненных смыслов современного человека. В настоящее время необходимо профессионально отрефлексировать и целенаправленно реализовывать данное направление развития психологических исследований в ИП РАН.

В-четвертых, важнейшей составляющей современного парадигмального развития психологических исследований становится формирование психосоциального подхода к изучению психологии человека и его общностей. Психосоциальный подход предполагает специальное изучение закономерных связей психических явлений и общественной жизни человека, то есть решение *психосоциальной проблемы*, дополняющей классические — психофизическую и психофизиологическую. Психосоциальный подход позволяет перейти от исследования психологии конструируемого исследователем (абстрактного или статистического) человека (экспериментального испытуемого, респондента и т. п.) к изучению психологии

конкретного человека в реальном историческом времени и исследовать его как: «носителя» этнических, социокультурных, региональных и других социальных характеристик; представителя конкретных социальных (экономических, профессиональных, управленческих, политических, образовательных и др.) групп; действующего в конкретных социальных условиях; обладающего субъектными свойствами, т. е. социально активного, самостоятельного, социально ответственного, способного к саморегуляции социального поведения и различным формам рефлексиии т. д. В этой связи в последние годы становятся чрезвычайно востребованными и эвристичными относительно новые для психологической науки *общие, интегральные феномены и понятия*, такие как «жизнь», «жизнедеятельность», «взаимодействие», «бытие» и другие, более точно отражающие сложнейшие формы активности как отдельного человека, так и социальных групп, по сравнению с более частными феноменами и понятиями, такими как «отношение», «общение», «деятельность», «поведение» и т. п.

Исследования психологии жизнедеятельности человека в динамично изменяющихся социальных условиях, выполненные в Институте психологии в последние примерно 15 лет, позволили принципиально изменить представления о закономерностях различных видов социального поведения (экономического, политического, организационного, нравственного и т. д.), о его психологических механизмах не только по формально-динамической «оси» — их «устойчивости-изменчивости» и др., но и по содержательным основаниям жизнедеятельности человека — жизненным принципам, смыслам и целям, ценностям и идеалам, социальным нормам и правилам и т. д.

Становление и конкретизация психосоциального подхода и его реализация в исследованиях психологии реального, естественного человека, по нашему мнению, неизбежно приведет к серьезным *изменениям в соотношении и развитии* используемых качественных и количественных методов, исследовании различных форм и видов активности человека в естественных и искусственных (специально организованных) условиях, соотношении идеографического и номотетического знания о психике человека, более интенсивному развитию целого ряда отраслей психологической науки. К ним можно отнести: кросскультурную, этническую и историческую, политическую и юридическую, экономическую и региональную, этическую (или нравственную) и духовную, организационную психологию и психологию управления, психолингвистику и психологию культуры, макропсихологию (психологию общества и новых интегративных образований) и некоторых других.

В-пятых, в настоящее время стали востребованными не столько те исследования, в которых стабильно проявляются устойчивые, типичные и т. п. психологические явления, сколько динамичные, нестабильные, неустойчивые феномены, причем как на уровне личности и группы, так и в межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношениях. «Фоновыми» здесь оказываются радикально изменяющиеся процессы, состояния и свойства больших социальных групп и российского общества в целом, с которыми связаны изменения в психологии личности и многочисленных малых групп (семьи, друзей, первичных учебных и трудовых коллективов и т. д.). В контексте данного изменения парадигмы психологической

науки хочется назвать исследования Б.Д. Парыгина (2003), где в центре внимания автора — динамическая структура личности, рассматриваемая в противопоставлении структуре статической, и психология социально психологических состояний, опосредующих взаимосвязь личности и деятельности.

Отдельно на принципиальных изменениях парадигмального характера в социальной психологии останавливается А.Л. Журавлев. По его мнению, они состоят в том, что на смену доминировавшей *парадигме воздействия социальной среды* на психологию личности и группы приходит *парадигма взаимодействия психологических и непсихологических* (экономических, политических, организационно-управленческих, административно-правовых и др.) *факторов*. Такое взаимодействие различных феноменов-факторов может быть чрезвычайно сложным имногообразным, а психологические факторы при этом оказываются как ведомыми и паритетными, так и доминантными, ведущими т.п. Принципиально важно то, что психология человека может не только отражать природные и социальные условия его жизнедеятельности, но и решающим образом определять, формировать, конструировать их в соответствии с особенностями индивидуального, группового и общественного сознания. В этом состоит преимущественная *созидательная функция* психологии современного человека.

В докладе А.Л. Журавлева [Журавлев, 2007] на примере исследований ИП РАН дана развернутая характеристика основных особенностей развития российской психологической науки в начале XXI в. В качестве структурной основы своего анализа А.Л.Журавлев избрал ряд дифференцирующих признаков науки, принятых в науковедении: объект, методы науки и пр.

Современное развитие психологической науки по объектам исследования характеризуется тем, что основные и типичные для психологии объекты дополняются новыми и нетипичными. В качестве объектов исследования выступают, например, занятые новыми профессиональными видами деятельности работники, пользователи современной техники и высоких технологий, ветераны боевых действий, учащаяся и работающая молодежь, деловые женщины, наемные работники и руководители организаций, предприниматели российских регионов, матери наркозависимых детей, дистинктивно ведущая себя категория людей и др.

При этом преимущественно представлен анализ необычных, нетипичных, нестандартных явлений, свойственных социальной действительности, т.е. в исследованиях отражены реалии российского общества на современном этапе его развития. Эти явления с некоторой степенью условности можно обозначить как *социальные и психологические отклонения (девиации)*. Например, сюда могут быть отнесены:

- психологические травмы, посттравматические стрессовые расстройства, вызванные участием в боевых действиях;
- социально-психологические корни терроризма, личностные характеристики и психологические особенности поведения террористов;
- наркозависимое поведение представителей разных возрастных категорий.

Как объекты исследования, так и изучаемые феномены свидетельствуют о высокой социальной, в том числе практической релевантности психологической

науки. Многие темы и проблемы психологических исследований не просто связаны с жизнью современного российского общества, но зачастую они формулируются из нее, инициируются и ставятся самой жизнью как актуальные и требующие специального психологического анализа.

В то же время ясно обозначилась уже потребность в некоем «возврате» психологов-исследователей к изучению психологии «нормального» человека, занятого производительным трудом, к исследованию массовых профессий, «забытых» первичных трудовых коллективов и многого другого, исторически традиционного для отечественной психологии, прежде всего промышленной, педагогической, семейной и т. д. Этой потребности соответствует и новая актуальная тенденция обращения исследователей к позитивным психологическим феноменам: от психологии манипуляции, зависимости и пр. до психологии доверия, счастья, удовлетворенности.

В развитии методов психологического исследования можно отметить ряд четко выраженных тенденций. Во-первых, это тенденция их интегрирования, основанного прежде всего на принципе взаимного дополнения. Во-вторых, поиск оригинальных способов организации исследования и разработка целостных исследовательских программ, включающих как сбор первичных данных, так и последующий их анализ. В-третьих, интеграция или, как минимум, взаимное дополнение качественных и количественных методов исследования, идеографического и номотетического подходов и в целом естественнонаучной и гуманитарной парадигм в исследованиях психического и т. д.

Крупными работами методического содержания, выполненными в ИП РАН за последние годы, являются следующие:

- опросник В. М. Русалова, направленный на оценку свойств темперамента и получивший широкую известность и реальное использование в исследованиях других психологических лабораторий и кафедр России;
- оригинальная методика В. П. Морозова по оценке искренности/неискренности говорящего, получившая в качестве изобретения патент РФ;
- теоретические принципы и метод историко-психологической реконструкции явлений, характерных для конкретных исторических периодов развития общества, разработанные В. А. Кольцовой;
- теоретические модели и комплекс адаптированных и оригинальных методик клинико-психологической диагностики посттравматического стресса, систематизированных и апробированных Н. В. Тарабриной с коллегами, и др.

В качестве важной тенденции А. Л. Журавлев называет интенсивное развитие различных видов междисциплинарных исследований.

Первый вид междисциплинарных исследований — *внутрипсихологический*, включающий исследования на границах различных отраслей психологии, что стало наиболее характерным в настоящее время. Имеются в виду такие уже сформировавшиеся научные направления, как:

- исследования социального и эмоционального интеллекта, выполняемые на границах таких психологических отраслей, как психология интеллекта и социальная психология (Д. В. Ушаков, Д. Люсин);

- интеллект и креативность в межличностном взаимодействии — тема, интегрирующая психологию интеллекта, креативности и социальную психологию (А. Н. Воронин);
- исследования различных видов зрелости человека: личностной, интеллектуальной, эмоциональной, профессиональной, нравственной, социально-психологической и др., выполняемые на границах психологии развития с целым рядом других психологических отраслей: психологией личности, психологией труда, социальной психологией и т. д. (В. А. Бодров, А. Л. Журавлев, В. М. Русалов, Е. А. Сергиенко и др.);
- исследования субъективного качества жизни, включая качество трудовой жизни, субъективное экономическое благополучие и т. п., объединяющие социальную и экономическую психологию, психологию личности и психологию труда (Г. М. Головина, В. Б. Рябов, Т. Н. Савченко, В. А. Хащенко и др.);
- психологические исследования структуры, динамики и детерминации социальных представлений личности и группы, выполняемые на границах социальной психологии и психологии личности (К. А. Абульханова, М. И. Воловикова, Т. П. Емельянова, В. А. Хащенко).

В качестве одного из развивающихся направлений А. Л. Журавлев называет социальную психофизиологию, которая возникает в результате интеграции нейронаук и психофизиологии, с одной стороны, и социальной и когнитивной психологии — с другой. Эта интеграция способствует формированию в более широком смысле социальной когнитивной нейронауки. Интеграция психофизиологии и экономической психологии в исследовании психофизиологических основ экономического поведения позволяет подойти к формированию социально-экономической психофизиологии как научного направления и т. д.

Второй вид междисциплинарных исследований — *внешнепсихологический,* т. е. они выполняются на стыках психологической науки с социальными, медицинскими, техническими и другими науками. В рамках этого подхода интенсивные исследования ведутся в таких отраслях психологии, как психолингвистика, организационная психология и психология управления, историческая психология, экономическая психология, этническая психология, психоонкология, или психосоциальная, поведенческая онкология и др., сформировавшихся именно на соответствующих границах психологии с лингвистикой, наукой об управлении (менеджментом), историческими и экономическими науками, этнологией, онтологией и др.

Задаваясь вопросом о том, в каких направлениях целесообразно развивать в дальнейшем междисциплинарные исследования внешнепсихологического уровня, А. Л. Журавлев обращается к «белым пятнам» на границах психологии с другими социо-гуманитарными науками. В докладе обосновывается необходимость развития психологических исследований на границах, прежде всего, с этикой и регионалистикой (или регионоведением). Если современная этическая психология развивается уже достаточно хорошими темпами, в том числе и в ИП РАН (имеются в виду исследования М. И. Воловиковой, Т. П. Емельяновой, Е. Н. Резникова и др.), то психологические исследования, учитывающие региональный фактор, по-прежнему остаются единичными. И такое состояние региональной психологии имеет

место на фоне чрезвычайно интенсивного развития регионоведения и регионалистики — междисциплинарных научно-практических направлений, в разработку которых сегодня включены историки, экономисты, филологи, социологи, политологи и специалисты других социо-гуманитарных наук, но явно в меньшей степени — психологи.

В связи с развитием междисциплинарных исследований внешнепсихологического уровня необходимо отметить и постепенно растущую востребованность психологического знания представителями многих смежных наук, особенно при разработке комплексных проблем человека и отдельных социальных групп, а в последние годы и общества в целом. Для обозначения этой тенденции А. Л. Журавлев предлагает использовать понятие «междисциплинарная релевантность» психологической науки и говорить о возрастании этой релевантности.

В докладе отмечается интересный факт формирования и т. н. *внепсихологического уровня* междисциплинарных психологических исследований, выполняемых в рамках других (непсихологических) наук, и формирования в них целой сети психологических отраслей и специальностей, таких как:

- инженерная психология в рамках технических наук, ставшая внепсихологическим «первенцем», состоявшимся именно благодаря фундаментальным инженерно-психологическим работам Б. Ф. Ломова и в целом научной школы Б. Г. Ананьева;
- клиническая психология в системе медицинских наук;
- социальная психология в системе социологической науки;
- «психофизиология», имеющая сегодня особые позиции благодаря вхождению в структуру сразу трех наук: психологических, медицинских и биологических.

Это уже актуальная тенденция современного этапа развития психологической науки, в рамках которого организационная психология приобретает внепсихологический междисциплинарный статус «Организационного поведения», а экономическая психология утверждается как «Поведенческая экономика» в экономических науках. Безусловно, исследования Б. Ф. Ломова, В. Ф. Рубахина и др. в области психологии управления, а также крупные работы Института психологии РАН последних лет по экономической психологии (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, Ал.Н. Лебедев, В. П. Позняков, В. А. Хащенко и др.) способствовали закреплению и развитию данной тенденции.

Важной особенностью в развитии российской психологии, отмеченной в докладе А. Л. Журавлева, является то, что наряду с освоением новых для российской психологии теоретических подходов, большинство фундаментальных исследований сохраняют преемственность по отношению к отечественной традиции. Так, важной характеристикой психологических исследований ИП РАН является то, что они развиваются в рамках сформировавшейся научной школы, основателем которой является Б. Ф. Ломов, и справедливо называемой «ломовской», «ленинградско-московской», «ИПРАНовской» и т. п.; она в свою очередь в базируется на достижениях известных научных школ Б. Г. Ананьева, В. М. Бехтерева, В. Н. Мясищева, С. Л. Рубинштейна. Для современной научно-исследовательской деятельности Института характерны «*научная преемственность и приверженность традициям*».

В этом состоит *историческая релевантность* психологических исследований в ИП РАН», как отмечено в докладе [Журавлев, 2007, с. 1].

А.Л. Журавлев подчеркнул, что свидетельством сегодняшнего внимания к истокам и различным этапам формирования научной школы ИП РАН являются две серии научных изданий, первые выпуски которых были подготовлены издательством «Институт психологии РАН» к данному юбилею: первая — это «Выдающиеся ученые ИП РАН», начало которой положили издания важнейших трудов К.К. Платонова, А.В. Брушлинского, В.Б. Швыркова, Б.Ф. Ломова и В.Н. Дружинина; вторая — «Научные школы ИП РАН», в которой вышел в свет большой труд, подготовленный под руководством Д.В. Ушакова и посвященный исследованиям психологии творчества — Школе Я.А. Пономарева. Все эти работы выполняют методологические функции в организации современных исследований в ИП РАН.

О сохранении преемственности в развитии современной российской науки говорит и А.Н. Ждан: «Сложившиеся в советский период концепции продолжают определять ситуацию в области научных исследований и в преподавании» [Ждан, 2006, с. 70].

А.Л. Журавлев в цитируемом докладе наряду с исторической релевантностью отметил высокую социальную релевантность психологических исследований ИП РАН, их значимость для развития психологической науки и общественной практики, а также баланс теоретических, эмпирических и ориентированных на практику исследований, достигнутый благодаря следованию методологическому принципу единства теории, эксперимента и практики, обоснованному в трудах Б.Ф. Ломова.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская психологическая наука преодолела к настоящему времени существенную часть негативных тенденций, которыми были отмечены 90-е годы, и движется по пути развития, сохраняя преемственность по отношению к достижениям прошлого и избавляясь от былых ограничений и недостатков. В этой связи в качестве первоочередной видится задача ее полноценной интеграции в контекст мировой науки, пути решения которой остаются предметом разногласий. А.Н. Ждан отмечает: «В современной России психологи предпочитают говорить о единой науке, не подразделяя ее на «нашу», отечественную, и западную» [Ждан, 2006, с. 69]. С этим нельзя не согласиться. Однако несимметричность идущих процессов интеграции с зарубежной психологией заставляет задуматься о том, каким будет место и значение отечественной науки в контексте мировой психологии? Войдем ли мы туда как «развивающаяся» провинция или как самобытное направление, как одна из великих школ XX века?

1.4. О мотивах и проблемах интеграции отечественной психологии в мейнстрим

Вопрос о месте российской психологии в мировой науке и неразрывно с ним связанный вопрос об интеграции в мировой мейнстрим сегодня мало кого оставляют равнодушными, тем более что формальные оценки результатов деятельности отдельных российских ученых и коллективов все в большей степени «привязываются» к наличию или отсутствию публикаций в иностранных журналах и ссылок

в них на труды россиян. Адекватность такого рода критериев, как и в целом необходимость жесткой ориентации на мейнстрим, закономерно вызывают сомнения среди российских психологов и требуют анализа, который представлен в ряде публикаций [Мироненко, 2005; 2007; Сироткина и Смит, 2008; Юревич, 2008; 2009; 2010]; среди них мы особо отметим работы А. В. Юревича, где проблема путей интеграции и применимость выше названных критериев для оценки деятельности российских ученых рассмотрены в широком контексте социальных процессов, происходящих в профессиональном сообществе.

А. В. Юревич отмечает, что в настоящее время среди российских психологов имеют место как «глобалистические», интеграционные, так и «контрглобалистические», изоляционистские, тенденции: «Прямолинейный западноцентризм, предписывающий российской науке интегрироваться в западную путем стирания национальных особенностей российской науки, дополнился столь же прямолинейным игнорированием необходимости примыкать к мировому мейнстриму» А. В. Юревич [Юревич, 2010 б, с. 55].

Более того, в настоящее время «контрглобалистические» тенденции в российской психологической науке усиливаются: «Патриотическая волна последних лет, как водится у нас, принесшая антизападнические настроения, породила новые установки в отношении интеграции отечественной науки в мировой мейнстрим. Наиболее радикальные из таких установок состоят, например, в том, что нам нет нужды стремиться к интеграции в западную науку, — напротив, ей надлежит проявлять большее внимание к российской науке; <...> не нам следует учить иностранные языки, чтобы публиковаться в международных журналах, а зарубежным ученым надлежит изучать русский, чтобы читать российские научные журналы и т. п.» [Юревич, 2010 б, с. 55].

Трудно не согласиться с выводом А. В. Юревича о том, что «очевидна неадекватность обоих видов прямолинейности, напоминающих два крайних положения маятника» и что так же очевидна «необходимость как сохранения наиболее плодотворных национальных особенностей российской науки, так и ее интеграции в мировой мейнстрим», т. е. что целесообразно соблюдение «принципа *оптимума интеграции*» [Юревич, 2010 б, с. 55].

Однако каким должен быть этот оптимум, что следует учитывать при попытках определить этот оптимум, — остается предметом дискуссии. По этому вопросу я и хочу поделиться своими соображениями.

Зачем российской психологии интеграция в мейнстрим? Зачем и кому это нужно (или не нужно) в разнородном российском профессиональном сообществе? Какие идеалы и какие интересы стоят за «глобалистическими» и «контрглобалистическими» тенденциями?

Попытаемся выделить в нашем профессиональном сообществе группы, интересы и идеалы которых представляются более-менее однородными в отношении интеграции с мейнстримом.

В литературе уже обсуждалось различное отношение к мейнстриму отдельных типов ученых: «местников» и «космополитов» [Kornhauser, 1962]; «цеховиков»,

научное знание производящих, и «презентаторов» [Плюснин, 2007]. Мы не будем рассматривать подобные типологии, применимые к представителям любой науки, любой страны и любого времени, а примем за основание для разделения российских психологов на группы в контексте вопроса об интеграции в мейнстрим особенности их теоретико-методологических ориентаций.

Какие же группы, какие «интеллектуальные пространства», представляется возможным сегодня выделить в российском профессиональном сообществе? Какова структура этого сообщества в контексте нашей проблемы?

Современное нам профессиональное сообщество сложилось на развалинах советской психологической науки, которая в 60-е — 80-е гг. XX века достигла состояния парадигмы[6].

С падением советского государства были сняты идеологические и другие искусственные барьеры на пути развития психологии, которая в советское время отчасти насильственно удерживалась в русле монометодологического течения, естественнонаучного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии, с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований.

В это же время перед психологами открылись новые горизонты профессиональной деятельности, хорошо обеспеченный финансово рынок психологических услуг потребителю. На фоне сворачивания программ фундаментальных исследований произошел бум в области психологического образования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался радикальными изменениями в подготовке специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой. В монографии «Психологическая наука в России в XX столетии», подготовленной ИП РАН, разнообразие форм и содержания подготовки психологов специально отмечается как существенная характеристика постперестроечного периода в развитии психологии в России.

Таким образом, большая часть современного российского психологического сообщества к парадигме, сложившейся в советской психологии, прямого отношения уже не имеет. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а в 90-е годы уже более 300 ВУЗов России ежегодно выпускали более 5000 психологов.

Какая часть современного профессионального сообщества владеет ТОЙ теорией и методологией? Очень небольшая. Фактически, овладеть ТОЙ теорией

---

[6] «В результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве» (Психологическая наука в России в XX столетии, ИП РАН, 1997).

и методологией можно было, только приняв ее «из рук в руки» от учителей, учитывая то, какую роль играла в психологическом образовании в советский период устная традиция, когда психологи не учились по учебникам, а монографии, по которым они учились, были написаны «эзоповым» языком. Тексты наших классиков, за редким исключением, не «открываются» при прочтении случайным человеком, они писались в расчете на герменевтику, на чтение совместно с учителем, о чем неоднократно указывалось в литературе.

ТОЙ теорией владеет сегодня очень небольшая часть профессионального сообщества, те, кто был этому специально обучен. При этом не все из этих людей остаются на прежних методологических позициях, так что численность этой группы не только не велика — она уменьшается.

Тем не менее первая группа, которую мы выделяем здесь — группа последователей субъектно-деятельностного подхода, как мы ее назовем; она немногочисленна, что не уменьшает ее значимости в контексте обсуждаемой проблемы.

Как классифицировать остальных?

С крушением парадигмы, на фоне сочетания процессов слияния с мировой наукой и разрушения единства отечественного профессионального сообщества российская психология впала в кризис, распалась и развалилась, так что кажется уместным цитировать слова Н. Н. Ланге, сказанные более ста лет тому назад: «...крайнее разнообразие течений, отсутствие общепризнанной системы науки, огромные принципиальные различия между отдельными психологическими школами... Ныне общей, т. е. общепризнанной системы в нашей науке не существует. <...> Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» [Ланге, 1882, с. 110].

В отличие от известного кризиса мировой науки, после перестройки в России оригинальные новые, яркие направления не многочисленны. Доминировала, особенно в 90-е годы, ориентация на те или иные направления в зарубежной науке. Мы здесь назовем их последователей «западниками» и выделим в отдельную группу.

Из новых оригинальных, российских по своим корням направлений, развившихся в постперестроечный период, назовем христианскую православную, или религиозно-философскую, психологию, которая мощно развивается сейчас, продолжая традиции направления, существовавшего в России в досоветский период.

Таким образом, выделяются три группы ученых, три «интеллектуальных пространства»:

- последователи субъектно-деятельностного подхода,
- последователи национально-специфических теорий («славянофилы»),
- последователи зарубежных школ («западники»).

Заметим, что структура, которая у нас получилась, в большой степени напоминает структуру направлений развития психологии в России в досоветский период, как ее описывает В. А. Кольцова [Кольцова, 1997, 2002]:

- естественно-научное направление («экспериментальная» психология), на основе которого в дальнейшем развивалась психология в советский период;

- эмпирическая психология, для которой характерна ориентация в большей мере не на национальную традицию, а на современные ученым данного направления европейские концепции и методы исследования психического;
- религиозно-философская психология, основанная на идеях и положениях русской богословской и религиозно-философской мысли.

Рассмотрим вопрос об интересах, идеалах и проблемах интеграции с мейнстримом, имея ввиду наше разделение на «интеллектуальные пространства» российского профессионального сообщества.

Последователи зарубежных школ, «западники». Глобалистические тенденции здесь заложены естественным образом. Именно эта группа составила основную массу лавинообразного приращения психологического сообщества в 90-е гг., что в не малой степени объясняется мощным выбросом переводных зарубежных учебников на рынок психологического образования, который бурно разрастался в тот период.

Нарастание контрглобалистических тенденций в современной России отчасти имеет в своей основе разочарование многих из этих людей, которое постигло их при попытке выхода на Запад. Их исследования на Западе не вызывают интереса, журналы их не печатают. И дело не в том, что Западу не интересна жизнь в России, а в том, что уровень многих статей не соответствует требованиям журналов. Это не удивительно, так как существенная часть этой группы ученых изучала иностранные теории по переводным учебникам и пересказам, современных западных журналов не читает и потому не может соответствовать сложившемуся там дискурсу. Можно согласиться с А. В. Юревичем, что «скрытая» от Запада советская психология была Западу более интересна, чем современная, «широко открывшаяся ему», однако, причина интереса — не в скрытости или открытости, а в том, что именно мы Западу показываем.

Многие из тех, кто в 90-е ориентировался на западные школы, сегодня ищут новые идеалы.

Однако примеров успешной интеграции среди «западников» достаточно много, и если говорить о публикациях в иностранных журналах как о показателе качества работы ученого, в отношении данной части нашего сообщества этот показатель представляется адекватным.

Последователи национально-специфических теорий. Растущей численностью отличается другая часть профессионального сообщества, которую мы обозначили здесь как «славянофилы». Христианская православная, или религиозно-философская, психология, ряды сторонников которой сегодня ширятся, развивает традиции, заложенные в российской психологии досоветского периода. Это совершенно оригинальное направление в мировой науке, тесно связанное с российской культурой, ориентированное в своей практике на обширный российский рынок, а в своей теории основывающееся преимущественно на русскоязычных источниках и апеллирующее к российской ментальности.

Глобалистических тенденций среди представителей этого направления не наблюдается. Контрглобалистические — сильны.

Применительно к данному направлению публикации в иностранных журналах, конечно же, адекватным показателем качества не являются, и стоит ли ставить сейчас задачу «прорыва» на западный рынок — далеко не очевидно.

В то же время, в перспективе кажется вполне возможной востребованность этого направления в мейнстриме. Известно, что те представители российской религиозно-философской мысли, которые были высланы из страны в 1922 г., оказали существенное влияние на развитие мировой науки, в частности на развитие экзистенциализма.

Последователи субъектно-деятельностного подхода. Что определяет глобалистические и контрглобалистические тенденции применительно к этой группе ученых?

Рассмотрим доводы «за» интеграцию.

Во-первых, именно исследования в русле субъектно-деятельностного подхода в максимальной степени соответствуют представлениям зарубежных коллег о российской психологии, их ожиданиям. Общепризнанно, что для Запада российская психология — это, прежде всего, труды таких ее корифеев, как Л.С. Выготский и А.Р. Лурия: «...образ российской/советской психологической науки, сформировавшийся на Западе <...> можно обозначить как представление о том, что российская психология — это труды таких ее корифеев, как Л.С. Выготский и А.Р. Лурия» [Юревич, 2010 б, с. 79]. И именно к этому направлению (Activity Theory) там сохраняется и даже растет устойчивый интерес. В литературе отмечается, что с годами интерес зарубежных психологов к работам Выготского только возрастает, что проявляется в росте индекса цитирования его работ. По данному показателю он в последние годы опередил многих классиков зарубежной психологии [Юревич, 2010 б; Karpov, 2005]. Интерес к тем истокам данного направления, которые на Западе известны, прежде всего к работам Л.С. Выготского, позволяет рассчитывать и на интерес к работам его последователей.

Таким образом, во-первых, ученых, работающих в русле субъектно-деятельностного подхода, на Западе готовы услышать. Во-вторых, им есть что сказать. У российских психологов есть все основания для полноценного участия в диалоге с Западом. Классические теории, известные на Западе, прежде всего теория Л.С. Выготского, развивались и на родной почве, и развитие это было иным, нежели на Западе, и, возьму на себя смелость сказать, российские психологи продвинулись здесь значительно дальше зарубежных коллег. Так, теория Л.С. Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими в основном лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания подлинно решающей роли культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «...культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность “формирования нового человека” в рамках марксистской психологии, т.е. исповедовавший иудейско-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» [Петренко, 2007 (1999); с. 141].

Помимо диалога в области известных западному читателю теорий представляет интерес и возможность обсуждения ряда теорий, сложившихся в русле

субъектно-деятельностного подхода, которые в России справедливо полагают классическими, и которые остаются на Западе практически неизвестными. Прежде всего я назову здесь теорию Б.Г. Ананьева [Ананьев, 1961;1968; 1977], содержание которой относится к областям, остро актуальным сегодня на Западе: Life-Span Human Development, Personality Impact on Psycho physiological functions etc. [Мироненко, 2007; Mironenko, 2009; 2013].

Таким образом, интеграция данного направления в современной российской науке с мейнстримом, как представляется, мейнстримом не только максимально востребована, но и способна его обогатить.

Нужна ли эта интеграция российским ученым?

Возьму на себя смелость сказать, что, *для того чтобы субъектно-деятельностный подход мог развиваться дальше, он должен быть интегрирован в мейнстрим, только так может развиваться эта российская психология*. В самой России сегодня нет необходимых ресурсов, нет соответствующего социального заказа на фундаментальные теоретические разработки такого уровня и такой направленности, нет соответствующих людских ресурсов. Возможно, мы, закончившие университеты до перестройки, — последнее поколение, которое научено понимать эти тексты, владеть этим языком, этим понятийным аппаратом. За нами слой стремительно истончается. Много ли желающих учиться субъектно-деятельностному подходу в современной России? Не думаю, что даже в лучших университетах, сохранивших преподавательский состав, владеющий теорией и методологией субъектно-деятельностного подхода, лучшие студенты стоят в очереди, чтобы заниматься этой проблематикой. Это направление было актуально в другой стране, с другой культурой и другой ментальностью, в других университетах.

Не станет ли «частичная изоляция» от мейнстрима последователей субъектно-деятельностного подхода башней из слоновой кости, отрезанной от источников жизнеобеспечения, от притока свежих сил, от массовой психологической практики и образования в самой России?

Если мы не обеспечим вхождение в мейнстрим разработок субъектно-деятельностного подхода, тех концепций, которые пока не вошли туда, их, скорее всего, ждет судьба артефактов умершей цивилизации. На наш взгляд, интеграция — это вопрос профессиональной состоятельности последователей субъектно-деятельностного подхода и их долга перед учителями.

Однако было бы неправдой сказать, что в группе ученых, развивающих субъектно-деятельностный подход, явно доминируют интеграционные тенденции.

Представляется, что дело в том, что именно применительно к работам данного направления стратегия интеграции сопряжена с максимальными тактическими трудностями. Языковая проблема здесь предстает как проблема перевода понятийной системы нашей научной школы, понятийной системы максимально сложной и изощренной, над которой целенаправленно работали лучшие умы советской психологии, в понятийную систему мейнстрима. Решение этой проблемы предполагает осуществление специальной герменевтики. Нужно объяснить западным коллегам суть наших теорий понятно и на их профессиональном языке (что и по-русски не просто). Но другого пути нет.

Тактика движения к интеграции требует отдельного обсуждения, но соответствующая стратегия в контексте развития субъектно-деятельностного подхода представляется необходимой.

Вопрос о месте российской психологии в мировой науке не сводится к формальным показателям качества работы ученых. Сегодня он является ключевым для профессионального самоопределения российского психолога, с начала своей профессиональной подготовки активно ассимилирующего продукцию зарубежной иноязычной науки и, в то же время, в подавляющем большинстве говорящего и пишущего только по-русски.

В ситуации имеющего место разнообразия «интеллектуальных пространств» российского профессионального сообщества ответ на вопрос об «оптимуме интеграции», об оптимальном сочетании национально-специфического и интернационального в российской психологии не может быть однозначным или, тем более, формальным. В поисках «оптимума интеграции» представляется необходимым учитывать особенности теоретико-методологических ориентаций сообществ ученых, в разной степени соотносяших себя с мейнстримом, так как мотивы, проблемы и сопутствующие факторы в зависимости от их ориентаций оказываются существенно различными.

Глава 2
В поисках самоидентификации: биосоциальная проблема в контексте мировой интеграции психологического знания

2.1. Биосоциальная проблема в психологии. О понятии «социальное» в психологической науке

Научная психология исходит из предположения, что психика не существует вне живого организма. Психические процессы, состояния и свойства являются функцией индивида, сформировавшегося в процессе эволюции жизни на земле. В этом качестве психическая деятельность, в том числе и психика человека, относится к предмету биологии, подчиняется биологическим законам и может быть подвергнута анализу с применением соответствующих методологии и методов. Однако со времен античности сложилось понимание того, что существенная часть закономерностей психической жизни человека не поддается объяснению в терминах биологических наук, выходит за рамки биологических закономерностей. Б. Ф. Ломов отмечает: «С самого начала развития психологии как самостоятельной области научного знания в ней возникли две главные линии: одна — ориентированная на естественные науки, другая — на общественные <...> Стремление соединить эти две линии, <...> разработать цельную теорию <...> неизбежно ведет к постановке проблемы соотношения биологического и социального в человеке» [Ломов, 1984, с. 342].

Понятие социального не имеет единой общепринятой трактовки. В отечественной психологии сложилась традиция под социальным понимать прежде всего то в человеке, что отличает нас от животных. Это наличие общества и культуры, которые являются носителями программ становления и развития индивида, не биологических по своей природе и основанных не на биологических законах. Усвоение этих программ называется социализацией и является обязательным условием формирования нормального индивида. Общепринятым является представление о социальных факторах среды.

Под биологическим в психике человека в отечественной научной традиции понимается все природное, не специфически человеческое, все, что объединяет нас с нашими «меньшими братьями». Фактор наследственности является по своей природе преимущественно биологическим, однако и здесь можно обнаружить существенную долю социального. Сама биология человека имеет особую природу — это социальная биология. Как показали исследования, в тех трагических случаях, когда человек вырастает в изоляции, лишенным общества (например, известный феномен Каспара Хаузера), человеком в полном смысле слова он не становится. Во-первых, предоставленный своей природе, но изолированный от общества

от рождения человек не обладает организацией нервных процессов, свойственной «нормальным» людям, и соответствующим ей поведением. Не владея речью, он не способен к человеческому общению. Во-вторых, сама его телесная организация не является нормальной для человека. Например, отличается форма позвоночника. Индивиду, выросшему в изоляции, не свойственно прямохождение. Его позвоночник остается полусогнутым, а руки при ходьбе касаются земли. Даже умение пить из чашки у нас не от природы.

Б. Ф. Ломов указывает, что человеческое дитя уже рождается с такими механизмами поведения, направленного на удовлетворение витальных потребностей, которые «рассчитаны» на человеческий способ ухода за ним [Ломов, 1984]. В отличие от новорожденного животного, которое находит свою среду «готовой», для человеческого дитяти взрослыми создается особая, специальная среда. Система способов и средств создания соответствующей среды для ребенка сформировалась в обществе и закрепилась в культуре. Можно говорить о наличии у человека особого рода задатков, обеспечивающих возможность усвоения программ развития, социальных по своей природе, носителем которых является не видовая память, заложенная в генах индивида, но общество, культура. В то же время, биологическое в человеке не сводится к наследственному. Среда обитания — очень широкое понятие и включает в себя далеко не только общество и культуру.

Сейчас нередко в литературе можно встретить отождествление дихотомий «среда — наследственность» и «биологическое — социальное». Однако существуют теории, в соответствии с которыми социальное представлено и в наследственности человека. Такова, например, теория архетипов К. Г. Юнга, его представления о коллективном бессознательном. В соответствии с этой теорией глубинные слои психики — коллективное бессознательное — не формируются в процессе индивидуального развития, но наследуются как общая универсальная основа человеческой душевной жизни. Коллективное бессознательное порождено единством мира, в котором обитают все люди, и наполнено инстинктами и архетипами.

Инстинкт по Юнгу — это потребность в деятельности, не имеющая сознательной мотивации, но ощущаемая как необходимость. Традиционно инстинктами называют сложные устойчивые последовательности действий, направленные на удовлетворение витальных потребностей: питательные, охранительные, сексуальные инстинкты, инстинкты отношения к потомству и т. п. Юнг относил к инстинктам человека и сложные ритуалы, которые мы встречаем в обрядах различных народов, в детских играх, то есть действия, не несущие непосредственно биологического смысла и относимые обычно к сфере культуры.

Архетипы — условные образные формы, типичность и универсальность которых обнаруживается в мифах, сказках, снах, галлюцинациях. Сам по себе архетип свободен от содержания и чисто формален, это, говоря словами Юнга, априорная возможность представления, на основе которой формируется содержательный образ мира у конкретного человека. В определенном смысле идея архетипов близка идее априорных форм познания И. Канта: и в том, и в другом случае речь идет о необходимости структурирования отражательной сферы психики до момента начала собственно индивидуального конкретно-чувственного отражения. Таким образом, отождествление дихотомий «биологическое — социальное»

и «среда — наследственность» неправомерно. Ошибка заключается не в том, что при этом пренебрегают какими-то деталями, высказываются неточно, приблизительно. Речь идет не об уровне обобщения, а о принципиальном признании или непризнании специфичности социального, его несводимости к биологическому. Биосоциальная проблема — это не только вопрос о том, что можно изменить в человеке и что нельзя, это, прежде всего, вопрос об онтологической сущности человека, о распространении или нераспространении на психическую деятельность человека и его поведение безраздельной власти законов природы, биологии, прежде всего закона естественного отбора. По сути, отождествление названных дихотомий означает снятие биосоциальной проблемы, отказ от попыток искать ее решение.

Вне дихотомии «биологическое — социальное» термин «социальное» применяется как антоним понятия «индивидуальное». Так, в самых авторитетных изданиях по зоопсихологии сложилась практика употребления словосочетания «социальное поведение животных». Не подвергая сомнению правомерность употребления термина «социальное» в указанном смысле, необходимо отметить его существенное расхождение с содержанием понятия, раскрытым выше. Важно подчеркнуть, что это существенное различие в содержании понятия «социальное» при его определении через дихотомию «животное — человек» по сравнению с определением через дихотомию «индивид — сообщество» ясно проявилось лишь на современном этапе развития психологической науки, в первую очередь благодаря достижениям биологических наук последних десятилетий XX века, прежде всего генетики.

Важнейшее реформирующее значение для понимания биосоциальной природы личности человека имело открытие генетиками во второй половине 70-х годов XX века механизмов так называемого группового наследования. Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, но группа, связанная родственными узами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному индивидному эгоистическому поведению, — различные проявления альтруизма и самопожертвования.

В результате этих открытий стало возможным и необходимым развести два вышеназванных значения понятия «социальное», определяемого либо как противоположность «индивидному», либо как противоположность «животному». До этого времени существовала сильная тенденция к отождествлению областей этих значений. Так, А. Н. Леонтьев в своей классической монографии «Проблемы развития психики», говоря о различии между психикой животного и человека, доказывает, что животное всегда действует само по себе, в одиночку, даже когда вместе действуют несколько особей, воспринимая других как элементы окружающей среды, объекты. Феномен взаимодействия и взаимопонимания между членами сообщества, в соответствии с его концепцией, возникает лишь на уровне человеческой психики.

Сегодня благодаря успехам биологии мы можем с точностью указать наличие «социального» фактора в животных сообществах, что позволяет на новом уровне поставить проблему специфичности человеческой психики по сравнению с психикой животного. Разведение как независимых дихотомий «животное — человек» и «индивид — сообщество» в контексте определения понятия «социальное» позволяет выделять следующие психические феномены:

— животные, существующие на уровне индивида;
— животные, существующие на уровне сообщества;
— специфические человеческие, существующие на уровне индивида;
— специфические человеческие, существующие на уровне сообщества.

Представляется, что уточнение содержания понятия «социальное» необходимо для продвижения в области исследования проблемы соотношения биологического и социального в психическом развитии человека. Так, Л. Г. Почебут [Почебут, 2002] говорит о том, что трудности в разрешении данной проблемы во многом связаны с тем, что логически и научно не определены понятия, используемые в дискуссии.

Итак, для уточнения содержания понятия «социальное» мы воспользовались методом «раздвоения единого» (по В. А. Ганзену), т. е. посредством дихотомий. [Ганзен, 1984]. Начальным этапом анализа любой системы является ее разделение на части. Если принять, что на практике единое всегда является единым множеством, то начальным этапом анализа любой системы следует считать группировку его элементов, их разбиение на подмножества. Действительно, целостную геометрическую фигуру всегда можно представить как связное множество точек. Понятие характеризуется объемом и содержанием, которые тоже являются множествами: первое — множеством объектов данного класса, второе — множеством признаков класса. Раздвоение единого В. А. Ганзен полагал простейшим и самым важным случаем анализа, позволяющим вскрыть внутреннюю диалектику предмета, гармония целостности которого может таким образом быть раскрыта как состоящая из противоположностей.

Любое реальное множество допускает большое число раздвоений. Тогда множество оказывается полидиполюсным, и в отношении него возможно произвести несколько последовательных диалектических дихотомий, порядок которых будет определяться задачей. В. А. Ганзен называет несколько способов раздвоения множеств:

1. Разбиение множества на два непересекающихся подмножества (класса) на основе отношений эквивалентности. Примером может быть разделение всех химических соединений на органические и неорганические.
2. Выделение подмножества в множестве на основе отношения включения, которое является частным случаем отношения порядка. Примером может быть выделение семейства кошачьих среди всех млекопитающих.
3. Разбиение множества на пересекающиеся подмножества, когда а) исходное множество ограничено и его подмножества также ограничены, б) исходное множество не ограничено и его подмножества также не ограничены.
4. Раздвоение размытых множеств.

Для анализа понятий удобен тот вариант раздвоения, который применим при решении задач типологии. В этом случае фиксируются два крайних противоположных значения функции, которые и принимаются за дискретные характеристики крайних типов.

Можно утверждать, что искомое понятие определяется в различных психологических теориях либо как противоположность «индивидуальному», т. е. дихотомия **«индивидуальное — общественное»,** либо как противоположность «животному», т. е. дихотомия «**человек — животное».**

На современном этапе развития науки, когда нет оснований сомневаться в наличии биологических механизмов регуляции существования животных сообществ, отсутствие разделения вышеназванных значений понятия «социальное» приводит к утрате в контексте дискуссии о биологическом и социальном в человеке видения проблемы специфичности человеческой психики, одной из важнейших на историческом пути развития психологической науки.

Начало и конец предкризисного этапа развития психологической науки, когда сложилась так называемая традиционная психология, бунт против положений которой знаменовал наступление кризиса, расколовшего науку на отдельные достаточно независимые школы, обозначен двумя яркими фигурами: Р. Декарта и В. Вундта. В трудах Р. Декарта, заложившего основы теории, определявшей развитие психологии с XVII до конца XIX, вопрос о специфичности человеческой психики поставлен с максимальной остротой: жизнедеятельность животного осуществляется на рефлекторной основе, автоматически, и не нуждается в психическом регулировании, так как полностью определяется объективной реальностью внешних воздействий и внутренних состояний. Только две вещи Р. Декарт полагал невозможным объяснить подобным образом: это сознание человека и его речь. Понятие психики он счел возможным ограничить лишь названными двумя явлениями и приписал ее наличие, т.е. душу, лишь человеку, полагая прочие живые существа лишенными души автоматами. Предметом традиционной психологической науки было сознание, а центральной проблемой — природа свободной воли.

В. Вундт, появление научной школы которого означало переход психологической науки в новую фазу развития, жестко разделил психические явления на низшие, по отношению к которым он считал возможным применение объективных экспериментальных методов, и высшие, присущие только человеку и экспериментальному исследованию недоступные.

Преодолеть дуализм традиционной психологии было возможно, только предложив ту или иную теоретическую модель соотношения социального и биологического в психике человека. Имплицитно или в явной форме такая модель лежит в основе всех так называемых школ психологии, возникших в период кризиса. Каждое из современных направлений психологии в явной или неявной форме дает свои ответы на вопросы:

Как связаны биологическое и социальное в человеке? Дополняет ли социальное биологическую природу, служит ли ее продолжением, или они разделены некоей границей, и их следует рассматривать в отрыве друг от друга? А может быть, между биологическим и социальным существуют отношения антагонизма? Что определяет структуру личностных типов и черт — биологические свойства человека или качества, коренящиеся в культуре, культивируемые социумом? И, наконец, что такое *индивидуальность* человека — уникальный вариант типовой структуры или нечто большее — уникальность самой структуры личности? Какова природа этой уникальности, можно ли объяснить ее, оставаясь в рамках материалистической науки?

Вопрос о соотношении биологического и социального Б.Ф. Ломов называет первым, с которым приходится столкнуться при обращении к изучению развития человека. «В истории науки были перебраны практически все возможные

формально-логические связи между понятиями «психическое», «социальное» и «биологическое». Психическое развитие трактовалось и как полностью спонтанный процесс, не зависимый ни от биологического, ни от социального, и как производный только от биологического или только от социального развития, и как результат их параллельного действия на индивида или взаимодействия и т. п.» [Ломов, 1984, с. 362].

Л. Г. Почебут [Почебут, 2002] рассматривает проблему соотношения биологического и социального в психике человека под новым углом зрения и выделяет в истории психологии два подхода к ней в зависимости от позиции, занимаемой авторами по отношению к вопросу о субъективной или объективной природе социального. Приверженцы первого подхода утверждают, что в основе социальных явлений лежат психические феномены. В рамках этого подхода Почебут объединяет взгляды социолога О. Конта, теорию инстинктов социального поведения, которой придерживались У. Г. Самнер, Т. Б. Веблен, У. Магдугалл, В. Троттер, В. Парето, Р. Д. Коллингвуд, А. Гелен, З. Фрейд, К. Г. Юнг, У. Шутц и др. Л. Г. Почебут полагает, что идея о том, что психическое является основой социального, свойственна феноменологии Э. Гуссерля, символическому интеракционизму Дж.Г. Мида, когнитивному направлению в социальной психологии, а также теории социальной идентичности Г. Тэджфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера.

Второй подход исходит из того, что психическое относится к классу субъективных идеальных явлений, а социальное является объективной реальностью материального мира. Основоположником данного подхода Почебут считает Э. Дюркгейма, социологической парадигмы которого придерживались М. Вебер, Т. Парсонс, П. А. Сорокин, Ф. Теннис. По нашему мнению, к данному подходу следует отнести и марксистскую теорию.

В контексте излагаемой классификации подходов вновь становится очевидным отсутствие единого понимания сущности социального в современной психологии и необходимость уточнения значения данного понятия как условие конструктивного обсуждения проблемы биологического и социального в человеке в контексте единой науки.

2.2. Социальный заказ как фактор постановки биосоциальной проблемы в науке XX века

С биосоциальной проблемой теснейшим образом связаны три вопроса, занимающие важное место в истории психологии:

— о роли наследственности и среды в формировании личности,

— об отношениях индивидуума и общества,

— о свободе и необходимости в регуляции поведения человека.

Биосоциальная проблема обрела высокую идеологическую значимость в условиях бурных социальных противоречий двадцатого столетия. Проблема роли наследственности и среды в человеке, потенциальных возможностей развития и определяющих его факторов — одна из самых идеологически заряженных в психологии. Научные теории и факты здесь непосредственно соотносятся с существующей социальной системой: с принципами рекрутации в те или иные социальные группы

и классы, с уровнем социальной мобильности, существующим в обществе. Структура соотношения различных школ в психологии XX века во всей полноте отразила историческую эпоху сосуществования антагонистических социальных систем с их обостренной чувствительностью к идеологическим аспектам научного знания.

Идея наследуемости интеллекта, нравственности, других психологических качеств — важнейшая тема в литературе и искусстве 19 века. В английской литературе ее величайшими выразителями были Ч. Диккенс и Дж. Элиот. В романе Диккенса «Оливер Твист» герой воспитывается с рождения в ужасной социальной среде, среди самых отвратительных и низких социальных типов. Но как разительно он отличается от своего окружения своей честностью, нравственностью, умом и, наконец, грамотной речью и произношением. Причина этих различий — благородное происхождение Оливера, что и составляет тайну романа. Герой Дж. Элиота Даниэль Деронда — приемный сын английского баронета. В 21 год у него по непонятным причинам возникает увлечение, совершенно не характерное для социальной среды, в которой он рос — древнееврейская философия. Он влюбляется в еврейскую девушку. Естественно, выясняется, что Даниэль на самом деле сын известной еврейской актрисы.

Наиболее популярные французские писатели XIX века Э. Золя и Эжен Сю использовали те же темы. Цикл романов Золя о Ругон-Маккарах посвящен тому, чтобы показать решающее влияние наследственности на социальные различия.

В XX веке идея наследуемости психологических качеств несколько утратила популярность как литературный сюжет, но чрезвычайно усилилась среди ученых. В крайнем варианте эта точка зрения выступает как попытка научного обоснования того, что идеологический лозунг «общества равных возможностей», порожденный демократическими буржуазными революциями, не входит в противоречие с фактом наследуемости власти, богатства и социального статуса в капиталистическом обществе XX века. Исследования зарубежных социологов показывают, что социальная мобильность в обществе, т. е. возможность перехода из одной социальной группы в другую, невелика и постоянно снижается в течение XX века. В 1952 г., например, 83 % американских деловых руководителей были сыновьями бизнесменов или высококвалифицированных работников. Это на 10 % больше, чем в первой четверти века [Левонтин, 1993].

После эмиграции в США многих крупных европейских психологов, бежавших от фашистской угрозы периода второй мировой войны, ведущим в мировой психологии стало влияние американских научных школ. Социальный заказ капиталистического общества США во второй половине двадцатого века сводился к оправданию сложившейся практики ничтожно малой социальной мобильности и по существу наследственной передачи права принадлежности к привилегированным социальным группам на фоне декларирования «общества равных возможностей» [Левонтин, 1993]. Искомым оправданием служили теории и экспериментальные доказательства биологического наследования важнейших личностных качеств, исследования конституционально обусловленных свойств личности. Идея наследуемости психологических качеств позволяет объяснить неравенство людей в капиталистическом обществе их природным неравенством.

Один из крайних вариантов подхода к проблеме сформулировал в 1905 г. выдающийся американский психолог, один из основоположников бихевиоризма, Э. Л. Торндайк: «...в реальном жизненном состязании, смысл которого не в том, чтобы достичь цели, а в том, чтобы обойти других, главным и решающим фактором является наследственность» (цит. по: [Левонтин, 1993]). Показательно, что это утверждение было сформулировано за 5 лет до возникновения хромосомной теории наследственности, за 10 лет до разработки статистической теории корреляций и за 13 лет до обоснования теории наследственности количественных признаков. Иначе говоря, утверждение Торндайка представляет собой не научно обоснованную констатацию фактов, но отражение того, во что он хотел верить.

Идея наследуемости психологических качеств позволяет выдвинуть следующее объяснение неравенства социального положения людей в современном капиталистическом обществе: общество является обществом равных социальных возможностей, насколько оно может быть таким, учитывая природное неравенство людей. Вот как формулирует эту точку зрения психолог Р. Хернстайн: «Привилегированные классы прошлого, возможно, ненамного превосходили биологически тех, кого они угнетали, вот почему революция имела довольно большой шанс на успех. Разрушив искусственные барьеры между классами, общество способствовало созданию биологических барьеров. Когда люди займут свое естественное место в обществе, высшие классы будут, по определению, иметь большие способности, чем низшие» (цит. по: [Левонтин, 1993]).

На протяжении всего двадцатого века усилиями психогенетиков подводился научный базис под эту систему взглядов. Множились и усиливались научные доказательства наследуемости психологических качеств. Ознакомившись с достижениями психогенетики, читатель убедится, что «все на 100 % зависит от наследственности». Однако противоположная идея — «все на 100 % зависит от среды» — также представлена в мировой культуре и доказана блестящими успехами ученых.

Общее мнение ученых сегодня может быть выражено так: индивидуальность зависит на 100 % от наследственности и на 100 % от среды. Однако за этой примиряющей фразой стоит острая борьба взглядов.

Если в литературе XIX века первенствовали идеи наследственности, то в XX веке на первый план выходят сюжеты противоположного смысла. Достаточно назвать такие произведения, как «Пигмалион» Б. Шоу и «Принц и нищий» Марка Твена. Наукой XX века также получены доказательства решающего значения средовых влияний для формирования индивидуальности. Особых успехов достигли здесь отечественные научные школы. Господствовавшая идеология требовала научного обоснования биологического равенства всех людей, а практика грандиозного социального эксперимента диктовала развитие исследований влияния социума на личность человека, изучения меры этого влияния и его механизмов.

Примечательна иллюстрация 12.1 в монографии Дж. Картрайта [Cartright, 2000, p. 342]. На фотографии изображен ребенок 3–4 лет, молотком вбивающий в стену долото. Фотография снабжена подписью: «Ребенок разрушает Берлинскую стену. Десятилетия власти коммунистической идеологии не смогли изменить человеческую природу, заставить людей отказаться от личных свобод и частной

собственности, существующих в западной культуре. Политические и этические системы не жизнеспособны, когда они противоречат биологической природе человека».

Идеологический запрос советского государства, поставленная перед наукой задача создать нового человека, живущего по законам нового общества, способствовали тому, что направление, развивающее данный подход, получило статус ведущего. Его развитию был дан зеленый свет, к работе привлекались лучшие силы отечественной науки. В этом направлении отечественная психологическая наука далеко опередила зарубежные психологические школы по времени обращения к встающим здесь проблемам и достигла замечательных результатов, которые могут быть востребованы сегодня, в процессе осуществляющейся интеграции мировой психологической науки.

Вопрос **об отношениях индивидуума и общества** прямо затрагивает принципы идеологии и культуры, ценностные ориентации общества на коллективизм или индивидуализм.

Интеграция мировой науки происходит на фоне усиления влияния европейских научных школ, когда американская психология уже не является безусловным лидером. В европейских странах сегодня сильны тенденции к социалистической ориентации общества, что также обусловливает определенный социальный заказ.

Отметим, что едва ли не основной силой, породившей социальный конструктивизм, было растущее осознание учеными «заказного» характера западной (в первую очередь североамериканской) социальной психологии, осознание того, что социальная психология не только имеет мощный заряд практической полезности, но и теории свои выстраивает таким образом, что они отвечают актуальным запросам общества: утверждению престижа правящих социальных групп, государственной идеологии. Социальные конструктивисты утверждают, что за большинством теоретических представлений, разработанных западной социальной психологией, стоит сверхзадача утверждения ценностей, насаждаемых обществом, прежде всего идеала независимого, свободного, самостоятельно принимающего решения и проводящего их в жизнь одиночки.

Знаменитые эксперименты Эша по исследованию конформности, практически все работы в области психологии малых групп демонстрируют снижение компетентности и эффективности личности во всех областях деятельности в результате ее пребывания в группе. Социальные факторы рассматриваются как отрицательно, разрушительно влияющие на личность, которая сама по себе обладает вечными общечеловеческими ценностями и способностями. Это положение пронизывает западные теории личности, в частности ярко выявлено в гуманистической психологии.

По мнению социальных конструктивистов, эти теории и подтверждающие их эксперименты, конечно, не фальсифицированы, но односторонни, написаны по заказу социальной системы, которая зиждется на психологии индивидуалиста. Социальные конструктивисты отмечают, что марксизм как теория, направленная к разрушению капиталистической системы, естественным образом должен предлагать свою версию идеала человеческой личности, в основе которой лежит коллективизм.

Вопрос **о свободе и необходимости** в регуляции поведения человека также напрямую связан с основами идеологии и культуры, ориентацией на духовность или прагматизм.

Эти вопросы ставятся по-разному или вообще не могут быть поставлены в зависимости от того, в контексте которой из вышеназванных дихотомий понимает социальное автор теории. Так, понимание «социального» лишь как противоположного индивидуальному уводит проблему свободы воли человека в зону слепого пятна научной школы. В русле биологизаторских направлений не могут быть предложены никакие варианты теорий свободы воли человека, так как в основе этих направлений модель человека, лишенная соответствующих свойств и проявлений. А в качестве своеобразного защитного механизма научного самосознания возникает неоправданное отождествление дихотомий «свобода — необходимость» и «детерминизм — индетерминизм». Однако детерминистский подход не обязательно отрицает возможность свободы. Распространение подобного выхолащивания человеческой психики в естественнонаучном направлении психологической науки закономерно приводит к падению авторитета этого направления в психологии и деградации теорий.

В отечественной психологии общеизвестен сейчас рост интереса к парапсихологии, эзотерическому знанию и другим течениям, традиционно считавшимся околонаучными. Одной из причин этого, возможно, является то, что отечественная естественнонаучная школа сейчас теряет ориентацию на традиционное для себя понимание социального как отличающего человека от животного, во многом в результате некритического принятия зарубежных психологических теорий. Соответственно, от актуальных сегодня вопросов меры свободы и ответственности человека естественнонаучная психология отворачивается, оставляя их другим направлениям.

В отношении приоритета духовного начала в человеке в контексте отечественной теории стоит отметить, что хотя в официальной советской науке декларировался атеизм, как только был снят официальный запрет на религиозность, соответствующая ориентация отечественной психологии в полной мере проявилась. В русле отечественной духовной традиции сейчас защищаются докторские диссертации, пишутся монографии серьезными специалистами, работавшими и получившими образование при советской власти. Можно полагать, что духовно-нравственное направление, которое было под запретом с 20-х годов XX столетия, скрыто развивалось в контексте так называемого естественнонаучного направления и во многом придало последнему его уникальный в мировой науке характер, обращенность к духовной стороне человеческого бытия. Сама постановка вопроса о том, что сознание проявляется как запрет на инстинктивное поведение, то есть в принципе сознательное поведение уже не подчинено принципу выживания, свидетельствует, что хотя нельзя было открыто декларировать религиозность, это не отменяло сути духовных устремлений, которые приписывались человеку.

Использование вышеописанной системы категорий (социальное как противоположность животному и как противоположность индивидуальному; вопросы о свободе и необходимости, среде и наследственности, коллективизме

и индивидуализме) позволяет определить специфику отечественной теории биосоциального единства человека и указать место этой теории в контексте представлений, развиваемых другими научными школами.

Рассмотрим место биосоциальной теории, каким оно сложилось в психологической науке к началу современного посткризисного периода, в период кризиса психологии, который охватывает почти весь XX век, чтобы затем проанализировать имеющие место изменения в контексте современных тенденций развития психологической науки.

Для понимания особенностей становления и структуры психологической теории в XX веке необходимо определить влияние социального заказа. Важнейшим основным фактором, который необходимо учесть, является здесь антагонизм в мировой политике двух социальных систем: капиталистической и социалистической; соответственно двум ведущим вариантам социального заказа мы выделяем два основных подхода к биосоциальной проблеме, которые определяли исследования в ее русле на протяжении данного периода (см. таблицу 1).

Таблица 1

Тенденции в особенностях постановки биосоциальной проблемы и понимании «социального», определяемые социальным заказом и культурной традицией в XX веке

		Отечественная психологическая наука	Североамериканская и западноевропейская наука
Соотношение факторов	Среда — наследственность	Идеология требовала научного обоснования биологического равенства всех людей, а практика грандиозного социального эксперимента диктовала развитие исследований влияния социума на личность человека.	Социальный заказ сводился к оправданию сложившейся практики ничтожно малой социальной мобильности и по существу наследственной передачи права принадлежности к привилегированным социальным группам на фоне декларирования «общества равных возможностей».
	Коллективизм — индивидуализм	В основе марксистской философии, служившей теоретико-методологической основой советской психологии, идеал коллективизма. Идеи общинности, коллективизма, сильны и в традиционной российской культуре.	Идеал независимого, свободного, самостоятельно принимающего решения и проводящего их в жизнь одиночки. Личность от природы обладает общечеловеческими ценностями и программой развития, развертыванию которой социум может лишь мешать или способствовать.
	Свобода — необходимость (человек — животное)	Эсхатологический характер российской культуры обострил внимание ученых к проблемам внутренней свободы человека, понимаемой прежде всего как свобода духа и сознания от страстей и низших потребностей, от принципа необходимости («свобода от страстей»).	Прагматизм и рационализм, пронизывающие западную культуру, служили фактором принятия модели «естественного» человека, сына природы, для которого свобода — лишь отсутствие внешнего принуждения («свобода для страстей»).

Анализ теорий и исследований ведущих школ психологии в XX веке позволяет говорить об определенном социальном заказе, ярко проявляющемся в системе постулатов, лежащих в основе теорий.

Итогом описанного влияния социального заказа на разработку школами биосоциальной проблемы стало **смещение предметной области, относимой к данной проблеме: в одном случае — в область отношений индивида и общности, в другом — в область специфических особенностей психики человека, проблем сознания, воли и т. п.** (см. таблицу 2).

Таблица 2

Значение понятия «социальное» и предметные области исследований «социальности»

	Отечественная психологическая наука	Североамериканская и западноевропейская наука
Значение понятия «социальное»	Определяется в дихотомии «человек — животное»	Определяется в дихотомии «индивид — общность»
Предметная область исследований «социальности»	Специфичность человеческой психики в дихотомии «человек — животное» (Интраиндивидуальный подход)	Взаимоотношения противопоставленных друг другу индивидуума и общности (Интериндивидуальный подход)

Таким образом, проведенное уточнение содержания понятия «социальное» позволяет говорить **об отношениях дополнительности между теориями, развиваемыми школами, как о главных отношениях, при том, что принятые за основу школами постулаты о человеческой природе оказываются альтернативными.**

Остановимся особо на эволюции содержания понятия «культура» в современной психологической науке. В западной психологии культура сейчас все в большей степени трактуется как нечто, принципиально противоположное природе, как совокупность особенностей психического склада и поведения, не наследуемых генетически. Интересно, что в нашей отечественной школе существует сильная тенденция сопротивления такой трактовке. У нас кросс-культурная психология фактически сливается с этнической и понятие культуры в своем содержании тяготеет к традиционному, сложившемуся в контексте этнографии, где биологическое и социальное не противопоставлены друг другу. Представляется, что этот факт можно объяснить содержанием понятия «социальное» в разных школах, которое для наших ученых воплощает противостояние природного и приобретаемого в процессе социализации. Ставшая актуальной для западных ученых предметная область потребовала названия для воплощающего ее суть понятия.

2.3. Биосоциальная проблема как главная проблема психологии в период кризиса

«...Между биологией человека и животных вклинилась социология и разорвала психологию на две части <...>. Нужно построить так теорию кризиса, чтобы дать ответ и *на этот вопрос.*»

Л. С. Выготский,
«Исторический смысл психологического кризиса»

Каждый период в развитии науки имеет своего рода «визитную карточку» — основную проблему, вокруг которой концентрируются усилия ученых, в русле решения которой достигаются максимальные научные достижения своего времени. Так, психологические исследования в XVII в. концентрировались вокруг психофизической проблемы, проблемы соотношения психики и физического мира, и даже проблема психофизиологическая, проблема соотношения психики и организма, ставилась учеными того времени как психофизическая. Успехи естествознания в XVIII в послужили причиной выдвижения на первый план проблемы психофизиологической.

Представляется, что «нервом» психологических исследований и теорий периода так называемого кризиса психологии стала проблема биосоциальная. То, что душевные явления зависят от культуры, социального окружения, известно со времен античности. Уже в V веке до нашей эры софисты обратили внимание на зависимость душевных явлений от социально-исторического контекста. Поведение людей рассматривалось ими уже не только как следствие материальных причин, неотвратимых законов, царящих в природе, но в его зависимости от мышления и речи. Язык и мысль полны условностей и пристрастий, изменчивы и доступны манипулированию. Софисты и позже Сократ положили начало пониманию души как культурного феномена. Линия исследований в русле биосоциальной проблематики может быть прослежена на всем многовековом пути развития психологической науки.

Характерно, что интерес исследователей к биосоциальной проблеме закономерно возрастает в исторические периоды существенных изменений в жизни социума. Однако совершенно новый характер отношения индивида и социума приобрели на рубеже XIX–XX вв. Общая тенденция к ускорению исторического процесса привела к тому, что эти отношения изменились качественным образом. Смена биологических поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда радикально меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как следует относиться к тем или иным явлениям.

Впервые в истории науки возникло новое понимание отношений социального и психического. С развитием социологии социальное стало пониматься не как проявление психического, одно из его свойств, возникающее в процессе развития и функционирования психики, но как самостоятельная сущность, влияющая на психическое и подавляющая его [Почебут, 2002]. Биосоциальная проблема, проблема соотношения биологического и социального в человеческой психике, обрела новое измерение, стала в полном смысле слова психосоциальной.

Обосновывая зависимость психической организации человека от социума, Э. Дюркгейм доказывал, что в основе всех категорий, которыми оперирует человеческое мышление, лежит единая общественная практика, объединяющая всех членов какой-либо социальной общности: «...если бы в один и тот же период истории люди не имели однородных понятий о времени, пространстве, причине, числе и т. д., всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно, стала бы невозможной и всякая совместная жизнь. В силу этого общество не может упразднить категорий, заменив их частными и произвольными мнениями, не упразднивши самого себя <...>. Если же какой-нибудь ум открыто нарушает общие нормы мысли, общество перестает считать его нормальным человеческим умом и обращается с ним как с субъектом патологическим» (цит. по: [История психологии, 1992, с. 279–280]). Категории, которыми оперирует человеческое мышление, Дюркгейм называет «ценными орудиями мысли, терпеливо созданными в течение веков общественными группами, вложившими в них лучшую часть своего умственного капитала. В них как бы резюмирована каждая часть человеческой истории» (цит. по: [История психологии, 1992, с. 282]).

Дюркгейм видит в социуме нечто хотя и изменяющееся исторически, но несомненно более стабильное, чем индивидуальная психика. Именно социум, культура, является носителем той системы понятий, усвоение которой индивидом и придает его изменчивой психической жизни характер устойчивого человеческого разума.

Цитируемая работа Дюркгейма написана до первой мировой войны. Уже в этот период стала очевидной возможность существования различных культур и соответствующих им различных типов психической организации, особенностей мышления, типов личности. Однако в этот период речь шла об отличии от европейцев так называемых диких народов, о кросс-культурных сравнениях. Социальные потрясения и антагонистические противоречия, охватившие мир после начала первой мировой войны, открыли новый план психосоциальной проблемы: неоднозначный, внутренне противоречивый, диалектический характер связи индивидуальной психики и культуры.

Выготский в качестве основного противоречия, вокруг которого шла борьба теорий во время кризиса психологии, называет противоречие между психологией естественнонаучной, объяснительной, и спиритуалистической, понимающей, описательной. Путем к выходу из кризиса он считает разрыв с последней. Таким образом, раскол между двумя психологиями: психологией высших психических функций и психологией низших психических функций, сопровождавший развитие психологии на всех этапах и закрепленный в трудах Декарта, Канта, Вундта, должен был быть преодолен «движением снизу», распространением естественнонаучной методологии на исследования в области сознания и высших чувств. Из работы Выготского, тем не менее очевидно, что он осознавал и другое противоречие, более глубокое и драматичное, чем противоречие между научным детерминистским способом мышления и телеологическим, более уместным в литературе и искусстве. Противоречие, вокруг которого незатухающая борьба шла на всем протяжении более чем векового кризиса психологической науки.

«...Надо нацело расстаться с недоразумением, будто психология идет по пути, уже проделанному биологией, и в конце пути просто примкнет к ней как часть ее. Думать так — значит не видеть, что между биологией человека и животных вклинилась социология и разорвала психологию на две части, так что Кант и отнес ее к двум областям» [Выготский, 1982, с. 377]. Напомним, что речь идет о том, что психология не должна существовать в качестве отдельной науки, но область ее должна быть разделена между биологией и социологией.

Из приводимой цитаты ясно, что Выготский видел драматическое значение психосоциальной проблемы в современной ему науке и занимал по отношению к этой проблеме совершенно определенную позицию, которая и позволила ему сформулировать свою культурно-историческую теорию психического развития.

Изменяем ли человек? Культура — это внешняя оболочка, прикрывающая некие общечеловеческие качества, или то, что только и делает человека человеком, придает животному качество человека?

Проблема наследственного и приобретенного, изменяемости и неизменности человеческой психики стала центром психологических исследований XX века как для теоретических школ, так и для практической психологии. Почти все важнейшие достижения психологии последнего столетия представляют собой варианты ее

решения. Такова модель Фрейда, где четкое разделение и противопоставление биологического и социального является центральным моментом и представляет собой источник и причину развития и функционирования человеческой психики. Из неприятия представлений Фрейда об антагонизме биологического и социального вырастает неофрейдизм во всех его вариантах и затем гуманистическая психология, в контексте которых были предложены неантагонистические модели взаимоотношений биологического и социального. Нет нужды говорить, что для отечественной школы разработка биосоциальной проблемы была важнейшим и приоритетным направлением. Непосредственное и прямое отношение к проблеме биологического и социального в человеческой психике можно отметить практически во всех крупных разработках в области общей, возрастной, педагогической, дифференциальной, клинической психологии XX века.

Постановка проблемы ведущими школами психологии позволяет говорить об определенном социальном заказе, особенно ярко проявляющемся в системе постулатов, лежащих в основе теорий. Идеологическое значение проблемы было настолько велико и напряжение в этой области настолько сильно, что собственно конструктивное научное обсуждение проблемы изменяемости человека, соотношения в человеке врожденного и приобретенного в процессе социализации, практически прекратилось, в целом дискуссия между школами стала «затухать» и разработка психологической теории велась в рамках отдельных школ, теоретические разработки которых сопоставлялись почти исключительно в практических прикладных работах, эклектически. Таким образом, идеологическая связанность школ в отношении подхода к важнейшей теоретико-методологической проблеме XX века — биосоциальной — послужила важнейшим фактором раскола и так называемого кризиса психологии, продолжавшегося более чем столетие, в результате которого психология распалась на отдельные школы, разделенные принципиальными различиями и противоречиями в отношении теории, методологии, самого понимания предмета науки, фактически перестала существовать как единая наука.

В контексте современной тенденции к интеграции мировой науки, анализ представлений о биологическом и социальном в детерминации человеческой психики, имплицитно заложенных в основу важнейших психологических теорий, имеет высокую актуальность, так как объединение в структуре единой психологической науки достижений различных школ, долгое время развивавшихся относительно независимо друг от друга, не может быть полноценным без учета этих представлений как части общей «системы координат», определяющей предметное и понятийное пространство, в рамках которого различные теории могут быть соотнесены.

Актуальность биосоциальной проблематики на современном этапе развития мировой науки обусловлена не только тем, что эта проблематика пронизывает предметные области всех психологических направлений XX века и тем самым может служить базой для соотнесения теорий, но также и тем, что представления о биологическом и социальном в детерминации психики человека интенсивно разрабатываются в контексте новейших направлений в зарубежной психологии, которые сложились в последней трети двадцатого века и в настоящее время определяют передний край развития психологической теории, крайних и радикальных в отношении подхода к биосоциальной проблеме.

В зарубежной психологии на рубеже XX–XXI вв. сложились новейшие теоретические направления, в контексте которых человек рассматривается подчеркнуто односторонне, его биологическая сущность либо игнорируется, либо исчерпывает человека в целом. Эти направления сложились на стыках психологии с бурно развивающимися смежными науками, с одной стороны культурологией и лингвистикой, с другой — комплексом биологических наук, и сейчас во многом определяют передний край развития мировой психологической теории. Так, накануне XXVII Всемирного психологического конгресса 2000 г. журнал "European Psychologist" [Tele-interviews, 2000, p. 90–162] провел опрос среди 30 крупнейших психологов Европы. Их, в частности, просили назвать те новые тенденции в развитии психологической науки, которые, по их мнению, будут определяющими в XXI веке. Практически все в качестве важнейшей тенденции назвали влияние на развитие психологии достижений генетики и биологических наук в целом. На этом фоне не может не вызывать сожаления ослабление интереса отечественных психологов к естественнонаучному направлению, традиционно сильному в России и несомненно конкурентоспособному на мировом уровне.

2.4. Социобиология и эволюционная психология о биосоциальной природе человека

Высокая актуальность биосоциальной проблемы в начале XXI столетия определена достижениями биологических наук последних десятилетий XX века, прежде всего генетики, которые перевели проблему наследственности из области идеологизированных стереотипов и вероятностных рассуждений в область экспериментов и точных расчетов.

Важнейшее реформирующее значение для понимания биосоциальной природы личности человека имело открытие генетиками механизмов так называемого группового наследования во второй половине 70-х годов XX века. Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, но группа, связанная родственными узами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному индивидному эгоистическому поведению, — различные проявления альтруизма и самопожертвования. В свете новых открытий стали понятными вещи, которые сам Дарвин объяснить не мог и считал парадоксальными, — случаи, достаточно распространенные в животном мире, когда индивиды воздерживаются от того, чтобы иметь собственное потомство, создавая взамен наилучшие условия для выращивания потомства своих сородичей. Так, необъяснимым для Дарвина было существование рабочих муравьев. Наличие генов, обеспечивающих проявления альтруизма, в сообществе несомненно биологически целесообразно и обеспечивает ему в целом лучшие условия для выживания, по сравнению с группами, члены которых не помогают друг другу.

В следствие этих открытий возникло новое направление науки — социобиология [Wilson, 1975]. Социобиология претендует на объяснение биологической целесообразностью всех видов общественного поведения животных и той или иной доли в социальном поведении человека. В крайних вариантах под логику биологической

сообразности в борьбе за существование вида подводится все социальное поведение людей.

Так, Даукинс рассматривает индивида как своего рода машину, приспособление, создаваемое генами для выживания и распространения [Dawkins, 1976]. Вот как он говорит о генах: «Вы не встретите их плавающими в одиночку без защиты в море жизни <...>. Эти путешественники организованы в большие колонии, живущие в безопасности внутри огромных подвижных конструкций, спрятанные от внешнего мира и взаимодействующие с ним через посредство дистанционных органов управления. Они в Вас и во мне, они создали нас, наши тела и души, и их сохранение — конечная цель нашего существования <...>. Их называют генами, а мы — конструкции, созданные для обеспечения их жизни» [Dawkins, 1976, с. 21].

На сходных позициях основано и новейшее научное направление — эволюционная психология [Dawkins, 1994; Cartwright, 2000], которую ряд авторов отождествляет с социобиологией [Wilson, 1975; Dawkins, 1994]. В центре внимания эволюционных психологов познавательные механизмы человека, функциональные системы, определяющие способы и правила принятия решений. Сторонники этого направления полагают, что эти механизмы сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека, и закреплены генетически. Естественно, при таком подходе большое значение приобретает исследование той среды, в которой обитал человек на заре своего существования и в процессе приспособления к которой он формировался — так называемой Среды Эволюционной Адаптации (СЭА). Интенсивно обсуждается в литературе этого направления, какой была эта среда, какие задачи необходимо было решать нашим предкам для того, чтобы выжить в ней. Эволюционная психология активно взаимодействует со сравнительной психологией и этологией, заимствуя из описаний жизни современных нам приматов материал для гипотетических реконструкций СЭА. Эволюционные психологи полагают, что множество бед современного человека, его постоянный стресс, растущее количество неврозов можно объяснить тем, что современный мир существенно отличается от СЭА и потому плохо подходит человеку, что задачи, которые ставит перед нами современная жизнь, не соответствуют природе наших возможностей познавать и принимать решения.

Остается непонятным, как объяснить такую невероятную стабильность человека в условиях изменяющейся динамически среды. Эволюционные психологи приводят в качестве аргумента то, что homo sapiens произошел всего 200 000 лет назад, а современный нам человек, появление которого они связывают с так называемой неолитической революцией (появлением земледелия) — всего 10 000 лет назад. В масштабах времени эволюции жизни на Земле это, конечно, маленькие цифры. Однако, оставляя в стороне саму спорность оценок времени существования человека, заметим, что в соответствии с теорией Дарвина скорость эволюционного процесса далеко не абсолютна и определяется скоростью именно средовых изменений. Вид может оставаться очень стабильным в течение миллионов лет, обитая в неизменных условиях, тому множество примеров. В то же время изменение средовых условий приводит к резким и быстрым изменениям. Трудно поверить, что разительное изменение условий жизни человечества никак не сказалось на его

наследственности. Представляется, что это означало бы как раз отмену закона естественного отбора.

Примером названного подхода может служить монография Картрайта, где с точки зрения их роли в обеспечении выживания вида анализируются не только формы поведения, связанные с полом и гендером, формы организации семьи в человеческом обществе, но и обширная сфера деятельности человека в сфере культуры, практически все формы человеческого поведения [Cartwright, 2000]. Широко обсуждается научной общественностью монография С. Пинкера «Инстинкт речи» [Pinker, 1994].

Мера альтруизма и взаимопомощи в сообществе исходя из теории родственного отбора должна быть пропорциональна родственной близости. Многочисленные исследования зоопсихологов указывают, что в сообществах животных это действительно так. Обстоит ли так же дело у людей? В пользу последнего предположения собраны многочисленные свидетельства. Большинство людей предпочитают жить с родственниками, вместе или в непосредственной близости. Именно среди родственников принят обмен дорогими подарками, завещания в абсолютном большинстве случаев делаются в пользу родственников, пропорционально генетической близости. Родственные отношения имеют очень большое значение в эмоциональной жизни людей. Характерно, что общественные движения, стремящиеся к высокой сплоченности своих участников, широко используют понятие братства. Таковы обращения «братья и сестры» в религиозных общинах и других.

В контексте вопроса о естественной симпатии и привязанности между родственниками заслуживает объяснения запрет инцеста, сексуальных отношений между близкими родственниками, существующий практически во всех без исключения культурах. Несомненным фактом является то, что во всех известных культурах сексуальная близость между родственниками имеет место значительно реже, чем между людьми, не связанными родственными отношениями. Каковы причины этого явления? Существует два объяснения, одно из которых было предложено З. Фрейдом. В соответствии с его точкой зрения между родственниками существует сильное влечение, однако существующие в обществе табу препятствуют его удовлетворению. С точки зрения сторонников эволюционного подхода, такого влечения быть не может, так как инцест вреден, он приводит к вырождению. «Если бы Фрейд лучше понял Дарвина, мир был бы избавлен от таких фантастических тупиковых концепций, как Эдипов комплекс и инстинкты смерти», — писал Дэйли [Daly, 1997, p. 2]. В процессе эволюции должен был сложиться механизм запрета инцеста на биологическом уровне. Интересно, что уже в 1891 году финский антрополог Эдвард Вестермарк предложил соответствующую теорию [Westermark, 1891], в соответствии с которой близкородственное скрещивание у людей исключается тем, что люди не испытывают влечения к тем, с кем общаются в раннем детстве, вместе растут. Эта причина является достаточно надежной преградой на пути инцеста в подавляющем большинстве случаев.

Теория Вестермарка не получила широкой известности, возможно, в силу резко отрицательного отношения к ней Фрейда. Тем не менее, в пользу ее говорят не только рассуждения эволюционных психологов, но и факты. Так, в Израиле

существуют так называемые кибуцы, небольшие своеобразные коммуны, где дети, не являющиеся кровными родственниками, растут и воспитываются вместе, как братья и сестры. Статистика показывает, что браки между детьми из одного кибуца крайне редки [Parker, 1976], хотя тесные дружеские отношения связывают их часто всю жизнь. Похожую картину рисует исследование, проведенное на материале совсем иной культуры, на Тайване [Wolf, 1970]. На Тайване существует обычай так называемых «детских браков», когда семья, где имеются сыновья, принимает на воспитание чужую девочку, чтобы в последствии она стала женой сына. Статистика показывает, что браки, заключенные таким образом, часто не благополучны: процент разводов в них в три раза выше среднего для браков, совершенных по-другому; в этих семьях рождается на 40 % меньше детей; существенно чаще случаются супружеские измены.

Нетривиальные результаты получили эволюционные психологи, анализируя статистику преступлений. Психологические корни преступлений против личности, прежде всего убийств, традиционно ищут в дефектах воспитания, негативных врожденных личностных особенностях или в какой-либо психопатологии преступника. Таким образом, биологическая, природная составляющая здесь, если ее наличие и признается, рассматривается как дефект развития на уровне генотипа или фенотипа, отклонение от видовой нормы.

Предлагается принципиально иной взгляд. Эволюционная психология рассматривает все виды поведения человека как инстинктивные, генетически закрепленные путем естественного отбора в период доисторическиого существования человека, когда сформировался и с тех пор остался неизменным вид homo sapiens. Предполагается, что и убийство должно быть рассмотрено как способ поведения, закрепленный естественным отбором благодаря его адаптивной природе, т.е. полезный с точки зрения выживания, но не в сегодняшнем обществе, где такой способ поведения карается по закону и уже не является адаптивным актом, а в условиях доисторической жизни.

С этой точки зрения за разнообразием индивидуальных особенностей преступлений против личности должны быть обнаружены общечеловеческие закономерности, объясняемые биологической целесообразностью убийства при определенных обстоятельствах в условиях доисторического существования. Ряд таких общечеловеческих закономерностей преступлений против личности выявлен и описан эволюционными психологами. Представляется интересным рассмотреть эти данные.

Влияние родства на вероятность агрессии и убийства. Тот факт, что множество преступлений против личности совершается близкими родственниками, противоречит доказанной генетиками теории родственного отбора. В соответствии с этой теорией субъектом борьбы за существование является не только и не столько индивид, сколько сообщество, родственная группа как носитель определенного набора генов. В свете этой теории многие виды поведения, ранее рассматривавшиеся как альтруистические, обретают прямой биологический смысл. На различных видах животных показано, что уровень агрессии в отношениях между индивидами обратно пропорционален степени их генетического родства. С целью доказать наличие подобного механизма у человека были проанализированы случаи убийства

взрослых людей, когда убийцей оказывался человек, проживающий совместно с жертвой. Сравнивался относительный риск стать жертвой в случае совместного проживания с супругом, с человеком, не связанным родственными отношениями, с ребенком и с родителем. Риск определялся как отношение реального числа случаев к статистически вероятному. Показано, что этот показатель для людей, не связанных родством, равен 3.33, для супругов — 3.32, для родителей (когда убийцей оказывается ребенок) — 0.27, для детей — 0.69 (здесь и далее приводятся данные из книги Daly M. и Wilson M. “Homicide” (NY, 1988), цит. по: [Cartwright, 2000]).

Зависимость риска стать жертвой убийства по месту постоянного проживания от степени родства совместно проживающего

Степень родства совм. проживающего	% совместно проживаю-щих среди взрослого населения	Наблюдае-мое число убийств (A)	Ожидаемое число убийств (B)	Относи-тельный риск: A/B
Супруг	60	65	20	3.32
Родств. отношений нет	10	11	3	3.33
Дети	90	8	29	0.27
Родители	40	9	13	0.69

Инфантицид как инстинктивное поведение. Инфантицид, то есть детоубийство, рассматривается в контексте эволюционной психологии как часть адаптивной стратегии размножения в доисторические времена. Предполагается, что поскольку для того, чтобы вырастить ребенка, необходимы огромные вложения биологических ресурсов родителей, в первую очередь матери, в ряде случаев инфантицид оказывается оптимальным решением с точки зрения выживания потомства в целом. Расчеты эволюционных психологов указывают на «зоны риска» в зависимости от таких переменных, как возраст матери и возраст ребенка. Расчеты подтверждаются данными статистики, в том числе кросс-культурными исследованиями, на примере как «цивилизованных» жителей Канады и США, так и индейцев Амазонии.

В плане возраста матери представляют опасность очень молодые женщины до 19 лет. Объяснением служит то, что в неблагоприятной ситуации (например, внебрачный ребенок) женщина, имеющая впереди многие годы репродуктивного возраста, увеличит свою общую биологическую продуктивность не стесняя себя младенцем. Следующая по уровню риска с большим отрывом группа — женщины старшего возраста, старше 35–39 лет. Можно полагать, что появление нового ребенка у немолодой матери ставит под угрозу выживание уже имеющихся детей, требуя от женщины слишком больших затрат биологических ресурсов. С точки зрения общей биологической продуктивности в этом возрасте может быть выгоднее вырастить уже имеющихся детей.

В плане возраста ребенка жертвой инфантицида от руки матери и в меньшей степени отца оказываются очень маленькие дети, до года. В них еще вложены минимальные затраты родителей. С возрастом, по мере того, как в ребенка вкладываются все большие биологические ресурсы, вероятность стать жертвой в своей семье нелинейно убывает и к подростковому возрасту становится почти нулевой. Конфликтный

и «трудный» для родителей подросток оказывается самым «дорогим» и ценным ребенком в биологическом смысле: в него уже вложены колоссальные затраты ресурсов родителей, осталось совсем немного, и он будет готов к тому, чтобы передать гены следующему поколению. Интересно, что в этом возрасте риск быть убитым не родственником многократно повышается по сравнению с возрастом 5–10 лет. Факт «бережного» обращения родителей с конфликтным подростком, предсказанный расчетами эволюционных психологов, представляется нетривиальным.

Дети разводов. Шокирующее впечатление производят данные об инфантициде в отношении этой группы детей. По данным статистики США и Канады риск быть убитым для ребенка, живущего в семье, где один или оба родителя не являются биологическими, в сто с лишним раз повышается. Когда эти факты были опубликованы в США, общество было шокировано. В современной западной культуре сложился стереотип отношения к проблемам детей разводов как к чему-то безусловно важному и существенному, но относящемуся сугубо к сфере эмоциональных переживаний и рефлексивных проблем. То, что за этим стоит грубая реальность, описанная в сказках о злых мачехах и книгах зоологов об организации семьи в животном мире, где лев, наследующий прайд, убивает львят своего предшественника, а дикая утка разбивает яйца своей предшественницы, создавая новую семью с селезнем, противоречит культивируемым представлениям о мире, где существенное значение придается праву взрослого человека любить и создавать семью по любви, совсем не обязательно однажды. Конечно, семьи, где совершается насилие над детьми, нельзя считать нормальными. Однако это не меняет значения того факта, что агрессия оказывается направленной на чужого, а не на своего ребенка. Можно предположить, что в нормальных семьях такие дети также оказываются дискриминированными, например, в плане наследования доли имущества родителей, однако, такие данные в литературе отсутствуют.

В отношении принципиальных исходных теоретических положений описываемый подход не просто существенно отличается от позиций отечественной психологической школы, но и является по сути альтернативным. Представляется, что конструктивная дискуссия здесь возможна по самому широкому кругу вопросов: от неизменности природы человека с доисторических времен до адаптивности инстинктов человека.

Самостоятельный интерес представляют эмпирические факты и закономерности, которые позволяет обнаружить эволюционный подход. Оставляя в стороне дискуссионные аспекты их истолкования, они могут помочь предсказать возможные «зоны риска».

Рассматривая человеческое поведение в свете теории Дарвина, нельзя обойти вниманием такой предмет, как красоту человеческого лица и тела. Если основополагающую роль в нашем поведении действительно играет скрытое стремление обеспечить своим генам наилучшие условия для распространения в будущем, то:

а) за разнообразием представлений о красоте, существующих в различных культурах, должны быть скрыты некие общие, видовые, общечеловеческие характеристики;

б) эти общие характеристики должны быть непосредственно связаны со способностью обеспечить выживание потомства.

Сам Дарвин перед лицом многообразия стандартов красоты в разных культурах, пришел к выводу о том, что единого представления о красоте не существует. Однако современным исследователям удалось ряд таких особенностей выявить и описать.

Воплощением определенного стандарта красоты считается традиционно победительница конкурса «Мисс Америка». Анализировались параметры фигуры Мисс Америка с 1920 года по 2000 [Singh, 1993]. Рост и вес красавиц существенно меняются. В целом можно отметить тенденцию уменьшения веса и увеличения роста на протяжении двадцатого века. Однако удалось найти почти абсолютно стабильный показатель. Это отношение объема талии к объему бедер (ОТБ), равное 0,7. Этот показатель оказался универсальным критерием красоты, связанным непосредственно со здоровьем женщины и способностью к деторождению. Показано, что ОТБ тем ниже, чем выше уровень эстрогена (женский гормон). Это правило действует как для женщин, так и в отношении мужчин, у которых при введении эстрогена с лечебными целями отмечено понижение ОТБ. Обратное влияние оказывает уровень мужского гормона тестостерона. Чем он выше у мужчин, тем выше у них ОТБ. Введение тестостерона женщинам приводит к повышению ОТБ также. Диапазон типичных значений ОТБ для европеоидных женщин от 0,67 до 0,8, для мужчин от 0,8 до 0,95.

С целью проверить значение ОТБ для оценки красоты и привлекательности женщины были проведены специальные эксперименты [Singh, 1993]. Мужчин просили ранжировать по привлекательности схематические изображения женских фигур, которые различались по ОТБ и по общей полноте: худые, средние и полные. Гипотеза эксперимента полностью подтвердилась. Важнейший и универсальный фактор привлекательности женской фигуры — низкое значение ОТБ. Аналогичный эксперимент был проведен с изображениями мужских фигур, привлекательность которых просили оценить женщин. Показано, что привлекательными кажутся фигуры с высоким ОТБ (т.е. высоким содержанием мужского гормона), оптимальным для мужской фигуры оказалось значение ОТБ равное 0,9.

Большое значение при оценке красоты придается лицу человека. В таблице ниже представлены особенности лица (женского и мужского), которые, по мнению эволюционных психологов, являются общечеловеческими индикаторами красоты, и объяснения возможной роли этих особенностей как индикаторов биологической полноценности [Cartwright, 2000].

Особенности лица мужчины или женщины	Значение в процессе естественного отбора
Отсутствие волос на лице женщины, выщипывание бровей	Показатель юного (т.е. детородного) возраста, так как с годами волосы на лице женщины становятся заметнее.
Светлая кожа на лице женщины	Показатель юного возраста, так как с годами кожа на лице женщины темнеет
Детское личико у женщины (маленький подбородок, нос, широко расставленные большие глаза)	Маленький подбородок и нос являются показателями низкого уровня тестостерона (мужской гормон). Также детские черты могут вызывать у мужчины родительский инстинкт покровительства.

Особенности лица мужчины или женщины	Значение в процессе естественного отбора
Симметричность правой и левой половин лица для мужчин и женщин	Симметричность — показатель устойчивости фенотипа к внешним патогенным воздействиям, показатель гетерозиготности.
Широкая улыбка	Показатель здоровья, благополучия, способности устанавливать и поддерживать социальные контакты.
Большой подбородок и выдающиеся скулы у мужчин	Высокий уровень тестостерона
Наличие волос на лице мужчины	Показатель зрелости, также зрительно увеличивает подбородок.
Усредненность лица	Коррелирует с симметрией. Также может служить индикатором оптимального среднего в распределении показателей в группе.

Интересно, что мужские лица с особенностями, указывающими на высокий уровень тестостерона, оценивались как особо привлекательные женщинами, когда давалось задание выбрать мужчину, с которым хотелось бы провести короткое время. При установке на выбор постоянного партнера выбор смещался в сторону менее высоких показателей гормона. Можно усмотреть в этом определенный биологический смысл, так как мужчина с очень высоким уровнем тестостерона проявляет высокую сексуальную активность, однако не склонен становиться хорошим семьянином [Perrett et al., 1998].

Большой интерес представляют попытки анализа человеческой культуры с позиций дарвинизма. Под культурой понимается информация (включая знания, идеи, верования, идеалы, ценности и пр.), которая не содержится в человеческом геноме и которая распространяется и передается путем социальных контактов. Именно благодаря наличию культуры или социокультурных адаптаций человечество за последние несколько тысяч лет освоило практически все экологические зоны Земли и распространилось повсюду, став безусловно главенствующим биологическим видом на Земле. В русле данного подхода культура либо рассматривается как специфически человеческое проявление общих биологических закономерностей поведения, либо, если она не относится к биологии прямо, рассматривается как явление, подчиняющееся биологическим законам, прежде всего закону естественного отбора. Ярким примером такого подхода является новейшее и очень модное направление *меметика* [Blackmore, 1999; Dawkins, 1976].

Меметика исходит из существования некоего «мира идей», иными словами, неких продуктов и носителей культуры — мемов. Первым ввел понятие мема Докинс. Мемами могут являться идеи, идеалы, представления, социальные стереотипы, бытующие в обществе, верования, знания и т. д. Мемы непосредственно не связаны с генами, не обязательно вообще они должны иметь материальную природу, но живут и распространяются в соответствии с законами, открытыми Дарвином. В основу модели положены следующие постулаты:

1. Существуют в реальности некие сущности (мемы), способные к самовоспроизведению.
2. В процессе воспроизведения случаются ошибки и отклонения, так что копии не всегда абсолютно подобны оригиналам.

3. Количество копий зависит от свойств оригинала и среды его обитания.
4. В силу того, что ресурсы среды ограничены, не бесконечны, мемы размножаются с различной скоростью и успехом.

Мемы могут распространяться вертикально, от родителей к детям в процессе воспитания, и горизонтально, вне родительской семьи. При вертикальной передаче мемы сопутствуют генам, при горизонтальной — с последними никак не связаны. Основной путь распространения мемов — через механизм подражания людей друг другу.

Выживание и распространение мемов прямо не связано с их биологической полезностью. Так, существуют мемы, вредно влияющие на биологическое воспроизводство своих носителей — людей, в сознании которых они поселились, например, идеи безбрачия и отказ иметь детей ради карьеры женщины. Большинство мемов полезны для своих носителей, это правила гигиены, приемы общения и т. д. Многие мемы существуют не обособленно, но объединяясь в комплексы, поддерживая и питая друг друга. Так, мемы — религиозные представления сосуществуют с мемом — представлением о ценности веры. Сторонники меметики предлагают Я-концепцию считать также сложным мемокомплексом, играющим роль защитной оболочки по отношению к мемам, наполняющим сознание личности.

Меметика является несомненно дуалистическим подходом по своим философским основаниям. До сих пор в истории философии никому еще не удалось построить целостную научную картину мира на дуалистическом основании. Но меметика — направление совсем молодое, и его сторонники продолжают надеяться, что им удастся предложить конструктивную модель взаимодействия материальных тел людей и мозга с миром мемов.

В психологической науке со времен античности периодически возникают направления, провозглашающие своей целью решение психологических проблем путем применения методологии и методов биологических наук. История психологии убедительно свидетельствует о полезности и значимости такого рода исследований, однако абсолютизация этого подхода в психологии, его расширительное применение, приводят в тупик и означают утрату психологией своего предмета, ибо психическое не может быть объяснено и описано в терминах физиологических механизмов, как не может быть описана архитектура здания в терминах свойств использованных кирпичей.

Работа физиологических механизмов, обеспечивающих психическое отражение, не является непосредственной реакцией на свойства среды, она существенным образом опосредована закономерностями собственно психической деятельности. Однако подход «физиологической психофизики» по понятным причинам соблазнительной простоты и кажущейся объективности привлекателен для психологов и периодически возрождается в психологической науке. Ярким явлением в психологии познавательных процессов конца двадцатого столетия стала сложившаяся в контексте эволюционной психологии так называемая модульная теория мышления [Tooby, Cosmides, 1990; Tooby, Cosmides, 1992]. Предлагается считать, что мозг представляет собой набор дискретных модулей, сложившихся в процессе эволюции для решения строго определенных задач. Структура мозга при этом полагается

однозначно связанной с мышлением (а также с обработкой информации, познанием, сознанием и поведением человека).

Основные принципы данного подхода можно сформулировать следующим образом [Cartwright, 2000]:

1. Ум и сознание человека — порождение мозга. Мозг можно уподобить компьютеру, который получает определенным образом структурированную информацию на входе и в соответствии со стимулом продуцирует реакции на выходе. Полагая, что в основе поведения и сознания лежат непосредственные побуждения — инстинкты, сторонники данной теории считают, что в большинстве сложных ситуаций человеческой жизни поведение не может быть управляемо непосредственно инстинктами. В любой ситуации необходимо учитывать целый комплекс составляющих — условий деятельности, противоречивых мотиваций. Выбор оптимального поступка представляется функцией своеобразного живого компьютера (мозга), который принимает решение исходя из сложного взаимодействия непосредственных побуждений (инстинктов) и комплекса параметров, описывающих ситуацию.
2. Нейронные структуры, составляющие мозг, были созданы естественным отбором для решения тех проблем, которые ставила жизнь перед нашими далекими предками в процессе эволюции. Важнейшая общая особенность этих разнообразных проблем заключается в том, что они являются проблемами адаптации. Они постоянно и закономерно вставали перед нашими предками, и эффективность их решения имела прямое влияние на выживание в процессе борьбы за существование, естественного отбора. Такие проблемы возникают в области особенностей роста и взросления организма, способности выживать в сложных условиях, добывания пищи, умения избегать нападения и выбирать партнера, размножения и т. п.
3. Мы осознаем только небольшую часть работы нашего мозга, большая часть его деятельности скрыта от нашего сознания. Интуитивно человеку свойственно сильно упрощать в своем представлении работу мозга, которая протекает бессознательно, что приводит к тому, что исследователи недостаточно учитывают эту часть мозговой деятельности.
4. Мозг организован не как единый когнитивный аппарат, что было бы неэффективно, но как набор дискретных функционально высокоспециализированных модулей. Каждый из модулей реагирует на проблемы, возникающие только в одной ограниченной области жизнедеятельности. Можно уподобить такую организацию мозга складному ножу, в котором скрыты разнообразные отдельные лезвия и другие приспособления, предназначенные для разных целей [Tooby and Cosmides, 1990].
5. Когнитивные механизмы, которые были выработаны естественным отбором за миллионы лет первобытной жизни человека, охотника и собирателя пищи, не обязательно являются адаптивными в сегодняшней нашей жизни. Мозг современного человека остался таким же, каким был в каменном веке.
6. Поскольку все люди принадлежат к одному биологическому виду, между всеми особями которого возможно скрещивание и смешение хромосомного материала, индивидуальное разнообразие познавательных способностей должно быть ограничено. Таким образом, набор специфических для областей жизнедеятель-

ности модулей является общим для всех людей, с небольшими и несущественными индивидуальными и групповыми различиями, подобно общности анатомического строения человеческого тела.

7. Авторы, разрабатывающие настоящий подход, полагают, что природный «враг» данной концептуальной модели — социально-психологический подход. Единственное положение, которое разделяют сторонники двух альтернативных направлений — то, что генетические различия между индивидами и группами не объясняют наблюдаемых различий в поведении. Во всех остальных моментах имеют место принципиальные противоречия. Основное из них заключается в том, что с точки зрения социально-психологического подхода организация и структура познавательных процессов взрослого человека определяются культурой, которая независима от природных особенностей человека и относительно независима от условий и обстоятельств индивидуальной жизни. От природы, в соответствии с этим подходом, существует лишь способность овладевать культурой. Таким образом, мозг можно уподобить компьютеру без программ, который черпает программы из внешней культуры.

Каким же может быть набор познавательных модулей нашего мозга? Попыткам выявления отдельных модулей и определения и обоснования состава их необходимого набора посвящена достаточно обширная литература. Популярной является следующая общая структурная схема [Geary, 1998]:

Сферы жизнедеятельности			
Социальная		**Экологическая**	
Индивидуальная	**Групповая**	**Биологическая**	**Физическая**
Язык Узнавание лиц Распознавание лжи Представления о человеческом мышлении	Отношения с близкими Внутригрупповые отношения Межгрупповые отношения Социальные идеологии	Флора Фауна	Движение Образы объектов

Каждый из модулей работает отдельно от других и избирательно активируется в соответствующей ситуации. Как же решается вопрос, который из модулей должен быть активирован? Гигерензер [Gigerenzer, Hug, 1992; Gigerenzer, 1997; Gigerenzer, Todd et al., 1999] предлагает следующее решение. Должен существовать некий механизм, распознающий и классифицирующий ситуации и запускающий соответствующий модуль. Этот механизм должен срабатывать очень быстро и при этом быть способным классифицировать бесконечное разнообразие жизненных коллизий. Гигерензер полагает, что такой механизм может работать соответствующим образом, если он организован иерархически, от грубых обобщенных определений ко все более детальным, причем на каждом шаге реагировать на небольшое число простых однозначных стимулов. Для сферы социальной жизни такими стимулами могут быть жесты, мимика, интонации и пр.

Модульная модель мышления широко дискутируется сегодня в мировой науке. В рамках этой дискуссии обсуждается целый ряд вопросов:

- Можно ли утверждать, что существовал некий единый тип окружающей среды, применительно к которому и сформировался человеческий мозг [Betzig, 1998]? Какой была эта среда обитания?

- Необходимо ли познающие модули привязаны к отдельным сферам жизнедеятельности [Betzig, 1998; Shapiro, Epstein, 1998]? Нельзя ли допустить существование модулей, которые использовались бы в целом спектре разнообразных ситуаций? Возможна ли эволюционная изменчивость специализации отдельных модулей?
- Как соотносятся модули с нейрофизиологическими структурами мозга? Уже стало очевидным, что прямую и непосредственную связь с мозговой нейрофизиологической организацией отдельных модулей установить не удается. Представляется, однако, что какая-то связь должна быть. Какова же она?
- Следует ли рассматривать все виды адаптивного поведения как результат когнитивных процессов? В процессе поведения решаются сложные адаптационные задачи, однако это не обязательно должно требовать участия познавательных структур. Возможно, в ряде случаев достаточно физиологических процессов. Так, сердце человека обеспечивает сложную координацию ритмов и уровней активности без всякого участия нашего сознания. Сложный набор физиологических механизмов обеспечивает поддержание температуры тела.
- Насколько велики индивидуальные и групповые различия в модульной структуре мозга? Спектр мнений достаточно широк. Крайним является утверждение, что все люди имеют принципиально общую структуру познавательных модулей, и имеются лишь поверхностные малозначимые различия [Tooby, Cosmides, 1990]. Другие авторы придают существенное значение разнице адаптивных проблем, встающих перед мужчинами и женщинами, и считают, что существует как минимум два разных вида познающих механизмов: женский и мужской [Cartwright, 2000]. Представлена также точка зрения, что у человека важную роль играет фенотипическая пластичность, когда в зависимости от условий среды один и тот же генотип может порождать существенно различные фенотипы, а также что возможен существенный генетический полиморфизм, существование как бы подвидов внутри единого вида человека, подобно тому, как это имеет место у некоторых видов животных [Wilson, 1994].

Модульная теория мышления находится в центре внимания научной общественности и определяет направления научного поиска в лабораториях крупнейших научных центров Западной Европы и США. Новый подход к предмету позволил переосмыслить традиционные представления о том, что собственно называется мышлением и в чем оно эмпирически проявляется. Так, в последнее десятилетие мощная критика обрушилась на традицию понимания мышления как процесса, производимого субъектом над какими-либо объектами (предметами или символами).

Абсолютное большинство известных классических теорий мышления именно так описывают свой предмет. На таком понимании мыслительного процесса построена и теория Ж. Пиаже, и теория Дж. Брунера, и вся когнитивная психология второй половины двадцатого века. Такое представление преобладает и в сравнительно-психологических исследованиях. Таковы классические тесты Келлера для высших обезьян, таковы и новые известнейшие достижения в области измерения интеллекта животных [Timberlake, 1993]: шкалы категоризации Херрстайна, тесты

Паркера для измерения интеллекта обезьян, основанные на применении теории стадий интеллектуального развития по Ж. Пиаже, шкалы для измерения интеллекта собак Гагнока и Доре, шкалы для измерения интеллекта кошек Дюма и Доре.

С точки зрения эволюционного подхода в структуре интеллекта на первый план выходит не умение сложным образом манипулировать предметами, но в первую очередь умение выживать среди себе подобных, строить отношения в группе, избегать нападок и получать выгоду от сделок. Эти функции интеллекта, традиционно называемые социальным интеллектом и редко привлекавшие к себе внимание исследователей познавательных процессов, теперь представляются едва ли не основной его частью. Вспомним, что в свое время феномены социальной перцепции, впервые обнаруженные исследователем когнитивных процессов Дж. Брунером, не стали предметом существенного внимания в психологии мышления, но были «отданы» социальным психологам и исследовались в дальнейшем в этой парадигме.

Несомненно, «социальная» среда у всех животных, ведущих общественный образ жизни, составляет важнейшую, опаснейшую и наиболее динамичную часть окружающей среды в целом, умение приспособиться к которой является важнейшим и обязательным условием выживания. Гигерензер пишет, что, по его мнению, у обезьян социальный интеллект развивается быстрее и превышает по своему уровню другие интеллектуальные функции [Gigerenzer, 1997]. Молодому шимпанзе требуется несколько месяцев, чтобы научиться использовать острый камень для раскалывания орехов. В то же время даже бабуин, стоящий на более низкой ступени развития, виртуозно справляется с задачей избежать гнева вожака, направить этот гнев на конкурента и, воспользовавшись ситуацией, стащить вкусный банан.

Положение о том, что психическая деятельность человека протекает исключительно в соответствии с видовыми программами, а поведение является инстинктивным, представляется необоснованным. В соответствии с этим положением человеческое познание ограничено поисками решения ряда вечных задач, направленных на выживание и фиксированных в структурной организации мозга. С таким представлением входят в противоречие разработки отечественной школы, позволяющие утверждать, что человеческое мышление представляет собой в большей степени выбор целей, чем поиск способов их достижения

В целом следует отметить, что подход «биологизаторских» направлений к психической деятельности человека как к форме приспособления, обеспечивающей выживание индивида и вида, близок к положениям отечественной теорией и представляется плодотворным. Однако представления, в соответствии с которыми психическая деятельность человека протекает по видовым программам, поведение является инстинктивным, а развитие личности и самореализация должны быть рассмотрены как реализация единой общевидовой программы, входят в противоречие с разработками отечественной школы, позволяющими утверждать, что развитие личности, в том числе и психофизиологическое, не определяется единой видовой программой, а осуществляется в процессе активного самоопределения личности.

2.5. Биосоциальная проблема в социальном конструктивизме и кросскультурной психологии

Наряду с описанной экспансией биологии в область психологических проблем сложились и укрепляют свое влияние в психологической науке ряд новых подходов, в которых подчеркивается определяющее значение социальных факторов в формировании и функционировании личности.

В последние десятилетия XX века за рубежом (в первую очередь в Англии, США и Канаде) сложилось и стало популярным новое направление — социальный конструктивизм [Gergen, 1973; Gergen K.J., Gergen M.M., 1984]. Исходя из того, что в различных социальных контекстах (группах общения, видах совместной деятельности) люди проявляют различные личностные качества, социальный конструктивизм рассматривает личность как порождение социальных контекстов и отрицает существование свойств личности, не социальных по своему происхождению.

Корни социального конструктивизма лежат в социальной психологии, однако его революционные положения о связи личности и общества потребовали развития нового подхода и к целому ряду вопросов, традиционно рассматриваемых общей психологией, в частности о структуре и механизмах формирования личности, о психологии речи.

Основной силой, породившей социальный конструктивизм, было растущее осознание учеными «заказного» характера западной (в первую очередь североамериканской) социальной психологии. Осознание того, что социальная психология не только имеет мощный заряд практической полезности, широкий спектр применений, не только развивается преимущественно в направлениях, заказываемых практикой, но и теории свои выстраивает таким образом, что они отвечают актуальным запросам общества: утверждению престижа правящих социальных групп, государственной идеологии. Социальные конструктивисты утверждают, что за большинством теоретических представлений, разработанных западной социальной психологией, стоит сверхзадача утверждения ценностей, насаждаемых обществом, прежде всего идеала независимого, свободного, самостоятельно принимающего решения и проводящего их в жизнь одиночки.

Знаменитые эксперименты Эша по исследованию конформности, практически все работы в области психологии малых групп (а западная социальная психология, в отличие от отечественной, сложилась как психология малых групп), — демонстрируют снижение компетентности и эффективности личности во всех областях деятельности в результате ее пребывания в группе. Социальные факторы рассматриваются как отрицательно, разрушительно влияющие на личность, которая сама по себе обладает вечными общечеловеческими ценностями и способностями. Как уже указывалось на страницах этой книги, это положение пронизывает и западные теории личности, в частности ярко выявлено в гуманистической психологии.

По мнению социальных конструктивистов, эти теории и подтверждающие их эксперименты, конечно, не фальсифицированы, но односторонни, написаны по заказу социальной системы, которая зиждется на психологии индивидуалиста. Социальные конструктивисты отмечают, что марксизм как теория, направленная

к разрушению капиталистической системы, естественным образом предлагает свою версию идеала человеческой личности, в основе которой лежит коллективизм.

Социальный конструктивизм можно рассматривать как результат изменений, произошедших в мире в конце двадцатого столетия, глобализации мира и динамической перестройки существующих в мире социальных систем, которые обнажили относительность идеологий и связь социальных наук с идеологией общества. В центре внимания социальных конструктивистов — относительность и социальная заданность представлений людей о мире и о самих себе. В текстах социальных конструктивистов постоянно повторяется словосочетание «психология и социальная психология». Так, в учебнике В. Бурр «Введение в социальный конструктивизм» [Burr, 1995] оно встречается едва ли не на каждой второй странице. Восприятие психологии и социальной психологии как дисциплин одного уровня нетрадиционно, более привычным является представление о социальной психологии как о части психологической науки. Придание социальной психологии статуса самостоятельной науки и, соответственно, ее отделение от психологии свидетельствует о «самосознании» направления как независимой отрасли знания.

Социальный конструктивизм представляет собой достаточно разнородное течение. Тех авторов, которые принадлежат к нему, объединяют следующие взаимосвязанные положения [Burr, 1995]:

- Подвергается сомнению достоверность представлений о мире и о себе самих, которые мы черпаем из непосредственного опыта. В этом смысле социальный конструктивизм противостоит позитивизму и эмпиризму традиционной науки, какой она сложилась начиная с эпохи Просвещения, с ее верой в истинность опыта субъективных наблюдений объективного мира. Социальные конструктивисты полагают, что те категории, в которых мы воспринимаем и оцениваем действительность, не всегда присущи самой воспринимаемой реальности, но чаще приписываются ей социально сложившимися нормами суждения. Так, разделение музыки на классическую и популярную имеет в своей основе не различие физической природы звуков музыкальных инструментов, но стереотипы восприятия, сложившиеся в человеческой культуре. Образ мира, таким образом, рассматривается не столько как отражение реальности, сколько как проявление системы условных категорий, которыми оперирует культура.
- Подчеркивается историко-культурная природа наших знаний и представлений о мире. Категории и понятия, формирующие образ мира, существенно различны у людей, принадлежащих к различным культурам. Любое знание, и научное знание в том числе, относительно, привязано к определенной культуре, и ни одна система представлений не может считаться более истинной, чем другая. Заметим, что это положение кажется бесспорным в отношении взглядов, развиваемых различными психологическими школами. Модели и теории привязаны к базовой системе понятий, принятых школой, на язык другой школы непосредственно непереводимы. Представления о личности, развиваемые, например, психоанализом и диспозициональным направлением, не альтернативны, одно не может считаться более правильным, чем другое. В отношении представлений людей о реальной жизни данное положение не бесспорно.

- Система понятий и представлений, формирующая наш образ мира, порождается не во взаимодействии субъекта с материальным миром, с вещественной средой обитания субъекта, но в контексте социальных взаимодействий людей, социальна по своей природе.
- Представления и знания о мире неразрывно связаны с определенными формами поведения, иными словами, представление об объекте определяет способ обращения с этим объектом. Какие-то действия разрешаются, какие-то запрещаются. Так, если в обществе закреплено представление о недопустимости двоеженства, человек, нарушающий этот запрет, может быть подвергнут общественным санкциям, вплоть до заключения в тюрьму. Если двоеженство считается нормальным явлением, никаких санкций не будет.

Очевидно, что социальный конструктивизм существенно отличается от традиционных психологических теорий. Можно отметить его следующие основные отличия [Burr V. 1995].

Наиболее радикальная из отличительных особенностей социального конструктивизма — отрицание наличия собственных свойств (сущностей) у социальных объектов. Поскольку социум, его структура, люди, входящие в него, социальные отношения, порождаются динамическими социальными процессами, социальные конструктивисты полагают, что у объектов и субъектов социальных отношений не может быть собственных свойств, присущих им изначально и существующих безотносительно к социальному контексту бытия. В разных социальных контекстах каждый из нас ведет себя существенно по-разному, проявляет разные личностные свойства. В одной компании мы играем роль лидера, проявляем решительность, активность, агрессивность, в другой — склонны соглашаться с мнением товарищей, податливы и дружелюбны. Иными словами, нельзя считать кого бы то ни было честным, умным, общительным вообще, мы можем лишь констатировать, что данная личность проявляет названные свойства в актуальных социальных контекстах. Нет оснований полагать, что при изменении контекста свойства будут попрежнему проявляться.

Следует подчеркнуть радикальный характер данного тезиса. Речь идет не о том, что социальный контекст влияет на проявление свойств личности, а об отсутствии свойств личности вне контекста вообще. «Свойства» личности и любого социального объекта не являются чем-то реально существующим. Они приписываются субъекту в контексте динамических социальных взаимодействий в соответствии с существующей в социуме системой норм. Личность изменчива, множественна, лишена целостности и постоянства. Очевидно, что представление о личности и ее природе, развиваемое социальным конструктивизмом, предполагает существенное сужение круга эмпирических проявлений и свойств субъекта, которые атрибутируются личности. К личности относятся только свойства, не вещественные по своей природе, проявляющиеся не непосредственно, но через посредство социальных взаимодействий. Так, все свойства, называемые в отечественной традиции индивидными: пол, возраст, телосложение, цвет глаз и пр., — личностными не считаются. Не считаются личностными и такие свойства, как профессия, официальный статус и другие подобные характеристики, фиксированные в социальной структуре

общества. Относятся к личностным лишь такие свойства, как авторитарность, общительность, решительность, склонность сопереживать и подобные перечисленным, которые не имеют фиксированной объективной привязки к действительности и оцениваются лишь субъективно. Такие свойства противопоставляются другим свойствам субъекта. Так, можно утверждать, что у человека голубые глаза и что он врач по профессии. Эти утверждения легко однозначно проверить эмпирически, взглянув в его лицо и диплом. Личностными эти свойства не считаются. Личностные свойства, как все психическое, непосредственно не наблюдаемы, субъективны по своей природе.

Не отрицая субъективной природы психических свойств, традиционная психология считает их производными от тех или иных объективных свойств субъекта, индивидных и (или) социальных, и рассматривает под соответствующим углом зрения. Так, в концепции индивидуальности Б. Г. Ананьева формирование психических свойств личности рассматривается как результат взаимодействия двух рядов развития: биологического развития индивида (онтогенеза) и социального развития субъекта социальных отношений, воплощенных в статусно-ролевой структуре (жизненного пути личности). В своих попытках объяснить социально-психологические феномены традиционная психология и социология обращаются обычно либо к анализу имманентной личности человека, либо к анализу структуры социальных институтов общества. Особенности личности и структура общества при этом понимаются как первичные, порождающие по отношению к динамике процессов взаимодействия людей в обществе. Например, говорят, что брак распался, потому что оба супруга имели властный и несговорчивый характер. Политические события объясняют несовершенством существующих социальных институтов.

Конечно, законы, выявляемые психологической наукой, носят вероятностный характер. Ни одно из направлений не утверждает однозначности связи биологических и психических свойств человека, его социальных и психических свойств. Однако традиционные направления, признавая сложный, системный характер названных зависимостей, все же считают объективные (биологические и социальные) свойства человека порождающими по отношению к субъективным его свойствам — психическим, в том числе психическим свойствам личности. Социальный конструктивизм рассматривает в качестве важнейшего момента для понимания природы личностных свойств как раз отсутствие однозначности их связи с объективными фиксированными характеристиками (биологическими и социальными). Изменчивость и противоречивое разнообразие свойств личности человека, проявляемых им в различных ситуациях, становятся основным предметом исследования, описания и объяснения.

Личность рассматривается как условный конструкт, порождаемый ситуацией. Это положение социального конструктивизма резко противоречит традиционному взгляду, в основе которого лежит представление о том, что, во-первых, личность является чем-то стабильным и целостным, не ситуативна, а во-вторых, между людьми существуют устойчивые индивидуальные различия в свойствах личности. Так, классический психоанализ, неофрейдизм, гуманистическая психология исходят из реальности существования личности, существования определенной структуры личности, которая закономерно проявляет себя в системе свойств и может

быть подвергнута коррекции в результате соответствующей работы психолога и психотерапевта. Диспозициональное направление также исходит из того, что черты личности — реальность, стоящая за поведением, которую можно выявить с помощью соответствующего психологического инструментария. Бихевиоризм кажется направлением, в рамках которого уместна мысль о бесконечной изменчивости поведения в зависимости от среды, однако поведение здесь рассматривается как проявление свойств реального субъекта, который стремится к удовлетворению своих потребностей во взаимодействии со средой обитания. Формирование заданных свойств субъекта, его механизмов поведения — цель бихевиоральной терапии. И, конечно, подлинные антиподы данного подхода — «биологизаторские» теории, описанные выше: социобиология, эволюционная психология, и им подобные, в контексте которых свойства личности не только провозглашаются природными, но и обретают вещественную основу в виде генов и даже новых носителей, мемов (меметика, о которой рассказано выше). Представление о мемах появилось как некая мечта о конечной победе над относительностью человеческих представлений о мире. Ведь мем имеет сущностную природу, он не ситуативен, безотносителен. Мемы могут перемещаться от одних людей к другим, не изменяя своего содержания.

Цель любой традиционной науки — открытие истины. Социальные науки испокон веков пытались отыскать истину о человеке, о людях, об обществе. Социальный конструктивизм предлагает в качестве цели науки нечто радикально новое. Истины вообще не может быть, так как любое знание порождено определенной культурой, существует только в рамках этой культуры. Каждая культура порождает свою систему понятий и представлений о мире, знаний о нем, в которой фиксирована практика социальных взаимодействий. Понимание множественности систем понятий и представлений делает невозможным поиск истины вообще. Любое знание относительно, имеет отношение к реальности только через посредство той культуры, в контексте которой оно порождено. Знание в области социальных наук прежде всего отражает социальный заказ общества. Объективные факты и закономерности, составляющие основу любой социальной науки — не более чем воплощение норм и принципов социального взаимодействия, существующих в обществе. Нет знаний вообще, как нет собственных свойств личности вне социального контекста. Важнейшим предметом исследования для социального конструктивизма становится анализ и сопоставление различных психологических и социологических теорий не с точки зрения их соответствия некой абстрактной истине, но с точки зрения закономерности их возникновения в определенных культурно-исторических условиях. Поскольку любая теория полагается отражением практики социальных взаимодействий в обществе, этот анализ должен помочь вскрыть связь между образом жизни людей и образом их мысли.

Система представлений о мире, существующая в любой культуре, фиксирована в языке. Овладевая речью, мы наследуем и соответствующую систему понятий. Речь, язык, таким образом, должны рассматриваться как предпосылки мышления, как его база. Большинство традиционных теорий рассматривают речь как средство мышления, которым мыслящий субъект овладевает по мере своего становления и которое становится механизмом мышления на его новом уровне. При этом

первичным оказывается субъект, наделенный определенными потребностями, вступающий во взаимодействие с окружающей средой с целью их удовлетворения, а речь рассматривается как порождение субъекта. Первичным является смысл объекта, то есть значение объекта для удовлетворения потребностей субъекта, а слово как фиксированное в языке общее для членов социума значение объекта рассматривается как вторичное по существу явление. Социальный конструктивизм переворачивает причинно-следственные связи в этой цепочке. Поскольку значение реальности взаимодействия с объектом как главного источника представлений о действительности отрицается, первичным оказывается значение объекта, фиксированное в культуре и отраженное в языке. Система значений коренится в языке, усваивается с речью. Понятийная система, с помощью которой аморфный опыт личных переживаний структурируется, обретает форму четких представлений и идей, является по своему происхождению языковой, теоретически может быть различной в разных языках. Мышление рассматривается как порождаемое речью, языком.

В контексте биологизаторских направлений человеческий язык, речь, сегодня рассматривается как явление безусловно родственное «языку» животных и производное от последнего. Разница между человеческой речью и сигналами общения животных полагается в рамках этих направлений скорее количественной, чем качественной. То есть человеческий язык, конечно, сложнее, обслуживает более сложную систему функций, но по сути принципиальной разницы нет. Основой языка при таком подходе считается возможность символического обозначения предмета, замещения предмета его символом-понятием. Речь рассматривается как оперирование системой таких символов-понятий. То, что у человека в отличие от животных существует множество языков, понятийные системы которых не вполне совпадают, биологизаторские направления не считают существенным.

Для социального конструктивизма главное в человеческом языке — именно его вариативность. В отличие от «языка» животных, понятного всем представителям вида и общего для всех них, человеческий язык складывается в обществе, не наследуется биологически, существует как элемент культуры, в ее контексте. Существуют разные языки с разными понятийными системами. В данном смысле язык понимается как исключительно человеческое явление, социальное по своему происхождению. Язык постоянно изменяется, он представляет собой очень динамичную систему, которая отражает актуальные особенности жизни социума.

В процессе обсуждения объекту могут быть приписаны различные языковые понятия, в зависимости от ситуации его восприятия субъектом. Традиционные теории рассматривают речь как инструмент для выражения мыслей и эмоций. Социальный конструктивизм видит в речи механизм активного формирования образа мира. Обсуждая происходящие события, обмениваясь мнениями, люди и создают тот мир, в котором они живут, конструируют общий образ мира, используя систему речевых понятий. Иными словами, речевой процесс: диалог, монолог, письменную речь — следует рассматривать как деятельность по конструированию образа реальности, образа мира в целом, образов отдельных объектов и событий, наконец, личностей людей, участвующих в процессе обсуждаемых событий и обсуждающих текущие события. В процессе обсуждения, создания текста происходит приписывание

объектам и явлениям определенных понятий, смыслов, значений. Социальные конструктивисты полагают, что подлинные объяснения причин психических явлений следует искать, анализируя рутинную практику социальных взаимодействий между людьми, существующую в обществе, отраженную и воплощенную в языке. В центре внимания при таком подходе оказываются описания не гипотетических статических структур, определяющих течение событий, но сам ход событий, процессы, происходящие между людьми, прежде всего речевые. Любое знание, в том числе научное, рассматривается не как нечто, чем человек владеет или овладевает в процессе обучения, не как результат процесса, но как сам процесс совместной деятельности, процесс структурирования аморфного опыта с помощью системы речевых понятий. Создание альтернативных языковых описаний людей и событий рассматривается как способ изменения, конструирования образа мира и личности человека.

Одно из центральных понятий социального конструктивизма — дискурс (discourse). Дискурс означает набор смыслов, образов, мнений, создающий определенную версию событий. Например, охота может быть представлена в дискурсе благородного традиционного мужского спорта как естественный способ регуляции численности популяций животных. Соответствующим этому социальному дискурсу действием будет, например, реклама охотничьего снаряжения. В то же время по отношению к охоте возможен и совершенно другой дискурс — убийство беззащитных животных — с присущими ему вариантами социальных действий. В понятии дискурса фиксировано единство социально условного знания о предмете и принятого способа поведения в отношении предмета [Burr, 1995]. В основе личности в социальном конструктивизме оказывается набор дискурсов, заключающих в себе знания о мире, отношения к явлениям действительности, самосознание и типичные способы поведения.

Основной метод исследования в социальном конструктивизме — анализ дискурсов. Метод заключается в том, что исследователь субъективно (алгоритмов и жестких методов не существует) выявляет в анализируемом тексте те или иные дискурсы. Можно привести пример из книги В. Бурр «Введение в социальный конструктивизм» [Burr, 1995].

Предметом анализа будет следующий диалог супружеской пары в машине (женщина за рулем):

ОН: Можешь ехать сразу за голубым автобусом, пристройся за ним, место свободно. Ну вот, нас обошли.

ОНА: Если ты не будешь говорить мне под руку, я прекрасно справлюсь.

ОН: Я всего лишь хотел тебе помочь, ты напрасно сердишься.

ОНА: Я не хуже тебя вожу машину. Если бы за рулем был мужчина, ты не стал бы давать ему руководящих указаний.

ОН: Ты всегда жалуешься, что я не помогаю тебе ни в чем. Когда я пытаюсь помочь, ты снова недовольна.

ОНА: Ты просто хочешь показать свое мужское превосходство. Мужчине ты не посмел бы так советовать.

ОН: Ты опять хочешь устроить скандал, вот зачем ты выдумываешь эту чушь. Делай что хочешь, я не буду больше вмешиваться, если тебе не нужна моя помощь.

В данном отрывке каждый из супругов предлагает свою версию происходящих событий, свой дискурс. С точки зрения женщины имеет место ситуация проявления мужского шовинизма. Мужчина унижает человеческое достоинство женщины, безосновательно полагая, что та является низшим существом и не способна хорошо выполнять серьезную мужскую работу (вести машину). В контексте этого дискурса муж выступает как грубый тиран и оскорбитель, жена — как жертва издевательства.

В изложении мужа ситуация выглядит следующим образом. Он — добрый, покладистый человек. Стремится быть полезным по мере возможности. Жена — вздорная, агрессивная женщина, которая во всем ищет повода для ссоры.

Легко видеть, насколько различными представляются личности участников диалога в контексте двух дискурсов. Принятие того или иного дискурса определяет возможные варианты поведения и суждения о личностях участников, в том числе о собственной личности.

Анализируя сексуальные отношения мужчин и женщин в современном западном обществе Холлвэй выделяет несколько ведущих дискурсов, из которых для примера можно рассмотреть два [Hollway, 1984].

Первый можно назвать «мужская потребность в сексе». В основе этого дискурса положение о том, что стремление мужчин к сексу проявляется во всякой подходящей ситуации и имеет биологическую природу, это драйв, направленный к распространению своих генов. Женщина в контексте этого дискурса предстает как объект мужского вожделения, жертва этого вожделения или хитрая соблазнительница, которая улавливает мужчин в свои сети и эксплуатирует так или иначе. Этот дискурс очень распространен, именно он лежит в основе сюжетов так называемых мужских журналов, романов, фильмов. Часто этот дискурс используется в судебной практике адвокатами, которые актуализацией этого дискурса вызывают сочувствие к мужчинам, обвиняемым в сексуальных преступлениях.

Другой популярный в современном западном обществе дискурс можно назвать «жена и мать». В контексте этого дискурса центральное место занимает стремление женщины к материнству, ее желание иметь семью, мужа и детей, заботиться о них. Сексуальность женщины в контексте этого дискурса проявляется как любовь к семье, к детям и к отцу своих детей. Мужчина в контексте этого дискурса предстает как отец семейства, способный или неспособный заботиться о своей семье и содержать ее, воспитывать детей и оказывать им поддержку в жизни.

Высказывается интересная точка зрения, что современный мужчина удерживает в своей я-концепции оба дискурса путем разделения женщин на «хороших», на которых женятся, и «плохих», которых страстно любят.

Представляется, что описанные дискурсы отношений между полами не вполне соответствуют жизни нашей культуры. Насколько мне известно, подобный анализ в нашей стране не проводился, но определенные отличия кажутся несомненными. Можно сослаться на сопоставительное исследование американских и отечественных анекдотов о семейной жизни [Дружинин, 1999], выявившее существенные

различия в описаниях семейных отношений и ролей и непосредственно позволяющее перекинуть мостик к использованию понятия дискурс.

Отмечено [Дружинин, 1999], что выявленная модель отношений в русской семье разительно отличается от модели отношений в американской семье прежде всего отсутствием сексуально-эротических моментов. Если верить анекдотам, в русской семье доминирует жена, а муж занимает подчиненную позицию и конкурирует за ее внимание с другими мужчинами. К измене жены муж либо равнодушен, либо направляет агрессию не на жену, а на соперника. Муж никогда не мстит жене. Мужья изменяют реже, чем жены. Но если изменяет муж, то жена ругает и бьет его, а не любовницу. Вообще измена не повод для развода, а лишь причина для скандала. Поступки жен в русских анекдотах одобряются, поступки мужей высмеиваются. Мужчины в анекдотах безответственны, занимаются пьянством, просмотром телепередач, рыбалкой и т. п.

Американский мужчина в анекдотах доминантен. Занимается он не пьянством и не хобби, а работой, бизнесом, несет ответственность за семью. Если муж узнает о неверности жены, он приходит в ярость, ругает и бьет ее, а не конкурента-любовника. Муж и жена часто грозят друг другу разводом в случае измены. Муж внимателен к жене, помнит о ее дне рожденья, может сделать ценный подарок. Жена «достает» мужа своей сексуальностью. Она сексуально не удовлетворена мужем и активно идет на контакт с другими мужчинами.

Можно заметить, что приводимые данные ставят под сомнение различие и даже несовместимость дискурсов секса и семьи в западной культуре, о котором говорят социальные конструктивисты.

В цитируемом исследовании на материале анекдотов делается вывод о существенном отличии структуры американской и российской семьи. В терминологии социального конструктивизма несомненно можно предполагать существенную разницу дискурсов, в контексте которых воспринимается и описывается семейная жизнь и отношения полов в США и России.

В социальном конструктивизме личность предстает, с одной стороны, как порождение дискурсов, с другой — как их активный творец, конструирующий свое социальное я и свои взаимоотношения с социальным окружением, используя элементы дискурсов. Например, рассмотрим отрывок из телепередачи Британского телевидения о малолетних правонарушителях [Burr, 1995]. В передаче участвуют четверо подростков, отбывающих сроки наказания в тюрьме.

Ведущий: Как вы считаете, что думают о вас наши зрители?

1-й подросток: Они считают нас преступниками.

2-й подросток: Хулиганами и дебоширами.

Ведущий: А вы такие на самом деле?

1-й подросток: Нет, но поскольку мы отбываем сроки наказания, все считают нас такими.

Ведущий: А кто вы на самом деле?

2-й подросток: Мы те, кто совершил ошибку.

3-й подросток: Мы люди.

Подростки пытаются изменить свою невыгодную позицию в актуальном социальном контексте, используя переход из дискурса «малолетние преступники — враги общества» в дискурс «человеку свойственно ошибаться». Да, они совершили дурной поступок. Это ошибка. Человеку свойственно ошибаться, люди несовершенны. Кто не ошибается? Разве Господь не велел прощать?

Актуализацией нового дискурса подростки меняют отношение к себе аудитории и ведущего, обретают новые права и возможности действовать.

Центральная проблема личности в социальном конструктивизме — проблема власти. Под властью понимается право доступа к жизненным благам (деньги, досуг, высокооплачиваемые должности) и способность оказывать влияние на социальное окружение, на всех уровнях, от государственного до уровня отношений внутри малой группы. Власть между людьми распределена неравномерно и ее распределение не является постоянным. Распределение власти в социальном контексте определяется актуальным дискурсом. Перемена дискурса приводит к перераспределению прав и обязанностей людей по отношению к окружению, а также к изменению их самосознания и самооценки.

Представляется, что поле непосредственного применения анализа дискурсов — судебная практика.

Природное, биологическое начало в человеке не является предметом анализа в социальном конструктивизме, напротив, оно «выносится за скобки» личности, объявляется не имеющим влияния на структуру дискурсов, из которых личность «сконструирована», на функционирование личности. Очевидно, что биосоциальная проблема в социальном конструктивизме прячется в понятии власти. Вся активность личности, ее многообразная деятельность в контексте различных дискурсов, вырастает из стремления к жизненным благам, что в традиционном понимании соответствует потребностной сфере человека. Все ли люди стремятся к одним и тем же благам? Влияет ли предпочтение тех или иных благ на структуру личности, подвержено ли оно в свою очередь влиянию актуальных дискурсов? Какова роль общей силы и активности потребностной сферы в структуре личности и процессе ее функционирования? Сегодня эти вопросы не стали предметом широкого обсуждения социальных конструктивистов. Однако они неизбежно будут поставлены в процессе развития этого направления, как и множество иных вопросов относительно взаимосвязи природного и социального в человеке.

Среди бурно развивающихся направлений психологической науки, в центре внимания которых находится социальная детерминация личности, может быть, самым ярким сегодня является кросс-культурная психология.

Традиционная концепция личности, разработанная в европейской и североамериканской психологии, предполагает базальные постоянство и последовательность человеческих проявлений независимо от внешних условий, особенностей конкретной ситуации и особенностей социальных взаимодействий, существование некоей общечеловеческой (видовой) модели личности и закономерностей ее развертывания. Именно такой взгляд на личность лежит в основе психоанализа, неофрейдизма, гуманистической психологии, диспозиционального направления, классического

бихевиоризма и когнитивных подходов, таких как теории Бандуры и Роттера. Зависимость психических явлений от принадлежности человека к той или иной культуре, хотя и привлекала внимание исследователей на всем протяжении истории психологической науки, традиционно принималась во внимание лишь узким кругом специфически ориентированных теорий. Общая тенденция ускорения культурно-исторического процесса со второй половины XIX века приводит к тому, что взаимодействие культуры и личности становится существенным аспектом реального существования человеческой цивилизации, привлекает внимание общества в целом и перемещается в центр внимания литературы, искусства и науки.

С начала XX века особенности взаимодействия культуры и личности привлекли внимание и стали предметом научного исследования этнографов, рассматривавших человеческую психологию с точки зрения интересов своей научной дисциплины. Основывая свои теории на материалах полевых исследований, такие ученые, как Маргарет Мид, Вестон Лабарр, Рут Бенедикт, разработали основы научного подхода к кросс-культурному изучению личности.

Если в первой половине XX века в кросс-культурной психологии доминировал этнографический подход, в рамках которого кросс-культурная психология развивалась фактически как психология этническая, то во второй половине сложился и стал интенсивно развиваться подход, который называют кросс-культурным психологическим подходом или кросс-культурной психологией в узком смысле [Мацумото, 2002]. В контексте данного подхода личность выступает в качестве самостоятельного явления и в качестве зависимой переменной в экспериментальных культурологических исследованиях. Независимыми переменными в этом случае будут различные культуры, которые сравниваются между собой по влиянию на исследуемые черты или измерения личности. Личность при этом понимается как универсальная категория, имеющая этическую значимость, надкультурный феномен. Авторы, работающие в рамках данного подхода, могут придерживаться противоположных взглядов на биосоциальную природу личности: стоять на позициях традиционной для западной психологической науки концепции видовой природы личности или полагать, что существуют некие культурно-независимые (по сути, тоже общечеловеческие и видовые) принципы и механизмы обучения, под воздействием которых формируется личность.

В конце двадцатого столетия развитие кросс-культурных исследований перешло на качественно новую ступень. Можно полагать, что это явилось следствием процессов глобализации, охвативших мир в конце XX столетия: массовые перемещения, переселения на новые места жительства в масштабах всего земного шара людей разных рас и этнической принадлежности, образование общего информационного пространства Земли, наконец, полноправное вхождение в мировую психологическую науку представителей азиатского континента, прежде всего Китая и Японии, которые обучаясь в США и Европе, соединяют владение теорией и методологией западной психологической науки с подлинным знанием жизни людей своей культурной общности.

Современная кросс-культурная психология возникла, во-первых, как результат осознания на примере смешанных по этническим признакам общностей собственной роли культуры как фактора, определяющего структуру личности и процесс

ее формирования. Культура при этом понимается как вся система способов поведения и психической деятельности, которая существует, сохраняется и передается в обществе от поколения к поколению без участия механизмов биологического наследования, путем воспитания и обучения.

Во-вторых, появление кросс-культурной психологии явилось результатом осознания мировым психологическим сообществом относительности тех представлений о личности, которые сложились в традиционных теориях, описывающих людей западного мира [Kitayama, 2000; Leung, 2000; Yamagishi, 2000]. Оказалось, что многие закономерности, считавшиеся общечеловеческими, не характерны для людей восточной культуры. Не являются необходимыми для нормального функционирования личности, например, позитивное отношение к самому себе и достаточно высокая самооценка [Kitayama, 2000].

То, что западная культура является не единственно возможной, а пресловутые «общечеловеческие ценности» — не более чем миф, осознают теперь и западные ученые. Известный американский ученый С. Хантингтон пишет, что «на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. Да и сам тезис о возможности «универсальной цивилизации» — это западная идея» [Хантингтон, 1994].

В центре внимания кросс-культурных психологов оказалось выявление культурно-специфических черт и особенностей личности. Сформировалось понятие индигенной личности, под которой полагается совокупность личностных черт и характеристик, присущая исключительно конкретной рассматриваемой культуре [Мацумото, 2002].

Другой подход к пониманию характера взаимоотношений между культурой и личностью известен под названием культурная психология. Культура и личность здесь рассматриваются не как отдельные друг от друга феномены, но как единая система, элементы которой взаимно обусловливают и развивают друг друга.

Культурно-психологический подход строится на предположении, что структура и функции личности не просто испытывают влияние со стороны культуры, но полностью определяются ею. В то же время сама культура формируется совокупностью личностей, действующих согласованно. Таким образом, культура и личность рассматриваются как элементы целостной динамической и взаимообусловливающей системы, ни одна из сторон которой не может быть сведена к другой. С точки зрения данного подхода поведение человека не может объясняться с использованием универсальных категорий и общих показателей. Категории, измерения и показатели, с помощью которых описывается личность, должны рассматриваться в рамках изучаемой культуры, с точки зрения смысла и проявлений, присущих им в ее контексте. Поскольку не существует одинаковых культур, между личностями, составляющими в совокупности данные культуры, тоже должны иметь место фундаментальные различия.

Исследования кросс-культурных психологов выявили большое количество культурно-специфических личностных конструктов, характеризующих восприятие личности, например, в арабской культуре, у эскимосов Аляски, у японцев, самоанцев, народности ибо в Нигерии [Мацумото, 2002].

Одной из наиболее подробно изученных в кросс-культурной психологии личностных особенностей стал локус контроля. Это понятие было введено Роттером, который высказал предположение, что люди различаются между собой в отношении того, в какой степени они склонны считать, что их поведение, отношения с окружающими, судьба подвластны их собственному контролю. Лица с внутренним локусом контроля склонны считать, что результаты их деятельности, их жизнь, определяются прежде всего особенностями их собственного поведения. Лица, характеризующиеся внешним локусом контроля, склонны воспринимать все, с ними происходящее, как результат действия внешних недоступных контролю с их стороны факторов — поступков других людей, рока. В ходе кросс-культурных исследований были выявлены существенные различия между представителями разных культур. В целом можно сделать вывод о том, что самые высокие показатели внутреннего локуса контроля имеют место у североамериканцев. Такие результаты были получены при сравнении американцев с жителями азиатских стран, в частности Японии и Китая. У американцев были зафиксированы более высокие показатели интернальности, чем у шведов, жителей Замбии и Зимбабве [Мацумото, 2002]. На основании обзора различных кросс-культурных исследований Дайл заключает, что евроамериканцы характеризуются более высоким уровнем внутреннего контроля, чем афроамериканцы [Dyal, 1984].

Высокие показатели внутреннего локуса контроля у североамериканцев можно интерпретировать как отражение присущего американской культуре индивидуализма и насаждаемого стереотипа успеха по рецепту «сделай себя сам».

Ряд интересных кросс-культурных работ посвящен изучению самооценки и самоуважения в контексте различных культур. В ходе многочисленных исследований, проведенных в США, получены данные о том, что евроамериканцам присуща тенденция постоянно поддерживать определенный уровень своей самооценки, что порождает, в частности, такие явления, как склонность к необъективности в свою пользу, защитные атрибуции и иллюзорный оптимизм. Кросс-культурные исследования показывают, что для жителей стран Юго-Восточной Азии, в особенности для японцев, более характерна общая настроенность на негативную самооценку как в личных, так и в общественных аспектах своей жизни [Kitayama, Matsumoto, Markus, 1995]. Была подвергнута проверке гипотеза о том, что самооценка в рамках различных культур может строиться на различных основаниях. При одном типе самооценки человек оценивает себя преимущественно по своим достижениям. При другом — по присущим ему человеческим качествам. Полученные ими данные говорят о том, что китайцы более склонны оценивать себя в соответствиии с чертами своего характера, а американцы — по своим достижениям [Мацумото, 2002].

Исследования, проведенные в последние годы, подчеркивают важность выделения различных аспектов самооценки, а также изучения механизмов, через посредство которых различные культуры способствуют либо препятствуют развитию каждого из этих аспектов.

Имеются обширные массивы данных о различиях между представителями различных культур в чертах личности, измеряемых Личностным опросником Айзенка, MMPI, и других.

Большой интерес представляют индигенные личностные концепции, в контексте которых разрабатываются концепции и структурные модели личности, принадлежащей к строго определенной культуре.

Берри и его коллеги [Berry et al., 1992] исследовали три индигенные концепции личности, каждая из которых принципиально отличается от используемых на Западе. Африканская модель личности трактует личность как трехслойную структуру, каждый из слоев которой представляет отдельный личностный аспект. Главный, первый слой личности каждого человека воплощает духовный принцип. Второй слой соответствует витальному психологическому принципу, а третий — физиологическому витальному принципу. Тело рассматривается как внешний каркас, в котором заключены все три слоя. На различные аспекты личности оказывают влияние кровное родство и внутриплеменные отношения.

Японская модель личности [Doi, 1973] базируется на концепции амае. В свободном переводе это слово означает пассивную, детскую зависимость одного человека от другого. Прототипом амае могут служить отношения матери и ребенка. Амае выступает как базовая характеристика, основополагающий строительный блок японской культуры и личности. Амае формирует структуру отношений между людьми высокого и низкого статуса в японской культуре, выступает в качестве важнейшего компонента индивидуальной психики и межличностных отношений.

Анализ трех измерений личности, разработанных в контексте китайской культуры, показал, что в качестве четырех основных аспектов китайской модели личности выделяются зависимость, китайская традиционность, социальный потенциал и индивидуализм.

Достижения таких направлений, как кросс-культурная психология и социальный конструктивизм демонстрируют огромные возможности изменения личности в результате культурных воздействий, социальную заданность самых базовых и глубинных свойств личности. В свете данных подходов личность предстает как культурно-специфическая форма организации психической деятельности.

Объединяющим моментом в отношении как подхода, притязающего на объяснение формирования и структуры личности чисто биологическими закономерностями, так и подхода, рассматривающего личность как полностью социо-культурное явление, в современной зарубежной психологии является то, что проблеме соотношения и генетического перехода между биологическим и социальным уделяется очень мало внимания. И с той, и с другой стороны доминирует тенденция экспансии, попытки захвата «чужой территории», распространения на нее действия собственных законов. Воздействие социального фактора на психическое развитие рассматривается как нечто подобное воздействию других средовых факторов, в их ряду. Проблема биосоциальной природы человека таким образом подменяется общей для человека и животных проблемой взаимодействия среды и наследственности.

Иной подход к биосоциальной проблеме сложился в отечественной науке. Здесь изначально подчеркивается не только несводимость друг к другу биологического и социального начал в психике, но и их известная антагонистичность.

С позиций отечественной теории отождествление, не разведение биологического с социальным — грубая методологическая ошибка.

Должны ли мы сегодня отказаться от этого традиционного взгляда и согласиться с тем, что биосоциальная проблема, в отличие от «вечных» великих проблем психологии: психофизической и психофизиологической — имела сугубо временный характер и теперь может быть снята на новом витке развития науки? Ответ на этот вопрос разбивается на две половины. Во-первых, необходимо рассмотреть, к каким последствиям приводит определенная позиция в отношении биосоциальной проблемы для развития науки, то есть рассмотреть эвристическую и функциональную ценность каждого из подходов к проблеме, возможности объяснять и предсказывать факты и закономерности объективной действительности с позиций того или иного подхода.

Во-вторых, следует рассмотреть и вопрос о причинах того, что в контексте развития научных школ сложился определенный подход к биосоциальной проблеме. Иными словами, если мы полагаем отечественную традицию постановки биосоциальной проблемы более прогрессивной и эвристически сильной, чем новейшие тенденции, складывающиеся в западной науке, следует сформулировать предположения о том, как могло сложиться такое «опережение».

Между описанными выше современными направлениями исследования личности, основанными, с одной стороны, на позициях рассмотрения человека, как существа чисто биологического, с другой — на абсолютизации социального начала в человеке, сегодня отсутствует сколько-нибудь значимая связь, дискуссия, сопоставление результатов исследований и моделей. Представляется, что причиной этого является, с одной стороны, известная тенденция к узкой специализации в западной науке, с другой — исторически сложившаяся в западной психологии XX века традиция, где биосоциальной проблеме не уделялось существенного внимания в силу исторически объективных причин. Однако в обозримом будущем диалог представляется неизбежным. В контексте данного диалога опыт теоретико-методологической проработки проблемы соотношения биологического и социального может помочь предсказать как зоны «роста», так и пути разрешения конфликтов.

Социальный конструктивизм и кросс-культурная психология близки к позициям отечественной школы в отношении понимания роли культуры как фактора, формирующего личность. Однако в плоскости таких теорий не просматривается выход к проблеме источников активности личности и проблеме индивидуализации личности. Обсуждение в свете принципа «внешнее через внутреннее» здесь представляется актуальным.

Социальный конструктивизм и кросс-культурная психология близки к позициям отечественной школы в отношении понимания роли культуры как фактора, формирующего личность. Однако в плоскости таких теорий остаются белым пятном проблема источников активности личности и проблема индивидуализации личности, в отношении которых имеются интересные разработки в отечественной школе.

Глава 3
Диалектика биологического и социального в человеке в свете отечественной теории

3.1. Предпосылки отечественной теории биосоциального единства человека

Теория биосоциального единства человека, сложившаяся в отечественной школе, во многом является уникальной в контексте мировой психологической науки. В основу отечественной теории заложена исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России в отечественной науке рубежа XIX–XX вв. (прежде всего в работах великих русских физиологов) традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, традиция понимания социального как отмены, запрещения биологически естественного, понимания социализации как запрета природного и естественного поведения, понимания культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы.

Основу подхода составило открытие И. М. Сеченовым центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, «способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам с тем, чтобы следовать собственной программе» [Ярошевский, 1996].

Произвольность человеческого поведения, его волевой характер, несводимость к отдельным непосредственным актам-реакциям и возможность их оттормаживания были в центре внимания Ухтомского. Открытие И. П. Павловым механизма условных рефлексов позволило объяснить, как взамен естественной системы реакций возникает новая система, в основе которой уже не законы природы, но условные законы внешней ситуации, интериоризируемые индивидом. Особое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие Павловым второй сигнальной системы. Слово как особый вид социально условного сигнала становится главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведение и сознание законам уже не природы, но, часто вопреки этим законам, — социуму и запечатленной в языке культуре.

«Учение о борьбе за существование, — писал К. А. Тимирязев, — останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека одна борьба — с борьбой за существование» [Тимирязев, 1949].

Подход к социальному как к силе, отменяющей биологическую детерминацию поведения человека ярко проявляется в конкретно-психологических работах

отечественных психологов. В.А. Вагнер (1849–1934), основоположник и классик отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения у животных именно в способности последних действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» [Вагнер, 1998, с. 184]. У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам: «У человека способности разумные подавляют инстинкты тем легче, <...> чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» [Вагнер, 1998, с. 185].

Эта идея противопоставления законов природы и социума особенно ярко выражена в работах Вагнера о факторах и законах эволюции материнства. Вагнер включается в современную ему дискуссию о причинах существования в истории развития так называемых диких народов периода, когда «детоубийство и вытравливание плода, в колоссальных размерах, представляют собой явление общераспространенное» [Вагнер, 1998, с. 79]. С позиций эволюционной теории Ч. Дарвина (столь актуальной и сегодня, как показано выше) Вагнер ищет ответа на вопрос, почему данное страшное явление возникает именно на этой стадии развития живого мира. Вовсе не свойственное животным, оно возникает на определенной стадии «дикости» культуры (не самой низкой) и вслед за прохождением какого-то исторического периода развития общества полностью исчезает.

Подвергая критике широкий круг теорий, Вагнер предлагает следующее объяснение. Смысл данного этапа в эволюции человечества заключается в освобождении от власти биологического закона борьбы за существование вида, что становится возможным на определенном уровне развития разума, когда «у человека-дикаря дети убиваются вследствие того, что его психическая жизнь поднялась до степени понимания своих грубых индивидуальных прав на жизнь, какой она ему нравится» [Вагнер, 1998, с. 87].

Если бы подобное отношение к потомству закрепилось в инстинкте какого-либо вида животных, этот вид был бы обречен на быстрое вымирание. У человека же «мать сначала сделалась детоубийцей, а потом, когда на место биологического закона борьбы за существование, регулировавшего у животных отношение матери к потомству, стало общество и взяло эту задачу в свои руки, материнская любовь получила новые силы и новое, только человеку присущее, содержание» [Вагнер, 1998, с. 87].

На данном примере Вагнер демонстрирует понимание человека как существа, находящегося в едином ряду с другими проявлениями жизни, но это единство диалектическое, включающее в себя противопоставление, противоречие как источник внутреннего развития: «на земле человек только один, пользуясь силою своих разумных способностей, преступил <...> железный закон отбора, и преступил его дважды: сначала, когда использовал борьбу индивидуальности самки-матери с потомством в пользу первой из этих сторон, а потом, когда признал за побежденной стороной — ребенком право на жизнь и взял эту жизнь под охрану общества, когда, другими словами, он противопоставил силе биологических законов — силу законов социальных» [Вагнер, 1998, с. 77].

Заслуживает внимания разница трактовки человеческого инфантицида Вагнером и современными эволюционными психологами, результаты исследований которых приведены в данной книге ниже. Представляется, что именно подход Вагнера позволяет дать целостную картину явления. Да, вероятно есть общие биологические закономерности, влияющие на поступки людей в ряде ситуаций. Но влияние этих законов не непосредственно, не облигативно, оно опосредовано сознанием человека. Личность, наделенная сознанием, совершает тот или иной поступок по собственному выбору между бессознательными влечениями и осознанным долгом и моралью общества. Нормы человеческой нравственности коренятся не в природе человека, но в социуме. Сознательная ориентация поведения на понятия долга и общественного идеала — гораздо более надежный путь к миру с самим собой и обществом, чем ориентация на мифические общечеловеческие ценности. Вера в последние, в свою природную добродетель, приводит к тому, что человек, чувствуя неподобающие влечения, вместо того, чтобы противостоять им с позиций долга, начинает искать себе оправдания, возлагать вину за дурные чувства либо на себя самого, либо на окружающих и лишается позитивной Я-концепции. Человек внутренне противоречив, далеко не свят. Никто не может заставить себя любить или не любить другого человека, чужого ребенка в своей семье. Но каждый человек отвечает за свои поступки перед Богом и перед людьми.

Диалектическое понимание природы человека воплощено в концепции эволюционного развития человека Б. Ф. Поршнева [Поршнев, 1974]. «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического» — антиномия, которую он решает [Поршнев, 1974, с.17]. Решение основано на идее инверсии, когда некоторое качество дважды превращается в свою противоположность, подпадая под формулу Фейербаха «выворачивание вывернутого». Возникновение человека, следуя этой логике, надо представлять как «перевертывание» животной натуры в такую, с какой люди начали свою историю. Затем начинается собственно человеческая история, которая может быть представлена как «перевертывание» природы этого промежуточного звена.

Проблему соотношения и генетического перехода между биологическим и социальным Поршнев называет великой темой философии и естествознания, «загадкой человека», ответ на которую может быть найден, только если рассматривать человека как существо, исторически изменяющееся не только путем медленного постепенного изменения частных особенностей, но и, главное, путем качественных скачков: «на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным типом, но и представлял его противоположность. Только если понимать дело так, между этими полюсами протягивается действительная, а не декларируемая словесно дорога развития» [Поршнев, 1974, с. 16–17].

Подобно Вагнеру, описывающему картины детоубийства как неизбежный этап превращения животного в человека, Поршнев рисует наших далеких предков-троглодитов красками, которые вряд ли могут понравиться тем, кто верит в существование неких «общечеловеческих ценностей», возникших неизвестно каким образом,

но сразу. По мнению Поршнева, наш далекий предок питался трупами животных, недоеденными хищниками, стремился избежать всякой продуктивной деятельности и жить за счет эксплуатации себе подобных. Зерном социального в психике троглодита, корнем, из которого развился язык как основная особенность человеческой психики, Поршнев считает способность суггестивно воздействовать на животных, а затем и на себе подобных, запрещая, оттормаживая текущее естественное поведение.

В наше время психолог остро чувствует связь своей науки с философией. Эта связь никогда не прерывалась, но в разные периоды развития психологической науки она то уходит из поля сознания профессионального сообщества, то вновь привлекает к себе внимание ученых.

Философские основания в форме тех или иных постулатов могут быть прослежены в любой психологической теории. Они заложены в самой постановке вопроса, ответ на который ищет автор теории. Предмет психологии существует лишь субъективно, как некая версия объективной действительности. Научное психологическое знание всегда опирается на личный опыт, который для психолога остается единственной формой прямого эмпирического познания предмета своей науки. Это знание опосредовано культурой, к которой принадлежит психолог и которая определяет его способ мышления и образ мира. Попытки осмысления, объективного сравнения и сопоставления имплицитных оснований психологических теорий переносят нас в предметную область философии.

Явно или не явно, психологические теории и конкретно психологические исследования исходят из определенной философской концепции, версии человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о сущности человека и его предназначении.

Для понимания подхода к вопросу о сущности человека, который лежит в основе отечественных психологических теорий, особое значение имеют две философские традиции: марксистская антропология, влияние которой на протяжении двадцатого века невозможно переоценить, и российская философская традиция.

В отношении марксистской антропологии сегодня представляется необходимым отойти от идеологизированных стереотипов, как привычного на протяжении 70 лет советской власти восхваления, так и бездумного очернения, которое мы часто наблюдали в девяностые годы. В марксистской антропологии сочетаются два основных положения. Каждое из них имеет полемически заостренный характер, а сочетание их кажется парадоксальным.

Во-первых, теория Маркса последовательно естественнонаучна. Весь мир и человек как его часть имеют естественное историческое происхождение. Ничего сверхъестественного нет. Человек принадлежит природе, он полноправная часть живого мира.

Во-вторых, человек понимается как полностью социальное существо. Теория Маркса социоцентрична, все специфически человеческие качества выводятся не из неизменных родовых общечеловеческих свойств, но однозначно определяются устройством общества в определенный исторический период, общественными

отношениями. Это положение марксистской теории подвергалось наибольшей критике, теорию Маркса не раз объявляли утопичной за то, что ее постулаты не соотносятся с «человеческой природой».

Как же сочетаются в марксистской антропологии названные положения? Центральный момент в марксистской версии человека — историко-материалистическая трактовка общественных отношений, не имеющая аналогов в истории мировой мысли [Человек... 1995]. Общественные отношения, отношения между сознательными индивидуумами, определяются не волей, не сознанием, они не идеальны по своей сущности. В основе их — объективные законы жизнедеятельности людей, характер труда и его распределение между индивидами, развитие материальных сил и средств, воспроизводящих саму человеческую жизнь. Человек — общественно-производящее существо, это его первичное и основное качество. Его субъективность и идеальность сознания выступают как вторичные качества.

Представление о человеке, развиваемое марксизмом, глубоко диалектично, в нем заложено внутреннее противоречие, отрицание отрицания власти законов природы, — источник активности и развития. Сущность человека у Маркса в том, что он активно преобразует мир, он деятелен. Известный представитель гуманистической психологии Э. Фромм считает Маркса родоначальником радикального гуманизма. Фромм ставит Маркса в один ряд с такими мыслителями как Спиноза, Гете, Гегель, для которых человек живет до тех пор, пока он одержим творчеством, собственными усилиями преобразует мир.

Русская философская традиция самобытна и разнообразна. В плане постановки проблемы человека необходимо отметить такую общую ее особенность. Человек не выступает в отечественной философии в качестве воплощения индивидуализма: «Он понимается как некая соборность в иерархии бытия. С одной стороны, говорится о целостности и универсальности личности, с другой — о ее подчиненности высшему началу.

Вот почему в отечественной философии так сильны религиозные и этические мотивы. Персоналистски ориентированная русская философия менее всего была озабочена тем, чтобы установить диктат индивида <...> подчинить мир человеку. <...> русская философия, осмысливая предназначение человека, выдвигает перед ним определенные нравственные императивы, соразмеряет его поступки с общечеловеческими целями» [Человек... 1995, с. 13].

Отметим, что едва ли не основной силой, породившей современный социальный конструктивизм, было растущее осознание учеными «заказного» характера западной (в первую очередь североамериканской) социальной психологии. Осознание того, что западная социальная психология не только имеет мощный заряд полезности, но и теории свои выстраивает таким образом, что они отвечают актуальным запросам общества: утверждению престижа правящих социальных групп, государственной идеологии. За большинством их теоретических представлений стоит сверхзадача утверждения ценностей, насаждаемых обществом, прежде всего идеала свободного, самостоятельно принимающего решения и проводящего их в жизнь одиночки.

3.2. Биосоциальная природа человека в трудах основоположников отечественной школы

3.2.1. Понятия об эндопсихике и экзопсихике в теории А. Ф. Лазурского

Большое влияние на развитие отечественной психологической науки, прежде всего Петербургской психологической школы, оказали идеи Лазурского, понимание им личности как активно взаимодействующей со средой системы.

Для анализа и описания структуры психики А. Ф. Лазурский вводит два основных понятия: эндопсихика и экзопсихика. Под эндопсихикой понимается внутренняя взаимосвязь психических элементов и функций, «внутренний механизм» человеческой личности, ее ядро. К эндопсихике можно отнести такие психические свойства, как темперамент, воля, одаренность. Экзопсихика включает в себя отношения человека к внешним объектам и явлениям жизни. Она отражает внешние окружающие человека условия, обстоятельства, в которых он живет.

Деление на эндо- и экзопсихику не тождественно делению на врожденные и приобретенные свойства, хотя в экзопсихике преобладают прижизненно приобретенные элементы, а в эндопсихике — врожденные. Речь идет о сложных комплексах элементарных процессов и функций, которые определяются в случае эндопсихики внутренними причинами, а в случае экзопсихики — внешними.

В качестве примера А. Ф. Лазурский рассматривает эндо- и экзопсихические комплексы, свойственные парижской богеме начала XX века. Эндокомплексом, предрасполагающим к занятиям искусством, является сочетание развитого воображения, повышенной восприимчивости, аффективной возбудимости, развитого эстетического чувства. В качестве экзокомплекса выступают особенности личности, порожденные условиями жизни в больших художественных центрах: молодежь, холостая (не на что содержать семью), живущая компанией (одному тоскливо в пустой и неуютной коморке), неряшливая (нет жены и прислуги, которая заботилась бы о порядке), беззаботная (ибо заботиться не о ком), живущая то впроголодь, то устраивающая кутежи (доходы зависят от случая продать картину).

Деление по уровням

Лазурский вводит два принципа подразделения характеров. Во-первых, они делятся на три уровня в зависимости от активности взаимодействия со средой (от пассивных и безуспешных попыток приспособиться до активного переделывания среды обитания). Во-вторых, каждый уровень распадается на ряд типов и разновидностей по психологическому содержанию.

Лазурский полагал, что личностное развитие каждого человека можно сравнить с восхождением по ступеням. В детстве оно происходит быстро, затем замедляется и совершенно останавливается: основное ядро личности окончательно определено, психический уровень определен. Достигнутый человеком психический уровень может быть разным. Он определяется прежде всего природной одаренностью человека, неким потенциальным запасом нервно-психической энергии, активности.

Внешне уровень проявляется в следующих качественно различных особенностях.

1. «Богатство» личности, «общий объем психической продукции», широта и дифференцированность интересов.
2. Сила, интенсивность психических проявлений, результативность и эффективность деятельности. Важно отметить, что оценивается личность не «по среднему» своих проявлений, а по преобладающим, наиболее развитым функциям. Второстепенные свойства у самых одаренных людей могут быть малоразвиты.
3. Сознательность, идейность личности. Мировоззренческое преобладание идейных, «абстрактных» процессов над чувствами. Вслед за Ф. М. Достоевским, А. Ф. Лазурский считает смыслом жизни наиболее высокоразвитой личности самопожертвование во имя своих идеалов: «Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, <...> как отдать ее всю всем, чтобы и другие все были точно такими же самоправными личностями. Это закон природы, к этому тянет нормального человека» (Ф. М. Достоевский).
4. «Концентрация» психических элементов, их связанность в единое целое, целостность и единство личности.

Характеристика уровней

Низший уровень в классификации образуют «неприспособившиеся». Влияние среды здесь оказывается преобладающим, насильственно подчинившим слабую эндопсихику. Несоответствие задатков и способностей требованиям жизни таково, что человек не дает и того малого, на что был бы способен в более благоприятной среде. По психологическому содержанию этот уровень может быть классифицирован лишь по эндопсихическим комплексам на типы рассудочный, аффективный и активный, поскольку существенные экзопсихические комплексы не сложились.

Средний уровень в классификации представлен «приспособившимися». Эти люди оказались достаточно способными, чтобы найти себе место под солнцем и приспособиться к требованиям среды. Они приносят пользу обществу и обеспечивают себе комфортное существование. Классификация внутри уровня производится на основе психо-социальных комплексов, объединяющих эндо- и экзопсихику:

а) теоретики-идеалисты (ученые, художники, религиозные деятели),

б) практики (человеколюбцы, общественники, властные, хозяйственники).

Высший уровень составляют личности, интенсивность душевной жизни которых столь велика, что они нацелены на преобразование среды своего обитания. Их особенность — творчество. Лазурский называет их «приспосабливающиеся». Жизнь этих людей всегда полна упорной борьбы, часто им приходится переносить лишения, вообще, они хуже устроены в жизни, чем люди среднего типа. Психологический центр их душевной жизни — преобразование мира в определенном направлении, поэтому классификация внутри уровня строится по развитым экзопсихическим комплексам-идеалам:

- альтруизм,
- знание,
- красота,
- религия,

- общество,
- внешняя деятельность, инициатива,
- система, организация,
- власть, борьба.

А. Ф. Лазурский специально рассматривает вопрос о применимости критериев «лучше — хуже» к характеристике уровней. Можно ли считать, что личности высшего уровня классификации лучше полезнее, чем люди среднего уровня? — Нет. Среди приспособившихся можно встретить замечательных, нравственных и полезных обществу людей. В то же время среди приспосабливающихся встречаются очень вредные, извращенные типы. Критерием моральной оценки по А. Ф. Лазурскому может служить не актуальный уровень развития, но стремление личности к повышению своего уровня, к развитию, тот «священный огонь», который один служит мерилом ценности личности любого уровня.

3.2.2. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна

С. Л. Рубинштейном были сформулированы положения, определившие направление развития отечественной теории. Его концепция личности как субъекта жизни и сегодня представляется высоко актуальной в контексте современных тенденций развития мировой психологической науки. Потенциал ее далеко не исчерпан.

С. Л. Рубинштейн рассматривает личность в развитии, в функционировании, в изменении. Он ставит акцент на внутренних механизмах, движущих силах личности, на способах преобразования ею внешних воздействий. В монографии «Психологическая наука в России XX столетия», изданной ИП РАН, подчеркивается, что принцип объективации как проявления творческой сущности личности в деятельности, который Леонтьев назвал «экстериоризацией» и ввел в качестве нового в свою концепцию в 1975 году, был разработан уже в 20-х годах С. Л. Рубинштейном.

В «Основах общей психологии» (1940) личность определяется через триединство:

— чего хочет человек, что для него имеет привлекательность (это так называемая направленность как мотивационно-потребностная система личности, ценности, установки, идеалы);

— что может человек (это его способности и дарования);

— что есть он сам, т. е. что из его тенденций, установок и поведения закрепилось в его характере.

В этом триединстве противоречиво соединены и динамическая характеристика личности (направленность, мотивационная система), и ее устойчивые качества — характер и способности. В 30-е — 40-е годы Рубинштейн разработал ставшее классическим для отечественной психологии понятие направленности как совокупности сознательных жизненных устремлений и способов их выражения. Понятие направленности стало одним из общепризнанных в психологии. Личностный же склад — это способ реализации человеком своих возможностей и устремлений в жизни. Все поступки и проявления человека в жизни, согласно Рубинштейну, затем закрепляются посредством механизма обобщения в его характере, т. е. личность рассматривается как открытая система. «Вместе с тем очевидно, — писал

Рубинштейн, — что человек сам участвует в выработке своего характера, поскольку характер складывается в зависимости от мировоззрения, от убеждений и привычек нравственного поведения, которые он у себя вырабатывает, от дел и поступков, которые он совершает, — в зависимости от всей его сознательной деятельности, в которой характер, как сказано, не только проявляется, но и формируется. Характер человека, конечно, обусловлен объективными обстоятельствами его жизненного пути, но сами эти обстоятельства создаются и изменяются в результате его поступков, так что поступки и жизненные обстоятельства, их обусловливающие, постоянно переходят друг в друга» [Рубинштейн, 1935, ч. 2, с. 235].

Рубинштейн стремился выявить взаимосвязь личности и ее жизни первоначально в форме идеи о «повторных этапах жизни», тем самым связанных с изменением личности или определяемых ею, а затем совсем конкретно, введя понятие личности как субъекта жизни. Масштабом развития и совершенствования личности является ее жизненный путь. Способность личности строить свои отношения с миром, выбирать жизненную позицию, избирательно, сугубо индивидуально действовать в соответствии с высшими жизненными ценностями и системой мотивов характеризует ее на высшем уровне ее развития.

Личность в качестве субъекта организует и структурирует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление. В концепции субъекта жизни личность рассматривается как источник и движущая сила жизненной динамики, позволяя раскрыть зависимость динамики, пролонгированности жизненных тенденций, зависимости качества и ценностного уровня жизни от личности.

Первое, на что специально обращает внимание С.Л. Рубинштейн, приступая к характеристике личности, это **зависимость психических процессов от личности.** Она выражается по-разному.

- Во-первых, в индивидуально-дифференциальных различиях между людьми. Разным людям, в зависимости от их индивидуальных, т.е. личностных особенностей, присущи различные типы восприятия, памяти, внимания, различные стили умственной деятельности.
- Во-вторых, личностная зависимость психических процессов выражается в том, что сам ход развития психических процессов зависит от общего развития личности. Смена жизненных эпох, через которые проходит каждая личность и происходит ее развитие, приводит не только к смене жизненных установок, интересов, ценностных ориентации, но и приводит к смене чувств, волевой жизни. Как болезнь (ее протекание) оказывает влияние на существенные изменения в личности больного, так и личностные изменения в ходе ее развития приводят к изменениям в психических процессах (познавательных, аффективных, волевых).
- В-третьих, зависимость психических процессов от личности выражается в том, что сами эти процессы не остаются независимо развивающимися процессами, а превращаются в сознательно регулируемые операции, т.е. психические процессы становятся психическими функциями личности. Так, восприятие в ходе развития личности превращается в более или менее сознательно регулируемый процесс наблюдения, а непроизвольное запечатление сменяется сознательным запоминанием. Внимание в своей специфически человеческой форме оказывается произвольным, а мышление — это совокупность операций, сознательно

направляемых человеком на решение задач. Таким образом, вся психология человека является психологией личности.

Отметим, что эти положения были воплощены и развиты в концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева, в широкомасштабных исследованиях школы Б.Г. Ананьева.

Следующее важное для психологической концепции личности положение состоит в том, что любое **внешнее воздействие действует на индивида через внутренние условия**, которые у него уже сформировались ранее, также под влиянием внешних воздействий. Раскрывая это положение, С.Л. Рубинштейн отмечает: «Чем «выше» мы поднимаемся, — от неорганической природы к органической, от живых организмов к человеку, — тем более сложной становится внутренняя природа явлений и тем большим становится удельный вес внутренних условий по отношению к внешним». Именно это методологическое положение, выведенное С.Л. Рубинштейном, делает понятным хорошо известную формулу: «Личностью не рождаются — ею становятся». Действительно, каждый вид психических процессов, выполняя свою роль в жизни личности, в ходе деятельности переходит в свойства личности. Поэтому психические свойства личности — не изначальная данность; они формируются и развиваются в ходе деятельности.

Итак, для понимания психологии личности, с точки зрения С.Л. Рубинштейна, становятся важными следующие положения [Психологическая... 1997]:

1) психические свойства личности в ее поведении, в действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и *проявляются,* и *формируются;*

2) психический облик личности во всем многообразии ее свойств определяется реальным бытием, образом жизни и формируется в конкретной деятельности:

3) процесс изучения психического облика личности предполагает решение трех вопросов:

- *чего хочет* личность, что для нее привлекательно, к чему она стремится? Это вопрос о *направленности, установках* и *тенденциях, потребностях, интересах* и *идеалах;*
- *что может* личность? Это вопрос о *способностях,* о дарованиях человека, о его *одаренности;*
- *что личность есть,* что из ее тенденций и установок вошло у нее в плоть и кровь и закрепилось в качестве стержневых особенностей личности. Это вопрос о *характере.*

Выделив эти аспекты психического облика личности, С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что они взаимосвязаны и взаимообусловлены, что в конкретной деятельности они сплетены в единое целое.

Единство сознания и деятельности, механизм которого был раскрыт Рубинштейном еще в 20-е — 30-е годы, осуществляется личностью как субъектом. Прослеживая связь сознания и деятельности, Рубинштейн показал, что сознание есть такой высший психический процесс, который является способом личностной регуляции складывающихся в деятельности отношений. Сознание не просто высшее личностное образование; оно осуществляет по крайней мере три взаимосвязанных функции: регуляцию психических процессов, регуляцию отношений и, наконец, регуляцию деятельности и всей жизни субъекта.

Радикальное отличие концепции сознания Рубинштейна от многих других, особенно интенсивно развивавшихся в 40-е — 50-е годы на стыке с гносеологией, заключается в том, что он не сводит сознание к отражению, к познанию (хотя в гносеологии признавалась целеполагающая функция сознания, к отражению, казалось бы, никак не сводимая). Он всегда рассматривал сознание как выражение отношения субъекта к миру и возможность его самоопределения. Характеризуя личность как субъекта, Рубинштейн выделил три ее основные отношения — к миру, к другим людям и к себе. Последнее отношение образует основу ее самосознания и идентичности. Для Рубинштейна принципиальным является вопрос о соотношении сознания и самосознания: не сознание, по его мнению, развивается из самосознания, личностного «я», а самосознание возникает в ходе развития сознания личности, по мере того, как она становится самостоятельно действующим субъектом. Этапы развития самосознания он рассматривает в связи с этапами обособления, выделения субъекта из непосредственных связей и отношений с окружающим его миром и овладения этими связями. Из такого понимания соотношения сознания и самосознания Рубинштейном выводится его концепция поступка: «При этом человек осознает свою самостоятельность, — пишет он, — свое выделение в качестве самостоятельного субъекта из окружения лишь через свои отношения с окружающими людьми, и он приходит к самосознанию, к познанию собственного “я” через познание других людей» [Рубинштейн, 1989, ч. 2, с. 239–240].

Каждый поступок человека изменяет и «расстановку сил» в его жизни, в его взаимоотношениях с людьми и в нем самом, поскольку он есть акт самоопределения по отношению к самому себе. «Поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет сознание не только как знание, но и как отношение. Без сознания, без способности занять определенную позицию нет личности», — так продолжает он эту мысль в пятидесятые годы. [Рубинштейн, 1957, с. 32]. С этой способностью субъекта занять определенную позицию в жизни он связывает и определение воли. «Воля в этой связи означает, собственно, специфическую для человека как общественного существа закономерность сознательной регуляции его действий» [Рубинштейн, 1957, с. 267]. Он вносит ясность в разноголосицу определений воли отечественными психологами, одни из которых связывали ее с преодолением внешних, другие — внутренних противоречий [Ананьев, 1969; Ковалев, 1970; Рейнвальд, 1974 и др.]. Рубинштейн определяет последние не как проявление воли, а как борьбу мотивов, требующую ее применения. «Сильная воля может быть лишь у человека с четкой и прочной иерархической организацией побуждений или тенденций, участвующих в регуляции его поведения: только при этом условии сила побуждения не расходуется на преодоление внутренних трений, а полностью переходит в решительное действие. Иерархическая организация всей системы тенденций или побуждений с типичным для данного человека господством одних и подчинением других определяет волевой облик человека, волю как характеристику личности, ее характер» [Рубинштейн, 1957, с. 268]. Отмечая важность для психологов раскрытия борьбы мотивов, в особенности в период «господства теории бесконфликтности», Рубинштейн подчеркивает еще более важное положение — о наличии внутренних противоречий в многоплановой совокупности тенденций,

составляющих психический склад человека. Здесь источник не только его устойчивости, но изменчивости, развития. Таким образом, Рубинштейн диалектически определяет личность и как интегративную систему, и как систему проективную, открытую, содержащую в себе противоречие и нереализованные возможности [Психологическая... 1997].

В последней работе «Человек и мир» Рубинштейн, так же как Ананьев, выходит за рамки проблемы личности как психологической и рассматривает ее в контексте философской антропологии (а Ананьев — человекознания). Рубинштейн максимально сближает понятия «человек» и «личность», он имеет в виду высший уровень ее развития, особое качество последней — личность в высшем смысле этого слова (а не, скажем, личность алкоголика, девианта и т. д.). Отстаивая, особенно в тридцатые годы, необходимость объективного подхода к личности, в пятидесятых он отстаивал право личности на самоопределение, ее качество как субъекта и именно это качество связывал с понятием человека в его этическом значении.

Положение Рубинштейна о различии индивидуальных особенностей и собственно личностных свойств процитировано практически всеми психологами: «Индивидуальные свойства личности это не одно и то же, что личностные свойства индивида, т.е. свойства, характеризующие его как личность». Теория характера и способностей, разрабатывавшаяся Рубинштейном на протяжении десятилетий, раскрывает его понимание индивидуальных особенностей личности. Характер — это обобщение способов поведения и деятельности, можно добавить, типизация способов самовыражения личности и ее отношений к миру. Способности — обобщение психических способов осуществления деятельности. Таким образом, в этих личностных образованиях, можно сказать, воплощена квинтэссенция индивидуальных особенностей самой личности. Они одновременно устойчивы и изменчивы: устойчивы в смысле того, что они присущи данной личности, составляют ее ярко выраженную определенность; изменчивы потому, что открыты в систему взаимодействий личности с миром.

Высшие уровни личностной организации выступают как ведущие по отношению к системе психических процессов, состояний, свойств, в том числе природных. Поэтому глава о личности должна открываться не вопросом о влиянии, скажем, темперамента на сущность личности, а обратным — о личности как регуляторе системы всех уровней своей, в том числе, природной организации [Психологическая... 1997].

Вопрос об индивидуальных особенностях самих психических процессов как таковой составляет специальный интерес дифференциальной психологии. Но это не значит, что индивидуальные особенности заключаются лишь в уровне проявления тех или иных свойств, а сама личность есть нечто общее, единое для всех людей. Принцип индивидуализации относится к личности в целом, речь идет уже не об отличиях людей, полученных путем сравнения их друг с другом, а о типичном, удобном, оптимальном способе организации и функционирования именно данной личностной системы. Это и имел в виду Рубинштейн, когда писал о личности как «конкретном, живом, действующем человеке». Учет реальной личности позволяет раскрыть интраиндивидуальную систему ее организации, которая всегда неповторима экзистенциально и типична для данной личности.

Развиваемые С.Л. Рубинштейном представления о зависимости психических процессов, состояний и свойств от личности, о регулирующем и системообразующем влиянии высших уровней личности на все ее свойства, в том числе природные, о деятельности как об объективации творческой сущности личности стали основой блестящих теоретических построений отечественных ученых: А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева и др. — и обладают большим полемическим зарядом в контексте современных дискуссий мировой психологической науки, что будет специально рассмотрено в главе 7.

3.2.3. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского

Культурно-историческая теория развития высших психических функций была создана Л.С. Выготским на рубеже 30-х годов XX столетия.

Л.С. Выготский выделял в человеческой психике два уровня психических явлений: «натуральные» (низшие) и «культурные» (высшие). Натуральные психические явления имеют врожденный, наследственный характер. К ним относятся, например, функциональные механизмы познавательных процессов (острота зрения, цветовая и световая чувствительность, некоторые механизмы памяти и внимания, скорость сенсомоторной реакции и др.). Формирование этих психических явлений подчиняется законам биологического созревания, законам онтогенеза.

Под культурными, или высшими, психическими функциями следует понимать сложные психические процессы, прижизненно формирующиеся, социальные по своему происхождению, опосредованные по психологическому строению и произвольные по способу своего осуществления. В отличие от натуральных, культурные психические явления, которые и определяют в целом «лицо» психической жизни нормального человека, детерминированы социально. Их психологичская структура определена опосредованностью «психологическими орудиями» — знаковыми системами, в первую очередь речью, и социально закрепленными способами их формирования.

Формирование высших психических функций подчиняется следующим общим закономерностям.

А. Вначале они возникают как форма взаимодействия между людьми (например, между младенцем и матерью, когда она учит его называть предмет словом, между учителем и учеником, когда учитель объясняет новый способ решения задачи), то есть как интер-психический процес. Затем, по мере овладения деятельностью, превращаются в процесс интра-психический, внутренний.

Б. Первоначально высшие психические функции разворачиваются как внешняя предметная деятельность, опирающаяся на относительно элементарные сенсорные и моторные процессы (например, арифметике обучают с помощью счетных палочек, которыми непосредственно манипулирует учащийся). Затем перестройка психологической структуры идет по линии свертывания внешних компонентов действий и их автоматизации. Благодаря автоматизации умственных действий, вначале усвоенных как сознательное достижение поставленной цели, становится возможным прогрессивное

обучение, надстраивание новых и новых образований над старыми, которые существуют в виде подчиненных слоев внутри нового целого.

Эта совокупность явлений носит название интериоризации — превращения внешнего во внутреннее.

Развивая представления Л. С. Выготского о высших психических функциях, А. Р. Лурия разработал и подтвердил опытным путем свою теорию структурно-функциональной организации работы мозга. В соответствии с этой теорией, высшие психические функции лабильны, динамичны, изменчивы по своей структуре. Изначально задан здесь только результат, который должен быть достигнут. Средства для достижения цели могут быть весьма различными. При выпадении отдельных звеньев в результате травмы или иной причины они замещаются другими. Каждое звено представляет собой отдельную функциональную психическую единицу и связано с определенной мозговой структурой. Таким образом, субстратом высших психических функций являются сложные мозговые системы, объединяющие множество отделов коры и подкорки каждая. Многие из звеньев являются общими для нескольких психических функций. Поражение их в результате травмы черепа или органического заболевания приводит к появлению закономерных сочетаний нарушений психических функций, которые описываются как нейропсихологические синдромы.

Таким образом, мозг работает как единое целое, состоящее из множества высокодифференцированных частей, каждая из которых выполняет свою специфическую роль. Непосредственно с мозговыми структурами в рамках данной теории следует соотносить не всю функцию в целом (как это пытались сделать, например, френологи в прошлом, а ныне пытаются сторонники модульной теории мышления, описанной в главе 5), но отдельные, частные психические явления из числа тех, которые Л. С. Выготский относил к натуральным.

Выготский был захвачен проблемой истории становления «высших психических синтезов» — личности человека и его мировоззрения. В психологическом сообществе того времени распространялись идеи историко-генетического подхода к изучению личности. Обобщая достижения мировой психологической мысли, он обращается к работам Э. Шпрангера и В. Штерна. Но особенное его внимание привлекли идеи А. Адлера, которые Выготский перерабатывает с собственных теоретических позиций. Выготский впервые пытается ввести в систему отечественной психологии понятие жизненной линии, осознаваемых и бессознательных жизненных планов. Он позитивно оценивает положение Адлера о целенаправленном характере линий жизни, знаменующем устремленность человека в будущее. По его словам, именно направленность лейтлинии, то есть центральной «жизненной дороги», на реализацию определяемого самой личностью своего будущего превращает историю жизни человека из ряда бессвязных эпизодов в связный единый биографический процесс.

В работах Выготского фигурирует и понятие «жизненный путь». Содержательное продвижение проблематики жизненного пути требует достаточно разработанной концепции личности и ее развития. Ведь именно личность

является основанием главной и второстепенных линий своей жизни, которые она прокладывает, преодолевая сопротивление меняющихся исторических условий и защищая выбранное ею направление. Выготский пытался выделить стержневые характеристики личности, но целостную ее концепцию он не успел создать. Однако выдвинутые им идеи до сих пор до конца не осмыслены, хотя отдельные важные положения легли в основу крупных концепций современных отечественных психологов. В работах Выготского прокладывание индивидом своей «жизненной дороги» выступает как одно из высших проявлений активности человека, порождаемое, инициируемое им самим.

Понятие активности — центральное в его концепции личности. Активность как ведущая характеристика человека выступает в различных формах. На этапе детства она проявляется в виде инициируемых самим ребенком движений, в его стремлении вырасти, развиться, в очень ранних проявлениях волевых усилий. Категория идущей от индивида активности сопряжена с важнейшей для Выготского категорией воли, с утверждением представлений о воле как основе личности. Выступая против распространенного в психологии своего времени понимания младенца как реактивного существа, ученый подчеркивает: «Младенец — субъект развития» [Выготский, 1982, т. 2, с. 281]. Не культура беспрепятственно вливается в ребенка, но он сам входит в культуру и присваивает себе что-то извне. Внешне развертывающаяся активность неотделима от внутренней психической активности. Любая внешняя операция осуществляется субъектом с помощью внутренних средств.

Активность растущего человека выступает как важная часть содержания введенного Выготским понятия социальной ситуации развития. Подчеркивая социально-историческую детерминацию «социальной ситуации», Выготский разъясняет, что и сам ребенок выступает ее активным участником. Во-первых, растущий человек меняет социальные условия своими действиями. Во-вторых, социальные ситуации преобразуются под влиянием внутреннего отношения к ним и жизненного плана личности. Среди разных форм активности растущего человека, направленной на окружающий мир, особенно важными Выготский считает сотрудничество ребенка со взрослым и коллективную деятельность детей. На основе социального взаимодействия у ребенка возникает способность к самосознанию и самоконтролю. Положение об индивидуально своеобразной переработке и переосмыслении человеком социальной действительности приводит Выготского к фундаментальному выводу о том, что «главным трактом» развития является не столько постепенная социализация, вносимая в ребенка извне, сколько постепенная индивидуализация, возникающая на основе внутренней социальности ребенка.

При обсуждении проблем членения жизненной линии растущего человека внимание Выготского направлено на выделение критериев перехода ребенка в новые эпохи развития, на анализ содержания возрастных кризисов, на исследование личности подростка 20-х годов XX столетия.

Каждая стадия жизни ребенка характеризуется, по Выготскому, определенным новообразованием. Эти новообразования понимаются не в форме

отдельных черт личности, но как новый тип ее строения и деятельности, определяющий своеобразие заинтересованного отношения ребенка к миру. В становлении личности проявляются общие закономерности психического развития — гетерохронность (разновременность) созревания различных сторон личности, чередование критических и литических периодов, эволюционных и инволюционных изменений. Указывая, что характеристики личности особенно полно проявляются в переломные моменты ее жизни, Выготский главное внимание уделяет кризисам новорожденности, младенчества, раннего детства (у трехлетних детей), дошкольного детства (у семилетних детей) и в подростковом возрасте. Кризис младенчества порождается тем, что новорожденный, по Выготскому, еще сохраняет психические черты утробной жизни, которые вступают в противоречие с конкретно-социальными впечатлениями и реакциями двух-трехмесячного ребенка. Противоречие это порождает индивидуальную психическую жизнь, которая характеризуется конфликтом между максимальной социальностью младенца и минимальными возможностями его общения со взрослыми. Инициируемые ребенком усилия разрешить этот конфликт, отыскать способы воздействия на взрослого, начать взаимодействие с ним приводят в конце первого года к появлению «аффекта собственной личности». Это острое переживание собственного отличия от реальности окружающего мира образует, по Выготскому, первую ступень развития воли. Именно волю он считает основой построения личности. Дальнейшее развитие воли — источник возникновения феномена своеволия и перехода трехлетнего малыша на новую социальную позицию утверждения и защиты своей автономии. Признание воли, а затем автономии первыми стержневыми образованиями структуры формирующейся личности характеризует нетрадиционный подход Выготского к проблеме развития личности. Через 20 лет к таким же выводам приходит Э. Эриксон, создавая свою эпигенетическую концепцию развития «Я» человека. Однако для Эриксона и воля, и автономия — это ранние проявления заложенной в природе индивида внутренней программы. Для Выготского же эти новообразования — результат деятельного, а затем и речевого взаимодействия, сотрудничества растущего человека с миром взрослости.

Дальнейшее развертывание волевого начала приводит, по Выготскому, к возникновению более высокого уровня самосознания, самоконтроля. Ребенок стремится занять более высокую и ответственную позицию в обществе. Так возникает кризис семи лет, разрешающийся при поступлении детей в школу. В системе более обширных и разнообразных социальных связей они вырабатывают неизвестные дотоле приемы утверждения своей новой, личностно значимой позиции в обществе. Эта позиция предполагает и новые способы сотрудничества ребенка с особым социальным типом взрослого — учителем — в системе специфической — учебной коллективной деятельности.

Последний период развития личности, анализируемый Выготским, — это период полового созревания, эпоха подростничества. Психологические особенности растущего человека в это время Выготский связывает с развертыванием у него мышления в понятиях. Именно оно выступает основой формирования таких высших психических синтезов, как убеждения, мировоззрение, жизненные планы. Совершенствуются приемы овладения собственным поведением и внутренним миром.

Среди этих приемов Выготский особенно выделяет практическое изменение окружающей обстановки и введение в ситуацию дополнительных мотивов. Самоорганизуемые действия определяются Выготским как свободные поступки молодого человека, личность которого, по словам психолога, поднимается над плоскостью влечений, потребностей и аффектов. Ключевым моментом в жизни подростка Выготский считает выбор профессии, который стимулируется и социальными требованиями, и личной мотивацией к тому, чтобы стать самостоятельным, осуществить свои возможности.

В трудах Выготского представлен психологический портрет пролетарского, рабочего подростка, к анализу которого, согласно Выготскому, неприменимы выводы современных ему западных коллег, сделанные на основе изучения буржуазного подростка. Задачи становления социалистического общества требовали быстрого включения молодежи в трудовую деятельность.

Свой анализ рабочего подростка Л. С. Выготский строит на основе теоретических и эмпирических работ И. А. Арямова, С. Г. Геллерштейна, И. И. Шпильрейна, А. И. Колодной, П. Л. Загоровского, а также многочисленных исследований, опубликованных в журнале «Педология» и в различных сборниках (таких, например, как «Вопросы педологии рабочего подростка», М., 1929, и других). При описании работающего подростка тема деятельностного преобразования социальной ситуации не получает своего продолжения. Акцент ставится на проблеме приспособления. Именно социально-экономическое приспособление, осуществляемое человеком путем труда, объявляется Выготским потребностью всей жизни человека. Характеризуя рабочего подростка, он прежде всего подчеркивает, что социальные потребности у него доминируют над созревающими новыми органическими влечениями, которые не вызывают кризиса полового созревания. Вступая в возрасте 17–19 лет в общественное производство, подросток обретает полное классовое самоопределение, обостряется классовая установка, он достигает высокого классового самосознания. Вырабатываются стойкие убеждения, идеалы, этические позиции. Но речь у Л. С. Выготского не идет о дальнейшем политическом, культурном, эстетическом развитии профессионально самоопределившегося подростка. Более того, в своих работах он неоднократно делает вывод о том, что на этапе подростничества развитие личности завершается [Выготский, 1984, т. 4, с. 227; Выготский, 1931, с. 489]. Такое заключение расходится с анализом условий позитивных изменений личности молодого рабочего по мере продолжения его профессиональной деятельности, предпринятым Выготским. Если личностные особенности и требования труда согласуются друг с другом, то у молодого человека возникают переживания призвания, происходит развитие его способностей и склонностей. В случае же их рассогласования профессиональный труд, по Выготскому, становится источником мучительных переживаний и деформирует личность [Выготский, 1931, с. 463].

Важное место в научном наследии Выготского занимает теория зоны ближайшего развития, разработанная им в 1932–34 гг., т. е. в последние два года жизни, трагически рано оборванной туберкулезом 11 июня 1934 г. Основные положения этой теории, органично вошедшей в состав его общей «культурно-исторической» концепции высших психологических функций, четко изложены им самим в шестой главе его основной, посмертно опубликованной книги «Мышление и речь»

(М., 1934) и в ряде статей и докладов, изданных тоже посмертно в 1935 г. в сборнике «Умственное развитие детей в процессе обучения». Эта шестая глава называется «Исследование развития научных понятий в детском возрасте».

Разрабатывая свое понимание зоны ближайшего развития, Выготский стремится прежде всего преодолеть широко распространенную традиционную трактовку, согласно которой показательным для умственного развития детей считается не подражание ребенка взрослым, а лишь самостоятельное решение им той или иной мыслительной задачи. Столь традиционная точка зрения находит свое выражение во всех системах тестовых испытаний детей. Ее и критикует Выготский: «Только те решения тестов принимаются во внимание при оценке умственного развития, которые ребенок решает самостоятельно, без помощи других, без показа, без наводящих вопросов. Однако этот взгляд, как показывает исследование, не является состоятельным. Уже опыты над животными показали, что действия, которым животное способно подражать, лежат в зоне собственных возможностей животного» [Выготский, 1935, с. 13]. А ребенок, по мнению Л.С. Выготского, может подражать — в отличие от животных — таким действиям, которые выходят далеко за пределы его собственных возможностей, но вместе с тем возможности ребенка не безгранично велики.

Дети способны осуществлять это подражание именно под руководством взрослых, достигая результатов существенно больших, чем в случае самостоятельного решения тестовых задач. Например, два ребенка с одинаковым умственным возрастом в 7 лет имеют тем не менее разные уровни умственного развития, если первый из них с помощью взрослых решает задачи на 9 лет, а второй, с той же помощью — только на 7,5 года.

То, что ребенок уже знает и умеет и потому делает самостоятельно, без помощи других детей или взрослых, характеризует зону его *актуального* развития, а то, что он делает по подражанию с помощью взрослых, определяет зону его *ближайшего* развития. Выготский справедливо предлагает не ограничиваться первым, в его время традиционным показателем лишь актуального, уже достигнутого уровня развития, а специально учитывать также и второй показатель, характеризующий потенциальные возможности ребенка, которые выявляются в ходе обучения, сотрудничества со взрослым (учителем и т.д.).

Тем самым Выготский существенно продвигает вперед научную разработку проблем детской психологии, пытаясь раскрыть не только статику, но и динамику психического развития школьника: «То, что ребенок сегодня делает с помощью взрослых, завтра он сумеет сделать самостоятельно» [Выготский, 1935, с. 14].

Таким образом, по мнению Выготского, каждая новая стадия умственного развития ребенка начинается этапом его сотрудничества со взрослыми и лишь затем переходит ко второму этапу, когда ребенок, уже не подражая взрослым, без их помощи начинает самостоятельно решать соответствующие задачи. Так в этом частном случае реализуется следующий очень общий принцип психического развития человека, широко распространенный тогда (и теперь) в психологии и разрабатываемый, в частности, Выготским: «от социального к индивидуальному» [Выготский, 1982, т. 2, с. 58]. Следовательно, понятие зоны ближайшего развития представляет собой одну из конкретизаций столь общего принципа развития.

Во многом оригинально разрабатывая это понятие, Выготский вместе с тем учитывает и творчески использует достижения своих предшественников и современников, развивающих сходные идеи и потому совсем конкретно раскрывающих обсуждаемую проблему. Например, в декабре 1933 г. Выготский отмечает: «Американская исследовательница Мак-Карти показала в отношении дошкольного возраста, что если ребенка от 3 до 5 лет подвергнуть исследованию, то у него окажется группа функций, которую ребенок уже имеет, но есть и другая группа функций, которой ребенок самостоятельно не владеет, но владеет под руководством, в коллективе, в сотрудничестве. Оказывается, что эта вторая группа функций в возрасте от 5 до 7 лет находится в основном на уровне актуального развития. Этим исследованием показано, что то, что ребенок умеет в 3–5 лет делать только под руководством, в сотрудничестве и коллективно, тот же самый ребенок от 5 до 7 лет умеет делать самостоятельно» [Выготский, 1935, с. 43].

Идеи Выготского стали отправным моментом для разработки концепции возрастной психологии личности в работах Д. Б. Эльконина, Л. И. Божович, Д. И. Фельдштейна и их многочисленных сотрудников.

Теория Л. С. Выготского и личность этого ученого занимают особое место в истории отечественной и мировой науки. Выготский безусловно признан за рубежом, его теория интегрирована в мировую науку и живет там собственной жизнью (как и наследие И. П. Павлова), она не воспринимается как неотъемлемая часть советской психологии. Его идеи по-своему развивают и истолковывают коллеги в разных странах, проводятся международные симпозиумы в русле его концепции. Однако стоит отметить, что культурно-историческая теория Л. С. Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими не во всей своей полноте. Воспринята она лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания роли и места культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «...культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность “формирования нового человека” в рамках марксистской психологии, т. е. исповедовавший иудейско-христианскую идею мессианства в ее новой, сайентистской форме» (Петренко, 2002, с. 16).

В отечественной науке Выготский является фигурой знаковой. Ученый, яркие идеи которого легли в основание отечественной психологии советского периода, не был оценен официальной наукой. Л. С. Выготский не был репрессирован (возможно, был бы, проживи он на 3–4 года дольше), однако жил в бедности, не имея официальных высоких регалий, и, по свидетельству современников, больной туберкулезом, зимой ходил в летних ботинках. Его труды практически не издавались прижизненно, а собрание сочинений вышло в свет спустя пятьдесят лет после смерти, в 80-х годах, на основе рукописей, которые удалось собрать и сохранить, отчасти, возможно, незавершенных. Сегодня Выготский — один из самых цитируемых авторов в отечественной психологии. Его труды, написанные в переломный период развития отечественной науки, актуальны и востребованы на современном переломе в ее развитии.

3.3. Дальнейшая разработка представлений о природе человека в отечественной психологии советского периода

3.3.1. Взгляды на структуру и природу личности А. Г. Ковалева и К. К. Платонова

А. Г. Ковалев относится к числу признанных классиков в разработке проблемы личности. Одной из важных особенностей его концепции явилось соотнесение проблемы личности как предмета общей психологии с ее определением как предмета социальной психологии. Одним из первых он выступил против сведения психологии личности к индивидуально-психологическим особенностям человека. Опираясь на достижения физиологии активности, он вскрыл лежащие в основе личности потребности и предложил определенную классификацию последних [Ковалев, 1970].

Личность в трудах А. Г. Ковалева выступает как интегральное образование *психических процессов, психических состояний* и *психических свойств*.

Психические процессы составляют фундамент психической жизни человека. Психические процессы формируют психические состояния, которые характеризуют функциональный уровень психической деятельности. До образования устойчивых психических свойств развивающуюся личность ребенка в целом характеризуют состояния (ребенок капризный, спокойный, аффективный, уравновешенный и т. п.). Смена состояний меняет облик личности ребенка. В определенных условиях одно из состояний может укрепиться и определить некоторые особенности его характера (возбудимый, застенчивый, депрессивный и т. д.).

Психические свойства образуются из психических процессов, функционирующих на фоне психических состояний. Психические свойства характеризуют устойчивый, относительно постоянный уровень активности, характерный для данного человека. В свою очередь уровень активности определяет ту или иную социальную ценность личности и составляет внутренние субъективные условия развития человека. В процессе развития психические свойства определенным образом связываются друг с другом, и образуются сложные структуры.

В качестве таковых А. Г. Ковалев рассматривает *темперамент* (система природных свойств человека), *направленность* (система потребностей, интересов и идеалов), *способности* (интеллектуальные, волевые и эмоциональные свойства), *характер* (система отношений и способов поведения). Автор отмечает, что «выделение этих структур в какой-то мере условно, так как одни и те же свойства характеризуют не только направленность, но и характер, оказывают влияние на проявление способностей. Следует различать эти структуры как относительно автономные, поскольку при наличии одних и тех же свойств, например направленности, люди могут разниться друг от друга по способностям, темпераменту и характеру».

Дальнейшая эволюция взглядов А. Г. Ковалева на структуру личности незначительна. В 1981 г. в главе, посвященной личности, в учебнике по общей психологии он пишет, что первым компонентом в структуре личности является направленность, вторым — способности, третьим — характер, четвертым — система управления, которую обозначают понятием «Я», а пятым — психические процессы.

Сама личность представляет собой синтез названных выше структур. Независимость, произвольность поведения и зрелость человеческой личности обеспечиваются этим синтезом.

Б. Г. Ананьев отмечает как наиболее удачный в понимании Ковалевым структуры личности выделяемый им переход от «психических процессов к психическим состояниям и от них к психическим свойствам личности», но одновременно считает, что само описание структуры остается узко психологическим. Важным моментом явился подход А. Г. Ковалева к задаткам как к основе способностей. Он отметил, что обычно задатки трактуются как анатомо-физиологические особенности, тогда как реально они представляют собой психофизиологические свойства, например хорошее цветоразличение, зрительная память, музыкальный слух, которые обеспечивают высокую сенсорно-моторную чувствительность и составляют основу склонности к занятию определенной деятельностью [Ковалев, 1970].

Существенным продуктивным звеном концепции А. Г. Ковалева была его направленность на выявление в личности противоречий, например противоречия между характером и способностями.

Практически одновременно с теорией А. Г. Ковалева идеи структуры личности были разработаны К. К. Платоновым. Он шел в своем понимании личности во встречных направлениях — и от методологии, и от практической, прикладной психологии. В первом направлении он дал анализ различных, в том числе в то время прогрессивных, философских пониманий структуры личности. В результате К. К. Платонов отошел от традиционного понимания структуры только как соотношения элементов и предложил более сложное понимание структуры, включившее «единство элементов, их связей, целого и связей элементов с целым» [Проблемы психологии личности, 1969]. Наиболее важным для психологии в этом понимании было уяснение того, что есть более или менее существенные для целого подструктуры, но нет несущественных. С этих позиций он вносит определенную ясность в попытки психологов создать единую классификацию групп психических явлений, которые следует включить в структуру личности, называя эти группы не подструктурами личности, а категориями психических явлений человека.

Данная концепция — наиболее яркий образец реализации идей структурного подхода к пониманию личности человека. К. К. Платонов рассматривает личность как динамическую систему, т. е. систему, развивающуюся во времени, изменяющую состав входящих в нее элементов и связей между ними при сохранении функции.

В этой системе автор выделяет четыре подструктуры личности. Критериями выделения подструктур являются:

- отношение биологического и социального, врожденного и приобретенного, процессуального и содержательного;
- внутренняя близость черт личности, входящих в каждую подструктуру;
- каждая подструктура имеет свой особый, основной для нее инструмент формирования (воспитание, обучение, тренировка, упражнение);
- объективно существующая иерархическая зависимость подструктур;
- исторические критерии, используемые для сущностного понимания личности:
  — личность как сумма психических свойств,
  — .личность как опыт человека,

— биологизация личности,

— социологизация личности.

Применение данных критериев к анализу личности позволило автору выделить в ее структуре следующие основные подструктуры:

1. Подструктура *направленности и отношений личности,* которые проявляются в виде моральных черт. Они не имеют врожденных задатков и формируются путем *воспитания.* Поэтому она может быть названа социально обусловленной. Она включает желания, интересы, склонности, стремления, идеалы, убеждения, мировоззрение. Все это — формы проявления направленности, в которых проявляются отношения личности. Однако К.К. Платонов рассматривает отношение не как свойство личности, а как «атрибут сознания, наряду с переживанием и познанием, определяющим различные проявления его активности». По К.К. Платонову, параметры этой подструктуры следует рассматривать на *социально-психологическом уровне.*

2. Подструктура *опыта,* которая «объединяет знания, навыки, умения и привычки, приобретенные путем *обучения,* но уже с заметным влиянием биологически, и даже генетически обусловленных свойств личности». К.К. Платонов признает что «далеко не все психологи рассматривают указанные свойства как свойства личности». Но закрепление их в процессе обучения делает их типичными, что и позволяет их считать свойствами личности. Ведущая форма развития качеств этой подструктуры — обучение — обусловливает и уровень их анализа — *психолого-педагогический.*

3. Подструктура *индивидуальных особенностей психических процессов* или функций памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств, воли. К.К. Платонов намеренно устанавливает такой порядок их следования, подчеркивая тем самым силу биологической и генетической обусловленности психических процессов и функций. В наибольшей мере это характерно для памяти, поскольку психическая память развивалась на основе физиологической и генетической памяти, а без нее не могли бы существовать другие психические процессы и функции. Что касается эмоций и ощущений, то они свойственны как человеку, так и животным. Уже по этому видно отчетливое влияние на их развитие биологического фактора.

Процесс формирования и развития индивидуальных особенностей психических процессов осуществляется путем *упражнения,* а изучается данная подструктура в основном на *индивидуально-психологическом уровне.*

4. Подструктура *биопсихических свойств,* в которую входят половые и возрастные свойства личности, типологические свойства личности (темперамент). Процесс формирования черт этой подструктуры, а точнее их переделки, осуществляется путем *тренировки.* «Свойства личности, входящие в эту подструктуру, несравнимо больше зависят от физиологических особенностей мозга, а социальные влияния их только субординируют и компенсируют». Поскольку активность этой подструктуры определяется силой нервной системы, то изучаться она должна на *психофизиологическом* и *нейропсихологическом,* вплоть до молекулярного, уровне.

Таким образом, по мнению К.К. Платонова, в эти подструктуры «могут быть уложены все известные свойства личности. Причем часть этих свойств относится в основном только к одной подструктуре, например, убежденность

и заинтересованность — к первой; начитанность и умелость — ко второй; решительность и сообразительность — к третьей; истощаемость и возбудимость — к четвертой. Другие, и их больше, лежат на пересечениях подструктур и являются результатом взаимосвязей различных собственных подструктур. Примером может служить морально-воспитанная воля как взаимосвязь 1-й и 3-й подструктур, музыкальность как взаимосвязь 3-й, 4-й и обычно 2-й подструктур».

Отличие этой структуры личности от предложенных Мясищевым, Ковалевым и другими психологами в том, что способности и характер рассматриваются не как структурные образования, а как общие качества личности, в чем сам Платонов усматривает сходство своей позиции с позицией Рубинштейна, считавшего характер и способности обобщенными психическими деятельностями.

Как практический психолог Платонов разработал некоторые бывшие в тот период становления прикладной психологии полезными методы и методические средства. С его именем связан так называемый метод независимых характеристик и «карта личности», выступавшая диагностическим средством. Важной заслугой Платонова является постановка проблемы «личность и труд», которая традиционно стояла лишь как проблема личности и деятельности. Несмотря на то, что проблема труда интерпретировалась им преимущественно как проблема социалистического труда, он тем не менее вскрыл новую плоскость изучения реальной личности, плоскость, которую, надо признать, избегала социологическая мысль, понимавшая социальную опасность проблемы мотивации труда (реально не только не высокой, но катастрофически снижавшейся).

3.3.2. Концепции развития личности Д. Б. Эльконина и Л. И. Божович

Концепция Д. Б. Эльконина строится на положении о том, что психическое развитие в ранние годы выступает как процесс качественного преобразования отношений «ребенок и взрослый». Исходный тезис его таков: ребенок изначально является социальным существом. Эта социальность по мере развития ребенка принимает все более сложные и конструктивные формы. С этих позиций он полемизирует с Выготским, утверждавшим, что у ребенка процесс социализации постепенно сменяется процессом индивидуализации. Согласно же Эльконину, каждая ступень самостоятельности, автономии связана с усвоением общественного опыта и не знаменует ослабления связи с обществом, но представляет собой качественное изменение формы социальности. Отрицательно относится Д. Б. Эльконин и к идее Л. С. Выготского о существовании спонтанного или натурального развития ребенка, якобы реализующегося в процессе взаимодействия малыша с предметами. Для Д. Б. Эльконина такое взаимодействие есть лишь побочная форма целенаправленного обучения, результат переноса на неизвестный предмет уже усвоенного действия. Исходное положение Д. Б. Эльконина о фундаментальной важности отношения ребенка со взрослым признается практически всеми отечественными и зарубежными психологами. Но по существу оно реализуется лишь на уровне общения младенца с матерью. Д. Б. Эльконин же утверждает, что каждая эпоха, стадия становления личности характеризуется особым отношением «ребенок — взрослый». Это отношение строится на своеобразном типе деятельности. Такая позиция позволяет Эльконину предложить свое решение одной из труднейших проблем

в мировой психологической науке — проблемы механизмов перехода развивающегося человека от одной стадии к другой.

Приступая к анализу основных периодов детства, Д. Б. Эльконин выделяет три их параметра: 1) социальную ситуацию развития, т. е. конкретную форму отношений ребенка со взрослыми; 2) ведущий тип деятельности; 3) психические новообразования. Характеризуя с динамической стороны периоды развития, Д. Б. Эльконин выделяет стабильные и критические. Чередуясь, они подготавливают друг друга. Кроме периодов Д. Б. Эльконин выделяет стадии развития. Первая стадия — младенчество. Часть ее занимает кризис новорожденности: ребенок живет в слиянии со взрослым. Комплекс оживления, улыбка ребенка знаменуют окончание этого кризиса. Как и Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин считает, что с этого времени у ребенка возникает индивидуальная психическая жизнь, ориентированная на создание различных средств общения со взрослыми. Новообразованием этого периода выступает потребность в человеке, а основным типом деятельности — непосредственно эмоциональное общение со взрослыми. Социальная ситуация меняется, когда ребенок начинает ходить и разрушает изначальную слитность со взрослым. Разрешение этого кризиса требует, чтобы малыш овладел таким типом деятельности, который по-новому объединил бы его со взрослым. Такова предметно-манипулятивная деятельность, в системе которой взрослый помогает ребенку овладеть общественно выработанными способами действия с вещами. Однако потребность в более совершенных формах общения при этом лишь обостряется. Овладение речью, диалог с собеседником ведет на пороге трехлетнего возраста к замене ситуации «Мы» позицией «Я сам» с характерными чертами негативизма и обесценивания близких людей. Но все эти особенности поведения ребенка — проявление его страстного желания войти равноправным членом в мир взрослых. В результате дети переходят от манипулятивно-операционной активности к ролевой игре, которая направлена на освоение мотивационной и смысловой сторон действий людей. При этом формируется механизм соподчинения мотивов: непосредственное побуждение подчиняется мотиву, предписанному замыслом игры. Все эти новообразования дошкольного детства, особенно возникновение соподчинения мотивов, позволяют говорить о поступательном развитии личности, ибо личность — «это такой субъект, деятельность которого регулируется соподчиненными мотивами и этическими нормами» [Эльконин, 1989, с. 55].

Свое понимание игры как способа вхождения ребенка в мир мотивов, смысловых отношений и ценностных установок взрослых людей Д. Б. Эльконин противопоставляет взглядам Ж. Пиаже, изложенным в его ранних работах: для Пиаже мир игры — это особый замкнутый мир, в который ребенок стремится уйти от мира принуждений, запретов и требований взрослых.

Кроме игры, Д. Б. Эльконин выделяет и другие формы развивающей деятельности, предполагающие качественно иное отношение «ребенок — взрослый». Таковы специально организованные занятия дошкольников, в которых взрослый руководит ребенком через задания и их оценку; таковы и действия, связанные с режимными моментами. В этих случаях ребенок начинает осознавать общественную функцию взрослого как педагога, а себя — как ученика, способного и желающего заняться настоящей учебной деятельностью. Она предполагает новые позиции детей,

формирование новых способов сотрудничества со взрослыми и остальным коллективом.

Результаты исследований ребенка на стадии подростничества существенно отличаются от тех данных, на которые опирался Л. С. Выготский. В работах Д. Б. Эльконина подросток предстает прежде всего как субъект новой сферы жизни и активности, связанной с установлением и поддержанием доверительных личных отношений со сверстниками. В общении подростков складываются их взгляды на жизнь, мировоззренческие позиции, ориентации на будущее. Общим знаменателем этих новообразований Д. Б. Эльконин считает развитие самосознания. Рабочий подросток более не входит в центр психологического исследования. Можно предполагать, что общество в 50-е — 70-е годы уже смогло выделить подростку время для самоопределения не только в профессии, но и в более широких системах общественных связей.

Итогом исследований Д. Б. Эльконина стала оригинальная концепция периодизации раннего периода жизни растущего человека. Основная ее идея заключается в положении о последовательном чередовании двух групп деятельностей, условно называемых Д. Б. Элькониным «ребенок — общественный взрослый» и «ребенок — общественный предмет». В первую группу входят непосредственно эмоциональное общение младенца со взрослым, ролевая игра и интимно-личностное общение подростков. В системе взаимодействия растущего человека со взрослыми и сверстниками происходит развитие мотивационно-потребностной сферы личности. Ко второй группе Д. Б. Эльконин относит манипулятивно-предметную деятельность в раннем детстве, учебную и учебно-профессиональную деятельность, на основе которых усваиваются общественно-выработанные способы действий с предметами, эталоны, указывающие на функции вещей, а также получают развитие интеллектуальные возможности детей. В своей концепции Д. Б. Эльконин продуктивно расширил содержание понятия «деятельность», включив в него и разные формы общения, невербального и вербального взаимодействия растущего человека со взрослыми. И все же за пределами выделенных ученым форм активности детей оказались многие типы их деятельного отношения к действительности — художественные занятия, творчество, напряженная работа по формированию представлений о себе и многие другие. В схеме отношений «ребенок — общественный взрослый» и «ребенок — общественный предмет» отсутствует важнейшее отношение «ребенок — природа», во многом определяющее уровень эстетического, этического и познавательного развития растущего человека. Упрощенной выступает и идея о чередовании стадий развития мотивационно-потребностной и операционно-инструментальной сферы личности. Идея эта — производное от утвердившейся в прошлые десятилетия концепции строения деятельности, согласно которой мотив определяет и, так сказать, «пропитывает» всю структуру деятельности. Он наполняет побудительным потенциалом цель, определяющую действия, а также условия и средства, связанные с операциями, входящими в состав деятельности. Между тем исследования показывают, что цели, условия, средства имеют свои самостоятельные мотивы, которые могут усиливать или ослаблять мотивационный потенциал деятельности. Это означает, что овладение новыми способами манипуляций с предметами, новыми приемами оперирования знаниями опираются на особые

мотивы и способствуют их обогащению. Точно так же при общении со сверстниками и взрослыми ребенок вырабатывает эффективные способы воздействия на них, инициации желательных и предотвращения нежелательных приемов общения с окружающими. Стремление познать мир взрослых и сверстников ведет к усиленному развитию высших форм интеллекта, направленных на решение задач построения взаимоотношений с людьми.

Свою концепцию развития личности на разных этапах ее жизни Л.И. Божович, как и Д.Б. Эльконин, создает в рамках педагогической психологии. В своих работах она обобщает исследования, выполненные Л.С. Славиной, Л.В. Благонадежиной, Т.В. Драгуновой, М.С. Неймарк, В.Э. Чудновским и многими другими психологами. Значительное место в ее теории занимают понятия «социальная ситуация развития», «внутренняя позиция ребенка» и его изменяющееся место или положение в системе социальных связей. При выделении последовательных стадий в процессе онтогенеза Л.И. Божович руководствуется принципом целостного преобразования личности. Это значит, что каждый этап ее становления характеризуется не отдельными новообразованиями, а преобразованием строения всей личности: меняется система отношений человека к действительности, перестраивается структура его сознания, мотивационная сфера личности. Вслед за Л.С. Выготским, Л.И. Божович определяет растущего человека как инициатора собственной активности, корни которой погружены в его потребностно-мотивационную сферу. Активность эта — основа развития личности в качестве субъекта: «...ребенок постепенно превращается из существа, подчиненного внешним влияниям, в субъекта, способного действовать самостоятельно на основе сознательно поставленных целей и принятых намерений» [Божович, 1968, с. 436–437]. Проявлением субъектного начала личности выступает не только ее внутренняя позиция, но и социальная ситуация развития: ее влияние на ребенка зависит от качества переживаний, вызываемых внешними социальными условиями. На высоких же уровнях своего развития личность как субъект превращается в «творца нового социального опыта» [Божович, 1968, с. 438], в «воспитателя собственной личности» [Божович, 1968, с. 439].

Начала формирования субъектного отношения к миру Божович обнаруживает уже у младенца: на 3-ей — 5-ой неделе жизни у него появляется потребность в новых впечатлениях. Мир вызывает у ребенка животворящее чувство радости, побуждающее малыша к обследованию и овладению им. Тем самым окружающая действительность, по словам Божович, начинает делать из новорожденного субъекта [Божович, 1968, с. 200]. Не менее остро привлекает младенца мир людей. Их помощь, содействие в организации действий формирует у младенца потребность в общении. Развиваясь на последующих этапах становления личности, эти две фундаментальные потребности, способствуя развитию речи и интеллекта, становятся основой перестройки сознания растущего человека: со второго года у ребенка происходит формирование «внутреннего плана» побудителей поведения. Кристаллизация побудителей-мотивов в образах, представлениях, понятиях, намерениях обеспечивает высокую действенность «собственного слова». Препятствуя осуществлению импульсивных желаний, внутренний побудительный план выступает как важная веха на пути становления ребенка субъектом своего внутреннего мира. Вместе с формированием познавательного отношения к миру, намерения познавать и организовывать свою

деятельность у ребенка возникает новая внутренняя позиция — занять социально значимое место в системе серьезной — учебной — деятельности. Не касаясь кризисов новорожденности, первого года жизни и периода трех лет, которые анализировал Л. С. Выготский, Л. И. Божович сосредоточивает внимание на таком переломном моменте в жизни ребенка, как поступление в школу. При этом она не обнаруживает у детей острых внутренних конфликтов или кризисов. Социальные мотивы, производные от нового статуса школьника, настолько сильны, что оттесняют другие побуждения. Однако в середине периода учения поведение детей, согласно Л. И. Божович, драматически изменяется. Происходит перестройка их мотивационной сферы. Центром интересов школьников становится область взаимоотношений со сверстниками. Дети стремятся завоевать в среде своих товарищей место, которое обеспечивало бы им эмоциональное благополучие, а такое место отнюдь не всегда завоевывается успехами в учебе. Однако ориентация на взаимодействие со сверстниками выступает и как средство познания мира социальных отношений и выработки оптимальных стратегий поведения в этом мире. Необходимость в развитии «социального интеллекта» обусловливается и тем фактом, что в классах средней школы различные дисциплины ведутся разными преподавателями, и дети должны распознавать их личностные особенности, учиться строить взаимоотношения с каждым учителем. Производными от повышенного интереса подростков к взаимоотношениям людей, к закономерностям общения с ними выступают, во-первых, заостренное внимание к нравственным проблемам, формирование нравственных идеалов, а во-вторых — формирование более высокого уровня самосознания. Потребность в познании самого себя, своих личностных качеств, обусловлена необходимостью эффективно организовывать свои взаимоотношения со сверстниками и взрослыми. Анализируя внутреннюю жизнь подростков, Л. И. Божович не акцентирует переживания ими кризисов и конфликтов. Однако приводимый ею материал обнаруживает борьбу психических сил у подростков на пороге юности. Эти конфликты порождаются рассогласованием между притязаниями и возможностями (аффект неадекватности), расхождением между оценками поступков подростка разными людьми, между внешними оценками и самооценками. Есть основание предполагать, что отмечаемое Л. И. Божович стремление многих подростков к одиночеству, к временному дистанцированию от действительности обусловлено их желанием разобраться в своих противоречиях и осознать истинные мотивы поступков. Появление в результате устойчивой самооценки, стойких идеалов и моральных качеств личности означает, по словам Л. И. Божович, что подросток становится способным к самостоятельному развитию путем самовоспитания и самосовершенствования. На следующей возрастной ступени — в старшем школьном возрасте — социальная ситуация развития отличается тем, что юноша стоит на пороге вступления в самостоятельную жизнь, предполагающую выбор профессии, а это значит — определенного жизненного пути. Привлечение Л. И. Божович большого массива психологических исследований, выполненных как у нас, так и за рубежом, обнаруживает характерную для юношества философскую направленность внутреннего плана его жизни, стремление понять смысл жизни, найти свою миссию, выработать собственные взгляды в области науки, политики, морали. На основе сформировавшегося мировоззрения происходит иерархизация мотивационной сферы. Интегрируются смыслообразующие мотивы

и побуждения, реально регулирующие поведение. Эта интеграция опосредствуется мировоззрением. Именно на его основе мотивационная сфера растущего человека становится сознательно управляемой, а личность выступает как субъект своих движущих сил.

Особое направление работ Л. И. Божович образует изучение морального развития личности. В мировой психологической науке существует много исследований, посвященных этой проблеме. Однако подавляющее их большинство направлено на изучение морального сознания. В этой области наиболее известна стадиально-уровневая концепция Л. Колберга, охватывающая жизненный путь человека от детства до взрослости (зрелости). Л. Колберг выделяет три уровня развития морального сознания — доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. Внутри каждого уровня он выделяет по две стадии, отличающиеся высотой морального сознания. Только на пятой и шестой, (теоретической) стадиях личность становится способной изменять несправедливые законы общества в соответствии с высшими нравственными принципами.

В работах же Божович получают разработку вопросы связи морального познания с нравственным поведением и с моральными качествами личности. Она отвергает концепцию интериоризации норм морали и выдвигает положение о внутренней психологической логике становления нравственности: примитивные и диффузные психические образования уже несут в себе нравственные элементы. Они испытывают влияние внешних воздействий, которые активно перерабатываются растущим человеком. В результате элементарная нравственность превращается в устойчивые личностные качества, в нравственные идеалы и моральные убеждения. Все эти образования заключают в себе сильный мотивационный потенциал и выражаются в поступках человека. Стадиальность формирования нравственности Л. И. Божович приурочивает к идущей от педагогики периодизации учебной деятельности. Каждый период в жизни ребенка отличается, по Божович, появлением новых моральных инстанций — знаний, чувств, мотивов, нравственных форм поведения, переходящих в нравственные привычки. Основной вывод Л. И. Божович гласит: нравственность может стать устойчивым личностным достоянием растущего человека только в том случае, когда он сам станет субъектом формирования своих нравственных систем. Путем принуждения нравственность не формируется.

У ребенка должна возникнуть потребность вести себя нравственно в значимых для него ситуациях. Обобщаясь и упрочиваясь, нравственные поступки становятся привычками, которые играют важную роль в гармонизации внутреннего мира детей. Детально раскрываются Л. И. Божович этапы формирования и конкретное содержание таких нравственных образований, как чувство долга, ответственности, формирование идеалов, убеждений, складывающихся в мировоззренческую, глубоко личностную систему. В связи с раскрытием многомерности и многоплановости нравственной сферы личности, особенно актуальными выступают факты динамики в этой области сознательного и бессознательного. Так, метод косвенных вопросов позволил обнаружить у подростков идеалы, о существовании которых они не подозревали. Такие факты в 60-е годы не привлекли к себе внимания психологов. Но в настоящее время, когда в мировой психологической науке растет интерес к имплицитным, плохо осознаваемым, но устойчиво регулирующим поведение

убеждениям личности, к обыденным формам мировоззрения, изучение неосознаваемых слоев нравственности требует продолжения. Устойчивое мировоззрение — важное условие реализации себя юношей в качестве субъекта своей жизни. Из существа, подчиненного обстоятельствам, он, по словам Л. И. Божович, становится господином этих обстоятельств, человеком, который часто сам создает свою среду и направлен на ее активное преобразование. В работах Л. И. Божович, в исследованиях Т. В. Драгуновой представлен психологический портрет подростков — учащихся 7-х, 10-х и 11-х классов школ нашей страны в 60-е — 70-е годы. К общим характеристикам подростков относятся рост самосознания, обостренная потребность в самоутверждении и обращенность в будущее, связанная с необходимостью выбора профессии. Самоутверждение может осуществляться в разных формах. При индивидуалистической направленности подросток стремится командовать сверстниками, выдвинуться, действовать в ущерб товарищам. При общественной направленности молодые люди стараются доказать окружающим способность быть на уровне «взрослых» требований. Л. И. Божович констатирует, что направленность на себя характерна для значительной части учащихся. Анализируя мотивы выбора профессии, Л. И. Божович отмечает, что для многих подростков такой выбор имеет именно то значение, которое ему придавал Л. С. Выготский: подросток выбирает не только профессиональную деятельность, но и свою жизненную дорогу, свое место в общем производственном процессе. У другой же части подростков профессиональный выбор мотивируется желанием стать самостоятельными, пойти по стопам товарищей и т. п. Эти молодые люди, по словам Божович, еще не выработали систематизированную картину мира, в которую было бы включено и обобщенное представление о себе, поэтому плоскость их абстрактных исканий расходится с пространством реальных жизненных планов.

Итак, исследуя развитие личности в ранние годы, Л. И. Божович рассматривает его в рамках подготовки к учению и учебной деятельности, сочетающейся с общественно полезным трудом. Психологическая периодизация жизни личности совпадает с ее социальной этапностью, включающей в основном периоды перехода из младших классов в старшие. Именно эти переходы и выступают как те «события» (Божович не использует этого понятия), которые вызывают изменения «внутренней позиции личности», преобразования ее структуры, нарастание «чувства взрослости» и повышения уровня самосознания.

Л. И. Божович была первым отечественным психологом, организовавшим исследование психического развития детей в условиях разных культур, а точнее в разных системах общественных отношений — в социалистической и капиталистической. Результаты исследований представлены в книге «Два мира детства», написанной Л. И. Божович совместно с У. Бронфенбреннером. Общественно-исторические изменения, происшедшие в нашей стране, утверждение в ней капиталистических отношений с их акцентом на конкуренции, индивидуализме открывают перед психологами возможность сравнить личностно-психологический облик подростков 60-х — 70-х и 90-х годов. Исследования в этом направлении осуществляются крупным специалистом в области подросткового возраста Д. И. Фельдштейном.

У Л. И. Божович в качестве системообразующего признака структуры личности выступает «внутренняя позиция личности», или ее направленность. «На основании

теоретического анализа, — пишет исследовательница, — мы выдвинули гипотезу о том, что целостная структура личности определяется, прежде всего, ее направленностью» [Божович, 1968]. Основу направленности составляет возникающая в течение жизни «устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, характеризуют строение мотивационной сферы человека». Наличие такой иерархической системы и обеспечивает наивысшую устойчивость личности. Именно содержание направленности личности обусловливает все ее особенности: интересы, стремления, переживания, черты характера. Более того, по мнению Л. И. Божович, от направленности личности зависит не только комплекс присущих личности качеств, но и строение каждого из них.

Ведущая сфера в структуре личности Л. И. Божович — это аффективно-потребностно-мотивационная сфера. Процесс развития и становления личности ребенка рассматривается как последовательный переход от элементарных, неосознаваемых или частично осознаваемых потребностей, непосредственно побуждающих его поведение, к потребностям опосредованным, действующим через сознательно поставленные цели и намерения.

Каждый возраст характеризуется своей специфической для него «констелляцией» мотивов и особым характером их иерархической структуры. В раннем детстве жизнь и поведение ребенка определяются временным соподчинением непосредственных аффективных тенденций, возникающих ситуативно, практически вне сознания самого ребенка. В дальнейшем на основе относительно постоянных доминирующих потребностей складывается более устойчивая иерархия мотивов. На завершающем этапе иерархическая система мотивов приобретает максимальную устойчивость и свободу от внешних воздействий, так как опирается на собственные взгляды и убеждения субъекта.

3.3.3. Концепция человека Б. Г. Ананьева

Диалектическое понимание природы человека ярко воплощено в трудах Б. Г. Ананьева. Сегодня представляется недостаточно раскрытым тот потенциал, которым методология Б. Г. Ананьева обладает для решения насущных вопросов современного развития как отечественной, так и мировой психологической науки в целом.

Методология Б. Г. Ананьева может существенно помочь нам прежде всего в решении насущной задачи современного периода в развитии российской психологии — задачи самоопределения отечественной психологии в контексте мировой психологической науки, что должно стать основой интеграции отечественной теории и методологии в мировую науку.

— Во-первых, в этой методологии ярко воплотились специфические особенности отечественной психологической школы, отличающие отечественную психологию от других направлений мировой науки, составляющие ее своеобразие.

— Во-вторых, методология Б. Г. Ананьева в максимальной степени обращена как раз к тем задачам, которые на рубеже XXI столетия актуальны для мировой науки. Более того, в трудах Б. Г. Ананьева предлагаются конструктивные подходы к решению вопросов, широко обсуждаемых в современной зарубежной психологии.

Возможно, именно полемически заостренный, «неудобный» для подстройки под чужой лад, под логику популярных зарубежных концепций, характер положений

Б. Г. Ананьева является причиной того, что в современной российской науке наряду с частым упоминанием имени, работы его цитируются исчезающе мало, а пересказ их содержания изобилует грубыми искажениями. Искажения эти часто преследуют «благую» с точки зрения тех, кто их вносит, цель: пригладить острые углы, замаскировать противоречие, в которое положения Б. Г. Ананьева вступают с другими теориями. В то же время Б. Г. Ананьев последовательно парадоксален — в плане соединения социоцентризма и естественнонаучности — и полемичен. Так, в широко применяемом сегодня учебнике [Маклаков, 2000] в структурную схему личности, прямо приписываемую здесь Б. Г. Ананьеву, включен темперамент, который он относил к другой подструктуре человека — к индивиду. Таким образом оказывается искаженной, выхолощенной, основная идея ученого: индивид и личность «встречаются» только через посредство индивидуальности.

Напомним, что человек в понимании Б. Г. Ананьева является продуктом индивидуально-психического развития, которое выступает в трех подчеркнуто разведенных планах:

— онтогенетической эволюции психофизиологических функций индивида,

— жизненного пути человека — истории личности,

— становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда, познания и общения.

Характеристики человека как индивида

Б. Г. Ананьев выделяет два класса ***первичных*** индивидных свойств:

а) возрастно-половые свойства,

б) индивидуально-типические свойства.

К последним относятся конституциональные особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), нейродинамические свойства мозга, особенности функциональной геометрии больших полушарий (симметрии — асимметрии парных рецепторов и эффекторов).

Взаимодействие первичных свойств определяет ***вторичные*** индивидные свойства:

а) динамику психофизиологических функций,

б) структуру органических потребностей.

Высшая интеграция индивидных свойств представлена в ***темпераменте*** и ***задатках.***

Основная форма развития индивидных свойств — онтогенетическая эволюция, которая осуществляется по определенной филогенетической (видовой) программе. Данная программа не остается неизменной, но постоянно модифицируется под воздействием фактора индивидуальной изменчивости, диапазон которой непрерывно растет как в процессе социальной истории человечества, так и в процессе индивидуального онтогенеза как результат активного воздействия социальных свойств личности на характеристики индивида.

Характеристики человека как личности

Исходным моментом структурно-динамических свойств личности является ее *статус* в обществе, то есть особенности ее экономического, правового,

политического положения, и статус общности (группы, субкультуры), в которой складывается и формируется данная личность. На основе статуса строятся в процессе воспитания системы *общественных функций — ролей и целей и ценностных ориентаций*.

Первичные личностные свойства — статус, роли и ценностные ориентации — складываются вначале как бы вовне личности, в системе ее взаимодействия с социальным окружением, и интериоризуются в процессе социализации. На основе первичных личностных свойств формируются *вторичные: мотивация и структура общественного поведения*.

Высшая интеграция личностных свойств — *характер* человека и его ***склонности***. Основная форма развития личности — жизненный путь человека, его социальная биография.

Основные характеристики человека как субъекта деятельности

Исходными характеристиками человека в этой сфере являются ***сознание*** (как отражение объективной действительности) и ***деятельность*** (как преобразование действительности). Человек как субъект характеризуется не только собственными свойствами, но и знаниями, умениями, а также техническими средствами труда. Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество человека, а наиболее обобщенными эффектами (а вместе с тем потенциалами) — способности и талант. Основная форма развития субъектных свойств — история производственной деятельности человека в обществе, начиная с ранних стадий подготовки и обучения.

Центральное место в концепции Б. Г. Ананьева занимает понятие *индивидуальности*. В научном сообществе за его учением закрепилось название «теория индивидуальности». Индивидуальность по Ананьеву — это не просто индивидуальное своеобразие, уникальность личности, отличие человека от других. Б. Г. Ананьев называет индивидуальностью целостное единство всех уровней организации человека, которое является результатом слияния натурального и культурного развития человека. Индивидуальность придает личности свойство целостности, обеспечивает саморегуляцию и стабилизацию психофизиологических функций, взаимосвязь тенденций и потенций человека. К проявлениям индивидуальности относятся самосознание, Я-концепция, индивидуальный стиль деятельности.

Различия в содержании понятий: индивид, личность, субъект деятельности — в данной концепции полемически заострены ценой очевидного сужения значений понятий с целью показать, что процесс человеческого развития построен на взаимодействии различных, не слитых по своей природе начал. Единого закона человеческого развития ни в природе, ни в культуре — нигде вне самого человека просто нет, есть ряд относительно независимых факторов, влияние которых опосредуется и интегрируется индивидуальностью человека. Именно индивидуальность определяет вектор, путь и направление человеческого развития. Индивидуальность изначально присутствует и проявляет себя, преломляя и соединяя биологическую индивидную программу, социально определяемую программу развития личности и программу становления субъекта деятельности, которая заложена

в орудийно-деятельностных компонентах воспитания. В зрелом возрасте фактор индивидуальности становится доминирующим.

Легко заметить, что в данной концепции для подструктур индивида, личности, субъекта исходными являются не психологические категории. Б.Г. Ананьев выводит подструктуру индивида из биологических свойств человека, личность — из конкретно социологических характеристик, субъекта — из материальной базы, орудий, созданных цивилизацией. Вид, социум, цивилизация как бы прорастают в человека, формируя его психику, каждый в соответствии со своими законами. И только индивидуальность по своей природе представляет собой явление психическое — таким образом, психическое составляет интегрирующую основу и ядро, вектор и закон развития человека.

Человек в теории Б.Г. Ананьева выступает как, во-первых, исторически конкретный тип, специфический по своей психической организации в различные моменты истории, во-вторых, как самодетерминирующийся творец самого себя. От самодетерминации человека оказываются зависимыми не только уровень достигаемого развития (что является обычным для западных концепций), но и направление развития.

Специфика подхода к личности Б.Г. Ананьева заключалась во включении ее в широкий антропологический контекст, контекст человекознания. Поэтому его заслуга связана прежде всего со смелостью включения психологии в систему наук о человеке, с возвращением психологии целого комплекса связей, не учитываемых до этого при анализе личности. Здесь присутствуют в единстве и собственно антропологический, и исторический, и онтогенетический, и возрастной, и биографический аспекты рассмотрения проблемы личности.

В отличие от большинства отечественных психологов Ананьев рассматривает социальную детерминацию личности не абстрактно, а с уже сформировавшихся к тому времени социологических позиций. Именно поэтому он, определяя, подобно многим, личность как общественного индивида, конкретизирует это определение через социальные ситуации ее развития: статус, образ жизни, социально-психологические и др.

Ананьев, предложив не традиционно динамическое, а историческое, биографическое понимание времени жизни, выявил важнейшие с точки зрения развития личности характеристики: старт, кульминационный момент наивысших достижений в избранной деятельности и финиш, — показал зависимость кульминации от момента старта, а старта от истории воспитания личности. Эти фазы он связал в основном с субъектом деятельности, считая, что «определить основные моменты становления, стабилизации и финиша личности можно лишь путем сопоставления сдвигов по многим параметрам социального развития человека: гражданскому состоянию, экономическому положению, семейному статусу, совмещению, консолидации или разобщению социальных функций (ролей, характера ценностей и их переоценки в определенных исторических обстоятельствах), смене среды развития и коммуникации, конфликтным ситуациям и решению жизненных проблем, осуществленности или неосуществленности жизненного плана, успеху или неуспеху,

триумфу или поражению в борьбе» [Ананьев, 1969, с. 161–162]. Здесь особо сказывается стремление Ананьева конкретизировать понятие жизненного цикла человека в категориях социологии как наиболее прогрессивного в тот период направления и тем самым преодолеть абстрактность принципа социальной детерминации личности, выразить эту детерминацию в приближенных к личности категориях. Типизацию, свойственную социологическому подходу, он дополняет индивидуализацией. Индивидуализацию в данном случае он рассматривает применительно к онтогенетическому развитию человека: «Весьма важным направлением влияния жизненного пути (биографии) человека на его онтогенетическую эволюцию является все возрастающая индивидуализация этой эволюции» [Ананьев, 1969, с. 165].

Опираясь на мысль Рубинштейна, что основным для развития личности является принцип интеграции, Ананьев приходит к выводу, что «развитие действительно есть возрастающая по масштабам и уровням интеграция — образование крупных “блоков”, систем или структур, синтез которых в определенный момент жизни человека выступает как наиболее общая структура его личности». Но одновременно, по его мнению, развитие личности есть и «все возрастающая дифференциация ее психофизиологических функций, процессов, состояний и личностных свойств, соразмерная прогрессирующей интеграции», т. е. существуют конвергентные и дивергентные отношения между дифференциацией и интеграцией.

Концепция личности Ананьева в силу его науковедческого комплексного подхода в целом оказалась наиболее многогранной, многоаспектной, позволившей соединить множество частных или не сопоставимых концепций. Он проработал понятийный аспект проблемы личности в континууме понятий «субъект», «личность», «индивид», «индивидуальность». Личность предстала и как включенная в социум, и как развивающаяся в онтогенетическом цикле и жизненном пути, и как современница своей эпохи и т. д. Концепция личности Ананьева до сегодняшнего дня не потеряла своего эвристического значения.

3.3.4. Концепция отношений В. Н. Мясищева

Одной из наиболее теоретически разработанных в отечественной психологии является концепция личности В. Н. Мясищева, построенная на основе конкретных исследований нормы и патологии личности. Продолжая традицию А. Ф. Лазурского, Мясищев определил личность как совокупность отношений к миру, тем самым существенным образом дистанцировавшись от подходов, которые строили в известном смысле замкнутую структуру личности из конгломерата таких составляющих, как психические процессы, свойства, способности, мотивы, воля, характер и т. д.

Мясищев стал первым, кто в открытой форме поставил вопрос о структуре личности. Он писал, что структурная характеристика освещает нам человека со стороны его целостности или расщепленности, последовательности или противоречивости, устойчивости или изменчивости, глубины или поверхности, преобладания или относительной недостаточности тех или иных психических функций. Это принципиальное положение, по-видимому, и определило специфику его взглядов на структуру личности, где нет отдельных составляющих, но есть психологическая данность — отношение, замыкающее на себя все другие психологические

характеристики личности. Именно отношение, по мысли В. Н. Мясищева, является интегратором этих свойств, что и обеспечивает целостность, устойчивость, глубину и последовательность поведения личности.

Отношение личности — это активная, сознательная, интегральная, избирательная, основанная на опыте связь личности с различными сторонами действительности. По мысли В. Н. Мясищева, отношение — это системообразующий элемент личности, которая предстает как система отношений. При этом важным моментом является представление о личности как о системе отношений, структурированной по степени обобщенности — от связей субъекта с отдельными сторонами или явлениями внешней среды до связей со всей действительностью в целом. Сами отношения личности формируются под влиянием общественных отношений, которыми личность связана с окружающим миром в целом и обществом в частности.

Действительно, с момента рождения человек вынужден вступать именно в общественные отношения (сначала с матерью — непосредственно-эмоциональные отношения, затем с окружающими его близкими, сверстниками, воспитателями, педагогами, коллегами и т. д. в виде игровой, учебной, общенческой и трудовой деятельности), которые, преломляясь через «внутренние условия», способствуют формированию, развитию и закреплению личностных, субъективных отношений человека. Эти отношения выражают личность в целом и составляют внутренний потенциал человека. Именно они проявляют, т. е. обнаруживают для самого человека, скрытые, невидимые его возможности и способствуют появлению новых. Автор особо подчеркивает регулятивную роль отношения в поведении человека.

Структура отношения. В. Н. Мясищев выделяет в отношении «эмоциональную», «оценочную» (когнитивную, познавательную) и «конативную» (поведенческую) стороны. Каждая сторона отношения определяется характером жизненного взаимодействия личности с окружающей средой и людьми, включающего различные моменты от обмена веществ до идейного общения.

Эмоциональный компонент способствует формированию эмоционального отношения личности к объектам среды, людям и самому себе.

Познавательный (оценочный) компонент способствует восприятию и оценке (осознанию, пониманию, объяснению) объектов среды, людей и самого себя.

Поведенческий (конативный) компонент способствует осуществлению выбора стратегий и тактик поведения личности по отношению к значимым (ценным) для нее объектам среды, людям и самому себе.

Виды отношений. Прежде всего они разделяются на положительные и отрицательные как с точки зрения эмоциональной, так и рациональной оценок.

Поведенческая сторона отношения выражается посредством потребностей, поскольку сама потребность, указывая на свои предмет, тем самым дает и косвенное указание на способ достижения этого предмета.

Эмоциональная сторона отношения выражается посредством привязанности, любви, симпатии и противоположных по знаку чувств — неприязни, вражды, антипатии.

Познавательная или оценочная сторона проявляется в принятых личностью моральных ценностях, выработанных убеждениях, вкусах, склонностях, идеалах.

О развитии отношений. Если личность — это система ее отношений, то процесс развития личности обусловливается ходом развития ее отношений. В. Н. Мясищев указывает, что первоначальный период возрастающей избирательности поведения человека характеризуется *предотношением,* в котором отсутствует элемент сознательности. Нечто, что человек не осознает, побуждает его к деятельности (неосознаваемая мотивация поведения).

В дальнейшем у 2–3-летнего ребенка развивается выраженная избирательность отношения — к родителям, воспитателям, сверстникам.

В школьном возрасте увеличивается число отношений, возникают внесемейные обязанности, учебный труд, необходимость в произвольном управлении своим поведением.

В старшем школьном возрасте формируются принципы, убеждения, идеалы.

Отношение и установка. Необходимость сопоставления между собой этих психологических понятий обусловлена тем, что каждая из них претендовала на роль всеобъемлющей психологической категории. Неудивительно поэтому проведение в 1970 г. специального симпозиума, посвященного уточнению роли и места установки и отношения в медицинской психологии.

И отношения, и установки В. Н. Мясищев рассматривает в качестве интегральных психических образований, которые возникают в процессе индивидуального опыта. Установка бессознательна и потому она безлична, а отношение сознательно, хотя, как подчеркивает В. Н. Мясищев, мотивы или источники его могут не осознаваться. Другое отличие отношения от установки заключается в том, отношение характеризуется избирательностью, а установка — готовностью.

Таким образом, отношения и установки это отличные друг от друга психические образования. Поскольку понятие отношения несводимо к другим психологическим категориям (установке, потребностям, мотивам, интересам и т. д.) и не разложимо на другие, оно представляет самостоятельный класс психологических понятий.

Понятие отношений позволяет преодолеть дихотомию субъективного и объективного, интра- и интерпсихического, поскольку это не общественные отношения, которые имел в виду К. Маркс и вслед за ним все отечественные психологи, а скорее способы связи внутреннего и внешнего, связи личности с миром [Голубева, 1989]. Понимание Мясищевым отношений личности радикально отличалось и от ананьевского, который рассматривал способы включения личности в социум как совокупность деятельности, общения, познания. Для Мясищева отношения имеют собственно психологические модальности: позитивные или негативные, активные или пассивные, противоречиво или гармонично связанные друг с другом. В число отношений он включает: 1) оценочные, 2) интерес как особое интеллектуальное отношение и, что особо важно, выделяет 3) отношение к деятельности. Последнее существенно отличает его концепцию от определения личности, даваемого А. Н. Леонтьевым, который фактически понимал личность как иерархию деятельностей.

Существенным является указание Мясищева на объективный, необходимый характер деятельности, а не только отвечающий потребностям и устремлениям самой личности, отсюда отношение к деятельности, по его мнению, может быть как позитивным, так и негативным, как активным, так и пассивным [Мясищев, 1960].

Отношения, согласно Мясищеву, имеют и потенциальный, т.е. имплицитно значимый, характер, и одновременно являются итогом индивидуального опыта. С этих позиций Мясищев справедливо критикует теорию свойств личности, полагая, что свойства обнаруживаются и в процессах, и в отношениях, и в состояниях человека. Основной же характеристикой отношений оказывается значимость, определяющая избирательность личности; причем значимость отличается от установки, носящей, согласно Мясищеву, безличный характер. Характер — «это единство отношений и способов их осуществления в переживаниях и поступках человека» [Мясищев, 1960, с. 70]. Очень важна поставленная Мясищевым проблема устойчивости и неустойчивости отношений, которая (устойчивость) в одних случаях обеспечивается простыми инерционными (консервативными) механизмами, а в другом основана на принципиальности личности, на некотором осознанном и обобщенном принципе. Его концепция отношений, базировалась и на патологическом материале болезненного их нарушения, вплоть до регресса личности. Тем самым общая психология личности оказалась связана с психопатологией личности, долгое время рассматривавшейся как изолированная область практики.

3.3.5. Личность в теории деятельности А.Н. Леонтьева

Концепция Леонтьева отчасти продолжала линию Выготского в психологии: утверждая ведущую роль социальной детерминации личности, минимизируя роль врожденного, наследственного, природного, — но в отличие от Выготского, Леонтьев вслед за Рубинштейном разрабатывал деятельностный подход.

Эта концепция личности характеризуется высоким уровнем абстрактности. При всем ее отличии от других имеется общая посылка с ними. Суть ее в том, что, по мнению А.Н. Леонтьева, «*личность* человека “производится” — *создается общественными отношениями*». Таким образом, очевидно, что в основе представлений отечественных психологов о личности лежит марксистский постулат о ней как о совокупности общественных отношений. Однако толкование этих отношений различно. Как же понимает их А.Н. Леонтьев? В приведенном определении появляется существенное добавление: «личность создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей *предметной деятельности*».

Взаимодействие индивида с окружающей средой с целью удовлетворения своих потребностей, по А.Н. Леонтьеву, в процессе эволюции порождает психику, понимаемую как средство адаптации к окружающей среде, обеспечивающее ориентацию в среде и соответствующую регуляцию собственной активности индивида. По мере усложнения форм взаимодействия со средой, форм деятельности индивида, возникают все более сложные формы организации психики и, наконец, личность человека как новое синтетическое образование: «Личность человека ни в каком смысле не является предшествующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается» [Леонтьев, 1975, с. 173]. Деятельность, активное взаимодействие со средой с целью удовлетворения своих потребностей, по А.Н. Леонтьеву, является ключом для понимания структуры и функций личности, и в отношении общечеловеческих закономерностей, и в отношении индивидуальности. На первый план выступает категория деятельности субъекта, поскольку

«именно деятельности субъекта являются исходной единицей психологического анализа личности».

А. Н. Леонтьеву удается провести разграничительную линию между понятиями индивид и личность. Если индивид — это неделимое, целостное, со своими индивидуальными особенностями генотипическое образование, то личность — тоже целостное образование, но не данное кем-то или чем-то, а *произведенное, созданное в результате множества предметных деятельностей*. Итак, положение о деятельности как единице психологического анализа личности — это первый принципиально важный теоретический постулат А. Н. Леонтьева.

Другой столь же важный постулат — это обращенное А. Н. Леонтьевым положение С. Л. Рубинштейна о внешнем, действующем через внутренние условия. А. Н. Леонтьев полагает: если субъект жизни обладает «самостоятельной силой реакции», иными словами активностью, то тогда справедливо: «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет».

Итак, развитие личности предстает перед нами как процесс взаимодействий множества деятельностей, которые вступают между собой в иерархические отношения. Личность выступает как совокупность иерархических отношений деятельностей. Их особенность состоит, по выражению А. Н. Леонтьева, в «отвязанности» от состояний организма. «Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности», — отмечает автор. Но возникает вопрос о психологической характеристике этой иерархии деятельностей.

Для психологической трактовки «иерархий деятельностей» А. Н. Леонтьев использует понятия «потребность», «мотив», «эмоция», «значение» и «смысл». Отметим, что само содержание деятельностного подхода меняет традиционное и соотношение между этими понятиями, и смысл некоторых из них.

Понятие потребности у А. Н. Леонтьева четко разведено с понятием мотива. Потребность — свойство, присущее индивиду, свойство, заключающееся в том, что для того, чтобы жить, он нуждается в некотором особом типе обмена, взаимодействия со средой. Например, пищевая потребность. Сама по себе потребность не может вызвать целенаправленной деятельности, т. к. она определяется в терминах внутренних состояний субъекта, она слепа и порождает лишь соответствующие эмоциональные состояния. Мотивами А. Н. Леонтьев называет предметы и явления объективной действительности, которые субъективно представляются нам средством удовлетворения потребности. «До своего первого удовлетворения потребность “не знает” своего предмета», и потому он должен быть обнаружен. «Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет — свою побудительную и направляющую деятельность, т. е. становится мотивом». Потребность может быть воплощена в целом ряде объектов-мотивов, что обеспечивает, с одной стороны, высокую приспособляемость к разнообразным условиям существования, а с другой — становится источником ложных, ошибочных устремлений. Момент воплощения потребности в мотиве А. Н. Леонтьев называет «опредмечиванием». Опредмечивание, по Леонтьеву, может быть как адекватным, так и ложным, что влечет за собой циклы деятельности, не приводящие к удовлетворению потребностей, и, соответственно, отрицательные эмоциональные переживания.

В процессе коллективной деятельности субъектов с предметами и явлениями окружающей среды (что, по А. Н. Леонтьеву, является основой специфически человеческой стадии в эволюции деятельности) формируются значения предметов и явлений и воплощающие их понятия. Значение представляет собой отражение общих для ряда субъектов характеристик действительности, и притом отражение, очищенное от роли и места данного объекта в процессе жизнедеятельности отдельно взятого субъекта, от смысла объекта. Значение «принадлежит прежде всего миру объективно-исторических явлений». Подобно тому, как потребность должна быть определена в категориях субъектных свойств, а мотив — в категориях объекта, смысл определяется для субъекта относительно его мотивационно-потребностной сферы, а значение — в общих для социальной общности людей языковых понятиях.

Особенность эмоций, по А. Н. Леонтьеву, состоит в том, что они отражают отношения между потребностями и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности субъекта. «Они (эмоции) возникают вслед за актуализацией мотива и до рациональной оценки субъектом своей деятельности». Таким образом, эмоция порождает и задает состав переживания человеком ситуации реализации/нереализации мотива деятельности. Рациональная оценка следует за этим переживанием, придает ему определенный *смысл* и завершает процесс осознания мотива, сопоставления и совпадения его с целью деятельности. Именно личностный смысл выражает отношение субъекта к осознаваемым им объективным явлениям.

Таким образом, место просто мотива занимает так называемый *мотив-цель,* понятие, вводимое А. Н. Леонтьевым как структурный элемент будущего каркаса личности.

Итак, существуют *мотивы-стимулы,* т.е. побуждающие, порой остроэмоциональные, но лишенные смыслообразующей функции, и *смыслообразуюшие мотивы,* или *мотивы-цели,* тоже побуждающие деятельность, но при этом придающие ей личностный смысл. Иерархия этих мотивов составляет мотивационную сферу личности, центральную в структуре личности А. Н. Леонтьева, поскольку иерархия деятельностей осуществляется посредством адекватной ей иерархии смыслообразующих мотивов. По его мнению, «структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизованных, мотивационных линий», а «внутренние отношения главных мотивационных линий <...> образуют как бы общий “психологический” профиль личности».

Все это позволяет А. Н. Леонтьеву выделить три основных параметра личности. Это:

- широта связей человека с миром (посредством его деятельностей);
- степень иерархизованности этих связей, преобразованных в иерархию смыслообразующих мотивов (мотивов-целей);
- общая структура этих связей, точнее мотивов-целей.

Процесс становления личности, по А. Н. Леонтьеву, есть процесс «становления связной системы личностных смыслов».

С точки зрения определяющего значения деятельности в становлении личности А. Н. Леонтьев рассматривает и вопрос о сущности так называемых кризисов возрастного развития. С точки зрения Леонтьева эти кризисы порождаются ситуацией

смены ведущего типа деятельности, когда закономерно меняется тип взаимодействия со средой. Ключевое значение для прохождения кризиса имеет отношение социума к ребенку, готовность социального окружения воспринять ребенка в новом качестве, предоставить ему возможность функционировать на новом уровне, для которого тот внутренне созрел. Следует отметить, что для А. Н. Леонтьева возрастные кризисы — это не раз и навсегда определенная часть онтогенеза, они определены социально детерминированным процессом становления субъекта деятельности, носят конкрентно-исторический характер.

3.3.6. Исследования человека в школе В. С. Мерлина

Большинство отечественных психологов рассматривало личность соотносительно с понятиями «индивид», «индивидуальность». Специальной разработке последней проблемы были посвящены труды Б. М. Теплова и В. С. Мерлина, школы которых составили два разных направления — дифференциальной психофизиологии и интегральной теории индивидуальности.

Взгляды отечественных психологов на проблему индивидуальности существенно расходились. Б. Г. Ананьев и С. Л. Рубинштейн считали индивидуальностью только высший уровень развития личности, а другие психологи, в частности В. С. Мерлин, рассматривали индивидуальность как интегративную структуру любой личности. Третьи полагали, что существующие индивидуальные различия не существенны для характеристики личности, поскольку являются скорее психофизиологическими.

Концепция интегральной индивидуальности В. С. Мерлина — основателя и руководителя пермской школы психологов — с одной стороны, открыла длящуюся до сегодняшних дней дискуссию о соотношении личности и интегральной индивидуальности, с другой — выявила необходимость привлечения категории деятельности для раскрытия соотношения социально-типичного и индивидуального и тем самым привела к формулировке проблемы «стиля деятельности», ставшей ключевой для данной школы и для других психологических направлений (Е. А. Климов).

Под психическими свойствами личности В. С. Мерлин понимает такие свойства, которые характеризуют человека как субъекта общественно-трудовой деятельности.

В отношении психологического содержания этих свойств Мерлин полагал, что для характеристики человека как субъекта деятельности необходимо и достаточно охарактеризовать его *отношение* к объекту деятельности, а каждое психическое свойство личности выражает отношение к действительности. Таким образом, в концепции В. С. Мерлина понятие отношение играет центральную и ведущую роль. Вместе с тем автор подчеркивает, что отношение, характеризующее свойства личности, отличается от других психических свойств и явлений, характеризующих отношение человека.

Во-первых, отношения, выражающие свойства личности — это отношения сознания как целого, а не отдельных его сторон. Например, наблюдательность, эмоциональность, внимательность — это свойства отдельных сторон сознания.

Во-вторых, отношения, характеризующие свойства личности, представляют собой отношение к чему-то объективному, находящемуся вне сознания, — это отношение к труду, к людям, к коллективу, вещам и т. п. К примеру, наблюдательность

или вдумчивость выражают отношение человека к собственной психической деятельности: потребность наблюдать либо размышлять.

В-третьих, отношения личности представляют собой в высокой степени обобщенные отношения к определенной стороне действительности, имеющей особое значение в общественно-трудовой деятельности.

Последнее отличие отношений, выражающихся в свойствах личности, состоит в их устойчивости и постоянстве. Именно благодаря этому личность способна противостоять воздействиям среды, преодолевать сопротивление внешних условий, осуществлять свои цели и намерения.

Таким образом, заключает В. С. Мерлин, психические свойства личности выражают высоко обобщенное, относительно устойчивое и постоянное отношение сознания в целом к определенным объективным сторонам действительности.

Уточнив свое представление об отношениях личности, В. С. Мерлин подчеркивает, что структуру личности нельзя характеризовать как систему, складывающуюся из нескольких различных групп психических свойств — темперамента, характера, способностей и направленности.

Во-первых, по мнению В. С. Мерлина, свойства темперамента не относятся к свойствам личности, поскольку это свойства индивида. А во-вторых, характер, способности и направленность представляют собой *не разные подсистемы (подструктуры), а разные функции одних и тех же свойств личности*.

Действительно, поскольку свойства личности — это далее неразложимые, обобщенные, устойчивые и постоянные отношения сознания, то они — эти отношения — являются выражением и направленности, и характера, и способностей. Таким образом, структура личности предстает в виде многоуровневой системы взаимных связей и организации свойств личности. Именно благодаря связям, в которые вступают между собой отдельные свойства, образуются так называемые *симптомокомплексы свойств личности*. Что такое симптомокомплекс и каковы его параметры?

Симптомокомплексом свойств называются вероятностные связи между свойствами личности (по сути, это факторы по Р. Кеттеллу). Их существует ровно столько, сколько существует относительно независимых отношений личности. Свойства, образующие единый симптомокомплекс, характеризуют тип личности. Действительно, коль скоро отношения личности социально-типичны (вспомним параметры устойчивости и постоянства), то и симптомокомплекс социально-типичен.

Свойства симптомокомплекса:

- *объем и широта* — количество входящих в него отдельных свойств, по числу которых можно судить о степени обобщенности симптомокомплекса;
- *сила и активность* отношений личности, лежащих в основе симптомокомплекса (так называемый энергезирующий мотив);
- устойчивость — пластичность отношений личности.

Когда отношение личности имеет высокую степень проявления всех свойств, тогда оно в наибольшей мере детерминируют целостную психологическую характеристику личности.

Поскольку одно из центральных положений во взглядах В. С. Мерлина на структуру личности принадлежит *системе связей,* важно установить их *виды* и *уровни организации*. Здесь мы сталкиваемся с важнейшими достижениями В. С. Мерлина

и его учеников в эмпирическом изучении личности, на котором следует остановиться отдельно.

Никто никогда не оспаривал положения о многоуровневой структуре человека, в том числе и личности, как многоуровневого целостного образования. Наиболее распространенным в науках о человеке был традиционный дихотомичный принцип иерархизации систем человека — выделение в нем биологически и социально обусловленных свойств. Как правило, связи между показателями этих двух уровней рассматривались как однозначные или инвариантные.

В. С. Мерлин выдвинул и эмпирически обосновал предположение о существовании в природе другого типа связей — много-многозначных. В силу этого невозможно прямое сведение биологического к социальному, равно как и обратно — социального к биологическому.

Таким образом, В. С. Мерлин выделяет, во-первых, *инвариантные функциональные зависимости* внутри подсистем, а во-вторых, *много-многозначные связи* между разноуровневыми свойствами.

К заслуге В. С. Мерлина следует отнести и выделение *сложной иерархии подсистем* интегральной индивидуальности внутри биологического и социального.

Все это позволяет В. С. Мерлину найти способ соединения и, главное, изучения ранее изолированных и независимо друг от друга изучавшихся закономерностей.

Между различными уровнями организации всегда существуют опосредующие звенья, и задача интегрального исследования заключается в установлении процесса опосредования свойств одного уровня свойствами другого и того, как эти опосредования меняются в процессе онтогенеза.

Соединение этих двух принципов — много-многозначных связей и иерархической организации — позволило В. С. Мерлину выстроить свою динамичную структуру личности, состоящей из следующих систем.

I. Система индивидуальных свойств организма, которую образуют подсистемы:

- биохимические,
- общесоматические,
- свойства нервной системы (нейродинамические).

II. Система индивидуальных психических свойств с подсистемами:

- психодинамических свойств (свойств темперамента),
- психических свойств личности.

III. Система социально-психологических индивидуальных свойств с подсистемами:

- социальных ролей, исполняемых в группе и коллективе,
- социальных ролей, исполняемых в социально-исторических общностях.

Процесс развития личности выражается в увеличении связей между свойствами, относящимися к разным уровням организации индивидуальности и увеличении тенденции много-многозначности этих связей.

Сильной стороной школы В. С. Мерлина в целом было обращение к эмпирическому исследованию личности. Например, было показано, что уверенность в своих силах у лиц со слабой нервной системой не появится до тех пор, пока не разрушится врожденная связь между слабостью нервной системы и низкой самооценкой, присущей этим людям.

3.4. Развитие представлений о биосоциальном единстве человека в отечественной психологии конца советского периода

Отечественная наука в советский период развивалась в условиях жесткого идеологического давления и контроля. Развитию многих направлений был нанесен существенный ущерб. После разгрома педологии и психотехники в тридцатых годах стала очевидной невозможность серьезных прикладных, нацеленных на нужды практики исследований, так как их результаты и выводы не гарантировали совпадения с марксистско-ленинской теорией, а скорее гарантировали несовпадение. После павловской сессии в пятидесятых годах стал окончательно ясен запрет на выход за пределы естественнонаучной парадигмы. Например, в области психологии индивидуальных различий в силу названных причин отечественная наука развивалась преимущественно в русле исследования фундаментальных проблем психофизиологических свойств и отношений человека. Б. Ф. Ломов отмечает: «Дифференциальная психофизиология <...> развивается в нашей стране активно, чего нельзя, к сожалению, пока сказать о дифференциальной психологии» [Ломов, 1984, с. 291]. Однако ущербность в развитии ряда отраслей и направлений отечественной психологии не позволяет говорить о ее слабости в целом, об отсутствии в ней сильных разделов, разработок, которые могут претендовать на лидерство в мировой науке. Таким разделом с полным правом могут быть признаны фундаментальные теоретические исследования отечественных ученых в области биосоциальной проблемы.

Большинство принципов отечественной теории были заложены еще в первой половине XX века, тем не менее на протяжении всего советского периода происходит углубление и конкретизация теоретических и методологических оснований психологической науки. В 60-е — 80-е годы в работах Б. Г. Ананьева, Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова, В. Н. Мясищева, К. А. Абульхановой-Славской, Б. Ф. Ломова, Е. В. Шороховой, А. В. Брушлинского, Л. И. Анцыферовой, К. К. Платонова и других была решена задача создания системы методологических принципов психологии. Эта система включает в себя [Психологическая наука, 1997]:

— принцип диалектико-материалистического детерминизма (причинная обусловленность любого психического явления объективным материальным миром);

— принцип единства личности, сознания и деятельности (сознание личностно и деятельно, личность сознательна и деятельна, деятельность сознательна и личностна);

— принцип отражения (все психические явления есть результат непосредственного или опосредованного психического отражения, содержание которого детерминировано объективным миром);

— принцип развития (постепенное и скачкообразное усложнение психики);

— принцип иерархичности психики (все психические явления рассматриваются как ступени, включенные в иерархическую лестницу, где нижние слои подчинены высшим и управляются ими, а высшие, включая в себя низшие в измененном виде и опираясь на них, к ним не сводятся);

— личностный принцип (понимание личности как системы, определяющей все другие психические явления);

— принцип единства теории, эксперимента и практики (эксперимент, опираясь на теорию, проверяет и уточняет последнюю и вместе с ней подтверждается практикой).

В 60-е — 80-е гг. в итоге обсуждений и дискуссии, развернувшейся на страницах «Вопросов психологии» [Бассин, 1971], сформировалось и четко определилось представление о предмете психологии: «...было подчеркнуто, что предметом психологии является психика, понимаемая как свойство высокоорганизованной материи, в многообразии механизмов формирования и развития психических явлений, а также в совокупности ее закономерных связей, взаимодействий и опосредований, выявляющихся в отражающей и регулирующей функциях» [Психологическая наука, 1997, с. 133].

Понимание отражательной природы психического и использование методов материалистической диалектики позволило советским психологам к концу 70-х гг. подойти к проблеме выявления законов психического. Появление работ Божович о закономерностях формирования личности в онтогенезе [Божович, 1976], Ломова об исследовании законов психики [Ломов, 1982] означало движение в этом направлении. Была выявлена специфика законов, открываемых в психологии: психологические законы не являются жесткими и однозначными абсолютами, а выступают как законы-тенденции. В начале 80-х гг. на страницах «Психологического журнала» прошла дискуссия по проблемам психологических законов [Бассин, 1982; Генов, 1984; Лебедев, Москаленко, 1984 и др.], где была заложена основа для систематизации и обобщения многочисленных эмпирических исследований и повышения теоретической стройности и строгости психологии как науки.

Начиная с конца 60-х годов советские психологи проводят работу по уточнению основных общепсихологических понятий и терминов с целью систематизации и уточнения категориально-понятийного аппарата науки. М.Г. Ярошевский выделяет «образ», «действие», «мотив», «общение», «личность» в качестве основных понятий психологии [Ярошевский, 1974], рассматривая систему этих понятий (категорий) в их трансформации как средство изучения истории психологии. В этот период создаются работы, раскрывающие значение для психологических исследований и соотношение между собой таких категорий и понятий, как «отражение» [Леонтьев, 1966 и др.], «сознание» [Шорохова, 1961], бессознательное [Бассин, 1968; Шерозия, 1966], «общение» [Ломов, 1979] и другие. Было предложено несколько вариантов выделения системы стержневых психологических категорий. Так, А.Н. Леонтьев, в качестве наиболее важных категорий для построения системы психологии выделяет «деятельность», «сознание», «личность» [Леонтьев, 1975]. К.К. Платонов в качестве общепсихологических категорий, объем которых совпадает с основной психологической категорией — «психикой» отмечает «формы психического отражения», «психические явления», «сознание», «личность», «деятельность», «развитие психики» [Платонов, 1982]. Ломов в качестве базовых категорий называет «отражение», «деятельность», «общение», «личность», «социальное», «биологическое» [Ломов, 1984]. Свидетельством большого внимания к проблеме категорий в психологии явилось издание специализированного сборника на эту тему [Категории материалистической... 1988] и разработка тезаурусных словарей по психологии.

Можно утверждать, что к концу 80-х годов в окончательном виде завершается формирование теоретико-методологических основ психологической науки в СССР.

Разработка теории и методологии психологической науки в СССР стала основой для конкретных исследований и разворачивания новых направлений в психологической науке. Можно выделить ряд тенденций, характеризующих развитие психологической науки в СССР в 60-е — 80-е гг. [Психологическая наука, 1997]:

— расширение проблемного поля исследований;

— углубление междисциплинарных связей;

— усиление связи с практикой;

— изменение проблематики психологических исследований под влиянием научно-технического прогресса (теории информации, кибернетики, освоения космоса, появления автоматизированных систем управления и т. п.);

— развитие комплексных исследований в психологии.

Утверждается идея, что ни одно психическое явление не существует обособленно, но выступает как часть единого целого — человека. Проблемы психологии человека исследуются во всем многообразии их аспектов, во взаимодействии со смежными науками. Развитие междисциплинарных подходов потребовало разработки вопросов комплексного человекознания.

Начиная с 60-х годов Б. Г. Ананьев и его сотрудники ставят задачу создания единого фундаментального учения о человеке. Итоги комплексных исследований обобщаются в трудах Б. Г. Ананьева «Человек как предмет познания» и «О проблемах комплексного человекознания».

Особую актуальность приобретает в этот период разработка проблем высшей нервной деятельности как основы психики. На стыке психологии и физиологии высшей нервной деятельности формируются плодотворные научные гипотезы и теоретические обобщения. Прежде всего здесь необходимо выделить школу Б. М. Теплова — В. Д. Небылицына, в центре внимания которой изучение физиологических основ индивидуально-психологических различий; школу нейропсихологии, созданную А. Р. Лурия; работы Бернштейна в области физиологичской теории построения движений.

В числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В. А. Кольцова называет [Кольцова, 2002]:

— объективный подход в исследовании психики;

— естественнонаучную ориентацию психологии;

— высокую теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций;

— единство теоретического и эмпирического уровня в структуре научного знания;

— целостный взгляд на психические явления, реализующийся в принципах комплексного и системного подходов.

Общий методологический каркас выступал в советской психологии в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований и обеспечивающей интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли, в русле

единой системы психологической науки. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико- эмпирических подходов и концепций и их полемику, но, наоборот, обеспечивали возможность реального сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве.

Как указывает Кун, наличие парадигмы выступает показателем зрелости развития науки, обусловливает усиление интенсивности научных исследований, тщательность и глубину анализа явлений.

«В итоге многочисленных теоретических и эмпирических исследований, фундаментальных и прикладных разработок, выполненных несколькими поколениями советских ученых на основе конструктивного использования ими научных традиций, сложившихся в отечественной психологии, в советской психологической науке сформировалось, несмотря на наличие в ней множества оригинальных и самобытных научных школ, единое понимание базовых, ключевых характеристик природы психического, представляющих в своей совокупности его теоретическую модель» [Психологическая наука, 1997, с. 150]. Можно назвать следующие основные особенности этой модели:

1. признание отражательной природы психического: психика понимается как свойство органической материи отражать своими состояниями реальную действительность в процессе приспособления к ней;
2. признание активного характера психического: психика понимается как свойство активного субъекта, антиципация считается одним из важнейших ее свойств;
3. понимание психического как единства непрерывного и дискретного, что позволяет наряду с утверждением объективной непрерывности психического выделять в процессе исследования отдельные фазы, этапы процессов;
4. понимание системного характера психического, наличия много-многозначных связей между проявлениями и свойствами психики в контексте реальной жизнедеятельности;
5. включение психики в основную, исходную систему связей деятельного человека с окружающим миром, что обусловливает признание единства личности, сознания, деятельности и общения.

Анализ развития отечественной школы в психологии на протяжении советского периода ее истории позволяет придти к следующему заключению.

Отечественная наука в советский период развивалась в условиях жесткого идеологического давления и контроля. Развитию многих направлений, в первую очередь прикладных и гуманитарных, был нанесен существенный ущерб. Однако ущербность в развитии ряда отраслей и направлений отечественной психологии не позволяет говорить о ее слабости в целом, об отсутствии в ней сильных разделов, разработок, которые могут претендовать на лидерство в мировой науке. Таким разделом с полным правом могут быть признаны фундаментальные теоретические исследования отечественных ученых в области биосоциальной проблемы.

Предпосылками развития представлений о взаимодействии законов биологии и социальных факторов в регуляции психики человека в отечественной психологии явились:

— традиция понимания социального как отмены, запрещения природного, естественного поведения, сложившаяся в отечественной психофизиологии, основу которой заложило открытие И. М. Сеченовым центрального торможения;

— марксистская антропология, в которой диалектически сочетаются естественнонаучный взгляд на человека и социоцентризм;

— отечественная философская традиция, в основе которой лежат принципы коллективизма (общинности) и примат духовного начала в человеке, отрицание прагматизма.

Разработка биосоциальной проблемы в отечественной психологии советского периода опирается на уникальную в отношении системы постулатов, заложенных в ее основу, теоретическую модель психики человека, сложившуюся в трудах классиков отечественной психологии:

— человек просоциален, он коллективист, лучшее в нем создается обществом и служит обществу;

— человеческая психика в ее важнейших особенностях формируется прижизненно, в процессе социализации и индивидуализации, наследственность не является определяющим фактором;

— человек не подчиняется законам природы, необходимости; с появлением сознания инстинкты не играют определяющей роли в человеческом поведении;

— человек активен, он не только приспосабливается к миру, но преобразует, переделывает его.

В основе теорий западноевропейской и североамериканской психологической науки обнаруживается альтернативная модель:

— культ индивидуализма;

— придание преимущественного значения фактору наследственности;

— понимание инстинкта как основы всех форм поведения, в том числе и человеческого;

— ограничение активности человека в отношениях с миром поиском способов достижения целей, которые однозначно определены контекстом ситуации и наличием «общечеловеческих ценностей».

К концу 80-х годов XX века полностью сформировались теоретико-методологические основы психологической науки в СССР.

1. В трудах Б. Г. Ананьева, Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова, В. Н. Мясищева, К. А. Абульхановой-Славской, Б. Ф. Ломова, Е. В. Шороховой, А. В. Брушлинского, Л. И. Анцыферовой, К. К. Платонова и других была решена задача создания системы методологических принципов психологии. Эта система включает в себя: принцип диалектико-материалистического детерминизма, принцип единства личности, сознания и деятельности, принцип отражения, принцип развития, принцип иерархичности психики, личностный принцип, принцип единства теории, эксперимента и практики.

2. Сформировалось и четко определилось представление о предмете психологии: было подчеркнуто, что предметом психологии является психика, понимаемая

как свойство высокоорганизованной материи в многообразии механизмов формирования и развития психических явлений, а также в совокупности ее закономерных связей, взаимодействий и опосредований, выявляющихся в отражающей и регулирующей функциях;

3. Была выявлена специфика законов, открываемых в психологии: психологические законы не являются жесткими и однозначными абсолютами, а выступают как законы-тенденции.

4. Был систематизирован и уточнен категориально-понятийный аппарат науки.

В 70-80-х годах в советской психологии сформировался общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований и обеспечивающей интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли, в русле единой системы психологической науки. Существенной частью данной парадигмы стала изощренная понятийная и категориальная система, поэлементно несопоставимая с понятийными системами зарубежной психологии.

Внутренняя интеграция советской психологии сопровождалась ее растущей изоляцией от мирового профессионального сообщества в силу парадигмального статуса советской психологии, языкового барьера, социально-политических условий.

Глава 4

Отечественная школа в контексте актуальных проблем и дискуссионных вопросов мировой психологии

4.1. Классические подходы и направления в современной зарубежной психологии личности

Человеческая личность, понимаемая как самосознание «я», как отношение к другому — «ты», как обобщенный человеческий индивид, как неповторимая субъективность, всегда была и остается самой важной, всегда актуальной и вечно неисчерпаемой проблемой для человеческого познания, в том числе познания научного. Особое значение имеет проблема личности человека для психологической науки. В своей книге «Человек как предмет познания» Б. Г. Ананьев помещает психологию в самый центр системы наук о человеке. Именно психология, по его мнению, призвана решить задачу синтеза знаний о человеке, получаемых другими науками, как естественными, так и гуманитарными.

Не менее важен для психологии и другой аспект общенаучной проблемы человека — мировоззренческий. Явно или не явно, психологические теории и конкретно психологические исследования исходят из определенной философской концепции, версии человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о сущности человека и его предназначении.

П. С. Гуревич [«Человек», 1995] выделяет в мировой культуре ряд философско-антропологических концепций — «контрастных версий человека».

- Первое, теистическое (иудейское и христианское) представление о человеке уходит корнями в религиозную веру, Ветхий Завет и Евангелие. Центральное место здесь отведено мифу о первородном грехе человека, его падении, и, как результат, глубинному переживанию страха. Человек «краткодневен и пресыщен печалями», он по природе своей несовершенен и обречен на страдания. Мера ценности человеческой личности — ее устремление к Богу, любовь к Богу и безграничная вера. Цель человеческой жизни — переход в иную жизнь, вечную жизнь в Боге, через испытания жизнью земной, временной, не имеющей самостоятельной ценности.
- Другое представление о человеке восходит к античной культуре, это концепция «человека разумного». Человеческое самосознание здесь провозглашается высшей ценностью, оно поставлено над всей остальной природой.
- Романтическая концепция человека высшей ценностью провозглашает не его способность осознавать и познавать существующий мир, а иное его качество. Романтики считали человека особым существом, способным открывать в себе самом беспредельные миры. Преображая реальность, человек творит свой

неповторимый внутренний мир, уникальный и неисчерпаемый. Этим подходом утверждается самоценность духовно-творческой жизни человека.

- Натуралистический подход к человеку предполагает рассмотрение его как особый вид животного. Специфичность человека, его разума и уникальность субъективности натуралистической традицией отрицается. Сущность человека в том, что он принадлежит природе. Человек — высокоразвитое живое существо, его дух и разум это лишь возведенные на новую ступень высшие психические способности животных. Это направление зародилось в глубокой древности и проходит через всю историю философии и естественных наук (Конт, Спенсер, Милль, Дарвин, Ламарк); ярко представлено оно и в современной науке.

В психологической науке существует огромное количество представлений о человеческой личности, разработано множество теорий личности. Это проявляется уже в самом разнообразии трактовок понятия «личность» в мировой психологической науке.

Гордон Олпорт в своей первой книге «Личность: психологическая интерпретация» (1937 г.) приводит более 50 различных определений личности. В авторитетном учебнике по психологии личности Хьелла и Зиглера [Хьелл, Зиглер, 1997] многообразие значений понятия личность в психологии авторы демонстрируют, обращаясь к взглядам ряда известных теоретиков. Карл Роджерс описывал личность как организованную, долговременную, субъективно воспринимаемую сущность, составляющую самую сердцевину наших переживаний. Г. Олпорт определял личность как внутреннее нечто, определяющее характер отношений человека с миром. Обобщая различные трактовки понятия личности, Хьелл и Зиглер приходят к выводу, что большинство теоретических определений содержат следующие общие положения.

- Понятие личности включает в себя внешний социальный образ, общественное лицо, обращенное к окружающим.
- В личности представлены такие особые черты, благодаря которым человек отличается от всех остальных людей; понятие личности неразрывно связано с понятием индивидуальности, индивидуальных различий между людьми.
- Личность рассматривается как нечто, определяющее и организующее поведение. Личность — абстракция, основанная на выводах, полученных в результате наблюдения за поведением человека.
- Личность рассматривается как нечто, возникающее в процессе жизни на основе биологической наследственности и влияния окружающей среды.
- Личность относительно неизменна и постоянна во времени. Она обеспечивает чувство непрерывности во времени и при изменении внешних обстоятельств.

В отечественной психологии наиболее общепринятым является определение личности как человеческого индивида в системе его отношений с обществом.

Личность — термин, обозначающий:

1) человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности,

2) устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как человека того или иного общества или общности [Психологический словарь, 1983].

Личность — системное качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении, характеризующее его со стороны включенности в общественные отношения [Краткий психологический словарь, 1985].

Чтобы представить в какой-то степени целостную картину имеющихся психологических теорий личности, их обычно объединяют в те или иные группы, создавая таким образом классификацию теорий по какому-либо основанию. Таких классификаций может быть достаточно много.

Наиболее употребимая и общепринятая классификация психологических теорий личности состоит в разделении их на две группы: интраиндивидуальные и интериндивидуальные теории.

Интраиндивидуальный подход преобладает в общей психологии. Теории этой группы изучают личность как некое интегрирующее начало, связывающее воедино различные психические явления и сообщающее поведению необходимую последовательность и устойчивость. В центре внимания здесь интраиндивидуальные структуры, такие как, например, темперамент, характер и другие.

Интериндивидуальный подход рассматривает личность в структуре ее взаимодействия с другими людьми и обществом. Этот подход преобладает в социальной психологии. В центре внимания здесь такие свойства личности, как статусно-ролевые характеристики, стиль общения, лидерство, конфликтность и другие подобные.

Б.Д. Парыгин выделяет три основных подхода к трактовке личности: антропологический, социологический и персоналистический [Парыгин, 1999]. В русле антропологического подхода личность рассматривается как носитель родовых общечеловеческих свойств. С позиций социологического подхода личность рассматривается как объект и продукт социальных отношений, как система ролевого поведения, обусловленного совокупностью социальных ожиданий. В русле названных подходов личность рассматривается как функция биосоматической (антропологический подход) и социальной (социологический подход) программ. Соответственно, индивидуальные различия между людьми предстают как вариации воплощения общих единых структурных принципов. Иными словами, люди различаются между собой, как различаются листья одного дерева, где нет двух одинаковых, но все подобны по своей структуре. Люди различаются, как различаются словарный запас и синтаксис в речи субъектов, говорящих на одном языке. Противовесом таким представлениям Б.Д. Парыгин считает позицию персоналистического подхода, где подчеркивается индивидуально-неповторимая целостность личности, абсолютная автономность ее внутреннего мира, ее подлинного существования.

Феномен личности в психологии проявляется настолько многообразно и разносторонне, ученые обращаются к нему в контекстах таких различных, что, наверное, всегда будет существовать целый ряд теорий личности, если не альтернативных, то дополняющих друг друга. Теории различаются прежде всего по тем вопросам, которые ставят перед собой ученые, работающие в их русле. Вопросы эти продиктованы как закономерностями развития самого научного познания, так и социальным

заказом того или иного общества и потребностями общественной практики. Какие практические задачи можно увязать с классическими направлениями в психологии личности?

Психоанализ

Зигмунд Фрейд создал психоанализ в процессе терапевтической работы со своими пациентами. Целевая установка помочь человеку прийти к состоянию гармонии и мира с самим собой, освободиться от мучительных внутренних противоречий, определила концептуальный строй теории. Проблема достижения человеком счастья и его избавления от страданий — наиболее значительная и перспективная область применения психоанализа, область применения психоаналитической терапии. В то же время можно сказать, что нет другой теории, которая имела бы такую широкую область применения. Она пригодна для понимания почти любой сферы человеческого поведения. Влияние психоанализа испытали философия, антропология, социология, религия, история, искусство, экономика, образование, криминалистика, медицина. Психоанализ подвергается критике за то, что преувеличивает негативную, патологическую сторону человеческой жизни, недооценивая позитивные, здоровые аспекты. Но даже критики признают его большой вклад в решение проблем личности.

Структурная модель личности, предложенная З. Фрейдом, едва ли не самая известная из моделей личности, когда либо придуманных. В ее составе — три подструктуры.

Ид (Оно). Это первичная подструктура, природная по своему происхождению. Ид является источником энергии личности (либидо), которую Фрейд полагал полностью сексуальной. Таким образом, Ид представляет собой мотивационно-аффективный комплекс. Активность Ид подчиняется принципу удовольствия, иными словами, получение приятных переживаний, которые возникают при разрядке возбуждения, постоянно возникающего в Ид, — основная и единственная цель Ид. Ид порождает рефлекторные действия и так называемые первичные психические процессы — своего рода фантазии, которыми Ид пытается добиться разрядки возбуждения, не предпринимая реальных действий во внешнем мире. Ид сравнивают со слепым королем, который подчиняется лишь собственным желаниям и не способен увидеть реальность, как она есть.

Активность Ид, однако, не может обеспечить выживания человека. Младенец, психика которого в начальный период полностью относится к этой подструктуре, не способен долго удовлетворятся фантазиями, не имея пищи и комфортных условий, которые обеспечивает взаимодействие с окружающим миром. Поэтому на очень ранних стадиях развития складывается еще одна подструктура личности — **Эго** (Я). Эго представляет собой своего рода «исполнительный орган» Ид, из которого оно возникает. Цель Эго — обеспечить удовлетворение потребностей Ид в контакте с реальностью. Эго продуцирует вторичные психические процессы. К ним Фрейд относит логическое мышление, в контексте которого разделены реальность и фантазии, порождаемые Ид. Эго действует по принципу реальности.

Третья подструктура личности называется **Суперэго** (СверхЯ). Суперэго представляет собой усвоенную, интериоризированную систему норм, ценностей,

существующих в социуме. Социум, вступая во взаимодействие с индивидом, заставляет его действовать по своим правилам и внедряется в его психику. Суперэго существует в двух формах: совесть и идеал. Совесть — это карающий орган, идеал — награждающий положительными эмоциями за «хорошее» поведение.

Ид полностью относится к сфере бессознательного. Эго и Суперэго захватывают все три этажа психики по Фрейду: сознание, предсознательное и бессознательное.

Концепция Фрейда представляет собой яркий диалектический вариант постановки биосоциальной проблемы. Биологическое и социальное здесь изначально противопоставлены. Социум враждебен Ид, полностью животному по своей природе, накладывает запреты на стремление Ид к удовольствиям.

Основная идея психоаналитической терапии — через изучение бессознательного помочь больному осознать истинные причины болезненных явлений, таких как иррациональный страх, тревога и пр. Более глубокое осознание своих мотивов приводит к усилению Эго. Через осознание своих проблем пациент получает возможность контролировать их и руководить собственной жизнью. Психоанализ ставит своей целью достижение коренных изменений в структуре личности индивидуума. Его задачи: повышение уровня осознания, интеграция личности, социальная эффективность и психологическая зрелость.

Используются обычно следующие методы: метод свободных ассоциаций, анализ сновидений, интерпретация сопротивления, анализ переноса.

Классический психоанализ требует много времени, болезненных усилий и денег. Он может продолжаться годами и часто его продолжительность ограничивается только финансовыми возможностями пациента. Поэтому современные психоаналитики все чаще используют следующие новшества: во-первых, ограничение во времени (обычно 25 сеансов), более структурированный и целенаправленный характер процесса. Во-вторых, групповой или семейный процесс, позволяющий учесть, как взаимодействуют между собой участники. Наконец, в-третьих, некоторые современные психоаналитики используют лекарства наряду с классической процедурой.

«Производными» от психоанализа в отношении вопросов, ответ на которые теория призвана дать, можно считать неофрейдизм и гуманистическую психологию. Подобно классическому психоанализу, в центре внимания здесь проблемы личного счастья и внутренней гармонии. А вот представления о том, что представляет собой душа человека, чем характеризуется ее гармоничное состояние и каков путь к нему, — существенно изменились. Несомненно, важнейшим фактором, вызвавшим к жизни направление неофрейдизма, явилось перенесение практики классического психоанализа на новую социальную почву, когда многие психоаналитики переехали из Европы в США перед второй мировой войной, спасаясь от угрозы фашизма. Модель Фрейда, построенная в основном на материале неврозов женщин из обеспеченных слоев общества, где царила строгая мораль в сфере сексуальной жизни, не всегда и не во всем соответствовала реалиям жизни американцев.

Основные моменты, которые были подвергнуты пересмотру, — пансексуализм Фрейда и, как следствие, общие теоретические представления о месте и роли биологического и социального факторов в психике человека и их соотношении.

Неофрейдисты отказались от представлений З. Фрейда о том, что исключительно сексуальные влечения составляют основу жизненной энергии человека. Отказались они и от жесткого разделения и противопоставления биологического и социального начал в человеке. Последнее положение с классическим психоанализом разделяет лишь марксистская психология. Яркими примерами неофрейдистских теорий являются аналитическая психология К. Г. Юнга, индивидуальная теория личности Альфреда Адлера и эго-психология Эрика Эриксона.

Психологические типы К. Г. Юнга

Карл Густав Юнг (1875–1961), швейцарский психолог и психиатр, наряду со своим учителем З. Фрейдом относится к числу ученых, именами которых обозначаются целые периоды в истории науки, направления в ее развитии. Будучи учеником Фрейда, Юнг достаточно рано разошелся во взглядах со своим учителем и порвал с ним. Он вышел из Психоаналитической ассоциации и стал основоположником нового направления — аналитической психологии, которое и сегодня продолжает интенсивно и плодотворно развиваться. В центре внимания Юнга и его последователей — структура и динамика психики, сознания и бессознательного. Наиболее широкую известность среди обширного круга работ Юнга получила его теория психологических типов. По свидетельству автора, эта теория родилась из опыта его клинических наблюдений. Затем она получила теоретические обоснования из широкого исторического обозрения типологического вопроса в мифологии, эстетике, психопатологии и художественной литературе.

К. Г. Юнг утверждает, что все люди разделяются на два основных типа: экстраверт и интроверт. Про одних — экстравертов — можно сказать, что течение их судьбы определяется объектами их интересов. Под объектами в данном случае понимаются любые внешние обстоятельства и явления: другие люди, карьера, профессия и т. д. На экстраверта объект действует как магнит, притягивает мысли, чувства, интересы. Объект «обусловливает» субъекта, определяет его поведение и состояние. Приспосабливаясь к объекту, человек изменяет свои собственные свойства, уподобляется объекту и «отчуждается» от самого себя, так что можно подумать, что полное подчинение объекту является смыслом жизни субъекта. Можно представить, что в системе «субъект-объект» вся жизненная энергия направлена от субъекта к объекту.

При интроверсии течение судьбы, напротив, определяется некоторой собственной внутренней жизнью субъекта. Субъект является средоточием всех своих интересов, мыслей, переживаний. Складывается впечатление, что жизненная энергия направлена от объекта к субъекту, препятствуя тому, чтобы объект приобрел в жизни субъекта хоть какое-то значение. Энергия уходит от объекта, как будто субъект это магнит, который притягивает ее к себе. Объект обесценивается, всегда имеет второстепенное значение по сравнению с субъектом. Иногда воспринимается субъектом лишь как внешний знак, символ идей, переживаний, мыслей субъекта.

Для обозначения названной жизненной энергии Юнг использует понятие «либидо». Либидо он понимает как психическую энергию, интенсивность всех

психических процессов, глубинную бессознательную энергию влечений человека, определяющую его поведение. Таким образом, интроверт стремится отнять либидо у объекта, подчинить объект себе и испытывает постоянный страх перед возможностью стать подчиненным объекту. Экстраверт, напротив, стремится раствориться в объекте, передать ему свое либидо.

Юнг рассматривает экстраверсию и интроверсию как формы приспособления и усматривает аналог в животном мире, где существуют две формы приспособления: «прожорливый» тип и «плодовитый». Плодовитый тип обеспечивает выживание вида рождением большого количества особей: растрачиваясь, распространяясь в среде. При этом отдельный индивид менее защищен и наделен меньшей продолжительностью жизни. Прожорливый наделен меньшей плодовитостью при большей защищенности индивида от средовых воздействий.

Анализируя вопрос о природе экстраверсии и интроверсии, Юнг приходит к утверждению о том, что движение либидо никогда не может быть полностью односторонним, всегда направленным в одну сторону. Подобно систоле и диастоле в биении сердца, в психической жизни каждого индивида должны быть представлены оба механизма. Однако присущий человеку жизненный ритм этих механизмов в силу природного предрасположения и обстоятельств жизни обычно оказывается «сдвинутым» в сторону преобладания либо экстраверсии, либо интроверсии, и тогда мы говорим о типе интроверта или экстраверта. Сравнение с систолой и диастолой сердца ярко показывает уязвимость каждого выраженного типа. Если один из механизмов, которые в идеале должны быть уравновешены, превалирует над другим, неизбежно возникает тенденция к компенсации этой односторонности. Как происходит эта компенсация, объясняет теория вторичных типов Юнга.

В соответствии с общим положением глубинной психологии, работа по компенсации тех «перегибов», которые творит наше сознание, по удержанию биологически целесообразного равновесия со средой, ложится на бессознательную часть нашей психики. Итак, чем более экстравертирована наша сознательная жизнь, чем сильнее в нас стремление ассимилироваться в объекте, подчинить свою жизнь работе, семье, требованиям обстоятельств, тем сильнее эгоцентрическая установка бессознательного. Чем полнее экстравертированность сознательной установки, тем инфантильнее, грубее и архаичнее бессознательная установка. Тем более примитивный, эгоистический, инфантильный характер приобретает бессознательное. Юнг пишет, что у выраженных экстравертов бессознательное наполнено лишь инстинктами, ибо все, что было в психике культурного, отдано в пользу объекта. Здесь бессознательное становится таким, каким описывал его З. Фрейд.

До тех пор, пока «крен» сознания не чрезмерен и бессознательное справляется с работой по компенсации, все в порядке. Как только экстравертированность сознательной установки становится больше, чем допускают возможности компенсации, появляется на свет бессознательное, и становится в оппозицию к сознательной установке, нарушая целостность и приспособление личности.

Так, типичными невротическими проявлениями для экстравертов являются различного рода телесные недуги, вызываемые нарушением здоровья психики. Приступы астмы, сердечные приступы, боли в желудке, затруднения при глотании нарушают ход жизни экстраверта, подчиненный полностью внешнему объекту. Таким образом бессознательное защищает субъекта от полного разрушения властью экстравертированной сознательной активности, не учитывающей реальных возможностей и потребностей субъекта. Ненормальные телесные проявления выступают для души и тела, приносимых в жертву объекту, как способ «обратить на себя внимание». При интроверсии, напротив, бессознательное обретает экстравертированную установку.

Юнг рассматривает экстраверсию и интроверсию как общие свойства психики, биологически заложенные в индивиде. Однако конкретная структура психики может быть весьма различной, в зависимости от присущей индивиду структуры основных психических функций.

Юнг выделяет четыре основные психические функции, обслуживающие сознательную жизнь субъекта: две рациональные (разум и чувства) и две иррациональные, то есть не подконтрольные рассудку (ощущение и интуиция). Разум отвечает на вопрос, что есть предмет. Чувство говорит о том, какую ценность предмет представляет. Разум и чувство находятся в антагонистических отношениях между собой, мешают друг другу. Также в антагонистических отношениях находятся ощущение, доставляющее информацию об актуальной ситуации, и интуиция, связывающая нас с прошлым и будущим.

Юнг полагает, что в силу особенностей нашей цивилизации развитие человека идет по линии специализации, развития только одной из его функций, которая определяет место человека в обществе, обычно род его основных занятий. Эта функция, обычно и от природы наиболее развитая, приобретает высокодифференцированный, сознательный характер. Однако такое усиленное и одностороннее развитие одной из функций приводит к угнетению функции ей противоположной, которая вытесняется в область бессознательного, приобретает архаический, примитивный, недифференцированный характер. В случае невротических или психических срывов развитие патологических явлений будет идти именно по линии активности этой ущемленной функции.

Сочетание экстравертированности / интровертированности основной установки сознания и бессознательного с особенностями структуры основных психических функций в индивидуальной психике порождает систему вторичных типов личности.

Рассмотрим для примера человека, для которого ведущей установкой сознания является интроверсия, а ведущей функцией разум. Основное содержание сознательной внутренней жизни его представляет собой стремление придать ясность и стройность потоку своих идей, которые он ищет и обретает не в мире фактов, но в собственной душе, а факты использует лишь как иллюстрации для заполнения

рамок своей теории. В сознательном мире своих идей это полноценный, мощный разум. Но чем более развит и дифференцирован интровертированный разум, тем более архаичны, недифференцированы, примитивны и недоступны сознанию его чувства. Они экстравертированы, отданы объекту, внешней действительности, и в целом имеют характер тягостных переживаний.

В общении он малоэффективен, проявляет общую необоснованную враждебность и недоверчивость, в основе которых страх объекта, свойственный интровертной установке сознания. Но, если кому-либо удалось «втереться к нему в доверие», убедить в своей безобидности, он становится доступным любому влиянию, позволяет грубо эксплуатировать себя, не видит, когда ему вредят в практическом отношении. В случае декомпенсации, развитие патологических явлений идет по линии ухода в себя, самоизоляции, погружения во внутренний конфликт, основа которого — объективный конфликт с окружением, не нашедший адекватного разрешения сознательным образом (сознание отдано миру идей, реальному миру отношений просто ничего не досталось). Этот конфликт подкрался со стороны бессознательного, понемногу парализуя личность, творческая активность которой уступает место состоянию войны со всем миром, выстраиванию мер самообороны и защиты. Эта война ведется им за субъективно понятую истину, однако на деле субъективная истина бессознательно отождествляется с собственной личностью и замещается ею.

Индивидуальная теория личности А. Адлера

Адлер мечтал создать теорию личности, которая согласовывалась бы с повседневной жизнью, давала бы объяснения причин неврозов и служила основой для их лечения.

В соответствии с его теорией, суть невроза — самые разнообразные симптомы, за которыми стоит цель: избежать ответственности и сохранить самооценку. Невротическая личность имеет сниженный уровень активности, эгоцентрически стремится к превосходству, ведет пассивный, изнеженный стиль жизни. Характерна задержка в развитии социального интереса.

Причина невроза по Адлеру коренится обычно в детстве. Это может быть:

— неполноценность органа,

— чрезмерно балующее воспитание,

— пренебрежение ребенком.

Названные причины вызывают развитие стратегии психологической защиты.

Цели терапии по Адлеру:

— выявление ошибочных суждений о себе и других,

— устранение ложных целей,

— формирование новых жизненных целей, которые помогут реализовать личностный потенциал.

Цели достигаются через понимание пациента терапевтом, повышение уровня понимания пациентом самого себя и укрепление в нем социального интереса. Последнее — главная цель. Терапия представляет собой своего рода упражнение в сотрудничестве, когда задачей терапевта становится обучить пациента такому межличностному взаимодействию с окружающими, когда на них переносятся пробуждающиеся социальные

чувства. В результате происходит переориентация пациента, ложные жизненные цели замещаются полезными, он становится увереннее, может жить без психологической защиты. У него формируется здоровый стиль жизни.

Эго-психология Э. Эриксона

Особое внимание Эриксон уделяет эго-идентичности, ее формированию в подростковом и юношеском возрасте. В соответствии с его теорией, основные вопросы, стоящие перед современной молодежью: «Кто я такой?» и «Как я впишусь в мир взрослых?».

В традиционных культурах, в обществах с жесткими социальными нормами проблемы идентичности невелики, а демократическая система в Америке, где создавал свою теорию Э. Эриксон, создает серьезные трудности. Демократия требует идентичности в ключе «сделай себя сам»: надо найти собственную нишу в жизни. Быстрые изменения в социуме, длительный период образования увеличивают количество альтернатив и время выбора.

Кризис идентичности, по Эриксону, проявляется в трех основных сферах жизни подростка: колебания в выборе профессии, который становится выбором стиля жизни, образование подростковых групп, алкоголь и наркотики.

Гуманистическая психология продолжила и усилила намеченную неофрейдизмом линию представлений о человеке как о существе активном и просоциальном. Креативность, стремление к творческой деятельности на благо общества — таким представляется путь к человеческому счастью представителям этого направления.

Типология социальных характеров Э. Фромма

Социальным характером Фромм назвал ту совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов определенной социальной группы и возникает в результате общих для них переживаний и общего образа жизни.

Понятие социального характера Фромм считал ключевым для понимания общественных процессов: «Если мы хотим понять, каким образом человеческая энергия направляется в определенное русло и работает в качестве производительной силы при данном общественном строе, главное внимание надо уделить социальному характеру» (Э. Фромм).

Фромм выделяет две основные функции социального характера: субъективную и объективную. Субъективная функция заключается в том, чтобы направлять деятельность человека в соответствии с практическими нуждами и давать ему субъективное удовлетворение от его деятельности. Иными словами, приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты характера, которые побуждают его действовать в соответствии с ожиданиями социума.

Объективная функция социального характера заключается в том, что структура личности человека приспосабливается к объективным задачам, которые человек выполняет в данном обществе, и тем самым психическая энергия людей превращается в производительную силу, необходимую для функционирования данного общества.

Таким образом, социальный характер интериоризирует внешнюю необходимость и мобилизует человеческую энергию на выполнение задач, поставленных перед ним общественным устройством.

Однако социальный характер отдельного человека и общественное устройство не связаны однозначно. Общество развивается, и возникают новые условия жизни, в которых прежние свойства характера становятся бесполезными или даже вредными.

Человек также не пассивно приспосабливается к условиям жизни в социуме, но динамически к ним адаптируется. Динамическая адаптация по Э. Фромму происходит на основе неотъемлемых свойств человеческой природы, заложенных биологически или возникших в ходе истории, главнейшее из которых — стремление к развитию, реализации своих возможностей.

Социальные характеры классифицируются Э. Фроммом по типу отношений с миром, или по так называемым ориентациям. Ориентации, посредством которых индивид вступает в отношения с миром, и определяют суть его характера. Каждая из описываемых ориентаций приписывается определенному типу социальных отношений, возникшему в обществе в тот или иной период истории. Кроме того, все ориентации оцениваются как плодотворные или неплодотворные с точки зрения соответствия целям самореализации и развития.

Неплодотворные ориентации

Рецептивная ориентация

Человек этой ориентации смотрит на мир оптимистично и дружелюбно, ожидая подарков от судьбы. Все ценности, духовные и материальные, он видит во внешнем мире, не считая себя ни их обладателем, ни существом, способным завоевать их, он только лишь надеется получить их в дар. Подобная ориентация часто складывается в обществе, где за одной группой закреплено право эксплуатировать другую, например, в рабовладельческим обществе. Раб уверен, что сам не способен повлиять на свою судьбу и благодарен доброму хозяину. В современном обществе люди рецептивной ориентации живут мечтами о быстром и чудесном обогащении, выигрыше в лотерею, прекрасном принце, который придет за ними однажды. Именно для этих людей пишутся и продаются книги о том, как стать счастливым и богатым.

Все надежды на лучшее будущее эти люди связывают с кем-то, кто принесет это в дар. В любви главное — это быть любимым. Они очень ценят любовь к себе и буквально бросаются за всеми, кто ее предлагает. Очень тяжело переживают отдаление любимого, его уход. Их верность — благодарность тому, кто питает их своей любовью и страх его потерять.

В любой ситуации им трудно сказать «нет», везде они зависимы и беспомощны.

Людей рецептивной ориентации отличают и определенные внешние особенности. Жесты плавные, манящие, на лице часто улыбка, рот приоткрыт.

Эксплуататорская ориентация

Как и в вышеописанном типе, источник всех ценностей и благ эксплуататорски ориентированные люди видят во внешнем мире, не считая себя способными созидать. Однако способ овладеть благами здесь иной — их надо взять силой,

присвоить, украсть. Единственное право, которое они признают — это право силы. Этот тип личности присущ пиратам, феодалам, грабителям. Этих людей взрастил свободный рынок, каким он сложился на основе конкуренции в XVIII и XIX веках. В современном мире этот тип стоит за хищнической эксплуатацией человеческих и природных ресурсов.

В межличностных отношениях этим людям присуща смесь враждебности и стремления манипулировать другими. Они подозрительны, завистливы, циничны и ревнивы. Внешне характерны язвительное выражение лица, агрессивные и резкие жесты. В любви это «клептоманы», для которых всегда желанно увести чужого партнера.

Стяжательская ориентация

В отличие от вышеописанных типов, эти люди мало надеются получить от жизни что-то новое, ценное. Скорее можно потерять то, что имеешь. Любые траты поэтому воспринимаются как угроза безопасности, а наилучшим способом поведения считается стяжательство и экономия. Их отличает скупость, вокруг себя они строят невидимую стену, за которую стремятся как можно больше принести и из-за которой как можно меньше вынести. Смерть и разрушение представляются им более реальными, чем жизнь и развитие. Их лозунг — нет ничего нового под солнцем. Высшие ценности — порядок и безопасность. Символ их “Я” — собственность. Идеал — стабильный, безопасный и управляемый мир.

Этот тип характера присущ среднему классу, он сформировался и существовал бок о бок с эксплуататорским.

Внешне этих людей отличает педантичная аккуратность, маниакальная чистоплотность, упрямство. Губы плотно сжаты, жесты чопорные. В межличностных отношениях, в любви стремятся получить как можно больше, давая как можно меньше.

Рыночная ориентация

Этот тип характера сформировался в наше время. Для него характерно восприятие самого себя, собственной ценности, как менового товара на «личностном рынке». Фромм считает этот тип социального характера еще более вредным, губительным для человека, чем вышеописанные. В отличие от них, здесь не развивается что-то, уже потенциально присутствующее в человеке, но возникает своеобразная «свобода от индивидуальности», готовность к смене установок, в зависимости от «моды на личность». Даже в собственных глазах человек оказывается ценным, только если он добивается успеха, преуспевает. Таким образом, самооценка оказывается в зависимости от факторов, не подвластных человеку, что приводит к разрушению чувства собственного достоинства и самоуважения.

Плодотворная ориентация

Вышеописанные ориентации Фромм считал неплодотворными, так как личность, для которой они характерны, не реализует своих природных предпосылок и возможностей развития, что только и может привести к человеческому счастью. Характер плодотворной ориентации — это человек-творец, в творческой

деятельности реализующий и развивающий свои способности. В этом характере не отражается какая-либо конкретная форма государственного устройства, наоборот, суть его в реализации природных, истинно человеческих свойств. Таким образом, конкретные формы общественного устройства можно оценивать мерилом благоприятности условий жизни в обществе для развития плодотворно ориентированных характеров.

Мышление плодотворно ориентированных — заинтересованное и уважительное. В межличностных отношениях их отличает чувство ответственности и забота о людях.

Классификация Фромма подобно большинству других допускает существование смешанных типов. При этом при смешении плодотворной ориентации с одной из неплодотворных смягчаются недостатки последней, а присущие ей достоинства проявляются в полной мере. Так, например, вполне проявятся такие достоинства эксплуататорской ориентации, как активность, инициативность, уверенность в себе, и такие достоинства стяжательской ориентации, как упорство, аккуратность, преданность, методичность, терпение, осторожность и практичность.

Основная сфера практических применений как классического психоанализа, так и неофрейдизма и гуманистической психологии — помощь человеку в его личностном росте и становлении, достижении мира и гармонии с самим собой и своим окружением. Гуманистическая психология стала очень популярной в нашей стране. Однако думается, что восприятие идей названного направления нашими учеными было и есть существенно опосредовано отечественной теорией, многие положения которой «приписываются» западным коллегам без должного основания, читаются между строк их книг, не будучи там на деле обозначены. Причина такой «любви» к гуманистической психологии российских коллег — близость школ в отношении понимания человека как существа активного и деятельного. Однако между положениями гуманистической психологии и отечественной теорией, основанной на принципе субъектности С.Л. Рубинштейна, имеются существенные различия и не обсуждавшиеся до сих пор в литературе противоречия, подробно проанализированные в данной книге в главе, посвященной отечественной биосоциальной теории.

Диспозициональное направление

Если потенциальный «потребитель» вышеназванной группы теорий — человек, который хочет разобраться в собственном душевном мире, то диспозициональное направление широко применяется там, где нам нужно предсказать поведение другого человека — при подборе персонала, в профотборе, профориентации, при прогнозировании брачной совместимости.

Родоначальник диспозиционального направления в теории личности Гордон Олпорт полагал, что единицей анализа личности и предсказания поведения является черта. Черта — это предрасположенность (диспозиция) вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций. Теория Олпорта утверждает, что поведение человека достаточно стабильно во времени и сходно в разнообразных ситуациях.

Общительный человек проявляет себя и на работе, и в транспорте, и в магазине, и в кафе. Человек, которого отличает высокая тревожность, сходным образом ведет себя и на экзамене, и на приеме у врача, и в ожидании транспорта. Олпорт полагал, что каждая личность уникальна, а основу уникальности личности составляет неповторимая комбинация отдельных личностных черт.

Множество ситуаций, приводящих в действие данную черту, называются равнозначными относительно этой черты стимулами. Равнозначные стимулы обусловливают множество эквивалентных относительно данной черты реакций. То есть многие ситуации, воспринимаемые человеком как равнозначные, дают толчок к действию определенной черты, которая затем инициирует разнообразные виды поведения, эквивалентные относительно данной черты. Эта концепция эквивалентности стимула и реакций, объединенных и опосредованных чертой, является главной составляющей теории Олпорта. Черты личности не дремлют в ожидании внешних стимулов, способных их пробудить. Черты являются движущим элементом поведения, они побуждают людей к поиску ситуаций, в которых данные черты наиболее полно проявятся. Таким образом, черты личности выстраивают поведение индивидуума.

Олпорт проводил различие между общими чертами и индивидуальными. Первые (называемые также измеряемыми) включают в себя характеристики, распространенные в обществе. В результате сравнения множества индивидуумов по выраженности общей черты получается кривая нормального распределения. Измеряемость общих черт позволяет сравнивать одного человека с другим по значимым психологическим параметрам. Индивидуальные черты обозначают такие характеристики индивидуума, которые не допускают сравнения с другими людьми. Олпорт полагал, что единственный путь к пониманию индивидуальности — выявление индивидуальных черт личности, которые в своих поздних работах он стал называть индивидуальными диспозициями, оставив понятие «черта личности» только за общими чертами.

Соотношение общих черт и индивидуальных диспозиций Олпорт объяснял следующим образом. Черту можно рассматривать либо в контексте личности, у которой она обнаружена (в ее уникальности), либо по ее распространенности в обществе (как универсальную). В первом случае мы изучаем влияние данной черты на жизнь конкретного человека. Например, такая черта, как доминантность, может проявляться у разных людей весьма различно, и с точки зрения ситуаций, в которых она активируется, и в плане разнообразия вызываемых ею реакций. Во втором случае мы изучаем эту черту универсально, путем построения надежной и валидной шкалы доминантности и определения индивидуальных различий по этому параметру.

В центре внимания Олпорта были индивидуальные диспозиции. Он предложил выделять три типа диспозиций: кардинальные, центральные и вторичные. **Кардинальной** диспозицией обладают немногие люди. Это своего рода главная страсть, в высшей

степени генерализованная черта, которая пронизывает все существование человека, руководит всеми его поступками. Наличие кардинальной диспозиции делает ее обладателя необычным и в своем роде выдающимся человеком. В качестве примеров Олпорт приводит исторические и вымышленные характеры, такие как Макиавелли, Дон Жуан, Жанна Дарк. Весь ход жизни таких людей обнаруживает всепроникающее влияние кардинальных диспозиций. **Центральные** диспозиции не столь всеобъемлющи, но все же ярко характеризуют человека. Это основные его особенности, которые легко обнаруживают окружающие (например, пунктуальность, ответственность, любопытство, общительность и т. п.). Олпорт полагал, что таких диспозиций у человека может быть немного, обычно от 5 до 10. **Вторичные** диспозиции представляют собой черты менее обобщенные, менее устойчивые. Обычно они ситуационно обусловлены, то есть проявляются только в особых ситуациях и потому менее заметны, часто обнаружить их можно только очень близко познакомившись с человеком. Все индивидуальные диспозиции интегрированы в единую структуру, организующую внутреннее единство личности и целенаправленное поведение — проприум.

К диспозициональному направлению принято относить и классические теории Р. Кеттела и Г. Айзенка, разработанные в русле подхода к личности с позиций факторного анализа, а также современную пятифакторную модель описания личности.

Бихевиоризм

Бихевиоризм как мощная психологическая школа сложился в США, однако теоретические основы этого направления, по свидетельству самих зарубежных коллег, были заложены в трудах И. П. Павлова. Парадоксальна судьба учения Павлова в психологической науке. Его теория условных рефлексов, разработанная на стыке физиологии и психологии, в России породила великую школу в физиологической науке, в российской психологии же, даже насильственно насаждаемая, она не была по-настоящему принята и фактически не имела развития. В США психологи, не пытаясь проникнуть в тайны физиологических механизмов мозга, подхватили идею непосредственного формирования поведенческих реакций варьированием средовых стимулов. Так возник американский бихевиоризм. О судьбе этого направления в России написана книга М. Г. Ярошевского «Наука о поведении: русский путь».

Теории этого направления сегодня имеют очень широкую сферу применения. В русле этого направления непосредственно ставится задача изменить поведение человека или группы, добиться требуемых видов и способов поведения. Основные области применения бихевиористских моделей:

— образовательные технологии (включая технические устройства программного обучения, управляющие системы);

— менеджмент, включая отношения в коллективах и субъективную удовлетворенность;

— психолингвистика, обучение навыкам вербального поведения;

— терапия общих расстройств поведения, личностных проблем: алкоголизации, аутизма, фобий;

— психофармакология (изучение влияния лекарств).

Классической для бихевиоризма считается *теория оперантного научения Б.Ф. Скиннера*. Личность рассматривается Скиннером как индивид, обладающий приобретенным набором поведенческих реакций. Путем познания личности считается лишь объективный функциональный анализ поведения. Выделяются респондентное (отвечающее на воздействие среды) и оперантное (инициирующее) поведение. В центре внимания — режимы подкрепления, то есть способы закрепления желательных форм поведения и оттормаживания нежелательных. Режим подкрепления — правило, устанавливающее вероятность, с которой подкрепление будет происходить. Самым простым вариантом подкрепления является режим непрерывного подкрепления, когда подкрепляется каждая желаемая реакция. Этот режим обычно используется на начальных этапах любого оперантного научения, когда индивид учится производить правильную реакцию. В большинстве ситуаций повседневной жизни это либо неосуществимо, либо неэкономично. В большинстве случаев подкрепление предъявляется только иногда (прерывистое подкрепление). Скиннер изучал, как режим такого частичного подкрепления и его вид влияет на эффективность закрепления навыка.

Теория оперантного научения и сегодня широко применяется в области социально-психологического тренинга навыков общения и желательных форм поведения.

Более современные бихевиористские теории учитывают сложные взаимодействия внешних и внутренних факторов: возможность для человека учиться не только на собственных ошибках, но и путем наблюдения; влияние на поступки людей не только реалий окружающего мира, но субъективных представлений о мире. Таковы социально-когнитивные теории личности А. Бандуры и Дж. Роттера, когнитивная теория личности Дж. Келли. На основе необихевиористских теорий разработаны высокоэффективные виды тренинга.

Современная пятифакторная модель личности

В 80-х и 90-х годах двадцатого века наиболее популярной для описания личностных различий становится так называемая пятифакторная модель. Эта модель не имеет одного какого-то определенного автора. Она сложилась стихийно в русле работ англоязычных психологов, использующих для анализа личности метод факторного анализа. Этот математический метод отличается тем, что исследователь без всякой предварительной гипотезы закладывает в компьютер большое количество данных о самых различных личностных свойствах людей. В результате факторизации происходит так называемый «развал на кучи»: определяются группы тесно связанных между собой свойств. Предполагается, что за каждой такой группой стоит некая обобщенная черта личности, или фактор, который и должен интерпретировать, то есть объяснить, определить, исследователь.

Факторы, образующие названную модель, интерпретируются следующим образом:

I — экстраверсия;

II — дружелюбие;

III — решительность, ответственность (воля);

IV — эмоциональная стабильность;

V — гибкость ума и чувств, интеллигентность и культура.

Достоинством модели является легкость ее соотнесения с основными классическими моделями личности. Не менее важно то, что используемые свойства позволяют перебросить мостик от внутренней природы личности к ее социальным проявлениям, особенностям межличностных отношений, которые привлекают особое внимание психологов-практиков. С точки зрения теоретических фундаментальных представлений о личности эта модель сегодня представляется эклектичной. Однако ее популярность среди практиков позволяет рассматривать модель как этап накопления знаний в диалектическом процессе познания истины, предшествующий обобщению.

4.2. Классификации теорий личности с помощью биполярных шкал

При современном уровне разнообразия представлений о личности в психологической науке важнейшей задачей оказывается классификация теорий, установление их соотношения между собой. Для сопоставления различных теорий личности в монографии Л. Хьелла и Д. Зиглера [Хьелл, Зиглер, 1997] использована система основных философских фундаментальных положений о природе человека, которую можно считать вариантом дихотомического анализа. Хьелл и Зиглер справедливо полагают, что теоретики психологии личности, подобно всем мыслящим людям, имеют определенные аксиоматические представления о человеческой природе. Эти базисные представления, не всегда осознаваемые, глубоко влияют на восприятие людьми себя и друг друга, а также на создание теорий личности. Ни одна теория не может быть полностью понята и соотнесена с другими безотносительно к имплицитно заложенной в ней системе положений о человеческой природе.

Хьелл и Зиглер, размышляя о происхождении таких аксиоматических представлений, высказывают предположение, что корень их следует искать в личном опыте авторов теорий. Поэтому в их монографии изложению каждого из теоретических подходов к личности предшествует биография автора, детали которой должны послужить ключом к пониманию особенностей его теории.

Не отрицая влияние личного индивидуального опыта на становление взглядов человека и формирование им теоретических представлений о личности, мы полагаем, что еще более значимым оказывается влияние фактора культуры, к которой принадлежит автор теории, представлений о природе человека, заложенных в ней, и социального заказа. Некоторые возможные варианты философских версий человека в мировой культуре рассматривались в начале данной главы. Наше исследование также показывает указанное влияние на ход развития психологической науки на примере XX века.

Хьелл и Зиглер предлагают систему биполярных шкал, в которой каждому персонологу может быть приписана определенная точка между крайними полюсами каждой шкалы. Отметим, что выбор тех или иных шкал, их количество, никак не обосновываются авторами. Несомненно, что называемые Хьеллом и Зиглером шкалы не являются и независимыми друг от друга, т. е. они не ортогональны. Отсутствует также утверждение, что данные шкалы позволяют исчерпывающим образом характеризовать аксиоматические представления о человеческой природе, присущие всем людям или распространенные в какой-либо культуре. Возможно

также, что шкалы, использованные Л. Хьеллом и Д. Зиглером, пригодны лишь для классификации теорий, созданных в контексте Западной культуры, по отношению к которым они и применяются авторами. Так, теории личности, разработанные отечественными учеными, не только отсутствуют в данной схеме, но и их оценка с применением данных шкал, на наш взгляд, кажется затруднительной, если и вообще возможной. В связи с этим представляется целесообразным продолжение исследований в русле разработки классификационной системы шкал, отражающих имплицитные представления о личности, заложенные в основания психологических теорий.

Выделены следующие шкалы:

1. Свобода — детерминизм. Данное положение относится к вере автора теории в возможность сознательного контроля людьми своего поведения. Детерминистски ориентированные теории исходят из предположения, что поведение человека однозначно определяется какими-либо факторами, чаще не осознаваемыми: внешним подкреплением, генетической предрасположенностью, неосознанными мотивами и пр. Те, кто исходит из веры в возможность сознательного выбора поведения, считаются ориентированными на свободу. В качестве примера теорий, в высокой степени ориентированных на постулат свободы, называются теории Адлера, Маслоу, Роджерса. Примером детерминистски ориентированных теорий служат теории Фрейда и Скиннера.

2. Рациональность — иррациональность. В основе этой шкалы постулируемый тип управления поведением: разумом, когнитивными процессами или некими «подводными течениями». Очевидна тесная связь данной шкалы со шкалой «свободы — детерминизма». В обоих случаях речь идет о соотношении сознания и бессознательного в управлении поведением: в первом случае в отношении выбора целей, природы мотивации личности, во втором — в отношении определения тактики поведения, познавательных и регуляционных психических процессов. В качестве примера теорий, постулирующих рациональность поведения, выступают теории Олпорта, Бандуры, Келли, Маслоу, Роджерса. К противоположному полюсу отнесен только Фрейд. Можно полагать, что к теориям, исходящим из предположения об иррациональных основах поведения относятся и теория когнитивного диссонанса Фестингера, и ее современные интерпретации (см. Аронсон), и когнитивные теории эмоций, и теория Курта Левина. Эти теории не рассматриваются в монографии Хьелла и Зиглера. Представляется спорным отнесение Олпорта к теоретикам, постулирующим рациональность поведения: диспозиции, определяющие поведение, как подчеркивается в той же монографии [Хьелл, Зиглер, 1997], Олпорт рассматривал как заложенные в самой структуре личности психофизические системы, непосредственно откликающиеся на соответствующие воздействия среды.

3. Холизм — элементаризм. Сторонники холистического положения утверждают, что поведение можно понять, только изучая личность как единое целое. Противоположная позиция предполагает изучение отдельных аспектов поведения. К «холистам» отнесены Адлер, Эриксон, Маслоу, Роджерс, к «элементаристам» Скиннер.

4. Конституционализм — инвайронментализм. Среда или наследственность: что играет определяющую роль в становлении индивидуальности? К умеренным

«конституционалистам» отнесены Фрейд, Келли, Маслоу, Роджерс. К «инвайронменталистам» Бандура, Эриксон, Скиннер. Обращает на себя внимание отсутствие авторов, которым Хьелл и Зиглер приписывали бы сильную приверженность к конституционализму. В соответствии с нашими представлениями, все теории, упоминаемые в данном контексте Хьеллом и Зиглером, как и вся западная психология личности в целом, основываются на представлениях о ведущем значении наследственности в становлении человеческой психики. Представляется, что вопрос «среды — наследственности» в нашем понимании здесь вообще вынесен за скобки: определяющее значение наследственности в становлении основных структурных компонентов личности, наследуемость видового шаблона структуры личности не подвергается сомнению в кругу теорий, рассматриваемых Хьеллом и Зиглером. Речь идет лишь о мере индивидуальной изменчивости в отношении общих свойств и истоках этой изменчивости.

5. Изменяемость — неизменность. Может ли изменяться основной склад личности в течение жизни? Являются ли те изменения в поведении, которые мы наблюдаем в течение жизни у себя и других людей, лишь поверхностными, или отражают подлинную структурную перестройку личности? К сторонникам изменяемости личности причислены Эриксон, Скиннер, Бандура, Маслоу, Роджерс. К идеологам неизменности Фрейд и Адлер. Несомненна связь данной шкалы с предыдущей. Фактически речь идет о соотношении в личности наследственного и определяемого воспитанием, только под разным углом зрения: в первом случае мы рассматриваем определенный срез личности во времени, задаваясь вопросом, каково происхождение обнаруживаемых свойств, во втором — задаемся вопросом о возможности изменения существующих свойств с течением времени. Ответ на первый вопрос по сути содержит в себе ответ на второй.

6. Субъективность — объективность. Поведение человека определяется как объективными факторами внешней среды, так и субъективными особенностями его внутренних психических состояний и свойств. Данная шкала оценивает ориентированность теоретика на зависимость поведения от первого или от второго. Высокую оценку по шкале объективности получает Скиннер, на субъективность ориентированы Адлер, Келли, Маслоу, Роджерс.

7. Проактивность — реактивность. Где следует искать истинные причины поведения человека? Следует ли рассматривать поведение как серию ответов на внешне стимулы, или истоки поступков коренятся в личности? Снова мы встречаемся со случаем, когда шкалы очень близки по смыслу — данная и предыдущая. Различаются вопросы, а не основания ответов. В обоих случаях речь идет о преобладающем влиянии на поведение внешних стимулов или внутренних побуждений. К сторонникам проактивности отнесены Адлер, Олпорт, Маслоу, Роджерс. К авторам, исповедующим реактивность человека, отнесен Скиннер.

8. Гомеостаз — гетеростаз. Это положение относится к природе мотивации человека. Движет ли индивидуумом прежде всего стремление уменьшить напряжение и сохранить состояние внутреннего равновесия, или основная его мотивация направлена на развитие, поиск новых стимулов и самореализацию? К сторонникам гомеостатической модели человека относится Фрейд. К сторонникам гетеростаза Адлер, Олпорт, Маслоу, Роджерс.

9. Познаваемость — непознаваемость. Данная шкала позволяет оценить склонность того или иного теоретика к выходу за пределы строгой науки в своих построениях. Введение этой шкалы отражает внутренний кризис психологической науки, ее специфическое самосознание на грани науки и иных способов познания душевной жизни. К сторонникам познаваемости отнесены Фрейд, Скиннер, Бандура. К сторонникам непознаваемости Адлер, Маслоу, Роджерс.

Попробуем убрать из предложенной Хьеллом и Зиглером системы шкал измерения, которые, как нам кажется, не относятся к категории аксиоматических положений о природе личности. В первую очередь следует убрать шкалу 9, «познаваемость — непознаваемость», которая характеризует скорее осознанную методологию автора какой-либо теории.

Шкалы 3 и 5 («холизм — элементаризм» и «изменяемость —неизменность»), по нашему мнению, также отражают не аксиоматические положения о природе человека, а предметное поле теории: позволяют разделить теории, обращенные к свойствам личности (собственно персонологические теории) и теории, обращенные к исследованию процессов, в которых личность рассматривается в ее связи с психическими процессами. Учитывая и «вынося за скобки» нашего анализа фактор предметной обращенности теорий к процессам или к свойствам, объединим следующие пары:

— шкалы 1 и 2 («свобода — детерминизм» и «рациональность — иррациональность»), различие между которыми как раз в обращенности шкалы 2 к процессам, а шкалы 1 — к свойствам, объединим единой шкалой «сознание как основа личности и поведения — бессознательное как основа личности и поведения».

— аналогичным образом объединим шкалы 6 и 7 («субъективность — объективность» и «проактивность — реактивность») в единую шкалу «внешнее (взаимодействие со средой) как основа психики и ключ к ее пониманию — внутреннее (субъективный опыт переживаний личности) как основа психики».

Таким образом рассматриваемая система аксиоматических представлений о личности может быть сведена к трем шкалам:

— среда — наследственность (является источником индивидуального своеобразия);

— сознание — бессознательное (основной уровень управления поведением);

— внешнее — внутреннее (основа психической деятельности и предмет исследования психологии личности).

Напомним, что данная система шкал выявлена нами на основе анализа основных зарубежных теорий личности Хьеллом и Зиглером.

Интересная система биполярных шкал для сопоставления теорий зарубежной психологии и отечественной теории предложена В. Ф. Петренко в статье «Школа А. Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли» [Петренко, 1999].

В итоговую таблицу шкал (или, как их называет автор, конструктов-оппозиций) вошли следующие:

1. активность — реактивность;
2. наличие субъекта деятельности — отсутствие субъекта деятельности;
3. анализ по единицам (гештальтам) — элементаризм;

4. идея знаковой (культурной) опосредованности — натуральная данность;
5. эволюционизм — неизменность;
6. формализуемость — неформализуемость;
7. направленность исследований на механизмы психического — обратное;
8. направленность исследований на содержание сознания — обратное;
9. представление о психике как об особой реальности (нередуцируемость психики) — обратное;
10. идея самореализации — обратное;
11. направленность исследований на познавательные процессы;
12. направленность исследований на личность;
13. находит применение в педагогике;
14. находит применение в психотерапии;
15. находит применение в исследованиях социума;
16. находит применение в инженерной психологии.

В. Ф. Петренко проводит в цитируемой статье сравнение теорий по целому комплексу особенностей, не только в отношении имплицитных представлений о природе личности, положенных в их основу. Отбросим те шкалы, которые не относятся к аксиоматическим представлениям о личности: 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16. Добавим шкалу «внешняя активность как основа психики — обращенность к внутренней жизни», которую автор называет в тексте, но не включает в таблицу конструктов-оппозиций. Полученная система шкал оказывается в достаточной степени подобной исходной системе шкал Хьелла и Зиглера:

<table>
<tr><th>Петренко В.Ф.</th><th>Хьелл и Зиглер</th></tr>
<tr><td>Активность — реактивность</td><td>Проактивность — реактивность</td></tr>
<tr><td>Наличие — отсутствие субъекта деятельности</td><td rowspan="2">Холизм — элементаризм</td></tr>
<tr><td>Анализ по гештальтам — элементаризм</td></tr>
<tr><td>Культурная опосредованность — натуральность</td><td>Конституционализм — инвайронментализм</td></tr>
<tr><td>Эволюционизм - неизменность</td><td>Изменяемость — неизменность</td></tr>
<tr><td>Формализуемость — неформализуемость</td><td>Познаваемость — непознаваемость</td></tr>
<tr><td>Идея самореализации — отсутствие таковой</td><td>Гомеостаз — гетеростаз</td></tr>
<tr><td>Внешнее — внутреннее</td><td>Субъективность — объективность</td></tr>
<tr><td></td><td>Рациональность — иррациональность</td></tr>
</table>

В результате факторного анализа оценок психологических школ по выделенным конструктам В. Ф. Петренко построил трехмерное (но не ортогональное) семантическое пространство.

Первый выделенный им фактор был назван фактором активности, произвольности субъекта деятельности. По своему содержанию он представляется нам подобным фактору «сознание — бессознательное», выделенному нами на основе анализа шкал Хьелла и Зиглера. Оставшиеся два фактора, «ориентированность на исследования личности — ориентированность на исследование познавательных процессов» и «формализуемость», относятся к особенностям психологических школ, выходящим за рамки аксиоматических представлений о личности.

Вернемся к выделенной в нашей работе системе конструктов-оппозиций, используя термин В. Ф. Петренко. В рамках отношения к биосоциальной проблеме

это дихотомии «наследственность — среда», «коллективизм — индивидуализм», «свобода — необходимость».

Шкала «наследственность — среда» присутствует в системе Хьелла и Зиглера. Ее выявленность, очевидность, объясняется тем, что социальный заказ, формирующий позицию школы, здесь возникает как некое раздвоение единого, раскол общности на враждующие группы, поскольку речь идет о сохранении стабильности в обществе или революционных переменах. Этот заказ также очень динамичен. На протяжении XX века, когда складывались рассматриваемые теории личности, и в западных странах, и в России можно отметить смену тенденций к стабилизации и к революционным переменам, что находило свое выражение в позиции школ по отношению к вопросу о влиянии среды и наследственности на структуру личности. Основы отечественной биосоциальной теории, как и основных классических зарубежных школ, создавались в первой трети XX века, в период революций. В процессе дальнейшего развития советского общества в послевоенный уже период, когда идеи мировой революции утратили актуальность и социальный заказ сместился в сторону стабилизации общества, возникает тенденция к биологизации человека, выражением которой стала известная павловская сессия Академии наук.

Дихотомия «среда — наследственность» на всем протяжении развития психологической науки включена в поле самосознания науки и является постоянным предметом дискуссий.

По иному обстоит дело с двумя прочими дихотомиями. Противопоставление «коллективизм — индивидуализм» характеризует глубинные ценностные ориентации той или иной культуры. Оно не так часто обращает на себя внимание и служит предметом дискуссий людей в целом и ученых психологов, так как определенная аксиоматическая позиция по данному вопросу обычно разделяется всеми, принадлежащими к какой-либо общности, и редко подвергается сомнению. Соответствующие представления можно отнести к сфере «подсознательного» психологических школ. В данном случае имеет место проявление особенностей того, что в социальной психологии называют имплицитной моделью личности. К этой же сфере относится и дихотомия «свобода — необходимость».

Таким образом, наш анализ позволяет предложить в качестве основания для оценки и описания теорий личности систему следующих дихотомических шкал-категорий, характеризующих аксиоматические представления авторов о природе личности:

Система основных парных категорий, раскрывающих аксиоматические представления авторов теорий о природе человека:

— **среда и наследственность** (при выделении главного фактора, определяющего формирование человека);

— **внешнее и внутреннее** (при выделении психики как субъективной реальности);

— **индивидуализм и коллективизм** (при выделении базовых человеческих ценностей);

— **сознание (осознанное) и бессознательное** (при характеристике основных механизмов функционирования человеческой психики);

— **свобода и необходимость** (при характеристике детерминированности человеческого поведения).

Попробуем приписать в нашей системе шкал оценки теоретическим направлениям в исследованиях личности, описанным в монографии Хьелла и Зиглера и в статье В. Ф. Петренко, отечественной школе в ее обобщенном варианте (т. е. в определенной степени пренебрегая изменениями, которые имели место на протяжении советского периода в ее развитии), а также направлениям, сложившимся в конце XX века, о которых говорилось выше, см. таблицу:

Классификация теорий личности

Факторы	В большей степени ориентированы на факторы	В большей степени ориентированы на факторы	Факторы
среда	Бихевиоризм Необихевиоризм Отечественная теория Кросс-культурная психология Социальный конструктивизм	Психоанализ Неофрейдизм Гуманистическая психология Диспозициональное направление Эволюционная психология	наследственность
внешнее	Бихевиоризм Необихевиоризм Диспозициональное направление Отечественная теория Эволюционная психология Кросс-культурная психология Социальный конструктивизм	Психоанализ Неофрейдизм Гуманистическая психология	внутреннее
сознание	Гуманистическая психология Отечественная теория Социальный конструктивизм Необихевиоризм	Психоанализ Неофрейдизм Диспозициональное направление Бихевиоризм Эволюционная психология Кросс-культурная психология	бессознательное
индивидуализм	Бихевиоризм Необихевиоризм Психоанализ Диспозициональное направление Неофрейдизм Гуманистическая психология	Отечественная теория Эволюционная психология Социальный конструктивизм Кросс-культурная психология	коллективизм)
свобода	Отечественная теория Социальный конструктивизм Кросс-культурная психология	Бихевиоризм Необихевиоризм Психоанализ Неофрейдизм Гуманистическая психология Диспозициональное направление Эволюционная психология	необходимость

Необходимо отметить различия между оценками, даваемыми теориям в монографии Хьелла и Зиглера, и нашими оценками в отношении шкал, названия которых кажутся сходными. Дело в том, что при внешне сходных названиях шкал содержание понятий существенно различается.

Так, в отношении шкалы среды — наследственности названные авторы приписывают Эриксону, которого следует относить к гуманистической психологии, склонность к рассмотрению средовых воздействий как фактора, определяющего формирование личности. Дело в том, что, с точки зрения Хьелла и Зиглера, которые являются представителями западной психологии, природная заданность структуры личности вообще не может быть подвергнута сомнению. Их шкала оценивает лишь большее или меньшее, искажающее в основном, влияние среды

на реализацию природной видовой программы. В сопоставлении с западной психологией в позиции отечественной школы выявляется качественно иной уровень влияния среды как задающей свою программу. В процессе взаимодействия со средой формируется подлинная индивидуальность человека, как это представлено, например, в концепции Б. Г. Ананьева. По той же причине мы приписываем «конституционализм» диспозициональному направлению, которое Хьелл и Зиглер оценивают как лишенное выраженной ориентации по данному признаку. Хотя форма проявления черт личности в свете диспозициональных теорий может изменяться, сами черты носят от природы заданный характер.

В отношении шкалы «внешнее — внутреннее» можно отметить сходный момент. Необихевиоризм и диспозициональное направление, в отличие от Хьелла и Зиглера, мы оцениваем как ориентированные на понимание психики как системы, обеспечивающей внешнее поведение, взаимодействие со средой, хотя в контексте этих направлений и предлагаются модели организации внутренних механизмов, это взаимодействие обеспечивающих.

Последние две предлагаемые нами шкалы, «индивидуализм — коллективизм» и «свобода — необходимость», у Хьелла и Зиглера отсутствуют; причины этого рассмотрены выше.

В предлагаемой системе шкал оказывается возможным соотнести отечественную теорию и представления о личности, разработанные другими школами, показать специфику подхода к личности отечественных ученых, самобытность отечественной школы.

Как уже отмечено, в представленной таблице отечественная теория оценивается в определенной степени в отрыве от временного фактора, как парадигмальная теория советского периода по ее состоянию на 70–80-е годы XX столетия. В настоящее время отечественная психология уже не является монометодологической областью знания, объединенной единой парадигмой. Развитие прикладных отраслей психологической науки в современной России происходит преимущественно на основе иных подходов: гуманитарных, заимствованных из смежных наук, ассимилированных из зарубежной психологии. Однако потенциал описанной теоретической модели далеко не исчерпан.

4.3. Взаимосвязь онтогенеза и жизненного пути личности: подходы и концепции

Разработки отечественной школы как советского периода, так и современные, в настоящее время недостаточно включены в контекст актуальных дискуссий, недостаточно известны зарубежным коллегам, причиной чего является длительная изоляция отечественной школы в силу политических и языковых факторов. Главная и наиболее очевидная причина изоляции отечественной психологической науки — государственная политика «железного занавеса», в соответствии с которой послевоенные поколения молодых ученых не учились активному владению иностранным языком. Принцип «читаю со словарем» обеспечивал специалистам возможность быть в курсе достижений зарубежной науки, при полном блокировании «утечки» на запад информации о том, что происходит в нашей науке. Показательно,

что в 1956 году Ж. Пиаже, который всегда имел самые тесные контакты с советскими учеными и относился к отечественной науке с самым большим интересом и симпатией, сетует на возникший языковой барьер, который угрожает разрушить существующий диалог, и призывает советских коллег сопровождать свои статьи хотя бы резюме на английском, французском или немецком языке, чтобы западные ученые могли ориентироваться в издаваемой в России литературе и заказывать нужные им переводы [Piaget, 1996].

В отличие, например, от математики, использующей общую для всех профессионалов символическую систему, психология, как и другие гуманитарные науки, пользуется системой понятий, организованной на основе разговорного языка, придавая словам новые смысловые оттенки и значения. Поэтому адекватный перевод гуманитарного научного текста с языка на язык может быть выполнен человеком, профессионально владеющим не только двумя языками, но и понятийными системами, используемыми специалистами соответствующих стран.

Послевоенное развитие отечественной психологии привело к формированию понятийного аппарата настолько специфичного, что те немногие труды советских ученых, которые переводились на иностранные языки, не были адекватно поняты и интегрированы мировым научным сообществом и не вызвали в сколько-нибудь широких кругах ученых интереса из-за кажущегося несоответствия обсуждаемых вопросов. Существенную роль сыграло в этом и то, насколько изощренной и глубоко проработанной была целостная система категорий, над разработкой которой трудились поколения советских психологов.

И здесь в первую очередь необходимо обратиться к задаче содержательной интерпретации понятия «субъект», корневого для российской психологии, что представляется невозможным без разъяснения вопроса о соотношении понятий «субъект» и «личность» в психологии российской.

В современной российской психологической науке личность и субъект находятся в центре внимания исследователей. Абсолютное большинство публикаций и защищаемых диссертаций по психологии обращены сегодня именно к сфере целостных аспектов и проявлений человеческого бытия, к предметной области, обозначаемой вышеназванными двумя понятиями. В то же время, при том что научным сообществом уже затрачены значительные усилия на методологическую проработку каждого из понятий, вопрос об их соотношении остается остро дискуссионным [Моросанова, Аронова, 2007]. Это затрудняет коммуникацию ученых и порождает сложности понимания научных текстов, что становится проблемой в ситуации произошедшего стремительного расширения и дивергенции профессионального сообщества психологов в России в постсоветский период.

Внесение ясности и порядка в вопрос соотношения данных понятий представляется актуальным сегодня и в контексте происходящей интеграции российской психологии с зарубежной, преимущественно англоязычной наукой. Если понятие личности является вполне интернациональным, то понятие субъекта употребляется лишь в российской психологии и на сегодняшний день может считаться непереводимым. Нередко встречаются попытки перевода понятия субъект на английский язык как subject, что приводит к чудовищной и позорной деформации смыслового содержания переводимого текста.

С. Л. Рубинштейн, который ввел в российскую науку понятие субъекта в 30-х годах XX столетия, как известно, не разграничивал в своих работах содержание понятий субъект, личность, человек. Быть личностью и быть субъектом для него — имманентные свойства, человеку присущие. С. Л. Рубинштейн говорит о человеке как о субъекте, подчеркивая инициирующий, самодетерминированный характер человеческой деятельности, и говорит о человеке как о личности, подчеркивая его социальность. Развитие субъектного подхода в российской психологии, однако, потребовало уточнения вопроса о соотношении данных понятий. К этому вопросу обращались едва ли не все российские методологи, в том числе самые блестящие, такие как К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский и другие [Проблема субъекта... 2000]. Представляется, что исчерпывающий обзор мнений дается в монографии В. И. Моросановой и Е. А. Ароновой [Моросанова, Аронова, 2007], поэтому ограничимся здесь общим выводом о том, что в литературе нет единства в отношении следующих моментов:

— в какой мере и как перекрываются содержания данных понятий: диапазон мнений здесь — от полного поглощения одного из понятий другим до попыток полностью развести их содержание;

— как соотносятся данные понятия по уровню: обоим понятиям приписывается «высокий» уровень в структуре психики, однако, часты попытки поставить одно над другим, в частности представить одно как высший уровень другого (см. предыдущий пункт).

Эти вопросы решаются по-разному как в общетеоретическом плане, так и на уровне конкретно-психологических интерпретаций содержания понятий.

Существенным фактором, препятствующим, на наш взгляд, нахождению консенсуса в вопросе о соотношении понятий субъект и личность, является то, что в литературе нет не только единства, но и ясности в отношении того, в каком контексте предполагается определить и разнести данные сущности — личность и субъект. В то же время любое понятие существует и может быть понято и соотнесено с другим только в контексте некоторой определенной системы понятий. Постановка вопроса о соотношении данных понятий в литературе предполагает, что каждое из них обозначает некоторую подсистему в психической организации человека. Но та или иная подсистема не может быть понята и соотнесена с другой подсистемой иначе как в контексте целостной системы, в которую обе включены. Поэтому, как нам кажется, решение вопроса о соотношении понятий «субъект» и «личность» с необходимостью требует определения целостной теоретической модели психической организации человека, на основании и в структуре которой они только и могут быть соотнесены.

В литературе имеется пример решения задачи соотнесения понятий «субъект» и «личность» в такой постановке. Это концепция Б. Г. Ананьева [Ананьев, 2000]. В качестве исходной порождающей категории Б. Г. Ананьев, вслед за С. Л. Рубинштейном, использует понятие «человек». «Человек» — для психологической науки категория не предметного, а объектного толка. Эта категория непосредственно отсылает нас к реальности, которую психологическая наука объясняет и описывает. Понятия же «субъект» и «личность» относятся к предметной сфере психологии,

они разработаны психологической наукой и воплощают в себе не только (и, возможно, не столько) объективную реальность, но и теоретические модели, логику и аппарат самой науки. В условиях современного методологического плюрализма при попытке соотнесения этих понятий мы оказываемся в своего рода зеркальном коридоре, в ситуации бесконечного умножения рефлексивных построений, выхода из которой нет. Категория же «человек» выводит нас из зазеркалья в реальность и обеспечивает возможность сопоставления теории не с другой теорией, а с жизнью, возвращает опору и возможность эмпирической проверки теории.

В русле его концепции представлен ясный и определенный ответ на вопрос о том, как соотносятся содержания понятий «субъект» и «личность»:

- *на уровне общетеоретическом* личность порождается и существует в контексте отношений человека и социума, в контексте культуры, субъект же существует в пространстве цивилизации, в его основе орудийная производительная деятельность (интересно, что в теории Б.Г. Ананьева ясно прослеживается разведение культуры и цивилизации, о котором культурологи заговорили лишь в конце XX столетия);
- *на уровне конкретно научных представлений* описана система свойств, соотносимых с личностью и с субъектом.

Можно ли, однако, рассчитывать, что данный вариант ответа на вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность» будет принят современным психологическим сообществом? На это не приходится возлагать больших надежд. Различия в содержании понятий индивид, личность и субъект в данной концепции полемически заострены ценой очевидного сужения их значений, при этом содержание понятий «субъект» и «личность» явно расходится с традицией, установившейся в современной российской психологии. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что свойства, в максимальной степени интересующие современных исследователей, свойства, приписываемые как субъекту, так и личности, которые ученые сегодня как раз и пытаются «поделить» между субъектом и личностью, — саморегуляция, самосознание и др. — в трактовке Б.Г. Ананьева оказываются вынесенными за пределы как личности, так и субъекта. Эти свойства оказываются здесь результатом интеграции субъекта и личности в процессе индивидуального развития.

Однако методологическая основательность концепции Б.Г. Ананьева, ее логическая стройность и эмпирическая доказательность заслуживают внимания в контексте современных дискуссий о соотношении понятий «субъект» и «личность». На наш взгляд, вывод, который можно сделать, рассматривая теоретическую модель, разработанную Б.Г. Ананьевым, в свете современных дискуссий в отечественной и мировой науке, заключается в необходимости изменить ставшую традиционной постановку задачи соотнесения наших понятий.

Исторически сложилось, что как понятие «субъект», так и понятие «личность» в современном научном языке обозначает целостную человеческую психическую организацию. Поэтому следует отказаться от попыток рассматривать субъект и личность как подсистемы некоторого целого, от попыток «разделить» между субъектом и личностью психические и другие свойства. Это две стороны

человеческой психики, неразрывно слитые: личность непременно обладает субъектностью, а субъектность — атрибут личности.

Исторически сложилось также, что в мировой науке общеупотребимым для обозначения целостной человеческой психической организации является понятие «личность», понятие же «субъект» не имеет хождения. В этой связи обращает на себя внимание и более узкое содержательное наполнение понятия «личность» в психологии российской, возможно, как раз по причине укоренившегося здесь понятия «субъект», занявшего часть семантического пространства, в западной психологии занимаемого «личностью». Это различие в содержании понятий существенно затрудняет интеграцию отечественной теории в контекст мировой науки. Представляется поэтому целесообразным в вопросе о соотношении наших понятий сегодня перейти к представлению о субъектности личности, о ***субъектном подходе к личности***, суть которого в понимании личности как активной, самодетерминирующейся сущности.

Оставаясь недостаточно известными зарубежной научной общественности, методология и теория анализа биосоциальной проблемы, развитые отечественными учеными, могут оказаться плодотворными в постановке и решении ряда наиболее актуальных сегодня проблем мировой психологической науки. Представляется, что в силу объективных закономерностей развития науки сложилось положение, когда в зарубежной психологии стали остро актуальными вопросы, которые раньше лежали вне зоны интересов основных научных школ на западе, но над решением которых давно и плодотворно работали советские психологи.

Период самостоятельного развития отечественной психологии как своего рода альтернативы западной науке сегодня можно считать закончившимся. Объективные изменения в жизни общества привели к уничтожению как границ, отделявших наших ученых от зарубежных коллег, так и функциональных задач, обеспечивавших существование структуры отдельно взятой советской психологии. Отечественная теория и методология обретают новую жизнь в структуре интернациональной науки, и этот процесс интеграции происходит неоднозначно, неравномерно и требует от наших ученых целенаправленной работы. Необходимой представляется и перестройка «самосознания» отечественных ученых, переход от видения в первую очередь различий во взглядах между отдельными отечественными школами, коллективами, к осознанию себя как единой школы, которая в контексте мировой науки выглядит достаточно монолитной, несмотря на наличие внутренних противоречий между ее участниками, которые отнюдь не являются антагонистическими, но служат лишь показателями внутреннего потенциала развития. Отметим, что в этом отношении мы следуем традиции, заложенной работами лаборатории истории психологии ИП РАН. Принципиальной особенностью развиваемого подхода является «концентрирование внимания не на поиске различий между разными научными коллективами и учеными, а на выявлении того общего, что объединяет их в рамках единой научной школы-направления — советской психологии» [Кольцова, 2002, с. 10].

Интеграция российской психологии с зарубежной затрудняется существенными различиями в подходах и теоретических моделях человека, заложенных в основу исследований, а также различиями в категориальном аппарате. В то же время

формирование единого научного контекста, в рамках которого могли бы быть адекватно соотнесены работы отечественных авторов и зарубежных, представляется возможным на основе общности предметных областей. Эта задача требует от каждой школы специальной работы по уточнению значений используемых понятий и выявлению системы постулатов, лежащих в основе теорий.

Перспективной с точки зрения возможности соотнесения отечественных и зарубежных концепций представляется область исследований взаимосвязи биологического и социального развития человека, взаимосвязи онтогенеза и жизненного пути личности. Теоретико-методологические проблемы биосоциального развития личности сегодня находятся в центре внимания интернациональной психологической науки. Подходы к решению этих проблем широко обсуждаются в современной зарубежной литературе. Актуальность этой тематики показывают как соответствующие статьи в энциклопедиях [Encyclopedia, 1994, p. 166–170] и реферативных изданиях и периодике [Scarr, 1992], так и поток крупных монографий авторитетных ученых [Dacey, Travers, 1992; Papalia, Olds, 1995; Santrock, 1997; The Developmental... 1996]. Такое заинтересованное обсуждение вопросов теории представляется достаточно необычным явлением и позволяет говорить об особой важности рассматриваемой проблемы, поскольку общеизвестна практическая направленность зарубежной психологической науки, которая проявляется в малом количестве исследований, посвященных фундаментальным вопросам, по сравнению с числом конкретно-практических работ, отраженных в публикациях.

Исторически сложилось, что в центре внимания зарубежных научных школ XX века было преимущественно исследование конституционально заложенных свойств личности. Развитие личности рассматривалось здесь преимущественно либо как реализация индивидной программы от начала жизни до наступления зрелости, либо как разворачивание уже имеющихся в зачатке личностных структур в процессе адаптации сложившейся в основном личности к социуму в зрелом возрасте. В соответствии со сложившейся традицией зарубежные исследователи исходят из того, что имеет место единая программа развития — природная, то есть биологическая, в своей основе, а среда лишь более или менее травмирующим образом влияет на реализацию этой программы. Даже представители гуманистической психологии, придающие важнейшее значение социальной природе человека и его творческой активности, не являются в этом отношении исключением.

Так, Э. Фромм в своей типологии социальных характеров исходит из того, что существуют природные истинно человеческие свойства, прогрессивное развитие которых приводит к формированию гармоничной личности, в плодотворной творческой деятельности реализующей и развивающей свои способности и тем счастливой. Влияние же социума в его теории, по сути, сводится к искажению истинно человеческой природы в том или ином направлении и в той или иной степени.

Э. Эриксон описывает жизнь человека как последовательное прохождение восьми стадий психосоциального развития, присущих самой природе человека. В силу средовых условий каждая из этих стадий может быть пройдена успешно или неуспешно, неправильно. Неправильное прохождение любой из стадий приводит к определенным личностным деформациям.

А. Маслоу, хотя и подчеркивает творческий потенциал человека, по сути, тоже ограничивает личность заданными природой рамками — восхождением по пяти ступеням известной иерархии потребностей.

Существенное отличие отечественной методологии от классических зарубежных концепций заключается в отрицании предзаданности форм человеческой психики. Понятие самодетерминации пришло к нам на рубеже XX–XXI вв. из концепций западных ученых, где оно появилось в 1980-е годы и разрабатывается с тех пор в русле телеологического гуманитарного направления гуманистической психологии. Однако идея самодетерминации впервые была сформулирована в российской науке С.Л. Рубинштейном еще в 1920-е — 1930-е гг. как понимание человека в качестве «субъекта» своей жизни и деятельности, в качестве активного деятеля, который не только изыскивает возможности для достижения стоящих перед ним целей, но и — главное — сам эти цели определяет. Как подчеркивал А.В. Брушлинский, основываясь на принципе субъектности С.Л. Рубинштейна, саморегуляция человека, в отличие от животного, «осуществляется безотносительно к любому заранее выбранному масштабу, эталону, критерию и т.д.» [Брушлинский, 1999, с. 119]. Мыслительная деятельность человека, регулирующая его поведение и определяющая поступки, — утверждал А.В. Брушлинский, — осуществляется не столько как поиск средств для достижения поставленных целей, сколько как определение целей и их корректировка в процессе деятельности. Именно в русле субъектного подхода сложилось понимание человека как обладающего подлинной индивидуальной свободой — понимание глубоко гуманистическое и в то же время строго научное. А.В. Брушлинский заключает: «Высшим уровнем детерминации субъекта является тот, на котором человек самоопределяется в своей свободе» [Брушлинский, 1999, с. 114]. Таким образом, идея субъектности воплощает представление о подлинной и полной самодетерминации человека.

В работах российских ученых на протяжении советского периода идея самодетерминации развивалась в русле доминирующего естественнонаучного направления с присущим ему каузальным подходом к постановке проблем исследования. Связи психологии с естественными и гуманитарными науками одинаково вечны и неразрывны, однако есть между ними и существенное различие: если детерминистское, научное объяснение закономерностей психической деятельности человека опирается на данные естествознания, то науки гуманитарные: культурология, социология, искусствоведение и пр., — напротив, ищут опоры в психологии. С естественными науками психология в большей степени связана поиском объяснений, причин психических явлений в русле вопроса «почему?», что придает естественнонаучному направлению в психологии его известный каузальный характер. С гуманитарными — поиском ответа на вопрос «зачем?», откуда проистекает «понимающая», описательная природа гуманитарного направления: «...у психологии обнаружились два лика, как у Януса: один обращенный к физиологии и естествознанию, другой — к наукам о духе, к истории, социологии; одна наука о причинностях, другая — о ценностях» [Ланге, 1914, с. 63].

Если в телеологических концепциях, развиваемых в русле гуманистической психологии гуманитарного направления западными коллегами, самодетерминация

выступает в качестве ответа на вопрос «Зачем?» в отношении поведения человека, то в русле естественнонаучного направления традиционно задается вопрос «почему» и предпринимаются усилия для вскрытия причинно-следственных связей.

В исследованиях российских ученых проблема самодетерминации была поставлена прежде всего как проблема детерминирующего влияния личности на функционирование субстрата, на протекание онтогенеза и структурную организацию психических функций.

Этот подход воплотился в теории деятельности А. Н. Леонтьева. Множество конкретно-психологических концепций и экспериментов, которые заключает в себе классическая работа ученого «Проблемы развития психики», объединены общей идеей: деятельность, активное взаимодействие со средой, направляемое и определяемое стремлением индивида к удовлетворению своих потребностей, — вот фактор, детерминирующий развитие психики, не только функционирование ее субстрата, но и в конечном счете структуру субстрата психики.

Это ярко проявляется, например, в особенностях подхода, развиваемого Б. Г. Ананьевым (см. главу 3).

Напомним, что человек в понимании Б. Г. Ананьева является продуктом индивидуально-психического развития, которое выступает в трех подчеркнуто разведенных планах:

— онтогенетической эволюции психофизиологических функций индивида;

— жизненного пути человека — истории личности;

— становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда, познания и общения.

Различия в содержании понятий: индивид, личность, субъект деятельности — в данной концепции полемически заострены ценой очевидного сужения значений понятий, с целью показать, что процесс человеческого развития построен на взаимодействии различных, не слитых по своей природе начал. Единого закона человеческого развития ни в природе, ни в культуре — нигде вне самого человека просто нет, есть ряд относительно независимых факторов, влияние которых опосредуется и интегрируется индивидуальностью человека. Именно индивидуальность определяет вектор, путь и направление человеческого развития. Индивидуальность изначально присутствует и проявляет себя, преломляя и соединяя биологическую индивидную программу, социально определяемую программу развития личности и программу становления субъекта деятельности, которая заложена в орудийно-деятельностных компонентах воспитания. В зрелом возрасте фактор индивидуальности становится доминирующим.

Легко заметить, что в данной концепции для подструктур индивида, личности, субъекта исходными являются не психологические категории. Б. Г. Ананьев выводит подструктуру индивида из биологических свойств человека, личности — из конкретных социологических характеристик, субъекта — из материальной базы, орудий, созданных цивилизацией. Вид, социум, цивилизация — эти структуры как бы прорастают в человека, формируя его психику каждая в соответствии со своими законами. И только индивидуальность по своей природе представляет собой явление психическое — таким образом, психическое составляет интегрирующую основу и ядро, вектор и закон развития человека.

Человек в теории Б. Г. Ананьева выступает как, во-первых, исторически конкретный тип, специфический по своей психической организации в различные моменты истории, во-вторых, как самодетерминирующийся творец самого себя. От самодетерминации человека оказываются зависимыми не только уровень достигаемого развития (что является обычным для западных концепций), но и направление развития.

Возможно, именно полемически заостренный, «неудобный» для подстройки под чужой лад, под логику популярных зарубежных концепций, характер положений Б. Г. Ананьева является причиной того, что в современной российской науке наряду с частым упоминанием имени, работы его цитируются исчезающе мало, а пересказ их содержания изобилует грубыми искажениями. Искажения эти часто преследуют «благую» цель, с точки зрения тех, кто их вносит: пригладить острые углы, замаскировать противоречие положений Б.Г.Ананьева другим теориям. В то же время Б. Г. Ананьев последовательно парадоксален — в плане соединения социоцентризма и естественнонаучности — и полемичен. Так, в широко применяемом сегодня учебнике [Маклаков, 2000] в структурную схему личности, прямо приписываемую здесь Б. Г. Ананьеву, включен темперамент, который Б. Г. Ананьев относил к другой подструктуре человека — к индивиду. Таким образом, оказывается искаженной, выхолощенной, основная идея Б. Г. Ананьева: индивид и личность «встречаются» только через посредство индивидуальности.

Концепция Б. Г. Ананьева не оставляет места для представления о т. н. «общечеловеческих ценностях», т. е. культурно независимых нравственных ориентирах, столь популярного в западной психологии. Направленность, включающая в себя нравственные и другие ценности, Б. Г. Ананьевым относится к подструктуре личности и последовательно выводится из конкретных социологических характеристик социального бытия человека, прежде всего статусно-ролевых, — таким образом, ценностям придается отчетливый конкретно-исторический характер.

В концепции Б. Г. Ананьева содержится отрицание единого для всех людей, по сути, видового содержательного наполнения этапов психического развития человека. Как важнейшую закономерность онтогенетического развития человека Б. Г. Ананьев рассматривает индивидуализацию: «Весьма важным направлением влияния жизненного пути (биографии) человека на его онтогенетическую эволюцию является все возрастающая индивидуализация этой эволюции» [Ананьев, 1977, с. 165].

Б. Г. Ананьев сформулировал положение о двухфазном характере человеческого развития на протяжении жизни: «На первой из них происходит общий, фронтальный прогресс функций в ходе созревания и в ранние эволюционные изменения зрелости» [Ананьев, 1977, с. 201]. Основную роль играют в этот период законы онтогенеза. От первой фазы радикально отличается вторая, длящаяся от наступления зрелости и до конца жизни: «На второй фазе эволюции тех же функций совершается их специализация применительно к определенным объектам, операциям деятельности и более-менее значительным по масштабам сферам жизни» [Ананьев, 1977, с. 202]. Эта вторая фаза наступает на наиболее высоком уровне функциональных достижений первой фазы и накладывается на нее. Пик функционального

развития при этом достигается в более поздние периоды зрелости, при этом «оптимум специализированных функций может совпадать с начавшейся инволюцией общих свойств этих же функций» [Ананьев, 1977, с. 202]. Здесь нет уже главенства единой видовой программы развития человека, точнее, развитие это как раз обеспечено постольку, поскольку в человеке активизированы силы, противостоящие неизбежному старению. В этой связи Ананьев говорит о дивергентном и конвергентном типе развития.

Конвергентный тип характеризуется тотальным снижением функций по мере старения, что имеет место в случае, когда в течение жизни не достаточно сформированы операциональные и мотивационные механизмы психики. В случае дивергентного типа старения эти механизмы обеспечивают стабилизацию психофизиологических функций и даже их прогрессивное развитие, которое выражается в наличии оптимумов функций в поздних возрастах, за пределами сроков биологического созревания.

Индивидуализация, нарастание индивидуального своеобразия — основной эффект человеческого развития и его показатель для Б. Г. Ананьева. В соответствии с его концепцией индивидуальное своеобразие нарастает по мере взросления и служит показателем общего уровня развития, в том числе способностей.

В то же время в западной психологии доминирует представление о единстве законов психофизиологического развития для любого человека, наряду с единым содержательным наполнением этапов развития личностного (Эриксон, Маслоу и др.). Заметим, что в целом представление о едином содержании этапов развития человека, как и представление о наличии так называемых общечеловеческих ценностей, сводит индивидуальность к индивидуальным различиям в выраженности тех или иных качеств из общего для всех набора. Можно отметить, что парадоксальным образом в западной психологии, с ее культом индивидуализма, индивидуальная свобода приобретает статус эпифеномена, оказывается свободой в выборе средств, но не целей.

Теория Б. Г. Ананьева остается фактически неизвестной зарубежной научной общественности. Его имя не упоминается в современных зарубежных энциклопедических изданиях, реферативных журналах. То немногое из работ Б.Г.Ананьева, что переводилось на иностранные языки, не было в достаточной мере понято и оценено сообществом психологов в силу специфичности использованного им понятийного аппарата. Понятийный строй теории Б.Г.Ананьева, круг обсуждаемых в ней вопросов непосредственно не соотносятся с категориальным аппаратом современной зарубежной психологии, и, соответственно, эта теория не может быть воспринята и интегрирована иностранными учеными без специальных усилий. В то же время методология и теория Б. Г. Ананьева представляются плодотворными для постановки проблем в интенсивно развивающихся областях мировой психологической науки, при условии адекватного соотнесения используемых систем понятий. Среди таких областей исследований и актуальных вопросов можно назвать следующие:

— единство онтогенеза и жизненного пути в развитии человека (life-span human development);

— анализ развития в отдельные возрастные периоды с позиций целостного контекста жизни субъекта;

— возрастная динамика взрослости;

В трудах Б. Г. Ананьева сложился и воплощен в широкомасштабных экспериментах подход к исследованию закономерностей развития в отдельный жизненный период с позиций целостного контекста всей жизни субъекта. Интересно, что в уже упомянутой «Психологической энциклопедии» идея объединения различных возрастных периодов психофизиологического развития в единый жизненный цикл характеризуется как новейшее достижение теоретической мысли [Encyclopedia, 1994, p. 166–170].

В зарубежной психологии понятие развития применяется при анализе психофизиологических функций в период взрослости лишь в смысле адаптации, приспособления в основном заданных структур к условиям существования. Взрослость здесь традиционно представлена как период стабилизации, предшествующий старению. Б. Г. Ананьев рассматривал взрослость как период сложных динамических изменений во всех психофизиологических структурах человека.

Уместно отметить, что в той же энциклопедии возрастная динамика взрослости охарактеризована как малоисследованная и остро актуальная научная проблема.

В вышеупомянутой американской энциклопедии все теории возрастного развития человека делятся на две группы: ориентированные на механистические принципы и ориентированные на принципы функционирования организма. Механистические теории отличаются следующими общими чертами:

1. личность человека понимается как результат либо биологической наследственности, либо средовых влияний;
2. человек рассматривается как в общем пассивное существо, активность которого направляется либо внутренними, биологическими силами, либо внешними влияниями;
3. развитие представлено как непрерывный процесс, состоящий из мельчайших отдельных этапов, которые могут быть количественно измерены.

К механистическим теориям отнесены генетические (Гезелл, Илг, Эймс), этологические (Лоренц, Тинберген), теории обучения (Скиннер, Бандура, Биджоу, Баэр, Бронфенбреннер и Мишел). К этой же группе отнесены комбинированные теории: этологическо-психоаналитические (Боулби, Айнсворт) и обучающе-психоаналитические (Миллер, Доллард).

Авторы теорий организменного направления исходят из следующих общих принципов:

1. личность представляет собой результат взаимодействия индивида со средой;
2. развитие личности, выбор направления развития определяются в основном самим субъектом;
3. развитие может быть представлено как инвариантная, общая для всех субъектов последовательность стадий, которые качественным образом различаются между собой.

К организменным теориям отнесены: психоаналитические (Фрейд, Юнг, Адлер, Эриксон, Фромм), когнитивные (Пиаже, Элкинд), гуманистические (Бюлер, Маслоу, Роджерс) и органические (Вернер).

Очевидно, что отечественная теория биосоциального развития не укладывается в рамки приведенной классификации и, соответственно, заставляет эту классификацию полностью пересмотреть.

Например, Л.И. Анцыферова сравнивает идею о превращении этапов психического развития в иерархию уровней психической организации, выдвинутую Ж. Пиаже, его типы диахронического развития, и теорию, разработанную в отечественной психологии Я.А. Пономаревым (в области психологии творчества). Она указывает на существенные ограничения концепций западных генетических психологов в сравнении с позицией советских. Последние включают в принцип иерархии положение о качественном преобразовании генетически раннего уровня в составе более сложного, высшего и не приписывают развитию некие финалистские цели, конечные состояния. В работах Л.И. Анцыферовой получил свою конкретизацию именно функциональный подход к личности, представление о личности как иерархически организованной системе, развивающейся и функционирующей в жизненном пути [Анцыферова, 1978; 1981; 1990]. Л.И. Анцыферова рассматривает развитие личности в свете некоторых общих закономерностей процесса развития. Она выдвигает также важное обобщающее понятие «психологическая организация личности». Понятие «организация» весьма адекватно для определения личности, поскольку предполагает (и объединяет) и независимый от самой личности, объективно ей присущий способ организации, и субъективный, произвольно определяемый ею самой. В системно-генетической концепции это понятие особенно существенно, поскольку с его помощью она разрешает имплицитную дискуссию, предлагая объединить до сих пор достаточно разорванные, разобщенные качества (или модальности) личности (и психики) — формально-динамические и содержательно-смысловые. Первые обозначают механизмы (например, темпераментальные) как бы нейтральные по отношению к тому, что называется «содержанием» (обычно под содержанием подразумевается предметное содержание, характеристики бытия, объекта, становящиеся содержанием психического отражения [Асеев, 1990; Русалов, 1996 и др.]. Анцыферова рассматривает их не как самостоятельный уровень, а как особое качество психологических механизмов, реализующих ценностное отношение личности к миру.

Существенным достижением отечественной теории является распространение принципа интериоризации, сформулированного Выготским, на формирование личности и ее подструктур. Социум уже не просто влияет на реализацию природной программы развития. Развитие личности предстает как сложное взаимодействие природной индивидной программы с интериоризуемой в процессе воспитания программой социального развития. Такой подход существенно углубляет представления о природе личности, пределах и возможностях ее изменения, развиваемые в зарубежных теориях, и открывает новые перспективы развития теории биосоциальной природы личности и ее практических применений.

4.4. Проблема опосредованности человеческого познания

Еще одна интенсивно развивающаяся область мировой науки, в которой методология и результаты исследований российских ученых представляются высоко актуальными, — проблема опосредованности человеческого познания, личностная и субъектная детерминация психических процессов. Для отечественной науки принцип личностного подхода к исследованию психических процессов является

традиционным. В зарубежной психологии это направление исследований может быть охарактеризовано как «зона ближайшего развития». В то же время на фоне успехов биологических наук конца XX — начала XXI века в западной психологии сильны «биологизаторские» тенденции.

В психологии со времен античности периодически возникают направления, провозглашающие своей целью решение психологических проблем путем применения методологии и методов биологических наук. История психологии убедительно свидетельствует о полезности и значимости такого рода исследований, однако абсолютизация этого подхода в психологии, его расширительное применение, приводят в тупик и означают утрату психологией своего предмета, так как психическое не может быть объяснено и описано в терминах физиологических механизмов, как не может быть описана архитектура здания в терминах свойств использованных кирпичей. Тем не менее соблазнительная «объективность» данного подхода вновь и вновь вдохновляет исследователей.

Например, человеческий язык, речь, сегодня все чаще рассматриваются там как явления безусловно родственные «языку» животных и производные от последнего. Сущность языка — передача информации о биологически существенных событиях, координация взаимодействий субъектов. Книга С. Пинкера «Речевой инстинкт» [Pinker, 1994] — яркое и показательное явление в русле этого подхода. Не случайно такое множество современных исследований посвящено попыткам обучения речи человекообразных обезьян, и в целом мнение авторов сводится к отсутствию каких бы то ни было серьезных препятствий для этого. Конечно, у обезьян отсутствуют вокальные задатки для овладения человеческой речью, их гортань не обеспечивает фонетики человеческого языка, но овладение понятийной системой через посредство компьютерных алфавитов, языка глухонемых считается для них вполне реальным. Утверждают, что наиболее «способные ученики» владеют названными видами речи на уровне 3–4 летнего ребенка. Разница между человеческой речью и сигналами общения животных полагается в рамках этих направлений скорее количественной, чем качественной. То есть человеческий язык, конечно, сложнее, обслуживает более сложную систему функций, но по сути принципиальной разницы нет. Основой языка при таком подходе считается возможность символического обозначения предмета, замещения предмета его символом-понятием. Речь рассматривается как оперирование системой таких символов-понятий. То, что у человека в отличие от животных существует множество языков, понятийные системы которых не вполне совпадают, в русле данного направления не считают существенным.

Активно обсуждается сегодня в сравнительной психологии открытие так называемой «культуры» в сообществе шимпанзе, живущих в Гвинее Биссау [Matsuzawa, 2000]. Под культурой в данном случае понимается наличие определенного способа раскалывания орехов, который применяется только обезьянами, принадлежащими к данному стаду и передается от матерей к потомству путем целенаправленного обучения. Широко обсуждается значение описанного открытия для понимания сущности культуры вообще и специфики человека среди других живых существ. Однако и в контексте данной дискуссии представляется продуктивной и интересной позиция, выработанная отечественной школой,

в соответствии с которой специфика и сущность культуры как чисто человеческого феномена должна быть отнесена не столько к моменту передачи прижизненно приобретенных знаний и умений потомству, что в той или иной мере имеет место на дочеловеческих уровнях развития животного мира, сколько к моменту возникновения в сообществе на основе индивидуальных смыслов психического явления нового уровня — общего для всех участников процесса значения, то есть к моменту возникновения зачатков языка и сознания [Леонтьев, 1972], что возможно лишь на основе подлинно совместной деятельности его членов.

Представляется возможным высказать предположение о будущем современных «биологизаторских» подходов, основываясь на истории ожиданий, порожденных детекторной теорией зрения в последней трети двадцатого века. Исследования Д. Хьюбела и Т. Визела в 1960-х выявили возможности работы рецептивных полей различной сложности как детекторов определенных пространственных свойств объекта (размера предъявляемого стимула, ориентации и длины линии, и пр.). Эти исследования, отмеченные Нобелевской премией, вызвали волну новых работ в поисках все более сложных детекторов и целый ряд теорий, описывающих зрительное опознание с этой точки зрения.

Гипотеза Хьюбела и Визела состояла в том, что в основу обработки информации зрительной системой положен принцип последовательной интеграции и усложнения рецептивных полей. Так, простые корковые поля выделяют определенным образом ориентированную линию в определенном участке поля зрения. Объединение таких полей на выходной нейрон следующего уровня образует сложное рецептивное поле, выделяющее линии определенной ориентации безотносительно к их местоположению в поле зрения. Гиперсложные поля первого порядка выделяют отрезки прямых определенной ориентации, заканчивающиеся в определенной точке, а гиперсложные поля второго порядка — отрезки определенной ориентации и длины инвариантно к местам их концов.

Последователи Хьюбела и Визела предположили существование нейронов, избирательно реагирующих на изображение определенного объекта инвариантно к его размеру, положению, ориентации («гностические единицы» Конорского и другие). Сами Хьюбел и Визел были более осторожны в своих заключениях. Им не удалось обнаружить более специализированных рецептивных полей, и они стали сомневаться в возможности дальнейшей интеграции и в правильности первоначальных представлений.

В процессе исследований сторонников детекторной теории были обнаружены многие виды детекторов. Выявлены детекторы, позволяющие обнаружить линию определенной длины и ориентации, независимо от ее положения на сетчатке глаза, нейроны, чувствительные к изменению бинокулярной диспаратности, разнице в ориентации линии, отклоненной относительно фронтальной плоскости, к величине и знаку бинокулярной диспаратности и многие другие. Все они, несомненно, составляют определенную физиологическую основу зрения, но не позволяют объяснить целостного восприятия, так как все обнаруженные детекторы реагируют только на отдельные свойства стимула и исследователям не удалось обнаружить детектора ни одной, даже самой простой целостной формы.

Можно утверждать, что детекторная теория существенно дополнила представления о природе чувствительности, но не может служить объяснением целостного предметного восприятия.

Представляется, что подобная судьба ждет и модульную теорию мышления. Новая мощная парадигма несомненно обогатит научные знания о механизмах мышления, но можно также не сомневаться и в том, что круг вопросов, которые могут быть здесь конструктивно рассмотрены, ограничен четкими рамками. Психическое не поддается объяснению в терминах физиологических процессов, не сводимо к физиологии. Показательно, что этот предел возможностей применения биологического подхода наиболее отчетливо осознают крупные ученые биологи. Вадим Давыдович Глезер, крупнейший отечественный специалист по физиологии зрения, в течение многих лет возглавлявший лабораторию физиологии зрения Ин-та Физиологии АН СССР, в своей книге «Зрение и мышление» [Глезер, 1985], которая стала итогом многих лет научной работы, приходит к драматическому заключению: «Зрение есть мышление». В этих словах один из крупнейших специалистов по детекторной теории зрения в мире, существенно продвинувший развитие этой теории, выразил невозможность объяснить зрение в предметном мире в терминах физиологических механизмов зрительного восприятия, осознание того, что задача выходит за рамки его науки. Пользуясь концептуальной системой психологической науки, следует интерпретировать это высказывание иными словами: «Зрение есть психический, а не физиологический процесс».

В силу своей онтологической природы психическое, субстратом которого является взаимодействие субъекта с окружающим миром, не сводимо к физиологическим механизмам. И вопрос о недостаточности прямого физиологического объяснения образного отражения звучит в работах зарубежных специалистов по познавательным процессам все чаще. Характерно, что основной темой лекции, прочитанной профессором из Кембриджа Дж.Д. Моллоном на открытии 29 Европейского конгресса по зрительному восприятию (ECVP 2006), объединившего психологов, физиологов и специалистов по искусственному зрению из разных стран, было несоответствие между физиологией цветовосприятия и субъективным восприятием цветов, которое проявляется тем больше, чем успешнее идут исследования физиологических механизмов. «Не стоит ли нам поискать ключ к загадке цветовосприятия за пределами нашего тела?» — вопрошает он [Mollon, 2006, p. 1].

Диалектический подход к проблеме соотношения психического и физиологического всегда был сильной стороной отечественных теорий, до сегодняшнего дня в этом направлении работы отечественных ученых в мировой науке не имеют аналогов и в контексте тенденций развития зарубежной психологии представляются зоной ее ближайшего развития. Так, в широкомасштабных экспериментах Б.Г. Ананьевым и его сотрудниками продемонстрированы удивительные эффекты индивидуализации онтогенеза психофизиологических функций, в первую очередь сенсорно-перцептивных, в результате особенностей жизненного пути личности и становления субъекта профессиональной деятельности, которые были описанны, в частности, в работах «Теория ощущений» [Ананьев, 1961], «Сенсорно-перцептивная организация человека» [Ананьев, 1977] и других. В этих трудах представлены

данные, не имеющие аналогов в мировой науке и не утратившие актуальности. Эти работы сегодня остаются практически неизвестными зарубежным коллегам, а российскими учеными также не достаточно востребованы, практически не цитируются в современных исследованиях. В то же время, актуальность этих работ сегодня огромна, и лишь возрастает по мере успехов в развитии биологической науки.

В работах Б.Г. Ананьева всегда четко очерчена дихотомия: за что и против чего он выступает. С позиций страстного спора с противниками построена работа «Сенсорно-перцептивная организация человека». «Широко распространенное <...> представление о том, что сенсорно-перцептивные процессы относятся к низшим психическим функциям, и, составляя как бы периферию субъекта, не входят в его основную структуру и индифферентны к личности, надо признать безнадежно устаревшим», — утверждает исследователь [Ананьев, 1977, с. 51] и выдвигает принципиально иной подход: «Сенсорно-перцептивные процессы <...> относятся <...> к коренным феноменам жизнедеятельности, связанным с глубокими слоями целостной структуры человеческого развития личности <...> человеку в целом, как индивиду и личности, соответствует лишь сенсорно-перцептивная организация как единая система всех без исключения модальностей, включенная в свою очередь в общую структуру человеческого развития» [Ананьев, 1977, с. 51]. Представляется, что очерченная Б.Г. Ананьевым дихотомия подходов к пониманию сенсорно-перцептивных процессов и сегодня актуальна.

В соответствии с концепцией Б.Г. Ананьева, в процессе индивидуального развития взаимодействие биологических и социальных факторов порождает внутренние противоречия, которые и оказываются движущими силами индивидуального развития. Эти противоречия рассматриваются на уровне психических процессов, в структуре которых Б.Г. Ананьев выделяет функциональные, операциональные и мотивационные компоненты (механизмы).

Развитие функциональных механизмов подчиняется законам онтогенеза. Операциональные механизмы развиваются в результате освоения культурно-исторического опыта человечества. Противоречие между природными психофизиологическими функциями и социальными операциями в структуре психического процесса разрешается путем тренировки и структурирования созревающих функций в соответствии с общественно выработанными способами действия — таким образом, направление развития функций определяется содержанием деятельности человека и его социальным поведением.

Особенно следует отметить практическую значимость разработанной Б.Г. Ананьевым методологии применительно к задачам в области работы человека с непрерывно совершенствующимися приборами, расширяющими и модифицирующими возможности человека чувственно воспринимать реальность окружающего мира, в первую очередь с визуальными приборами. В настоящее время эта область исследований выпала из поля зрения российских психологов вместе с заказами, финансируемыми военно-промышленным комплексом. Но эта проблемная область продолжает существовать и потенциально может быть освоена только психологической наукой. То, что оптимизация, ориентированная на закономерности уровня физиологических механизмов, не позволяет в таких задачах добиться успеха, может засвидетельствовать каждый, кто профессионально занимался деятельностью

оператора-наблюдателя, вооруженного сложными современными визуальными приборами, например тепловизором.

Изображение предметного мира на экране такого прибора, предъявляемое оператору, часто для неопытного человека представляет собой хаос пятен, который никаким стандартным преобразованием невозможно превратить в привычную картину мира. Но по мере накопления опыта работы с таким прибором, опыта реальной деятельности, ориентации и перемещения на местности например, человек поразительным образом научается видеть в изображении предметный мир и действовать в нем. То, как человек научается видеть мир по таким изображениям, невозможно объяснить срабатыванием каких бы то ни было врожденных детекторов: подобные изображения отсутствуют в природе, они созданы человеческой цивилизацией.

В таких случаях, возникающих тем чаще, чем быстрее идет технический прогресс, в процессе которого человек сам создает себе новую среду обитания, наглядно подтверждается выдвинутая и обоснованная Б. Г. Ананьевым идея продолжающегося исторического развития системы анализаторов у человека под влиянием трудового преобразования природы, сформулированное им положение о том, что одним из факторов дальнейшего прогресса ощущений является «прогрессивное развитие орудий труда, технических средств, расширяющих поле чувственного познания» [Ананьев, 1977, с. 88]. Сегодня прогрессивное развитие наблюдательных приборов для профессиональной деятельности человека-оператора уже не столько обеспечивает оператору все больший комфорт на уровне физиологических механизмов различения видимой проекции, сколько предъявляет к оператору все более высокие требования в отношении его способности увидеть в изображении предметный мир, понять изображение, т. е. требует исследований на уровне психологических механизмов, участия психологов.

В приведенном примере и ему подобных случаях, возникающих тем чаще, чем быстрее идет технический прогресс, в процессе которого человек сам создает себе новую среду обитания, наглядно подтверждается выдвинутая и обоснованная С. Л. Рубинштейном идея о том, что генетически исходной формой познания является практическое действие: «Непосредственно реально соприкасаясь с объективной действительностью, проникая внутрь ее и ее преобразовывая, <...> действие <...> как бы несет мышление на проникающем в объективную действительность острие своем» [Рубинштейн, 1935, с. 337]. Ключом к пониманию описанного процесса научения в работе с новыми визуальными приборами является следующее положение, сформулированное А. В. Брушлинским: «...наглядно-чувственные образы уже не сами по себе, как бы автоматически регулируют всю активность человека в обход субъекта, а именно и только субъект с помощью своего мышления, совести и т. д. раскрывает вначале отнюдь не очевидное значение сенсорно-перцептивных данных...» [Брушлинский, 1999, с. 121].

То, как человек научается видеть мир в тепловизионном изображении, невозможно объяснить срабатыванием каких бы то ни было врожденных детекторов. Подобные изображения отсутствуют в природе, они созданы человеческой цивилизацией. Тем более наивным представляется ожидать, что человеческое мышление окажется возможным свести к конечному набору модулей, предназначенных

для решения строго определенных задач, определенных раз и навсегда миллионы лет назад на заре человечества. Как показал А. В. Брушлинский, основываясь на принципе субъектности С. Л. Рубинштейна, саморегуляция человека, в отличие от животного, «осуществляется безотносительно к любому заранее выбранному масштабу, эталону, критерию и т. д.» [Брушлинский, 1999, с. 119]. Мыслительная деятельность человека, регулирующая его поведение и определяющая поступки, осуществляется не столько как поиск средств для достижения поставленных целей, сколько как определение целей и их корректировка в процессе деятельности.

Путем достижения гармонии, как внутренней, так и в отношениях с миром, Ананьев считал специализированное развитие человека, его становление как субъекта деятельности. Оптимистический взгляд Б. Г. Ананьева в этом отношении разительно отличается от распространенного в западной психологической традиции представления о гармонии как о состоянии, присущем человеку от природы, и утрачиваемом в результате приспособления к требованиям жизни в обществе. Такой взгляд ярко выразил, например, К. Г. Юнг, который полагал, что в силу особенностей нашей цивилизации развитие человека идет по линии специализации, развития только одной из его функций, которая определяет место человека в обществе, обычно род его основных занятий. Эта функция, обычно и от природы наиболее развитая, приобретает высокодифференцированный, сознательный характер. Однако такое усиленное и одностороннее развитие одной из функций приводит к угнетению функции ей противоположной, которая вытесняется в область бессознательного, приобретает архаический, примитивный, недифференцированный характер. Такой специализированный характер развития Юнг считал причиной внутреннего разлада, драматической расколотости души человека, которую он сравнивал с мучительной раной.

Б. Г. Ананьев считал, что каждый человек является индивидом, субъектом, личностью, но стать индивидуальностью удается далеко не каждому. В том, чтобы помочь людям на этом пути, помочь найти себя, Б. Г. Ананьев видел главную практическую задачу психологии, и в этом колоссальный гуманистический заряд его учения.

Формирование индивидуальности Ананьев считал возможным благодаря тому, что биологические и социальные свойства человека взаимно влияют друг на друга в процессе развития, вызывая изменения в широчайшем диапазоне индивидуальной изменчивости. Особое его внимание привлекали эффекты социальных воздействий на психофизиологические функции. Им и его сотрудниками в широкомасштабных экспериментах продемонстрированы удивительные эффекты индивидуализации онтогенеза психофизиологических функций, в первую очередь сенсорно-перцептивных, как результат особенностей жизненного пути личности и становления субъекта профессиональной деятельности, которые описаны, в частности, в монографиях «Теория ощущений», «Сенсорно-перцептивная организация человека» и других. Описаны как многочисленные примеры общей задержки старения функций, используемых в процессе социально значимых видов деятельности, так и примеры специфического развития в соответствии с требованиями профессии. Например, исследовались особенности возрастной динамики слуховой

чувствительности в зависимости от профессиональных занятий музыкой. Сравнивались пороги чувствительности у пианистов, скрипачей и людей, профессионально не занимающихся музыкой, в детском возрасте (учащиеся музыкальных школ по соответствующим специализациям и дети, не обучающиеся музыке) и у взрослых. Наряду с ожидаемым фактом лучшего слуха у музыкантов во всех возрастных группах был обнаружен и яркий факт существенных различий слуха у пианистов и скрипачей. Тем и другим давалось стандартное тестовое задание установить тождество или различие по высоте пары звуков, следующих друг за другом. При выполнении стандартных проб значимых различий между результатами не было. Однако при различении звуков, различия между которыми составляли микроинтервалы, менее 5 колебаний в секунду, скрипачи существенно превосходили точностью ответов пианистов. Было предложено следующее объяснение этого факта. Пианист работает с дискретной шкалой — клавиатурой, поэтому чувствительность к микроинтервалам для него не является необходимой и им не тренируется. Скрипач же работает с непрерывной шкалой, что и отражается в соответствующей структуре слуховой функции.

Работы последних десятилетий позволяют говорить о тенденции в отечественной психологии рассматривать саму личность как личностно ориентированное знание, по терминологии Полани. Показано, что личностное основание присутствует в исследованиях речи [Латынов, 1996], мышления [Брушлинский, Темнова, 1993], памяти. Усилилась тенденция определять и описывать основные функции психических процессов и состояний в контексте функционирования самой личности. Например, В. К. Калин пишет: «Одним из важнейших методологических вопросов проблемы воли является вопрос о том, в рамках какого целого может быть раскрыта функция воли. А через это понята ее сущность» [Калин, 1989, с. 7]. Речь здесь идет о том, чтобы понять функциональные возможности самой личности, связанные с механизмами воли.

Таким образом, функции отдельных подсистем личности, ее мотивов, способностей, ответственности, воли зависят от стратегии, которую личность избирает в конкретной ситуации. Так, например, в системе понятийного анализа В. Д. Шадрикова в одних случаях личность в качестве субъекта деятельности придерживается принципа «достаточности», в других — принципа достижения «максимума». В работах В. Д. Шадрикова и В. Н. Дружинина представлена новая стратегия исследования способностей как свойств личности, которые по-разному проявляются в зависимости от условий ее функционирования. Такой подход оказывается весьма продуктивным в контексте практически ориентированных разделов психологии, например, психологии профессиональной деятельности.

Для направления исследований, которое возглавлял А. В. Брушлинский, в центре внимания находилась задача выявления того, как личность решает моральные проблемы и задачи. Эти исследования соотносились с кольберговской концепцией уровней морального развития личности [Воловикова, Ребеко, 1990]. В исследованиях, руководимых А. В. Брушлинским, были выявлены личностные детерминанты мыслительного процесса, а также обнаружено неоднозначное соотношение интеллектуального и морального развития ребенка, что опровергло тезис Кольберга

об опережении интеллектуальным морального развития. На детях были выявлены типы, из которых первый, не достигший определенного уровня интеллектуального развития в соответствии со схемой Кольберга, не рассматривал моральные задачи как собственно проблемные. Но зато второй тип, со столь же невысоким уровнем интеллектуального развития, оказавшись в ситуации, когда он был личностно вовлечен в решение моральных проблем в семье, демонстрировал ведущую роль именно морального развития, побуждаемого ситуацией моральных противоречий, к уровню которого подтягивалось затем интеллектуальное. Также был выявлен тип, который, не будучи интеллектуально развит, решал моральные проблемы «умозрительно», личностно отстранено, что свидетельствовало о его нравственной глухоте.

Позиция отечественной школы, таким образом, представляется как самобытной, так и актуальной в контексте развития данной предметной области в мировой науке.

4.5. Самореализация личности: подходы и противоречия

Одной из центральных и самых актуальных и широко обсуждаемых в литературе проблем современной психологии с полным правом может быть названа проблема самореализации. Понимание самореализации как важнейшего неотъемлемого свойства человеческой личности позволяет в новом свете представить самый широкий круг психологических проблем, в том числе важнейших теоретико-методологических проблем психологии: психофизической, психофизиологической, биосоциальной.

В отношении биосоциальной проблемы актуальным представляется вопрос о том, для чего самореализация нужна, каким целям она служит, какие функции выполняет, иными словами актуально рассмотрение самореализации как средства. Предметом внимания при такой постановке вопроса оказываются онтологические аспекты самореализации, ее значение и смысл для достижения своих целей системой более высокого порядка, нежели сама отдельная личность: природой, обществом, мирозданием, Творцом, — то есть место самореализации в структуре бытия. Такая постановка проблемы является традиционной для философии. Представляется, однако, что анализ онтологических аспектов самореализации сегодня становится актуальным и для психологической науки.

В рамках подходов, односторонне трактующих личность: либо как существо полностью биологическое, либо лишенное каких-либо свойств, кроме социальных, — личность рассматривается как нечто, существующее исключительно в контексте некоторой единой общности: в одном случае биологической общности вида, в другом — общности культурно-исторической. Соответственно, самореализация личности предстает как обеспечение в одном случае видового выживания, в другом — социокультурного. Индивидуальность личности приобретает статус второстепенного, не столь существенного в контексте самореализации явления.

При такой постановке вопроса индивидуальное человеческое сознание, на уровне которого реализуется рефлексивный механизм самореализации, становится в общий ряд прочих уровней психической регуляции и лишается самостоятельного смысла и значения.

По сути дела, рефлексия становится лишь эпифеноменом в процессе выполнения индивидом программы служения общности.

Существенно иные смысл и значение приобретает механизм рефлексии в контексте отечественной теории. Оказавшись в зоне пересечения двух потенциально противоречивых законов: природы и общества, — человек обретает статус подлинного хозяина своей судьбы. Условием становления целостной личности на основе внутренне противоречивых природных и социальных задатков становится «сознательная роль человека как творца своей собственной личности, проявляющаяся в принятии того или иного мировоззрения, в конкретном воплощении последнего в поступках и деятельности и в формировании (саморазвитии) целостности личности» [Коростылева, Зайцева, 2000, с. 6]. Индивидуальное сознание обретает собственную важнейшую функцию, определяя контекст бытия, в котором осуществляется самореализация личности.

Давая самое общее теоретическое определение личности как субъекта в психологии, отечественная теория [Психологическая наука... 1997] связывает его с наличием противоречия между личностью, ее мотивами, способностями, потребностями и теми требованиями, которые предъявляет к ней общество, — двумя реальностями, которые никогда не соответствуют друг другу. Качество и мера становления личности субъектом связаны со способностью и способом разрешения ею этого противоречия. Личность в качестве субъекта жизни во всех ее и личных, и социальных, и деятельных, и коммуникативных, и познавательных проявлениях разрешает это противоречие, стремясь найти определенный, оптимальный для своего собственного «я» консенсус: или жертвуя свободой, индивидуальностью, активностью в пользу адаптивности, или выбирая независимость и жертвуя социальным одобрением, благами и т.д. Характер, острота этого противоречия и способ его разрешения зависят, естественно, и от того, насколько в данном обществе признаны права личности, и от того, насколько сама личность генетически или прижизненно наделена «рефлексом свободы», индивидуальностью, талантом и т.д. Неспособность, неуспешность личности в разрешении этого противоречия ведут к ее деградации, деструкции, деформации, акцентуации, т.е. к изменению оптимальных пропорций во внутриличностной организации в силу неадекватности способа жизни, ее «неподлинности». Некоторыми авторами предлагается не считать людей подобного типа личностями, но мы присоединяемся к мнению [Психологическая наука... 1997], что они, оставаясь личностями, перестают быть субъектами и становятся исполнителями, «производными» от своего способа жизни.

Когда личность оптимально решает это противоречие, происходит ее развитие в смысле ее совершенствования, зрелости. Однако поскольку противоречия и глобальны, и конкретны, личность как субъект разрешает постоянно возникающие противоречия, порождаемые ходом жизни, ее обстоятельствами. Масштаб противоречий и конструктивность их решения определяют уровень, достигнутый личностью как субъектом. Личность идет не вдоль жизни, а поднимается по восходящей, как писал Рубинштейн. Предполагается, что в характеристику уровней закладываются и индивидуальные, и человеческие критерии, т.е. принципы человечности и духовности.

Личность становится субъектом, когда она выступает таким центром самоорганизации и саморегуляции, который позволяет ей соотносится с действительностью целостным, а не парциальным способом. Выше мы привели данное Рубинштейном определение личности как триединства того, чего хочет, что может человек и чем сам он является, т.е. триединства потребностей, мотивов, желаний — с одной стороны, способностей, возможностей — с другой, и характера — с третьей. Перефразируя это определение сегодня, можно сказать, что личность есть субъект, вырабатывающий способ соединения своих желаний (мотивов и т.д.) со способностями в соответствии со своим характером в процессе их реализации в жизни, в соответствии со своими целями и обстоятельствами жизни. Субъект есть своеобразный «мост» между собственно личностной организацией и обществом (Ананьев называл ее «системой», которая, однако, не просто «вписана» (по Ананьеву) в систему общества, а вписывается в него самим субъектом[7]). Если личность утрачивает эту субъектную позицию, если ее вписывают в общество, то она перестает быть и субъектом жизни. Защиты, фрустрации, стрессы, комплексы, больное самолюбие — феноменология неоптимальных для личности способов решения этой «задачи».

Таким образом, в контексте развиваемого отечественной школой подхода к биосоциальной проблеме оказывается возможным представить самореализацию личности в целостной полноте ее механизмов и уровней, существенно дополнить представления о месте и значении в структуре самореализации ее высших механизмов — рефлексии и экстериоризации.

Такой подход позволяет существенно дополнить и расширить имеющиеся в мировой науке представления о месте и значении самореализации в структуре бытия, о сущности и роли отдельных механизмов самореализации; особенно существенно могут быть дополнены представления о таком механизме, как рефлексия, непосредственно связанная с экстериоризацией — самым высшим, продуктивным механизмом самореализации.

В русле отечественной теории разработано научное объяснение того, каким образом возникает «загадка человека», слияние в человеческой природе биологического и социального. А.В. Брушлинский пишет: «Психическое <...> существует только как важнейшее качество *субъекта* (отнюдь не чисто духовного) <...>. Субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой» [Брушлинский, 2000, с. 45]. В свете понимания психики как свойства объективно существующего субъекта становится возможным целостный детерминистский подход к ее исследованию, объединяющий в единое целое так называемые гуманитарный и естественнонаучный подходы.

Обращение к биосоциальной теории представляется и неизбежным следствием гуманистического вектора развития современной мировой науки, осознания

---

[7] Следует заметить, что в системе понятий, используемой Б.Г. Ананьевым, понятие субъекта существенно уже, чем в описываемом здесь контексте. У Б.Г. Ананьева ближе к значению понятия субъекта в данном смысле находится понятие индивидуальности, которое, однако, понятию субъекта, по нашему мнению, не тождественно.

психологии как одной из тех наук, которые создают прочный научный базис для гуманизма. Признание человека, его личности и права на свободное развитие высшей ценностью заставляет психологов искать ответы на вопросы онтологического плана: в чем смысл человеческой жизни, в чем нуждается человек, в чем он свободен и есть ли границы и пределы его свободе? Представляется, что здесь отечественная наука может внести самый существенный вклад в современные дискуссии. Парадоксальным образом в контексте теории, сформированной в условиях тоталитарной идеологии общества, оказался воплощенным принцип подлинной индивидуальной свободы.

В западной психологии, с ее культом индивидуального бытия, индивидуальная свобода приобретает статус эпифеномена, оказывается свободой в выборе средств, но не целей.

Признание человека существом активным не позволяет еще указать истинную природу присущего ему творческого, созидающего начала. В контексте гуманистической психологии проблема качественного отличия человека как существа, изменяющего мир, от животного, к миру приспосабливающегося, не только не решена, но и не поставлена.

На основе принципа субъектности в отечественной науке сложилось представление об индивидуальном развитии человека как о процессе, построенном на взаимодействии двух программ: биологической (видовой) и социальной (заложенной в культуре и усваиваемой путем интериоризации), — воплощенное, например, в концепции индивидуальности Б. Г. Ананьева. Такое представление является альтернативным общепринятому за рубежом представлению о единой видовой программе, на реализацию которой социум может лишь влиять, способствуя либо препятствуя ее воплощению тем или иным образом.

В центре внимания Абульхановой-Славской — способность личности решать жизненные противоречия, проблемы. Т. е. не только зависеть от жизни, но и определять ее. Эта способность высшего порядка принадлежит личности как субъекту жизни и является качеством, которое вырабатывается в процессе жизни, способом жизни [Абульханова-Славская, 1973; 1977]. Эта жизненная способность осуществляется высшими механизмами — сознанием, активностью и способностью к организации времени жизни. В контексте данного подхода открывается возможность связать сознание не только с формами отражения и общественным бытием, но и сжизненным путем личности, с ее активным отношением к жизни. Сознание, таким образом, может быть понято как релевантное всей жизни функциональное образование, регулирующее не только отдельные движения и действия, но всю стратегию жизни человека [Абульханова-Славская, 1989; 1994; 1991].

К. А. Абульхановой-Славской ответственность определяется как задача, которую ставит перед собой личность при осуществлении деятельности: удержаться на определенном уровне качества ее выполнения, отвечающем притязаниям личности в течение определенного времени и при наличии непредвиденных трудностей [Абульханова-Славская, 1991; 1988]. Аналогично и сама активность личности определяется ею как жизненная способность личности удержать себя в качестве субъекта своей жизни (или — в случае неспособности — превратиться в ее пассивного исполнителя).

Анализ личности в свете дихотомии «активность — пассивность» сближает концепцию Абульхановой-Славской с популярной концепцией внутреннего и внешнего локусов контроля Роттера. Однако имеет место и существенное различие, которое состоит в том, что если локус контроля присущ личности как один из ее структурных компонентов и является исходным для определения возможностей в той или иной сфере функционирования, то активность определяется отношением личности к ситуации, это свойство, которое можно рассматривать как порождающее по отношению к локусу контроля.

В русле отечественной теории сложилось понимание человека, как обладающего подлинной индивидуальной свободой, глубоко гуманистическое и, в то же время, строго научное. Развивая подход, предложенный С.Л. Рубинштейном, А.В. Брушлинский заключает: «Высшим уровнем детерминации субъекта является тот, на котором человек самоопределяется в своей свободе» [Брушлинский, 1999, с. 114].

В контексте отечественной теории биосоциального развития человека подлинные смысл и значение приобретает сознание человека, механизм рефлексии. Оказавшись в зоне пересечения двух потенциально противоречивых законов: природы и общества, — человек обретает статус подлинного хозяина своей судьбы. Индивидуальное сознание человека здесь уже не только рассматривается в ряду прочих форм психического отражения, но обретает собственную важнейшую функцию, определяя контекст бытия, в котором существует и самореализуется личность: «Детерминизм не есть предопределеннность, детерминация <...> не дана изначально в готовом виде, а напротив, формируется субъектом как самоопределение в ходе деятельности, поведения и т.д. <...> детерминизм человеческой активности не исключает, а предполагает свободу» [Брушлинский, 2000, с. 46].

В свете отечественной теории обретает смысл и значение и проблема ответственности человека за свой выбор, свои поступки. Самоопределяющийся субъект, будь то отдельный человек или человечество в целом, уже не застрахован ни от ошибок, ни от ответственности за них ни известной безошибочностью инстинктивного природного поведения, ни безальтернативностью социальных ролей и культурных норм.

Между описанными выше современными направлениями исследования личности, основанными, с одной стороны, на позициях рассмотрения человека как существа чисто биологического, с другой — на абсолютизации социального начала в человеке, сегодня отсутствует сколько-нибудь значимая связь, дискуссия, сопоставление результатов исследований и моделей. Представляется, что причиной этого является, с одной стороны, известная тенденция к узкой специализации в западной науке, с другой — исторически сложившаяся в западной психологии XX века традиция, где биосоциальной проблеме не уделялось существенного внимания в силу исторически объективных причин. Однако в обозримом будущем диалог представляется неизбежным. В контексте данного диалога опыт теоретико-методологической проработки проблемы соотношения биологического и социального может помочь предсказать как зоны «роста», так и пути разрешения конфликтов.

Реальное сопоставление теорий и эмпирических данных различных психологических школ, которого требует процесс интеграции науки, происходящий

на рубеже XX–XXI вв., возможно лишь в структуре единого общенаучного контекста, своего рода общей системы координат, в рамках которой могут быть соотнесены и сопоставлены различные направления и школы. Формирование единого контекста требует от каждой школы специальной работы по уточнению значений используемых понятий и выявлению системы постулатов, лежащих в основе теорий. На основе этого становится возможным конструктивное обсуждение проблем предметных областей, которое должно привести к взаимному обогащению школ в структуре единой психологической науки и повышению уровня самосознания и рефлексии каждой.

Таким образом, можно заключить, что достижения отечественной биосоциальной теории, разработанной в советский период, актуальны в контексте проблем и дискуссий современной зарубежной психологии. В контексте актуальных направлений исследований просматривается общность предметной области с разработками советских ученых, при различных подходах к проблеме и различных теоретических моделях человека, заложенных в основу исследований.

Формирование единого контекста, в рамках которого могли бы быть адекватно соотнесены работы отечественных и зарубежных авторов, представляется возможным на основе общности предметных областей и требует от каждой школы специальной работы по уточнению значений используемых понятий и выявлению системы постулатов, лежащих в основе теорий.

4.6. Биологическое и социальное в человеке: современный методологический кризис и вечная проблема мировой психологии

В литературе последних десятилетий, как отечественной [Ждан, 2007; Кольцова, 2007; Мазилов, 2006; Мироненко, 2008; Юревич, 1999; 2001], так и зарубежной [Adair, Vohra, 2003; Essex, Smythe, 1999; Goertzen, 2008; Kolstad, 2010, Michell, 2000; Molenaar, 2004; Schwarz, 2009; Toomela, 2007; Toomela, Valsiner, 2010; Valsiner, 2010; 2012; Zittoun, Gillespie, Cornish, 2009], не утихает обсуждение проблемы методологического кризиса психологии. Дебаты о кризисе в российской психологии сегодня развиваются в относительной изоляции от англоязычного потока литературы, на котором сфокусирована настоящая статья, но здесь они рассматриваются как часть общемирового дискурса.

Методологический кризис в литературе все чаще обсуждается не только на уровне теоретических обобщений, но и применительно к принципам организации эмпирических психологических исследований. Основными причинами недовольства ученых является то, что горы публикуемых исследователями фактов недостаточно соотносятся с общепсихологической теорией, недостаточно подвергаются обобщению и уже не способствуют продвижению науки к истинному познанию своего предмета. Результатом этого является падение престижа психологической науки в общественном мнении и субъективная «кризисная» самооценка состояния профессионального сообщества.

Каковы же природа и причины настоящего кризиса и можно ли надеяться, что будут найдены пути выхода из него?

Доминирует в литературе представление о кризисе психологии как о перманентном и системном. Так, в качестве симптома кризиса, наиболее остро переживаемого, А.В. Юревич указывает отсутствие прогресса в устранении его симптомов: «Оценки методологического состояния психологии, которые давались У. Джемсом или Л.С. Выготским, ничем не отличаются от современных оценок» (Юревич, 1999, с. 4). Методологи говорят о перманентном кризисе, присутствующем в самосознании психологов на всем протяжении времени самостоятельного существования их науки.

Следует ли признать, что в психологической науке более чем за век ее развития не произошло изменений, достаточно радикальных, чтобы изменилось общее состояние дел? Возникали научные школы и направления. Научные революции изменяли представления о нормах и идеалах научного познания: на смену классической науке пришла неклассическая и постнеклассическая. Психология приобрела статус массовой профессии, что не могло не изменить существенно как качественный, так и количественный состав профессионального сообщества. И что же, в психологии все тот же кризис? Это кажется невероятным.

Следует отметить также, что дискурс известного кризиса конца XIX — первой трети XX века был и остается сфокусированным на проблеме раздробленности психологической науки, ее распада на школы, между которыми отсутствуют конструктивное взаимопонимание и взаимодействие. Эпистемологические аспекты кризиса поднимались и рассматривались преимущественно как следствие раздробленности школ [Hyman, Sturm, 2008]. В современном же мире информационный обмен и нужды практики, необходимость разработки единых стандартов профессий уже изменили то состояние мировой психологической науки, в котором она пребывала с конца XIX века на протяжении более ста лет, — состояние «феодальной раздробленности» школ, фактического отсутствия единого общенаучного контекста. В современной мировой науке сложились и упрочиваются устойчивые приемы сотрудничества представителей разных школ в рамках международных объединений, как практических, так и теоретических. Есть все основания полагать, что кризис раздробленности школ преодолен [Mandler, 2011]. Взаимодействие между школами активно и с неизбежностью налаживается, и ведущую роль в этом играет фактор институционализации психологической практики, становление психологии как профессии (как и предвидел Л.С. Выготский почти столетие назад), что настоятельно требует единого стандарта подготовки профессионалов в едином мире. Отечественная психология участвует в общем движении, она с неизбежностью интегрируется в мировую науку после периода относительной изоляции [Мироненко, 2008].

Сегодня уже не раздробленность нашей науки составляет причину кризиса — в настоящее время главным фактором, вызывающим его обострение, как нам представляется, являются эпистемологические проблемы, обсуждаемые в контексте кризиса.

Периодически кризисный дискурс возникает в литературе, однако он не является постоянным. Можно утверждать, что первые признаки современного методологического кризиса проявились в литературе не ранее конца 1980-х гг. В названиях публикаций, индексированных в системе Scopus с 1966 г., совместное появление

слов «кризис» и «психология» появляется 49 раз. Двадцать из этих публикаций не относятся к нашей тематике, — это работы о психологических кризисах личности, психологии травматических переживаний и пр. Оставшиеся 29 публикаций, посвященные проблеме методологического кризиса в психологии, располагаются по времени равномерно, одна-две каждый год, начиная с 1987 года! С 1966 по 1987 нет ни одной! А начиная с 1987 г., публикации появляются регулярно. Факт формирования в литературе соответствующего дискурса мы считаем важнейшим проявлением наступившего методологического кризиса. Таким образом, по нашему мнению, причины современного кризиса в мировой науке следует искать, исходя из предположения, что кризис сформировался в конце 1980-х гг.

Представляется существенным, что современный кризис психологии протекает на фоне общего кризиса гуманитарного знания. С конца 80-х гг. в литературе явно проявляется дискурс последнего [Auerbach, 2006; Oak 2007; Warren 2006]. На этот факт до сих пор не было обращено достаточное внимание психологов. Мы полагаем, что его учет может в существенной степени пролить свет на причины и природу современного кризиса в нашей науке [Мироненко, Сорокин, 2015].

Едва ли не самые тяжелые симптомы кризиса обнаруживает сегодня мировая социология [Turner S., Turner J., 1990; Sociological Forum, 1994; Cole, 2001; Berger, 2002]. Особенно усилился кризисный дискурс за последние пять лет. С 2007 г. в названиях публикаций, индексируемых в системе Scopus, совместное появление слов «кризис» и «социология» встречается 31 раз [Мироненко, Сорокин, 2015]. В 2012 г. журнал «Социология», издаваемый Британской социологической ассоциацией, выпустил специальный номер [Sociology, Vol. 46 (6)], посвященный кризисным явлениям в современной социологии.

Методологи констатируют падение престижа социологии и рост сомнений в ее ценности. В фокусе академических дискуссий социологов следующие проблемы развития мировой социологии [Мироненко, Сорокин, 2015]:

- эмпирический кризис — неудовлетворенность методами и результатами эмпирических исследований [Savage, Burrows, 2009];
- теоретический кризис — утрата творческого воображения, отсутствие креативности, порождения новых подходов [Gane, 2012];
- кризис предметной области — уход от важных проблем современности, мелкотемье [Boise, 2012].

Известный английский социолог Николас Гейн отмечает, что современная социология страдает двумя «вечными болезнями», которые впервые описал Чарльз Миллс в 1959 г., а тридцатью годами позже снова диагностировал Пьер Бурдье: «абстрактный эмпиризм» и «большие теории».

«Абстрактный эмпиризм» проявляется в утрате ориентации на актуальные проблемы социального развития в силу «фетишизации» метода, когда вместо того, чтобы пытаться взглянуть на эмпирическую реальность непредвзято, ученый подменяет ее заранее сформулированной концептуальной схемой, лабораторной абстракцией. Эта абстракция позволяет строго следовать детально проработанным исследовательским приемам при резком ограничении свободы автора в постановке проблемы и выборе методов, влекущем за собой снижение чувствительности к ключевым проблемам современности.

Анализируя обширный круг публикаций, Н. Гейн выделяет два аспекта абстрактного эмпиризма в современной социологии: кризис воображения (некритическая приверженность старым исследовательским методам) и кризис измерения (значимость академических эмпирических исследований для общества падает, в практических целях все чаще используются опросы, проводимые вне академического сообщества).

Недуг «больших теорий» проявляется в том, что для исследователя, их применяющего, характеристики реальности легко «подгоняются» под готовую всеобъемлющую модель и, таким образом, утрачивают свое значение. В конечном счете незаметно для самого исследователя подобие модели и реального мира полностью утрачивается. По мнению Н. Гейна, особенностью проявления этого «недуга» в современной социологии является кризис порождения идей, отсутствие новых теорий на фоне несоответствия старых концепций современной реальности.

Две болезни, «абстрактный эмпиризм» и «большие теории» приводят к отрыву социологии от реальных проблем современного мира и лишают исследования практической значимости [Мироненко, Сорокин, 2015].

Нетрудно увидеть, что кризисный дискурс в современной социологии во многом подобен дебатам о кризисе психологической науки. Случайно ли две науки, предметные области которых в большой мере соприкасаются, одновременно констатируют свое состояние как кризисное? По нашему мнению, имеют место общая природа и общие причины современного кризиса и анализ, проведенный социологами, может пролить новый свет на проблему методологического кризиса в психологии и помочь выявить его причины.

В социологическом дискурсе имеются различные подходы к вопросу о причинах современного кризиса [Мироненко, Сорокин, 2015]:

1) «традиционное» объяснение, в терминах «вечных болезней» социологии [Gane, 2012; Steinmetz, Chae, 2002];

2) «институциональное» объяснение, когда причины кризиса видят в несовершенстве существующих социальных институтов науки, в неэффективной институциональной организации социологии [Hollands, Stanley, 2009; Vaughan, Sjoberg, Reynolds, 1993; etc.];

3) «историческое» объяснение, когда причину видят в радикальных изменениях в социальной реальности, которая не укладывается в рамки сложившихся теорий и подходов [Atkins, Lury, 2009; Back, 2012; Beck, 2000; Giddens, 2007; Lash, 2009; Urry, 2003].

В то время как первые два объяснения в существенной степени подобны содержанию дебатов о кризисе психологии, третье представляется достаточно новым для нас и заслуживает пристального внимания [Мироненко, Сорокин, 2015].

В соответствии с представленными здесь теориями, мы живем сегодня в мире, принципиально отличном от реальности, описанной в социологических теориях, созданных в XX веке. Это и делает невозможным адекватное описание современной реальности старыми теориями и методами. Современный социум представляется как «открытая, нелинейная и находящаяся в непрерывном движении» система [Adkins, Lury, 2009, p. 16], где социальные процессы в высокой степени

непредсказуемы и подвижны [Lash, 2009, p. 185]. В этих условиях классический вопрос, на который искали ответ классические социологические теории: «Как устроено общество?», — уже не может быть поставлен, так как его постановка предполагает аксиоматическое представление о том, что некое общество (как устойчивая система социальных отношений, взаимодействий и структур) *существует*. В современных условиях перед социологом стоит задача не выявить, по каким законам общество существует и развивается, но признать, что общества в его прежнем понимании больше не существует, и сфокусироваться на зарождающейся новой социальной реальности. Таким образом, главным становится «уловить и описать сущность современного социума в его неопределенности» [Lash, 2009, p. 185].

Конец XX века называют временем «второй эпохи модерна», когда социологии необходим «космополитический взгляд и способность принять инакость другого» [Beck, 2000; Beck, Sznaider, 2006], противопоставляемая «ложному универсализму» [Bhambra, 2007, p. 155].

В профессиональном сообществе социологов активно обсуждается предположение, что причину современного кризиса следует искать в несоответствии предлагаемой научной картины мира современной реальности, игнорирование или недооценка радикальности изменений, произошедших в социуме за последние десятилетия [Мироненко, Сорокин, 2015].

В дискуссиях психологов эти идеи на сегодняшний день не нашли достаточного отражения, не обсуждаются вопросы утраты соответствия теоретических моделей современной действительности. Причина этого в том, что в нашем профессиональном сообществе доминирует, осознанно или бессознательно, установка на исследование «вечной» природы человека, вера в то, что существуют некие постоянные общечеловеческие качества (например ценности) и эти качества лишь слегка, поверхностно, изменяются, в зависимости от внешних (в том числе социальных) факторов. Не настала ли пора вслед за социологами понять, что социальная природа человека за последние десятилетия претерпела столь же радикальные изменения, сколь и социум, в котором он существует? Отказаться от устоявшихся теоретических схем, не соответствующих современной реальности?

Представляется, что важным фактором в развитии современного кризиса психологии являются радикальные изменения в культуре, которые не укладываются в рамки теорий, разработанных ранее, и значимость которых недооценивается психологическим мейнстримом в силу метафизичности доминирующих в мейнстриме подходов к проблеме биологического и социального в человеке.

Как неоднократно было отмечено в литературе [Castro, Lafuente, 2007; Marsella, 2012; Moghaddam 1987; Rose 2008], мейнстрим современной мировой психологической науки развивался на базе исследований человека, принадлежащего к современной западной культуре XX века, воспитанного в ней. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. В силу сложившегося стереотипа рассматривать человека западной культуры в качестве человека вообще, в западном мейнстриме доминирует тенденция к размыванию границ между социальным и биологическим в человеке. Культура при этом рассматривается как своего рода надстройка над биологией, а единство биологического

и социального в человеческой психике — как раз и навсегда сложившееся, непротиворечивое и постоянное.

В литературе по современной культурной и кросс-культурной психологии, где большое внимание уделяется исследованиям развития речи, обеспечивающей для младенца овладение культурой, нам не известны попытки поставить вопрос: «В чем заключается различие между тем, как овладевает речью человеческое дитя и детеныш животного, в чем различие в процессах коммуникации с матерью ребенка и животного?» А заданный в устной дискуссии, вопрос этот воспринимается как неуместный, не позволяющий дать на него сколько-нибудь определенный ответ.

Между тем ответы были предложены.

Сигналы, которыми обмениваются животные, понятны всем представителям вида, человеческие же языки различаются. Язык как основной механизм культуры выполняет не только объединяющую функцию, обеспечивая своим носителям возможность понимать друг друга, — он представляет собой еще и способ изоляции культур, обеспечивающий защиту культуры от внешних воздействий: человеческий язык — это и средство ограничить круг понимающих друг друга. Серж Московичи в качестве коренного, исходного проявления социальности называет разделение на своих и чужих. Известно, что близкое проживание разнородных культур, как, например, в районе Кавказа, приводит к языковой дивергенции. Разделяющую функцию языка особо подчеркивал и считал коренной Поршнев (1974). Сигналы человеческого языка условны и культурно специфичны; значения слов, их предметное содержание, опосредовано культурой. В этом коренное отличие «языка» животных от языка человека.

Еще одно важнейшее отличие заключается в том, что сигналы животных непосредственно соотносятся с витальными потребностями и эмоциями. В человеческом же языке связь слова с предметом опосредована культурой, уже не является прямой и неразрывной. Это открывает возможности для развития рефлексии, сознания и самосознания. Через посредство языка человек обретает новый тип реальности, состоящей из условных знаков и условных правил оперирования ими. Открытие этой реальности делает возможным выход за пределы ситуации, планирование и проведение трансформаций объективной действительности.

Следует отметить, что в мейнстриме игнорируется тот факт, что широко цитируемый там Выготский резко противопоставлял высшие психические функции, которые он называл «культурными» и считал специфичными только для человека, низшим, или «натуральным», которыми обладают и животные, и люди.

Известный британский социолог Николас Роуз пишет, что гуманитарным наукам сегодня необходимо пересмотреть их отношение к биологии, поскольку успешное развитие последней в XXI веке открыло возможность видеть в биологическом не фактор ограничения и фатальной предопределенности, но ресурс возможностей и потенциал развития [Rose, 2013].

Еще более необходимым для гуманитарных наук представляется сегодня пересмотреть их взгляд на культуру, социальное начало в человеке. Необходимо перейти от метафизических представлений и имплицитной веры в незыблемость человеческой природы к представлению о человеке как о непрерывно изменяющемся существе. Потому что социальное в человеке — это прежде всего способность

человека к изменениям, скорость и масштаб которых принципиально отличают человека от прочих живых существ. Человек является животным, однако это единственное животное, обладающее культурой, т. е. способностью к социокультурным адаптациям, которые несопоставимо превосходят по скорости прочие виды адаптаций, существующие в природе, и включают в себя возможность целенаправленного изменения среды своего обитания и самого субъекта.

Вызывает сожаление, что российская психология постсоветского периода в основном сместилась на заимствованные метафизические позиции, оставляя в прошлом радикально иную, и чрезвычайно актуальную, на наш взгляд, сегодня трактовку биосоциальной проблемы — уникальную теорию биосоциального единства человека, сложившуюся в советской психологии. В основу этой теории заложена исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России в отечественной науке рубежа XIX–XX вв. (прежде всего в работах великих русских физиологов) традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, традиция понимания социального как отмены, запрещения биологически естественного, понимания социализации как запрета природного и естественного поведения, понимания культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы.

Основу подхода составило открытие И. М. Сеченовым центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, «способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам с тем, чтобы следовать собственной программе» [Ярошевский, 1996].

Произвольность человеческого поведения, его волевой характер, несводимость к отдельным непосредственным актам-реакциям и возможность их оттормаживания были в центре внимания Ухтомского. Открытие И. П. Павловым механизма условных рефлексов позволило объяснить, как взамен естественной системы реакций возникает новая система, в основе которой уже не законы природы, но условные законы внешней ситуации, интериоризируемые индивидом. Особое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие Павловым второй сигнальной системы. Слово как особый вид социально условного сигнала становится главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведение и сознание законам уже не природы, но, часто вопреки этим законам, социуму и запечатленной в языке культуре.

«Учение о борьбе за существование, — писал К. А. Тимирязев, — останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека одна борьба — с борьбой за существование» [Тимирязев, 1949, с. 54].

В. А. Вагнер (1849–1934), основоположник и классик отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения у животных именно в способности последних действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» [Вагнер, 1998, с. 184]. У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам:

«У человека способности разумные подавляют инстинкты тем легче, <...> чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» [Вагнер, 1998, с. 185].

Диалектическое понимание природы человека воплощено в сравнительно-психологической концепции эволюционного развития человека Б. Ф. Поршнева [Поршнев, 1974]. «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического» [Поршнев, 1974, с. 17] — антиномия, которую он решает. Решение основано на идее инверсии, когда некоторое качество дважды превращается в свою противоположность, подпадая под формулу Фейербаха «выворачивание вывернутого». Возникновение человека, следуя этой логике, надо представлять как «перевертывание» животной натуры в такую, с какой люди начали свою историю. Затем начинается собственно человеческая история, которая может быть представлена как «перевертывание» природы этого промежуточного звена: «На заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным типом, но и представлял его противоположность. Только если понимать дело так, между этими полюсами протягивается действительная, а не декларируемая словесно дорога развития» [Поршнев, 1974, с. 16–17].

Ярким представителем российской психологии была Н. Н. Ладыгина-Котс, чьи труды принесли российской науке мировое признание и составляют ее славу. Будучи приверженной идеям Ч. Дарвина, которого она считала основным своим учителем, Ладыгина-Котс занимает прямо противоположную ему позицию, выделяя в отличие от него качественное несходство обезьяны и человека: «Не не совсем человек, а совсем не человек» (1923).

Проблема специфичности человеческой психики, ее отличий от психики животных была важнейшим предметом исследований советских ученых. В основу понимания данных отличий как радикальных и качественных была положена теория К. Маркса, которая парадоксальным образом соединяет в себе последовательную естественнонаучность и социоцентризм. Человек в теории Маркса рассматривается, с одной стороны, как закономерный результат эволюции животного мира, законы его поведения определяются законами природы. С другой стороны, взаимодействие человека с природой опосредуется специфическим, тоже закономерно в эволюции возникшим образованием — социумом, культурой, — которое преломляет человеческое развитие в направлении, заданном культурой. Таким образом, направление, в котором действует естественный отбор, теперь определяется востребованностью обществом тех или иных качеств, не обязательно биологически полезных. В работах советских методологов подчеркивалось, что единство биологического и социального в человеке имеет в своей основе противоречия, которые порождают диалектическое развитие как культуры, так и биологии человека. Эти идеи созвучны запросу современности.

Доминирующий в современном мейнстриме метафизический подход к проблеме биологического и социального в человека не соответствует реальности современного изменяющегося мультикультурального мира. Необходимость преодоления старых стереотипов сегодня становится очевидной.

Важнейшим фактором кризиса в современной мировой психологии является дивергенция представлений о ценностях и нравственных ориентирах в ситуации

сложного многообразия и растущей интенсивности взаимодействия культур в современном обществе. Мировое развитие в XX и XXI вв. уже показало, что попытки навязывания всему миру единых культурных стандартов, в том числе и в первую очередь стандартов морально-нравственных оценок, идеи глобализации как всеобщего распространения единого типа культуры — не жизнеспособны. Следует искать иные пути сосуществования и взаимодействия культур, которые обеспечили бы сохранение и развитие каждой из них, возможность интеграции в едином контексте человеческой цивилизации.

Для понимания природы нравственности, какой она предстает в поликультурном мире, особое значение приобретает нравственная коллизия, возникающая в ситуации общения людей, которые принадлежат к культурам, воплощающим различные нравственные ценности и ориентиры. Такая ситуация не является новой и неизвестной ранее. В качестве примера данной нравственной коллизии можно привести сюжеты поэм Важи Пшавела «Гость и хозяин» и «Алуда Кетелаури», известные нам и по фильму «Мольба» Тенгиза Абуладзе. В такой ситуации оказываются противопоставлены интересы и нормы общности, как культурной, так и биологической, к которой принадлежит герой, и те нормы и интересы, которые порождаются ситуацией общения с «чужаком», что неожиданно высвечивает подлинно человеческую природу нравственного поступка.

Ситуация общения людей, принадлежащих к враждебным друг другу в мировоззренческом плане общностям, не является новой в истории, однако только сегодня она становится повсеместной и постоянной, в то время как раньше «межкультурное» общение людей было строго регламентировано теми или иными видами взаимодействия. Если раньше в каждой культуре существовали и были общеизвестны правила и нормы общения с «чужаками» и контакты такого рода контролировались общностью, то сегодня межкультурное общение происходит повсюду, постоянно и вовлечен в него каждый, в то время как правила отсутствуют. В такой ситуации можно ожидать, что, чем больше уверенность людей в безотносительном характере нравственных ценностей, которых они придерживаются, тем чаще и со все более тяжкими последствиями будут происходить межкультурные конфликты.

Нравственность возникает с появлением человеческого общества, культуры, и суть ее состоит в противоречии между естественным и должным. Нравственность существует как специфический социально-психологический феномен, который с необходимостью возникает именно тогда, когда культура и природа входят в противоречие, когда общественные нормы требуют, чтобы поведение было «неестественным», требуют оттормаживания как непосредственных природных импульсов и инстинктов, так и ставших автоматизмами социальных навыков. Именно это противоречие порождает нравственную проблематику как специфическую коллизию, которая и служит предметом психологических исследований.

Нравственность — не природное явление и не установка общности, поэтому, задача поиска нравственных ориентиров не решается ни в плоскости отдельно взятого природного начала в человеке, ни в плоскости анализа отдельной культуры. Возможно, окажется плодотворным путь, намеченный в трудах С.Л. Рубинштейна, который писал, что специфический характер нравственности состоит «во всеобщем, общечеловеческом соотносительном характере моральных положений,

которые не существуют только применительно к жизни одного данного человека» [Рубинштейн, 2003, с. 78]. Возможно, в ситуации изменяющегося поликультурного мира следует добавить: *не существуют применительно к жизни одной данной общности*? Возможно, окажется плодотворным обращение в поиске нравственных ориентиров не к личности и не к общности как к целому, изначально наделенному данными ориентирами, а к иному базовому для социальной психологии феномену — к феномену общения, в котором результат принципиально не задан характеристиками ни одной из сторон, но рождается каждый раз заново из встречного тока их активности?

Проблема биологического и социального в человеке относится к числу вечных проблем психологической науки. Развитие психологии всегда изобиловало драматическими разрывами и дискуссиями, уже в силу ее положения на стыке естественных и гуманитарных наук, методы которых, как известно, существенно различны. Дискурс противостояния психологии «понимающей», гуманитарной, телеологической, и психологии естественнонаучной, каузальной, сопровождает бесконечные дебаты о критериях научности знания. Сегодня в литературе широко обсуждаются различные варианты решения этого давнего спора [Driver-Linn, 2003; Goertzen, 2008; Hunt, 2005; Walsh-Bowers, 2010; Zittoun, Gillespie, Cornish, 2009]. Неоднократно высказывалась мысль о закономерности разрыва двух типов психологии в современной науке [Bower 1993; McNally, 1992; Мироненко, 2008], о том, что сегодня имеет место объективно протекающий процесс дифференциации предметных областей, переходящий в их институционализацию уже не как отраслей единой науки, а как отдельных наук, с соответствующим закреплением профессионального сообщества и теоретико-методологического оснащения, который уместно сравнить с тем, как в XVIII веке произошло разделение единого естествознания на химию, физику и другие естественные науки.

В то же время серьезные аргументы имеются и в пользу сохранения психологией статуса единой науки, на пересечении наук естественных и гуманитарных, диалектическое единство и борьба тенденций в развитии которых «составляют источник развития психологической науки и придают ей тот динамический плюрализм, который открывает перспективы новых открытий и научных прорывов. Потому что психология *является* единой дисциплиной, которая рождается из процесса этого диалектического напряженного взаимодействия» [Hunt, 2005, p. 372].

Сможет ли психология выдержать напряжение этого «динамического плюрализма»? Но, какими бы ни были границы психологии, выход из современного методологического кризиса настоятельно требует пересмотреть доминирующие в мейнстриме подходы к биосоциальной проблеме и расстаться со стереотипами непротиворечивости и постоянства биосоциального единства «вечного» человека.

Глава 5
Современные методологические дискуссии в Российской психологической науке

5.1. Дискуссия о предмете психологии

Вопрос о предмете психологии сегодня закономерно находится в центре внимания ученых: его постановки требует логика развития психологической науки. Этот вопрос для современной российской психологической науки не просто важный и актуальный — это вопрос важнейший и главный. Не случайно в литературе на протяжении последнего десятилетия наблюдается лавинообразный рост числа публикаций. Стало очевидным, что «проблема предмета психологии — центральная методологическая проблема всей (в особенности новейшей) психологии» [Мазилов, 2004, с. 207].

Более века назад именно с разногласий в отношении предмета начался так называемый кризис психологии, когда мировая психологическая наука фактически распалась на независимые «империи», в контексте которых относительно изолированно продолжалось ее развитие на протяжении всего XX века. Бурные дискуссии о предмете периода открытого кризиса не привели к общему, приемлемому для всех решению [Выготский, 1982].

В современной мировой психологической науке сейчас доминирует тенденция к интеграции, важнейшим фактором которой стало развитие психологической практики во второй половине XX века, становление психологии как профессии, что настоятельно требует единых стандартов в этой области. Смена ведущей тенденции, поворот от изоляции к диалогу позволяют утверждать, что кризис психологии в вышеназванном его понимании завершен [Мироненко, 2004]. Таким образом, круг замкнулся, и психология вновь, на новом этапе развития, в посткризисный период, стоит перед задачей определения своего предмета, определения, на основе которого станет возможной интеграция школ и направлений в контексте единой мировой психологической науки.

Для отечественной школы современный период имеет особый, в определенном смысле парадоксальный характер. Во-первых, изоляция отечественной школы периода кризиса усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития страны, возникшим языковым барьером. Это была особого рода изоляция, в которой, наряду с общей для всех школ тенденцией замыкания внутри себя, преимущественного обмена информацией внутри школы, присутствовал и специально созданный государством барьер, препятствующий выходу информации за пределы школы. И сегодня отечественная психология остается недостаточно известной

зарубежным коллегам. Отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях. Это делает проблему интеграции в единый контекст мировой науки особенно и специфически сложной для российской науки.

Во-вторых, в советской России развитие психологии с помощью идеологического пресса, отчасти насильственно, удерживалось в рамках единого направления. В настоящее время отечественная психология уже не является монометодологической областью знания, объединенной единой парадигмой. Развитие бурно растущих прикладных отраслей психологической науки в современной России происходит преимущественно на основе иных подходов: гуманитарных, заимствованных из смежных наук, ассимилированных из зарубежной психологии. Фундаментальные теоретические работы также не ограничиваются руслом направления, сложившегося в советский период. Таким образом, современный период стал и временем распада прежде единой отечественной школы.

Все это делает вопрос о предмете психологии вдвойне актуальным и драматичным для российского профессионального психологического сообщества: это вопрос не только интеграции теорий мировой науки, но и вопрос возможности или невозможности воссоединения еще недавно единого отечественного профессионального сообщества.

Для того чтобы в процессе интеграции сложилась единая мировая психологическая наука, ученые, принадлежащие к различным школам, должны определить в качестве своего предмета нечто приемлемое для всех, что позволит обмениваться информацией и конструктивно обсуждать общие вопросы. Предлагаемое сегодня определение предмета должно быть достаточно широким — в этом нельзя не согласиться с В.А. Мазиловым [2004] — и, главное, не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других неприемлемых. Мне представляется бесперспективным сегодня предлагать сложившиеся в отдельных школах «частные» варианты решения, не позволяющие вписать в рамки декларируемого предмета исследования психологов, не принадлежащих к данному направлению, как бы продуктивны эти определения не были «во внутреннем пользовании» школ. Поведение, деятельность, мозговые механизмы, сознание, бессознательное и др. — прекрасные конструкты. Исследования в русле, определяемом ими, существенно обогатили психологию, фактически из этих исследований сложилась современная психология. Но ни одно из этих понятий не годится в качестве определения общего предмета психологии, так как ни одно из них не позволяет интерпретировать и полноценно интегрировать достижения психологии, полученные за пределами «родной» школы.

Не напоминают ли попытки определения общего предмета психологии ловлю в темной комнате черной кошки, которой там нет? О том, что такой предмет в действительности существует, убедительно свидетельствует практика: становление профессии психолога во второй половине XX века как профессиональной деятельности в единой предметной области психологии; работа международных научных и научно-практических союзов и объединений психологов, принадлежащих

к разным школам, в частности таких крупных и успешных, как International Union of Psychological Science (IUPsyS), International Association of Applied Psychology (IAAP), American Psychological Association (APA) и др., сфера деятельности которых включает в себя и издание широкого круга научных журналов, и проведение представительных научных форумов; логика развития профессионального психологического образования, где стандарты становятся все более общими в разных университетах и странах. Практика убедительно свидетельствует о наличии единого общего предмета исследования, изучения, регуляции для специалистов-психологов, принадлежащих к самым разным школам и направлениям. Проблема в том, что не удается найти приемлемое для всех его определение. Трудности в решении этой задачи убедительно свидетельствуют о необходимости здесь специального теоретического исследования, разработки, по выражению В. А. Мазилова, «концепции предмета» [Мазилов, 2004].

В поисках широкого, обобщающего определения предмета психологии многие российские психологи обращаются сейчас к понятию Души. Знакомство, например, с работами, вошедшими во второй том Трудов Ярославского методологического семинара [Труды... 2004], целиком посвященный проблеме предмета психологической науки, показывает, что именно в этом направлении движется сейчас наиболее целеустремленный, активный и сплоченный отряд наших методологов. И. П. Волков предлагает использовать понятие души «в качестве базового концепта, методологического принципа психологии, необходимого для адекватного теоретического отображения источника психической реальности» [Волков, 2004, с. 37]. По его мнению, именно «понятие о душе, как общетеоретическая категория психологии, могло бы снять проблему междисциплинарной несовместимости в психологии» [Волков, 2004, с. 34]. В. И. Зацепин, который видит будущее нашей науки в русле развития так называемой интегральной психологии, допускает, что «генеральным предметом интегральной психологии может стать именно душа» [Зацепин, 2004, с. 95]. В. И. Зацепин называет в числе тех, кто призывает к возврату психологии к душе в качестве своего предмета, И. П. Волкова, В. В. Козлова, А. И. Субетто, Н. П. Фетискина, В. Н. Шадрикова и других. Возможность использования категории души в психологии обсуждают в названном выше сборнике такие известные методологи, как В. П. Зинченко (2004) и В. А. Мазилов (2004).

Примечательно, что развернутая аргументация в пользу категории души практически не встречает возражений. Наиболее скептически настроенные авторы лишь высказывают сомнения в том, что введение категории души позволит решить все методологические проблемы современного развития науки и немедленно приведет нас к процветанию. На страницах сборника также дважды приводится предостерегающее высказывание М. Я. Ярошевского: «Когда ныне рушится вся привычная система ценностей, захлестываемая грозной волной бездуховности, возвращение к душе представляется якорем спасения. Но наука, в отличие от мифологии, религии, искусства, имеет свои выстраданные веками критерии знания, которое в основе своей является детерминистским, т. е. знанием причин, знанием закономерной зависимости явлений от порождающих их факторов, доступных рациональному анализу и объективному контролю» [Ярошевский, 1994, с. 96].

Однако прошло более десяти лет с тех пор, как были написаны эти строки. Современное состояние психологии в России существенно изменилось. Вопрос о том, может и должна ли психология быть наукой о душе, требует своего обсуждения и новых аргументов.

Возьму на себя смелость сказать, что я считаю обращение к категории души глубоко неверным шагом, не только бесполезным, но и весьма опасным для развития отечественной психологической науки.

Во-первых, содержание понятия «душа» не более определенно, чем содержание понятия «психика». Часто повторяемая в литературе мысль о том, что «психика» — плохое определение предмета науки, так как в свою очередь требует экспликации, полностью может быть отнесена и к понятию души. В работах сторонников использования этого понятия уже сегодня можно видеть как существенные разночтения, так и высочайшую степень неопределенности в отношении того, что же собственно предлагается называть душой.

Во-вторых, душа, как известно, полагалась предметом психологической науки на ранних этапах становления научного рационального познания, когда психология еще не выделилась, не «отпочковалась» от целостного способа понимания мира, присущего древним, не отделилась от житейского психологического познания, религиозного мировоззрения. На протяжении уже нескольких столетий понятие души не используется научной психологией в качестве специального термина, на что есть свои причины.

Понятие души в современной культуре неразрывно связано прежде всего с религией. В этой области веками разрабатываются представления о душе. Эти представления весьма определенны и существенно различны в разных религиях и конфессиях. Попытка использовать понятие души в качестве термина в интернациональной и построенной на единых законах человеческой логики науке, придать этому понятию единое и определенное значение, с одной стороны, привела бы к засорению науки вненаучными элементами, а с другой — оскорбила бы чувства верующих. Вот как, например, смотрит на проблему познания души Русская Православная Церковь: «Человеческая душа (*психэ* по-гречески) есть вечно живая умная сущность — *дух,* сотворенный Богом по Своему образу и подобию. Дух не поддается научному исследованию как физический объект или биологический феномен, но, обладая самосознанием, душа сама ощущает себя и выражает собственное бытие посредством мышления, речи, проявления воли и чувств» [Михайлов, 2005, с. 3].

Допустимо ли по отношению к такому явлению исследование, основанное на принципах детерминизма? Вера не знает сомнений и не нуждается в доказательствах: ей принципиально чужды эти неотъемлемые черты науки.

Какие последствия влечет за собой обращение к понятию души в качестве предмета психологического исследования, наглядно показывает опыт духовной психологии — направления, развивавшегося в России в конце XIX — начале XX века, предметом как раз и полагалась душа. Вера и знание признавались здесь тождественными как по их психологической природе, так и по логическому строению [Психологическая наука... 1997]. В рамках духовной психологии уделялось большое внимание обоснованию тезиса о том, что «самооткровение духа» может служить

источником его познания, «о чем свидетельствует обилие статей на эту тему, опубликованных в различных философско-религиозных, богословских и других изданиях» [Психологическая... 1997, с. 40]. Таким образом, интроспекция считалась методом исследования более приемлемым, чем методы объективные. Кроме того, в контексте названного направления утверждалась непрерывность процесса сознания: «Перерыв его равнялся бы прекращению жизни души» (В.А. Снегирев, цит. по: [Психологическая..., 1997, с. 40]). Существование бессознательных явлений отрицалось. С точки зрения и современных религиозных мыслителей, «ученые США и Западной Европы <...> погрязли <...> в мистике гештальтизма, экзистенциализма, пансексуальной мифологии Фрейда» [Михайлов, 2005, с. 7].

Очевидно, что весьма существенная часть современных психологических теорий в чем-то идет в разрез с религиозными представлениями. Можно ли рассчитывать, что такого рода представления позволят интегрировать информацию, накопленную школами? Более того, попытка столкнуть науку и религию имела бы для психологии самые тягостные и разрушительные последствия. Любые попытки утверждать что-либо о душе с позиций современной мировой психологической науки были бы справедливо с гневом отвергнуты религиозными мыслителями. Потому что душа не относится к явлениям объективно существующего реального мира, объяснить который призвана наука в единстве ее естественно-научных, точных и гуманитарных разветвлений. То, что люди называют душой, не доступно научному исследованию, а придумывать что-то новое и называть это душой в каком-то новом, «научном» понимании — не принесет ничего, кроме вреда и раздора.

Однако вряд ли у кого-либо на самом деле возникают сомнения, что понятие души не уместно в контексте современной психологической науки, понимаемой как детерминистское знание, которую невозможно представить себе без таких мощных школ, как бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология, экзистенциализм. Не уместно в контексте той международной науки, к которой относятся International Union of Psychological Science (IUPsyS), International Association of Applied Psychology (IAAP), American Psychological Association (APA) и другие профессиональные союзы психологов. Призыв провозгласить душу предметом психологии на самом деле означает призыв к полной перестройке и реформированию психологической науки. О какой же реформе идет речь?

Призыв избрать душу в качестве предмета психологической науки, на мой взгляд, стоит в одном ряду с известной концепцией «интегративной психологии» (К. Уибер, В.В. Козлов), в рамках которой утверждается «идея признания общего истока и глубинного единства всех представлений о психическом, включая не только психологические школы, но и мировые религии, различные духовные традиции, философские и психотерапевтические, эзотерические и профанические» [Козлов, 2004, с. 206]. В обоих случаях мы видим устремление людей науки к стиранию границ между психологической наукой и другими способами психологического познания, такими как искусство, религия, здравый смысл и возможные иные. Это нередкое сегодня явление основывается на сомнениях относительно того, должна и может ли психология быть наукой в полном смысле слова. В качестве аргументов

противного часто ссылаются на то, что психология не может соответствовать строгим критериям проверяемости, детерминизма, кумулятивности и др., которые предъявляются к подлинно научному знанию. Однако ни одна из наук не может считаться совершенной, в любой науке существуют противоречия, недоказанные гипотезы и т. п. В такой безусловно научной области знания, как физика, мирно сосуществуют классическая механика Ньютона и фактически ее отменяющая теория относительности. Каждая находит применение там, где она наиболее эффективна.

Критерии «научности» определяют направления развития теорий, правила, по которым они создаются и принимаются научным сообществом, и гарантируют само существование науки как специфической формы познания, а не совершенство, непротиворечивость и абсолютную истинность продукта науки — научного знания, которые никогда не могут быть достигнуты. Что касается постмодернистских тенденций в развитии психологии, либерализации в современной науке критериев научности знания, в моем представлении, под этим следует понимать не отмену правил, а их усложнение, переход к представлению законов психологии в терминах многомерных, многосвязных и нелинейных теоретических моделей. Постмодернистская психологическая наука остается наукой, и она ничуть не ближе к мифологии, чем классическая, подобно тому как теория относительности не более мифологична, чем классическая механика.

Современная психология сложилась как наука мультипарадигмальная. С самым глубоким уважением относясь к концепции коммуникативной парадигмы развития психологии, предлагаемой В. А. Мазиловым, в контексте которой, как предполагается, будут развиваться, научившись понимать друг друга, различные школы психологической науки, я не могу согласиться с предложением включить в процесс коммуникации на равных правах и вненаучные формы познания. «Проблема состоит в том, чтобы обеспечить возможности “рационального анализа” и “объективного контроля”, **если, конечно, мы хотим, чтобы психология оставалась наукой**» [Мазилов, 2004, с. 209]. Возможен ли рациональный анализ и объективный контроль в отношении «мировых религий, различных духовных традиций, философских и психотерапевтических, эзотерических и профанических»? Можно ли применить в научном исследовании «идею непротиворечивости» как принцип жизни и мышления научного сообщества, сформулированную, например, так: «... мы должны стремиться к объединению и жить в духе непротиворечивости» [Козлов, 2004, с. 206]?

Психология на протяжении всей своей истории движется между двумя соблазнами:

— избавиться от субъективности своего предмета, стать наконец «настоящей» наукой, исследовать объективно существующие явления;

— раскрыть загадку человеческой души: научно доказать, обосновать, что является смыслом человеческой жизни, что нужно человеку для счастья и к чему он должен стремиться, что есть добро и зло.

Полагаю, что как первое, так и второе невозможно, а попытка сделать движение к любой из этих целей основным вектором развития психологии ведет к разрушению психологической науки, к утрате ею своего подлинного предмета.

Путь к пониманию и определению предмета психологии на новом этапе ее развития лежит, на мой взгляд, через осознание очевидного.

«Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяется отчетливо и ясно — это наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т. п. — все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано», — писал С. Л. Рубинштейн.

«Научная психология изучает факты, механизмы и закономерности той формы жизни, которую обычно называют душевной», — говорится в двухтомнике А. В. Петровского и М. Я. Ярошевского «История и теория психологии».

Вряд ли кто-либо из коллег будет возражать против этих определений, всем хорошо известных, однако то, что споры о предмете не утихают, говорит о том, что данные определения не представляются коллегам достаточными. Почему?

Л. М. Веккер, лекции которого мне посчастливилось слушать, когда я была студенткой ф-та психологии ЛГУ, уже тогда, в 70-е годы XX века, придавал проблеме предмета огромное, основополагающее значение для развития психологии, однако рассматривал он эту проблему существенно по-иному, чем она ставится в большинстве современных работ. Л. М. Веккер обсуждал не формулировку, а содержание, сущность предмета психологии. Его интересовал сам процесс обретения и осознания психологией своего предмета: «Существует глубокая и все более отчетливо раскрывающаяся аналогия между фазами становления отдельных актов индивидуального человеческого познания (восприятия или мысли) и ступенями исторического развития научных понятий. Из экспериментальной психологии восприятия хорошо известно, что процесс формирования образа начинается с различения и далее идет через опознание к полному и адекватному восприятию данного объекта <...> Аналогичным образом <...> историческое становление научных понятий начинается именно с их различения. Так, формирование и развитие понятия *психического* явления или процесса естественно начинается с различения психического и непсихического, т. е. с противопоставления сферы психических явлений всему многообразию остальной реальности, которая в эту сферу не включается. Такое первичное различение по самому своему смыслу покоится на выделении исходной совокупности отличительных признаков, *общих* для всех процессов, относящихся к категории психических...» [Веккер, 1974, с. 9–10]. Л. М. Веккер справедливо полагал, что научное познание начинается с выделения эмпирических, феноменологических характеристик предмета (будем называть это определением вида А. За этим следует собственно научный анализ, итогом которого становится возвращение к предмету на новом витке: создание теоретической модели предмета, которая должна позволить объяснить его известные свойства и прогнозировать ранее не выявленные (определение вида Б).

Если обратиться к определению предмета психологии как мира душевных (психических) явлений, непосредственно переживаемой нами психической реальности, становится очевидным, что это определение феноменологическое (вида А). Споры же сегодня идут по поводу применимости в современной науке тех или иных определений теоретических моделей (вида Б). Таким определением было

классическое для советской науки определение психики: психика — системное свойство высокоорганизованной материи, являющееся особой формой активного отражения субъектом объективной реальности. Такого рода определение предлагает сегодня Н. И. Чуприкова: «...психология занимается воссозданием (воспроизведением, реконструкцией, построением моделей) содержания, структуры, динамики и закономерностей отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга на основе детального изучения ее внешних поведенческих проявлений в известных и контролируемых обстоятельствах» [Чуприкова, 2004, с. 104].

По нашему мнению, психология как наука мультипарадигмальная в принципе не может иметь в качестве определения своего предмета теоретическую модель (вид Б), неизбежно порожденную в рамках лишь одной парадигмы. Как показал Л. С. Выготский в своей удивительно актуальной сегодня, хотя и написанной в 1927 г. книге «Об историческом смысле психологического кризиса», расхождение психологических теорий как раз уходит своими корнями в различное понимание сущности предмета психологии. При этом традиционный психолог, как он писал, определяет в качестве психических явления непространственные и доступные восприятию и осознанию лишь самого переживающего субъекта. Рефлексолог выделяет в качестве предмета своего анализа факты поведения, соотносительной деятельности, рефлексы. Психоаналитики считают психическими явления, в основе которых лежит бессознательное, не доступное осознанию субъектом. Соответственно определены три разных предмета изучения — три разных области применимости теории, которые потребуют разработки трех различных понятийных систем для описания и анализа фактов. Предвидение Выготского, что, чем более успешно будут развиваться школы, тем дальше они будут становиться друг от друга, блестяще подтвердилось ходом истории психологической науки, когда этап открытого кризиса психологии, современный Выготскому, перешел в этап затухания, продолжавшийся более полувека. Чтобы понять друг друга разным теоретическим школам, необходимо вернуться к началу, к эмпирике, породившей теории.

Общим определением предмета мультипарадигмальной психологической науки может быть только определение эмпирическое (вида А), отражающее феноменологию общего предмета исследования, объединяющего различные по его теоретическому осмыслению школы.

Работа исследователей по созданию концепции предмета психологической науки сегодня должна быть направлена именно на осмысление и уточнение феноменологии психической реальности. Такая работа имеет место, однако остается пока не частым явлением. Так, задача «провести различение между психическим и непсихическим, определить, в чем заключается своеобразие психики в ее отличие от других явлений» ставится в работе И. Н. Карицкого [Карицкий, 2004, с. 138].

Существенное внимание анализу эмпирических характеристик психического уделял Л. М. Веккер. В его трудах [Веккер, 1974; 1998] приводится перечень выявленных им атрибутов психического, который заслуживает сегодня самого пристального внимания.

1. Предметность. Это исходный, критический по Л. М. Веккеру признак психического. Проявляется предметность в том, что «процессуальная динамика

механизма и интегральная характеристика результата в психическом акте отнесены к разным предметам: первая — к органу, вторая — к объекту. Так, восприятие, которое является функцией органа чувств, нельзя описать иначе, чем в терминах формы, величины и пр. воспринимаемого объекта. Это свойство Л. М. Веккер называл корневым свойством психики и великим парадоксом психического, парадоксом проекции, кардинально отличающим психические явления от явлений физиологических.

2. Субъектность. Внутренняя динамика сдвигов в состоянии органов-носителей, которые тот или иной психический процесс реализуют (мозговые процессы и пр.), остается совершенно скрытой, непредставленной в картине психического процесса. Прямое построение предметно-структурированной картины восприятия, чувства или мысли с их устойчивыми, инвариантными характеристиками из «материала» стандартных нервных импульсов или градуальных биопотенциалов и их динамики осуществлено быть не может. Добавлю, что современная наука предоставляет нам все больше свидетельств сложного системного и опосредованного характера связи психического и физиологического, а значит, невозможности полноценной интерпретации всей психологической проблематики на языке физиологии.

3. Чувственная недоступность. Психические процессы недоступны прямому чувственному наблюдению. Л. М. Веккер отмечает, что «вопреки долго существовавшему в традиционной психологии мнению, они скрыты и от прямого чувственного восприятия субъекта, являющегося их носителем». «Человек не воспринимает своих восприятий, — продолжает он свою мысль, — но ему непосредственно открывается картина их объектов <...>. Психический <...> процесс, воспроизводя картину предметной структуры своих объектов, сам по отношению к этой картине остается совершенно прозрачным и тем самым невоспринимаемым. Это прозрачность и невоспринимаемость психического процесса составляет такой же его необходимый атрибут, как и, наоборот, воспринимаемость фотографического, скульптурного, сценического или другого изображения в технике, природе или искусстве» [Веккер, 1998, с. 23–24]. Отметим, что трактовка Л. М. Веккера противоречит постулату о непосредственной данности психического его носителю, принятому в традиционной психологии и нередко возрождаемому в современной. Психическое здесь предстает лишь как средство, механизм познания объективной действительности, недоступное субъекту, как недоступны ему и физиологические механизмы психики, открытые внешнему объективному анализу. Из принятия или непринятия тезиса о чувственной недоступности психики (на мой взгляд, убедительно аргументированного Л. М. Веккером) следуют далеко идущие выводы в отношении как применимости интроспекции в качестве метода исследования психической реальности, так и — еще раз — возможности познания человеком души, если понимать под ней некую сущность, которая проявляет себя в психических (душевных) явлениях.

4. Спонтанная активность. Психическая активность прямо не вытекает ни из физиологии внутренних процессов организма, ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения. В ней нет также жестко фиксированной во всех ее конкретных реализациях программы, и субъект может действовать «на много ладов». Психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная.

Эмпирические признаки, которые выделены в цитируемых работах Л. М. Веккера, не закрывают проблему описания феноменологической реальности, вокруг которой выросла и сложилась современная психологическая наука и практика. Но они могут послужить основой для конструктивного обсуждения ученых, заинтересованных в установлении взаимного понимания и единого пространства общения в современный посткризисный период развития мировой психологии. Именно в этом направлении сегодня должны быть продолжены исследования «одухотворенного тела» и «овнешненного, объективированного духа» (цит. по: [Зинченко, 2004, с. 102]), основы которых были заложены А. А. Ухтомским, А. Н. Северцовым, И. М. Сеченовым, Н. А. Бернштейном и другими «верующими реалистами» (цит. по: [Зинченко, 2004, с. 102]). Феноменология психических явлений, ее анализ и уточнение, представляется сегодня той основой, на которой может строиться разработка концепции предмета в современной мультипарадигмальной психологической науке. Той основой, которая позволит представителям различных школ вести конструктивный диалог, понять друг друга и соотнести в едином предметном пространстве теории, разработанные на основе различных постулатов и методических приемов.

Таким образом, в своем видении разработки концепции предмета, мы исходим из необходимости решения двух основных задач современного этапа в развитии психологии: во-первых, интеграции направлений и школ в структуре единой мультипарадигмальной науки; во-вторых, сохранения психологией статуса и сущности науки, что требует размежевания с вненаучными формами психологического познания.

Определение предмета должно быть достаточно широким и не должно основываться на постулатах, принятых в одной из школ и для других неприемлемых. Таким определением сегодня, по нашему мнению, может быть только определение эмпирическое, отражающее феноменологию предмета исследования, объединяющего различные по теоретическому его осмыслению школы. Разработка концепции предмета психологической науки сегодня должна идти в направлении осмысления и уточнения феноменологии психической реальности.

Необходимо в дискуссиях о предмете перейти от споров о том, какое из предлагаемых определений является наиболее истинным, обоснованным (т. к. обоснования теоретических моделей покоятся на взаимно неприемлемых для направлений и школ психологии системах постулатов), к обсуждению соответствия предлагаемых эмпирических определений критериям научности.

5.2. Дискуссия о естественнонаучной и гуманитарной парадигмах в психологии

Актуальная ситуация в мировой психологической науке определенно сходна с той ситуацией, которую описывал Л. С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса». В обоих случаях выражена тенденция к интеграции школ и стимулом к этой интеграции является практика, жизнь. И в обоих случаях имеет место противостояние, даже борьба, естественнонаучного и гуманитарного направлений. Исторический смысл кризиса психологии по Л. С. Выготскому как раз

и заключается в борьбе двух направлений в психологии, которые он связывает: первое — с естественнонаучной методологией, второе — с гуманитарными науками.

Психология всегда была и остается двуликой, обращенной одним своим лицом к естественным наукам, другим — к гуманитарным. Такова особенность ее предмета. Связи психологии с естественными и гуманитарными науками одинаково вечны и неразрывны, однако есть между ними и существенное различие: если детерминистское, научное объяснение закономерностей психической деятельности человека опирается на данные естествознания, то науки гуманитарные: культурология, социология, искусствоведение и пр., — напротив, ищут опоры в психологии. С естественными науками психология в большей степени связана поиском объяснений причин психических явлений в русле вопроса «Почему?», что придает естественнонаучному направлению в психологии его известный каузальный характер. С гуманитарными — поиском ответа на вопрос «Зачем?», с которым к ней обращаются эти науки, откуда проистекает «понимающая», описательная природа гуманитарного направления: «У психологии обнаружились два лика, как у Януса: один — обращенный к физиологии и естествознанию, другой — к наукам о духе, к истории, социологии; одна наука о причинностях, другая — о ценностях» (Ланге, цит. по: [Выготский, 1982, с. 385]).

Такая двойственность психологической науки сама по себе не предполагает борьбы между «парадигмами» — обычно имеет место мирное сосуществование естественнонаучного и гуманитарного направлений в той или иной форме, как на уровне науки в целом, так и на уровне индивидуального сознания ученого, который обращается к достаточно широкой проблематике. Вспомним, например, В. Вундта с его описательным, гуманитарным подходом к человеческому сознанию и экспериментальным — к «низшим» психическим функциям.

Однако в некоторые моменты, кризисные в развитии психологии, возникает противостояние этих парадигм, борьба между парадигмами. Такой момент в развитии психологии отразил Л. С. Выготский, подобный момент, по моему мнению, наступил и сейчас.

Возьму на себя смелость сказать, что в моменты подобных кризисов, моменты борьбы естественнонаучной и гуманитарной парадигм в психологии, ярлык естественнонаучности или гуманитарности используется лишь условно, для обозначения и объединения под общим знаменем неких вступивших в борьбу на территории психологии сил, которые в данный исторический момент в большей степени сосредоточены либо в области гуманитарного направления, либо в области естественнонаучного.

Анализ Выготского показал, что в 20-е годы XX столетия борьба в психологической науке шла между идеализмом и материализмом: «...*психологий* существует *две*, т. е. два разных, непримиримых типа науки, две принципиально разные конструкции системы знания; все остальное есть различие в воззрениях, школах, гипотезах; частные, столь сложные, запутанные и перемешанные, слепые, хаотические соединения, в которых бывает подчас очень сложно разобраться. Но борьба действительно проходит только между двумя тенденциями, лежащими и действующими за спиной всех борющихся течений» [Выготский, 1982, с. 381]. Он заключает: «Создание общей психологии есть дело не соглашения, а разрыва» [Выготский, 1982,

с. 381]. Путем к выходу из кризиса Выготский считал «вынос за скобки» психологической науки ее «описательной», «понимающей», т.е. основанной на теории и методологии идеализма части. Эта часть психологии должна быть отдана области искусства, она и так «все больше уходит в роман <...>, в метафизику» [Выготский, 1982, с. 427].

Можно утверждать, что кризис, описанный Выготским, закончился победой материализма в мировой психологической науке. В ней утвердился материалистический ответ на основной вопрос философии: материальный мир объективно существует, независимо от нашего сознания.

Вопрос о взаимоотношениях в современной российской психологии естественнонаучной и гуманитарной парадигм — явная болевая точка в сегодняшнем состоянии нашей науки. В статье А.В. Юревича обозначена авторская позиция «признания господства в современной психологии, по крайней мере, в отечественной, гуманитарной парадигмы и защиты естественнонаучной парадигмы, оказавшейся в осадном положении» [Юревич, 2005 б, с. 147].

При чтении статьи Юревича сразу же возникает вопрос: чем и как определяется разделение психологических теорий и практик на естественнонаучную и гуманитарную парадигмы? Идет ли речь о традиционно понимаемых естественнонаучном и гуманитарном направлениях? Этот вопрос возникает сразу же и — остается без ответа. С одной стороны, на с. 149 мы читаем, что одна из парадигм «ориентирована на естественные науки, а вторая — на социогуманитарные», что составляет основу традиционного разделения психологии на гуманитарное и естественнонаучное направления. С другой — множество характеристик, которые даются той и другой парадигмам на протяжении статьи, вряд ли могут быть безусловно отнесены к этим направлениям в традиционном их понимании.

Понятия «естественнонаучная парадигма» и «гуманитарная парадигма» оказываются неоднозначными, внутренне противоречивыми. В их содержании переплетаются сущностные положения и предвзятые оценки. Полагаю, что ключом к раскрытию **значений**, вкладываемых в данные понятия в контексте современных дискуссий, может послужить анализ **порождающих эти понятия смыслов**.

Борьба каких сил в современной отечественной психологии стоит за противостоянием естественнонаучной и гуманитарной «парадигм»? Чтобы найти ответ на этот вопрос, обратимся к представленной в другой статье А.В. Юревича модели отношений видов познания, «которые преподносятся массовому сознанию от имени психологической науки» [Юревич, 2005 а, с. 151]: естественнонаучная парадигма в психологии — гуманитарная парадигма — практическая психология — «поп-психология» — парапсихология. С одной стороны, эта модель, которую автор называет «континуумом», в сфокусированной форме отражает действительно существующие в настоящее время связи и отношения. С другой — привносит много противоречий в привычный психологу образ его науки и заставляет искать ответы на встающие вопросы.

Характеристики и оценки, даваемые данным направлениям в работах Выготского и Юревича, с одной стороны, сходны, с другой — разительно отличаются. Так, практическая психология в книге Выготского тесно связана с естественнонаучным

направлением, а у Юревича оказывается ближе к гуманитарной парадигме. Сам Выготский себя относит к естественнонаучному направлению, а у Юревича оказывается принадлежащим к гуманитарному.

Далее, А. В. Юревич цитирует шесть отличительных признаков гуманитарной парадигмы, противопоставляемой парадигме естественнонаучной, приводимых в вышедшей в 1988 г. книге “The Social Psychology of Knowledge” (D. Bar-Tal, A. Kruglansky (eds.), цит. по: [Юревич, 2005 б, с. 148]):

1) отказ от культа эмпирических методов;
2) признание научным не только верифицированного знания, подтвержденного «внесубъектным» эмпирическим опытом;
3) легализация интуиции и здравого смысла исследователя;
4) возможность обобщений на основе частных случаев;
5) единство исследования и практического воздействия;
6) изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст».

Нельзя не увидеть, что образ естественнонаучного направления здесь оказывается карикатурно искаженным. Сразу же возникает целая серия, вопросов.

— Как быть с общепризнанной ориентированностью отечественной естественнонаучной психологии на изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст»? Следует ли признать теорию сенсорно-перцептивной организации Б. Г. Ананьева, например, принадлежащей к гуманитарной парадигме?

— Разве нуждаются здравый смысл и интуиция исследователя в легализации в рамках естественнонаучного направления, если они вполне легально используются и в самих естественных науках. Достаточно вспомнить известную историю открытия периодической таблицы Менделеевым, самоанализ математического творчества А. Пуанкаре и пр.?

— Разве не используется широко в естественнонаучном направлении возможность обобщений на основе частных случаев? Разве не стали классикой естественнонаучного направления отечественные и зарубежные исследования развития детенышей обезьян, помещенных в условия, подобные создаваемым для человеческого ребенка, как и описания развития человеческих детей, выросших волею судьбы среди животных? Разве анализ частных случаев не является одним из ведущих методов нейропсихологии?

Неужели приписываемые здесь гуманитарной парадигме характеристики действительно несовместимы с той теорией и методологией, которая «еще недавно полностью доминировала в нашей психологии» [Юревич, 2005 б, с. 147]? Сравним образ приведенной выше естественнонаучной парадигмы [Bar-Tal, Kruglansky, 1988] с описанием отечественной школы в трудах ученых ИП РАН [Психологическая наука... 1997; Кольцова, 2002]. В числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В. А. Кольцова называет:

— высокую теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций;

— единство теоретического и эмпирического уровня в структуре научного знания;

— целостный взгляд на психические явления, реализующийся в принципах комплексного и системного подходов.

Привязка парапсихологии к гуманитарному крылу, а не к естественнонаучному в модели Юревича также не кажется бесспорной. Парапсихология во многом оперирует понятиями, заимствованными именно из наук естественных, выдвигает «естественнонаучные» объяснения описываемых феноменов.

Поиск ответов на эти и другие возникающие вопросы позволяет обнаружить скрытые в современной отечественной психологии противостоящие друг другу силы, подобно тому как отклонения орбит небесных тел от расчетных указывают нам на невидимую планету.

Ключом к пониманию сложившихся в современной России отношений между названными выше видами психологического познания может служить анализ места и роли психологической науки в современном российском обществе и порождаемых ситуацией взаимодействия с обществом проблем в развитии науки. Не следует забывать и о том, что идеи вырастают из мотивов и за идеалами стоят интересы. Процессы, происходящие в современной российской психологической науке, во многом определяются социальной реальностью, в которой эта наука существует, и отражают противоречивые интересы взаимодействующих в этом поле людей. Понимание сущности, причин и грядущих последствий происходящего сейчас размывания границ научного и ненаучного психологического познания в России невозможно без учета социального контекста развития науки.

Под этим углом зрения рассмотрим вопрос о взаимоотношении видов познания, которые выстраивает в модель-континуум А. В. Юревич: естественнонаучная парадигма в психологии — гуманитарная парадигма — практическая психология — «поп-психология» — парапсихология.

Выготский сделал вывод о ведущем значении практики в развитии психологического кризиса начала XX века, и сегодня снова становится очевидной ключевая роль практики для понимания процессов развития теорий [Выготский, 1982].

Наука обеспечивает и порождает специфический род человеческой практики — целенаправленное и опосредованное преобразование действительности. Опосредованное системой научных методов, принципов, законов и закономерностей, которые составляют существо и содержание науки, отвечают принципам детерминизма и кумулятивности, рациональности и верифицируемости, а также — главное — гарантировано обеспечивают результат. Если в отдельных случаях научные законы выступают как тенденции и имеют вероятностный характер, это не меняет сути дела, они остаются законами.

Именно развитие науки позволило человечеству за несколько тысяч лет — ничтожный срок для существования жизни на Земле — многократно расширить ареал своего обитания, размножиться и стать доминирующим видом. О том, в какой мере мифологична идеализация «природных» способностей человека к выживанию и насколько человечество своим положением доминирующего вида на Земле действительно обязано науке как особой форме детерминистского, рационального, эмпирически проверяемого познания, можно судить, например, по следующим фактам. «Ускоренный рост численности населения начался примерно 8000 лет

назад с развитием земледелия, благодаря которому стала возможной жизнь в городах. В нынешнюю фазу, характеризующуюся колоссальным ростом численности населения и освоением все новых районов, человечество вступило лишь в самое последнее время, с развитием индустриализации <...>. Общее число людей в эпоху неолита определяют примерно в 5 млн., а в период появления первых крупных городов — в 20–40 млн. Современному виду Homo sapiens потребовалось около 20000 лет, чтобы достичь численности 200 млн. (во времена Римской империи). В последующие 1500 лет (к 1600 г. н.э.) население земного шара возросло до 500 млн., спустя еще 200 лет — более чем удвоилось (около 1 млрд. в 1800 г.)» [Харрисон и др., 1979, с. 582]. В наши дни на земле проживает около 7 млрд. человек.

Не стоит забывать и о колоссальном увеличении продолжительности жизни человека на протяжении жизни последних нескольких поколений.

Авторы изданной Оксфордским университетом в 1977 г. монографии «Биология человека» отмечают: «Человек как биологическое существо добился решающего успеха лишь недавно, лишь в самое последнее время. Люди обычно забывают или недостаточно ясно представляют себе, насколько непрочным было их положение на Земле в первые тысячелетия их существования» [Харрисон, Уайнер, Тэннер, Барникот, Рейнолдс, 1979, с. 8].

Что же касается упреков в том, что обобщенные теоретические модели, которыми оперирует наука, ни в одном конкретном случае не исчерпывают всех сторон индивидуального своеобразия бытия объекта, то подобные упреки раздаются и применительно к таким с точки зрения стороннего наблюдателя «благополучным» в отношении собственной практики наукам, как физика. Так, обсуждается, в частности, вопрос о том, что преподавание физики в университетах следует перестроить, т.к. изучаемые теоретические модели, законы, не имеют прямого отношения к действительности, напрямую не применяются в инженерной практике, и потому трагически не вызывают интереса у современного студенчества, воспринимаются студентами как пустая схоластика. Тем не менее о схизисе в области инженерной практики говорить не приходится.

Везде, где речь идет о преобразовании объективной действительности, в том числе в деятельности человека (что прямо относится к предметной области психологии), наука остается самым прямым путем к цели.

Постнеклассические тенденции в развитии психологии не ослабляют значимости принципа связи научной теории и практики взаимодействия человека с миром. М.К. Мамардашвили, размышляя о сущности науки, главной, онтологической проблемой здесь называет проблему «того, в каком виде научное познание задает место и возможности человека в мире, независимом от человека и человечества, и того, насколько оно само определяется этими возможностями, реально этим миром допускаемыми и развиваемыми» [Мамардашвили, 1992, с. 107–121]. Именно особая, существенная и сущностная связь с практикой оказывается у М.К. Мамардашвили главной и системообразующей функцией науки: «Мы можем рассматривать научные образования в качестве сложных преобразователей или аппарата преобразований наших естественных возможностей и способностей. А это означает, что то, что мы не могли бы сделать как природные существа, мы делаем как существа культуры в науке — не прямым действием ума и восприятия, а именно преобразованиями,

для которых должны быть, конечно, «органы», «орудия». Проблема с точки зрения поддержания уникальности человеческого феномена во Вселенной и состоит, как мне кажется, в наличии таких культурных орудий...»

Сейчас не редко приходится слышать, что для рядового пользователя объяснение того, что при нажатии на выключатель свет зажигается, замыканием контакта в электрической цепи ничем не лучше объяснения благорасположенностью домашних духов. Но это не так: ремонт выключателя гораздо эффективнее магических пассов в тех случаях, когда свет не зажигается. Поэтому так популярна на рынке марка науки и так часто ее используют для рекламы и продажи вненаучного продукта.

Везде, где речь идет о преобразовании объективной действительности, в том числе деятельности человека, естественнонаучное направление в психологии все-таки остается самым прямым путем к цели. Однако человек не только преобразует мир и делает это не всегда целенаправленно. Другие практики, другие цели требуют иных видов познания.

Преобразуя мир с помощью естественнонаучного познания, человек оказывается перед необходимостью жить в преобразованном мире, что само по себе оказывается нетривиальной задачей. При современном уровне развития цивилизации трудность приспособления человека к миру уже стала предметом внимания ученых, предлагающих свои объяснения. Так, неслучайно растет популярность эволюционной психологии, представители который исходят из предположения, что механизмы человеческой психики сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека в так называемой Среде Эволюционной Адаптации (СЭА), и закреплены генетически. Эволюционные психологи полагают, что множество бед современного человека, его постоянный стресс, растущее количество неврозов можно объяснить тем, что современный мир существенно отличается от СЭА и потому плохо подходит человеку: задачи, которые ставит перед нами современная жизнь, не соответствуют природе наших возможностей познавать и принимать решения.

Более конструктивное решение проблемы приспособления к изменяющемуся (т.е. изменяемому) миру предлагает культурно-историческая теория, с точки зрения которой человеческая психика как раз и приспособлена к миру цивилизации, благодаря своей культурно-исторической природе. Высшие психические функции, составляющие лицо человеческой психики, с точки зрения этой теории не закреплены генетически, а формируются культурой в процессе социализации, целенаправленного воспитания человека. Формирование человека, способного жить в цивилизованном мире, т.е. обладающего соответствующим мировоззрением и культурой, — практическая цель так называемых гуманитарных наук. В этом смысле гуманитарные науки если и противостоят естественным, то диалектически, образуя с последними единое целое в духовном облике человечества, его мировоззрении, образе мира. В этом смысле развитие технократической цивилизации непосредственно стимулирует развитие гуманитарного знания.

Важнейшим фактором кризиса психологии и столкновения в ней гуманитарного и естественнонаучного направлений, о которых писал Выготский, явилось радикальное усложнение проблемы адаптации человека к миру: ускорение

исторического процесса на рубеже XIX–XX веков привело к тому, что смена поколений уже не успевала за изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на глазах существенно меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как следует относиться к тем или иным явлениям.

В этой ситуации резко увеличился спрос на практическую психологию — недаром у Выготского именно психологическая практика является ключевым фактором в анализе исторического смысла психологического кризиса. Проблема адаптации человека к изменяющемуся социуму в большей степени относилась к сфере гуманитарного крыла психологии, где и разгорелась борьба, описанная Выготским. Характерно, что «победа» естественнонаучного направления означала отнюдь не уничтожение разделов психологической науки, связанных с науками гуманитарными, но вытеснение из психологической науки в целом и из гуманитарного ее направления (за практику которого и шла борьба) идеалистических учений. Можно сказать, что гуманитарная область психологии явилась ареной борьбы противоборствующих сил. Именно отсюда шло наступление в дальнейшем поверженного противника.

Впоследствии в психологической практике XX века все более актуальным становится известный принцип: если мы не можем изменить мир, следует изменить свое отношение к нему. XX век прошел под знаком внимания к связи эмоциональных и когнитивных компонентов отражения. В 50-е годы на основе широкого круга предпосылок и прообразов сформировалось несколько наиболее известных теорий когнитивного соответствия: теория структурного балланса Ф. Хайдера, теория коммуникативных актов Т. Ньюкома, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, теория конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума. Психология социального познания — едва ли не наиболее актуальное и востребованное с точки зрения прямых практических применений направление в современной психологии [Андреева, 2000].

Нет необходимости доказывать, что возможности науки преобразовывать реальность огромны, но не безграничны. Есть вещи, необходимость в которых очень велика для отдельного человека, для общества в целом, а наука оказывается бессильной. Обширнейшую часть современной практики психолога составляет работа с защитными механизмами психики. К сожалению, часто психолог не в состоянии помочь человеку и обществу выстроить приемлемые образ мира и Я-концепцию. «Потребительский спрос» же сейчас огромен, особенно в постсоветской России (о постсоветском сознании см., например, [Андреева, 2000]). Полагаю, что именно этот в большей своей части неудовлетворенный спрос и послужил важнейшим фактором столкновения естественнонаучной и гуманитарной парадигм в современной российской психологии.

В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии, сегодня активно включились вне- и околонаучные формы познания: поп- и парапсихология, широко и незаконно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. Истинная же суть этих «направлений» — мошенничество, выкачивание денег из легковерного и/или фрустрированного заказчика путем создания и продажи мифов. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией.

Хочу заметить, что тенденция использования ярлыка науки для ненаучных форм психологического познания и воздействия во многом является специфичной для России и может быть понята как следствие постпарадигмальных процессов в отечественной науке и культуре, как своеобразная ностальгия по «единственно правильной» научной теории, которой мы еще недавно обладали, по теории, которая являлась не только научным знанием, но и верой, и мировоззрением, и идеологией общества и авторитет которой был непререкаем.

В психологии всегда существовали и, наверное, будут существовать естественнонаучное и гуманитарное направления в их традиционном понимании: первое — связанное с естественными науками, второе — с гуманитарными. Неизбежно будет между ними и определенная разница в методологии и — в большей степени — в методах исследования. Однако никакого антагонизма между направлениями ожидать не следует. Внутренние противоречия лишь обеспечивают развитие целостной психологической науки, продвижение по пути постижения человеческой психики. Борьба, которая в настоящее время находит выражение в «осаде» естественнонаучной парадигмы, происходит между профессионалами, представителями науки психологии, и продавцами мифов, которые борются за современный российский богатый рынок практических применений гуманитарного направления психологической науки, стремясь вытеснить из него людей науки и обосновать свое право на звание ученых, на использование брэнда науки.

Нельзя не согласиться с А. В. Юревичем, когда он говорит о необходимости использования социальных критериев для прочерчивания границ между психологической наукой и не наукой [Юревич, 2005 а]. Имеет место активный процесс размывания границ социального института психологической науки как извне, людьми, не имеющими профессионального статуса психолога, так и изнутри, сертифицированными специалистами, стремящимися к стиранию границ между психологической наукой и другими способами психологического познания, такими как искусство, религия, и т. д.

Выготский в своем анализе психологического кризиса начала века приходит к выводу, что выход из него является «делом не соглашения, а разрыва». Развитие психологической науки в России сегодня, как мне кажется, требует того же — разрыва, четкого проведения границ между психологической наукой и не наукой. Только это обеспечит нормальное развитие психологической науки в нашем обществе как в плане теории и методологии научного познания, так и в плане материального обеспечения науки за счет соответствующего социального заказа. И обязательным условием этого, я полагаю, является глубокое методологическое осмысление критериев научности психологического знания на современном этапе, критериев демаркации науки и не науки, — в этом назрела самая острая необходимость. Отечественная наука более, чем какая-либо другая школа в мире, обладает для этого необходимой базой, достаточно вспомнить исследования А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, в которых проблеме определения границ психологической науки как специфической формы психологического познания уделено самое пристальное внимание, вспомнить развиваемые этими учеными представления о научном познании как о познании проверяемом, опосредованном, кумулятивном и построенном на основе принципа детерминизма.

Каждая самостоятельная научная дисциплина выстраивается от определенного видения предмета исследования, научного факта, о чем уже говорилось выше, через обобщение фактов и их экспериментальную проверку к формулировке научных законов. Научная система предполагает единство метода и наличие определенного объяснительного принципа, адекватного ее предметному содержанию. Важнейшее значение имеет терминология, сложившаяся в контексте научного направления. Слово Выготский называл зародышем науки, считая, что именно появление термина, понятия, делает явление действительности научным фактом, доступным проверке и рациональному анализу.

Наука — особый вид познания, познание рациональное и проверяемое. Пределы применимости научной дисциплины четко очерчены ее предметной областью. Выготский показывает катастрофичность эклектических систем для психологии, которая в контексте этих систем перестает быть наукой: «...чувства системы, ощущения стиля, понимания связи и обусловленности каждого частного положения центральной идеей всей системы, <...> лишены все <...> эклектические <...> попытки объединения разнородных и разноприродных по научному происхождению и составу частей двух или больше систем <...>. Можно количество жителей Парагвая умножить на число верст от Земли до Солнца и полученное произведение разделить на среднюю продолжительность жизни слона и безупречно провести всю операцию, без ошибки в одной цифре, и все же полученное число может ввести в заблуждение того, кто захочет узнать, каков национальный доход этой страны» [Выготский, 1982, с. 326].

На протяжении периода идеологического противостояния ученые отечественной школы, часто в силу необходимости, выстраивали критику западных теорий, пытаясь, не всегда вполне обоснованно, представить взгляды отечественной школы как альтернативные западным. Оспаривали суждения, игнорируя существеннейшие различия в содержании используемых понятий. После падения «железного занавеса» эта тенденция сменилась тенденцией некритического принятия западных теорий, жаждой слияния, декларированием, часто также необоснованным, сходства подходов. Теперь не редко подчеркивается сходство суждений на фоне игнорирования различий в содержании понятий.

Эклектические системы плохи тем, что в их контексте знания уже не являются проверяемыми и рациональными, но становятся вопросом веры и интерпретации, т. е. эти системы уже не являются научными в строгом смысле. Особенно актуально звучат сегодня слова Выготского о путях и трудностях интеграции отдельных школ, об опасности эклектических попыток построения научных систем, претендующих на статус обобщающих по отношению к отдельным школам и дисциплинам. «При таких попытках, — пишет Выготский, — приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в <...> сводимые воедино системы» [Выготский, 1982, с. 330].

Актуальность биосоциальной проблематики на современном этапе развития мировой науки связана также и с тем, что представления о биологическом и социальном в детерминации психики человека интенсивно разрабатываются в контексте

новейших направлений в зарубежной психологии, которые сложились в последней трети двадцатого века и в настоящее время определяют передний край развития психологической теории, крайних и радикальных в отношении подхода к биосоциальной проблеме.

В зарубежной психологии на рубеже XX–XXI вв. сложились новейшие теоретические направления, в контексте которых человек рассматривается подчеркнуто односторонне, его биологическая сущность либо игнорируется, либо исчерпывает человека в целом. Эти направления сложились на стыках психологии с бурно развивающимися смежными науками, с одной стороны, культурологией и лингвистикой, с другой — комплексом биологических наук, и сейчас во многом определяют передний край развития мировой психологической теории. Накануне XXVII Всемирного психологического конгресса 2000 г. журнал "European Psychologist" провел опрос среди 30 крупнейших психологов Европы [Tele-interviews, 2000, p. 90–162]. Их, в частности, просили назвать те новые тенденции в развитии психологической науки, которые, по их мнению, будут определяющими в XXI веке. Практически все в качестве важнейшей тенденции назвали влияние на развитие психологии достижений генетики и биологических наук в целом. На этом фоне не может не вызывать сожаления ослабление интереса отечественных психологов к естественнонаучному направлению, традиционно сильному в России и несомненно конкурентоспособному на мировом уровне.

5.3. Дихотомия описательной и объяснительной парадигм в современной российской психологии

Основное требование к знанию с точки зрения обеспечения его научности, основной критерий научности знания, — это требование рациональности знания, его детерминистского характера. Необходимость соответствовать требованию рациональности и детерминизма — условие достаточно жесткое, не только невыполнимое для форм не научного психологического познания, но и позволяющее подвергнуть сомнению научность положений целого ряда признанных научных направлений.

Вопрос о соответствии метода требованиям рациональности и детерминизма (т.е. требованиям строгой научности) непосредственно обсуждается и является центральным в контексте дискуссии о соотношении объяснительной и описательной парадигм в психологии. Эта дискуссия разворачивается сейчас в литературе в непосредственном единстве с дискуссией о естественнонаучной и гуманитарной парадигмах психологии [Юревич, 2005]. Дихотомическое деление психологии на объяснительную и описательную в основе своей производится по отношению к используемому исследователем методу. Известно, что в рамках естественнонаучной парадигмы типичным является использование объяснительного метода, а в рамках гуманитарной — описательного.

Следует отметить, что, на наш взгляд, споры между сторонниками описательной и объяснительной парадигм традиционно носили весьма жаркий и непримиримый характер. Достаточно вспомнить призыв Л.С. Выготского «вынести за скобки» психологической науки ее «описательную», «понимающую» часть: эта часть психологии должна быть отдана области искусства, она и так «все больше уходит в роман

<...> в метафизику» [Выготский, 1982, с. 427]. Именно бескомпромиссный разрыв с описательной психологией Л.С. Выготский полагал путем к выходу из кризиса психологии, к преодолению растущего раскола направлений и школ в 20-х годах XX века. «Создание общей психологии есть дело не соглашения, а разрыва», — заключает он [Выготский, 1982, с. 381]. В современной российской психологии противостояние названных парадигм не менее жестко, что отражено, в частности, в статье А.В. Юревича «Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник» [Юревич, 2005], в которой актуальное положение естественнонаучной парадигмы характеризуется как «осадное» [Юревич, 2005, с. 147].

Критика объяснительной парадигмы психологии и распространенные сейчас призывы к выходу за ее рамки в первую очередь относятся к тому, как в ней представлен предмет исследования на исходном этапе анализа.

В рамках объяснительной методологической традиции предполагается причинно-следственная детерминация событий объективной реальности, что и позволяет сформулировать научную (т.е. рациональную) гипотезу и произвести опытную проверку. Неприемлемость такого «объективного» исходного описания предмета исследования для психологии является постоянным аргументом критики объяснительной психологии в методологических дискуссиях, ведущихся уже более века. Именно невозможность подойти к анализу психической реальности в ее истинной сущности при использовании рационального объяснительного метода традиционно служит обоснованием обращения к методу описательному: от В. Дильтея, с именем которого связывают зарождение описательного метода в психологии, до наших дней.

Нападки на естественнонаучную парадигму в современной российской психологии, аргументация ее непригодности для психологического исследования, упреки в ригоризме и позитивизме, — объясняются прежде всего преимущественным использованием в русле этой парадигмы объяснительного метода, предполагающего детерминистски-рационалистическое понимание психической реальности.

Альтернативой объяснительной парадигме является парадигма описательная, в русле которой психика как предмет анализа выступает во всем богатстве своей феноменологии. Здесь принимаются в расчет не только те характеристики предмета, которые укладываются в рациональную детерминистскую причинно-следственную картину, но и те, которые открыты непосредственному переживанию субъекта, интуитивно постигаемы, однако не доступны рациональному анализу и объяснению.

Известная слабость описательного подхода во всех его вариантах заключается в то же время в сомнительности соответствия результирующих описаний, порождаемых теоретических моделей, требованиям научности, т.е. детерминизма и рациональности.

Как замечательно сказано в статье В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили, «либо объективность метода достигается ценой отказа от понимания психической реальности, либо сохранение психического достигается ценой отказа от объективности анализа» [Зинченко, Мамардашвили, 2005, с. 62].

Таким образом, слабость объяснительной парадигмы — в исходном описания предмета, слабость описательной — в характере результирующих теоретических моделей (табл.1):

Таблица 1

Сильные и слабые стороны объяснительной и описательной парадигм

Парадигма	Адекватность феноменологии предмета исследования (исходное описание эмпирических характеристик)	Соответствие итога исследования требованиям рациональности и детерминизма (результирующее описание, теоретическая модель)
Объяснительная	отсутствует	соответствует
Описательная	присутствует	не соответствует

Сочетание описанных характеристик парадигм приводит к тому, что в русле описательной психологии оказываются неприемлемыми исходные постулаты объяснительной, а в русле объяснительной отвергаются итоговые теоретические модели описательной. Это существенно затрудняет взаимопонимание и взаимодействие направлений, использующих объяснительный и описательный методы. Полагая интеграцию направлений и школ психологической науки в единый контекст мультипарадигмальной мировой психологической науки одной из основных задач современного этапа в ее развитии, мы оказываемся перед необходимостью поиска путей преодоления противоречия. Представляется, что здесь может оказаться полезной методология, предложенная Максом Вебером, основоположником так называемой понимающей социологии, незаслуженно мало известным в психологическом профессиональном сообществе.

М. Вебер предлагает интересное решение задачи сочетания рациональности, как определяющего свойства самого научного познания, и иррациональности, как неотъемлемой составляющей предмета всех социогуманитарных наук, включая как психологию, так и социологию.

Вебер исходил из положения о том, что природа и общество живут по разным законам, и что каждой из сфер должен соответствовать свой тип знания и своя методология: естественнонаучная или социогуманитарная. Первая практикуется преимущественно в естествознании, но используется и в сфере социальных проблем. Ее главное свойство — объективизм как запрет на привнесение субъективных, личностных моментов в картины описываемых социальных фактов, явлений, событий. Здесь используется объяснительный метод.

Вторая методология характерна для социогуманитарных наук. Она позволяет исследователю привносить элементы своего субъективно-личностного мироотношения в описания изучаемых предметов. Здесь используется метод описательный.

В конце XIX — начале XX века ведущие позиции в мировой социологии занимал структурный функционализм позитивисткого толка, представленный прежде всего Э. Дюркгеймом, который отстаивал необходимость распространения рационализма на познание социальных явлений, необходимость исследования социальных явлений с помощью метода, характерного для естественных наук. М. Вебер не принимал использования естественнонаучных методов для анализа общества,

подчеркивая то обстоятельство, что в отличие от неизбежных связей между явлениями неживой природы в обществе действуют качественно иные причинные связи и для их познания нужна другая методология. При этом М. Веберу импонировала идея рациональности, которая обрела в его трудах новое содержание.

Многие труды М. Вебера признаются классическими в современной социологии (в особенности «Протестантская этика и дух капитализма» 1903 г.), однако, несмотря на всеобщее признание значимости его научного вклада, сама методология понимающей социологии (включая ее ядро — метод «идеальных типов») практически не использовалась после него. Не используется и сегодня. Возможно, причиной служит давность возникновения метода, возможно, его принципиальная оригинальность и необычность, возможно, тот факт, что сам М. Вебер никак не занимался его популяризацией. Для других социальных наук, в частности для психологии, метод «идеальных типов» остается практически не известным.

Социальные науки, по мнению М. Вебера, имея свою специфику, обладают общими качествами, характерными для наук вообще, т. е. представляют собой рациональное познание. Совмещение метода понимания различного рода субъективных факторов и научного статуса самой дисциплины социологии, требующего рациональности и точности, рождает серьезные методологические затруднения. Понимание всегда приблизительно. Оно приблизительно даже в ситуации непосредственной интеракции людей друг с другом лицом к лицу. Может ли наука определить степень приблизительности при анализе тех или иных конкретных социальных действий людей? В качестве ответа на этот вопрос М. Вебер предложил оригинальный метод — *конструирование идеально-типической модели* социального действия индивида.

В соответствии с этим методом, чтобы уяснить действительные причинные связи, имеющие место в социальной реальности, и дать возможно более полное и комплексное толкование социальным действиям, необходимо, прежде всего, сконструировать идеальные типы — *недействительные*, извлекаемые из эмпирической реальности, заостренные, выделенные элементы, которые представляются *типическими* для социолога в его стремлении найти *общие правила событий*. Они должны выражать то, что наиболее характерно, типично для общественных явлений или социальных действий своего времени, должны быть выведены из анализа религиозных, мировоззренческих, эстетических, моральных ориентиров времени, из того, что служило *реальными ценностями* для людей, являющихся объектом исследования. Поэтому идеальный тип Вебер называл «интересом эпохи».

Так, например, можно сконструировать идеально-типическую модель студента или государственного служащего, семьи или даже самого государства. Но модель идеального типа не есть цель познания, а лишь своеобразное *методическое средство*, позволяющее анализировать социальные реалии. Как же этим средством пользоваться?

Понятно, что в реальной жизни не может быть идеального студента или чиновника, семьи или любого другого социального института. Реальное общественное явление всегда будет иметь отклонения от идеального типа. Здесь-то и открываются возможности для *сравнения* реальности с идеальным типом.

Согласно Веберу, идеальный тип позволяет сравнить, насколько явление или действие по своим количественно-качественным параметрам походит на идеальный тип. По отклонению от идеального типа исследователь может установить характерные тенденции протекания событий. Мыслительный образ нереального, идеально-типического события позволяет понять, как действительно протекало то или иное историческое событие. Вот, как это описывает Вебер:

«Для *типологического* научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве "отклонений" от чисто целерационально сконструированного действия. Так, например, для объяснения "биржевой паники" целесообразно сначала установить, каким *было бы* рассматриваемое поведение *без* влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве "помех". Равным образом и при исследовании какой-либо политической или военной акции целесообразно установить, каким *было бы* поведение участников события при знании ими всех обстоятельств дела, всех намерений и при строго целерационально (в соответствии со значимым для нас опытом) ориентированном выборе средств. Лишь в этом случае возможно свести отклонения от данной конструкции к обусловившим их иррациональным факторам. Следовательно, в подобных случаях конструкция целерационального действия — вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности — служит в социологии *типом* ("идеальным типом"), с помощью которого реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как "отклонение" от чисто рационально сконструированного» [Вебер, 1990, с. 623–624]. И далее: «Лишь с помощью *чистого* («идеального») типа возможна социологическая казуистика <...>. Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем *дальше* они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение» [Вебер, 1990, с. 624].

Образуясь в результате абстрагирования социологического сознания от множества эмпирических деталей, «идеальный тип» не только отображает социальную реальность, но и противостоит ей, указывая на то состояние, в котором может или должна пребывать данная реалия, и в этом втором качестве он представляет собой «утопию логически возможного». «Идеальный тип» возникает в результате целенаправленных усилий исследовательского мышления, создающего из пестрого хаоса социальных фактов логически стройный концептуальный «микрокосмос». В зависимости от степени аутентичности и эвристичности, «идеальные типы» могут либо напоминать бэконовские «призраки» и скорее препятствовать, чем способствовать успешному познанию, либо же успешно функционировать в познавательной практике на протяжении долгого времени.

В приведенной выше цитате из классической работы Макса Вебера «Основные социологические понятия» автор упоминает термин «целерациональное действие» как вид социального действия в целом. По нашему мнению, данное понятие представляет собой центральный, самый важный «идеальный тип», на аналогии с которым Вебер и предлагает классифицировать социальную реальность. Остановимся подробнее на этом моменте.

М. Вебер дифференцирует социальные действия следующим образом:
1) целерациональные действия, ориентированные на социальный успех, предполагающие сознательный выбор как целей, так и средств для их достижения, а также исключающие присутствие каких-либо иррациональных (эмоциональных, аффективных) компонентов;
2) ценностнорациональные действия, зависящие от ценностных ориентаций личности и предполагающие готовность субъекта пренебрегать успехом: поведение, имеющее самостоятельное значение для личности, безотносительно к его результатам;
3) аффективные действия, детерминируемые вспышками эмоций и зачастую оборачивающиеся нарушениями поведенческих стандартов, выходом за рамки моральной и правовой нормативности;
4) традиционные действия, направляемые обычаями и привычками.

Необходимо понимать, что не один из указанных видов социального действия практически никогда не встречается в «чистом» виде. Это — «идеальные типы», инструменты познания, но не единицы знания.

М. Вебер предлагает интересное решение задачи сочетания рациональности как определяющего свойства самого научного познания и иррациональности как неотъемлемой составляющей предмета всех социогуманитарных наук, включая как психологию, так и социологию. Социология, по мнению М. Вебера, является научной дисциплиной лишь благодаря тому, что люди действуют рационально по крайней мере значительную часть времени и это позволяет осуществлять типизацию их поведения, систематизацию собственно социальных фактов.

В эпоху социологического позитивизма, предшествующую Веберу, ученые убирали из предмета все иррациональные составляющие, «очищали» предмет от всего «лишнего», рисуя социальную реальность идеальной, рационально правильной. Таким был «чистый» позитивизм Огюста Конта, Герберта Спенсера и других мыслителей. По сути, это было мифотворчество, а не научная деятельность, поскольку предмет рассмотрения указанных авторов изначально нереален, мифичен. Макс Вебер первым из социальных мыслителей обратил внимание на настоящую, во многом иррациональную реальность, живую и противоречивую. «Идеальный тип» — есть то звено, которое связывает рациональное научное мышление с социальной реальностью. Если до Вебера научные концепции (если считать их таковыми) были сами по себе «идеальными типами», то есть весьма слабо соотносились с социальной действительностью, то, как видно, выдающийся немецкий мыслитель пошел значительно дальше. Наука, говорит Вебер, это не только конструирование тех или иных непротиворечивых, приятных сознанию «идеальных типов», но это сравнение полученных конструкций с реальной действительностью и изучение степени отклонения реальности от созданного ученым «микрокосмоса».

Макс Вебер предложил достаточно тонкое и оригинальное решение, позволяющее совмещать должную меру рациональности научного метода со сложностью социального и психического миров, иррациональных в значительной степени. Знакомство с его идеями может оказаться небесполезным для современных психологов. В психологии достаточно широко используется метод типологии

(классификации темпераментов, характеров и пр.). Однако выделяемые типы используются в качестве лишь своего рода «шкалы наименований» для анализа реальных явлений, они являются по сути атрибутом описательной парадигмы. Выявляются типы обычно интуитивным путем и используются для приписывания комплекса качественных характеристик анализируемому с их помощью явлению.

Используя в качестве типологических вариантов конструкты, построенные на основе рационального анализа, М. Вебер получает возможность с их помощью произвести своего рода измерительную процедуру по отношению к целостному явлению действительности, взятому в единстве его различных сторон и проявлений. Следует отметить, что в психологии до сих пор шкалы интервалов и метрические используются лишь в отношении отдельных свойств и черт психических явлений, но не явлений в целом.

Возможно, поиск в направлении, подсказанном методом «идеальных типов» М. Вебера, позволит найти конструктивные подходы к проблеме интеграции направлений, принадлежащих к объяснительной и описательной парадигмам в психологической науке, и тем будет способствовать разрешению одной из острых проблем современного этапа в развитии психологической науки.

5.4. Психологическая наука и психологическая практика

Общеизвестным и часто обсуждаемым в печати фактом является то, что психологическая наука и психологическая практика сегодня существенно расходятся. «Формально практическая, или прикладная, психология — это психологическая практика, имеющая такое же отношение к психологии как к науке, какое инженерная практика имеет к физике. Однако в действительности <...> исследовательская и практическая психология фактически представляют собой две разные науки <...>, использующие разные «языки», разные «единицы анализа» и различные «логики» его построения» [Юревич, с. 165].

Ф. Е. Василюк указывает на социальную разобщенность соответствующих профессиональных сообществ: «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью, как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты <...>, разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» [Василюк, 1996, с. 26].

Практически общепринятым в русле обсуждения вопроса о соотношении науки и практики в литературе является и то, что:

А) расхождение психологической теории и практики оценивается как негативное явление,

Б) ответственность за это расхождение возлагается на академическую науку «как слишком консервативную и ригидную для того, чтобы производить применимое на практике знание» [Юревич, с. 166].

Иными словами, достаточно распространенным стал сегодня упрек в адрес научной психологии, сводящийся к тому, что она «слишком научна», чтобы быть практически полезной.

Необходимость для научной психологии следовать нормам и стандартам научного знания (требованиям детерминизма, рациональности, эмпирической проверяемости знания) рассматривается едва ли не как досадная слабость, недостаток, от которого следовало бы либо избавиться, либо уж как минимум за него извиниться.

На наш взгляд, можно говорить о том, что у научной психологии сегодня сформировался своеобразный комплекс практической неполноценности.

Данная ситуация представляется в определенном смысле парадоксальной, в силу того, что:

— научное знание как детерминистское и эмпирически проверяемое представляет собой именно наиболее практически действенную, надежную и полезную форму знания;

— несмотря на это, налицо ситуация, когда академическая психология проигрывает в зоне психологической практики.

Хотя первое утверждение в контексте современных дискуссий не представляется самоочевидным, с нашей точки зрения, оно остается верным, аргументы в пользу чего приведены выше.

Второе, если признать справедливость первого, требует новых объяснений. Если не базальное несовершенство психологии академической как таковой, то что же лежит в основе объективно и несомненно наблюдаемого «схизиса»? И каковы перспективы и пути преодоления этого схизиса?

Представляется, что ключом к пониманию ситуации в области взаимодействия психологической науки и психологической практики снова может послужить анализ положения психологии в современной России. Есть существенная разница в том, кто является заказчиком продукта в том и другом случае и, соответственно, как с этим заказчиком строится взаимодействие. Для психологической науки заказчик исследований сегодня, как и для любой другой науки, плохо определен, безличен и скуп, оплата за проведенные исследования практически не зависит от оценки их результатов, целью исследований в основном является выяснение каких-либо характеристик реального положения вещей, а качество исследований определяется нормами, действующими внутри научного психологического сообщества. Для психологической практики заказчиком является конкретный клиент, коллективно, а чаще индивидуально принимающий решение о выборе исполнителя. Оплата работы достаточно высока и определяется тем, насколько результат работы клиенту нравится. Важной и едва ли не основной целевой установкой, которая определяет стратегию и тактику психологической практики в современной России, является поэтому простое и непосредственное стремление угодить клиенту. Сделать так, чтобы работа клиенту понравилась, для чего нужно правильно определить не столько то, что происходит на самом деле, сколько то, что хочет клиент об этом думать, причем желательно определить еще до проведения исследования, на этапе борьбы за клиента, потому что именно это и обеспечивает успех в этой борьбе.

При столь различных целевых установках схизис может представляться неизбежным и неизбывным, однако, на наш взгляд, он вполне преодолим, более того, есть основания надеяться на то, что тенденция к его преодолению в ближайшее время усилиться и станет доминирующей. Основанием для такого оптимизма является наличие у психологической науки и профессиональной психологической

практики общего врага, врага тем более опасного и вредного, чем шире распространяется в обществе профессия психолога. Думаю, в ближайшем будущем психологическую науку и практику ждет крепкая «дружба против» этого врага. Речь идет о популярной психологии, или поп-психологии, как ее называет А. В. Юревич.

А. В. Юревич справедливо рассматривает поп-психологию как часть поп-науки, которая, в свою очередь, является порождением и частью поп-культуры. Поп-культура при этом понимается как важная специфическая черта нашего времени, ведущая тенденция времени: «Наше многоликое время можно охарактеризовать по-разному, в том числе и как время поп-культуры, не только проникающей во все сферы общественной жизни, но и диктующей ее новые правила» [Юревич, 2007, с. 3]. Поп-психология представляет собой существенно новое явление: «Хотя издававшуюся в прежние годы популярную литературу можно считать предшественницей современной поп-психологии, последнюю не следует отождествлять с популяризацией психологической науки прежде всего потому, что это была популяризация преимущественно *научной* психологии <...> в то время как поп-психология <...> представляет собой существенно иной вид знания и рекомендаций по его практическому применению» [Юревич, 2007, с. 4]. Основные особенности поп-психологии, отличающие ее от психологии академической и практической, состоят не только в форме представления психологического знания, что диктуется ее адресатом — «человеком с улицы», но и в самом содержании этого знания. Основные отличия поп-психологии сформулированы Юревичем:

«Для академической психологии область возможного ограничена научными представлениями о мире, для поп-психологии — практически не ограничена. <...>

Академическая психология уделяет первостепенное внимание доказательству и верификации утверждений, <...> в то время как в поп-психологических текстах подобная верификация, как правило, вообще отсутствует. <...>

Для поп-психологии несущественны разграничительные линии между знанием и не-знанием — мифами, заблуждениями и др. Ее главные задачи — сформулировать наиболее интересную для «человека с улицы» версию психологического знания, предложить ему способы решения его психологических проблем в отсутствие заботы об адекватности и научной обоснованности этих способов» [Юревич, 2007, с. 7–10].

Мне кажется целесообразным разделить и противопоставить научно-популярную психологию и то, что А. В. Юревич называет поп-психологией, по следующему критерию: популярная психология представляет собой изложение знания, порожденного в контексте научной психологии, популярным языком, понятным для «человека с улицы». Поп-психология же (а я бы назвала ее псевдонаучной психологией) представляет собой движение в противоположную сторону, — это изложение вненаучных измышлений таким образом, что они уподобляются научному знанию, это мимикрия вненаучной психологии под образ науки.

А. В. Юревич справедливо указывает на существенное и, более того, растущее место поп-психологии в культуре современного российского общества, где «достаточно выраженный массовый интерес к психологии сочетается с редким

обращением к профессиональным психологам и психотерапевтам, удовлетворяясь в основном с помощью телепередач и литературных изданий» [Юревич, 2007, с. 7]: «Чтобы получить представление о масштабах этого явления достаточно зайти в любой наш книжный магазин...» [Юревич, 2007, с. 3]. Однако вывод А. В. Юревича о том, как следует относиться к поп-психологии, его взгляд на бум в области производства «самоучителей жизненного успеха» как на явление в общем безобидное, безопасное и даже могущее быть полезным — вызывают у меня сомнения.

С одной стороны, позиция, занимаемая А. В. Юревичем, заслуживает глубокого уважения: все сущее разумно; раз поп-психология разрастается в культуре — значит, так и должно быть, не следует сопротивляться закономерному ходу вещей, «да и какой от этого прок в обществе, где не действуют никакие запреты?» [Юревич, 2007, с. 13]. С другой стороны, мне представляется сомнительным, что эта мудрая позиция — единственно правильная. Мне кажется необходимым специально обсудить вопрос об отношении к поп-психологии психологии научной. Должна ли научная психология жить в мире или вступить в конфликт с поп-наукой? Или, сказать, снизойти до противостояния с последней? На мой взгляд, последнее было бы оправдано.

Поп-психология опасна и враждебна научной психологии:

— во-первых, потому что как механизм оглупления людей она опасна для общества, в котором живет и развивается психологическая наука;,

— во-вторых, она опасна как механизм дискредитации психологической науки, под которую современная поп-психология усердно маскируется;

— в-третьих, опасна как конкурент на рынке психологических услуг, отнимающий потенциальных клиентов у практических психологов (очевидно, во вред этим людям): зачем идти к специалисту, когда вот она — книга, где все написано.

Аргументы в пользу данных утверждений в избытке содержатся в рассматриваемой статье А. В. Юревича:

«...поп-психология легализует и преподносит обывателю «от имени науки» знание (а нередко и псевдознание), не получившее научной сертификации. Она представляет прибежище откровенной эзотерике, превращая порожденные ею мифы в рабочие понятия и схемы для психологического самоанализа, внося вклад в, перефразируя известное выражение М. Вебера, «иррационализацию всей общественной жизни», которая и так слишком характерна для современной России <...> Поп-психология предлагает «человеку с улицы» немало психологических рецептов, которые могут оказаться вредными для него. Она во многом дискредитирует психологическую науку и практику, подавая накопленное ими знание в сочетании с эзотерическими и заведомо ложными воззрениями. Поп-психология способствует *всеверию* как очень опасному состоянию умов, открывающему неограниченные возможности для манипуляции массовым сознанием» [Юревич, 2007, с. 10–11].

Комментарии, как говорится, излишни. «Однако, — заключает А. В. Юревич, — все это не дает достаточных оснований предавать поп-психологию «анафеме» (да и какой от этого прок в обществе, где не действуют никакие запреты?)» [Юревич,

2007, с. 11]. Он постоянно, с первой до последней страницы статьи, напоминает читателю, что не является врагом поп-психологии и ни в коем случае не призывает к конфронтации с ней: « А Брут — весьма достойный человек»?

То, что современная поп-психология, во всяком случае, та ее существенная и совершенно определенная часть, о которой здесь идет речь, оказывает оглупляющее и иррационализирующее влияние на индивидуальных потребителей ее продукции и на общество в целом, наверное, не вызывает сомнений ни у кого из представителей психологической науки. Даже у тех, кто не склонен к агрессии по отношению к поп-психологии, о чем свидетельствует цитируемая статья А.В. Юревича. По всей видимости, сторонники «мира» с поп-психологией не считают это явление слишком опасным или достаточно опасным, чтобы с ним было необходимо бороться. Мне, однако, кажется, что с разрастанием поп-психологии в принимаемых ею сегодня формах необходимо бороться, пока «воинствующая глупость» (используя выражение А.А. Зиновьева)[8], инкубатором которой она является, не разрушила основания человеческой культуры, самой человеческой жизни.

Так ли все страшно?

А.В. Юревич характеризует современное общество как «психологическое» [Юревич, 2007, с. 5], в смысле наличия психологических проблем у абсолютного большинства людей и осознанной (!) потребности людей в психологическом знании. С этим нельзя не согласиться. В то же время академическая и практическая психология не предлагают простых и понятных «человеку с улицы» решений, и вряд ли можно ожидать таковых в обозримом будущем. Простые и понятные решения предлагает поп-психология и в каком-то смысле тем обеспечивает своему потребителю облегчение — но облегчение временное и чреватое опасными последствиями. Следуя рецептам поп-науки, человек, во-первых, совершает поступки, усугубляющие его проблемы, а, во-вторых, воздерживается от обращения к специалисту, который мог бы оказать помощь.

За снисходительным отношением к поп-психологии стоит осознанная или неосознанная вера в то, что психологические проблемы, которые имеются у большинства наших современников, суть проблемы пустяковые, не страшные. Так ли это?

На мой взгляд, «психологизация» общества есть не что иное, как следствие комплекса важнейших и болезненных противоречий современной культуры и цивилизации, комплекса проблем, порожденных объективным ходом человеческой истории, суть которых прямо относится к предметному полю психологической науки. Эти проблемы поставлены самой жизнью и имеют жизненное же, экзистенциальное, значение для современного человека. Решение их — не забава, а насущная необходимость.

Важнейшим фактором развития психологической науки и практики в прошлом веке явилось радикальное усложнение проблемы адаптации человека к миру: ускорение исторического процесса на рубеже XIX–XX веков привело к тому, что

[8] «Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости» (Зиновьев А.А. Фактор понимания. Москва: Алгоритм, 2006. С. 521).

смена поколений уже не успевала за изменениями в культуре. Рубеж XX–XXI веков обнажил новые — психологические — проблемы.

Среди таких проблем можно назвать прежде всего то смятение в отношении идеалов и ценностей, свидетелями которому мы являемся в современном мире, осознающем себя в своей мультикультуральности, множественности цивилизаций, основанных на различных системах ценностных ориентаций. Сказки об общечеловеческих ценностях уже мало кого убаюкивают, в то же время налицо отсутствие психологической готовности людей адекватно понимать друг друга и взаимодействовать в ситуации множественных и неопределенных ценностных ориентиров.

Психологические проблемы современного человека — больше, чем просто психологические проблемы. Это отражение общих, самых острых насущных проблем развития человеческой культуры, главных проблем современной цивилизации. Приспособиться к опережающим изменениям в культуре — становится сверхзадачей, для решения которой индивид должен употребить все силы, часто подорвать душевное здоровье, внутреннюю гармонию.

Именно психология сегодня призвана дать ответ на поставленные временем вопросы, в силу своего статуса науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Ни одна другая наука не может сделать этого по причине недостаточности своего предметного поля. Именно психология сейчас необходима, как никакая другая наука. В этой ситуации «психологическое шоу» поп-психологии (используя выражение А. В. Юревича) представляется экзистенциально опасным для отдельных индивидуумов и для общества в целом. Это «шоу» является мощным катализатором всеверия и иррационализма — той самой воинствующей глупости, от которой, по мнению А. А. Зиновьева, человечеству и стоит ждать гибели.

Академическая наука, возможно, не самая практически полезная вещь в плане решения многочисленных жизненных проблем современного человека. На вопрос «Что делать?» научная психология, как правило, не дает ясного и однозначного ответа. Однако она может дать ясный и однозначный ответ на вопрос «Каким рецептам не нужно следовать?». Научная психология и только она может противостоять поп-психологии, может разоблачить шарлатанов от поп-психологии, ясно и внятно свидетельствовать, что рецепты, содержащиеся в «самоучителях жизненного успеха», не имеют статуса научного знания и представляют собой не более чем досужий вымысел, частное мнение, за которым не стоит никаких научных доказательств. Если не ученые-психологи, то кто сделает это*? Наука может и должна стать противоядием от глупости и тем самым уже окажется весьма практически полезной обществу. Может быть, в этом сегодня и должна состоять главным образом практическая полезность академической психологии.* На мой взгляд, действенная установка научной психологии на активное противостояние тем, кто насаждает всеверие и иррационализацию общественной жизни, является сегодня нравственным долгом нашей науки перед обществом, даже если это трудно, не всегда достигает эффекта и происходит «в обществе, где не действуют никакие запреты». Какой же в этом прок? В качестве ответа на этот вопрос мне хочется привести слова М. К. Мамардашвили: «Древние философы утверждали, что зло делается само собой, а добро нужно делать

специально и все время заново, оно, даже сделанное, само не пребывает, не существует. Этот вывод, как мне представляется, в равной мере относится <...>, с одной стороны, к науке как познанию (этой мерцающей, пульсирующей точке, связанной с возможным человеком и требующей постоянного, специального усилия), а с другой стороны, к науке как собственно культуре (в смысле человекообразующего действия упорядочивающих жизненный хаос структур)» [Мамардашвили, 1982, с. 57].

Представляется, что именно **критерий неразрывной связи теории и опыта сегодня следует обозначить и использовать в качестве ключевого для решения задачи демаркации научного и ненаучного психологического познания**. Парадоксальным образом сегодня в контексте дискуссий об отношении научной психологии и ненаучных форм психологического познания все чаще декларируются два положения, которые, на мой взгляд, являются грубым искажением, подтасовкой фактов:

- ненаучное психологическое познание тесно связано с практикой, **в отличие** от научной психологии;
- постнеклассические тенденции в психологии предполагают размывание границ между научным и ненаучным знанием.

Удивляет не то, что эти положения декларируются сторонниками размывания границ науки, а то, что эти декларации практически не встречают развернутых возражений.

В то же время именно научное знание предполагает проверяемость и обязательно опирается на эмпирические доказательства, **в отличие** от других видов знания.

Размывание в отечественной психологии существующих границ научной и ненаучных форм психологического познания не продвинет нашу практическую психологию. Практика всегда эклектична и использует и научные методы, и интуитивные озарения, и здравый смысл. Подобное размывание на руку лишь тем практикам, которые не владеют научными знаниями и не имеют соответствующей профессиональной подготовки. Оно лишило бы клиента возможности сознательно выбирать качество услуги на рынке и способствовало бы общему снижению качества оказываемых услуг. Для отечественной теории такое размывание означало бы лишь то, что «замусоренная» часть психологии оказалась бы за границами науки и была бы «вынесена за скобки» мировой науки.

Ситуация в России такова, что границы научной психологии сегодня нуждаются в защите. Поэтому, как мне кажется, объяснение в психологии сегодня должно быть обязательно в первую очередь научным: рациональным, детерминистским, допускающим проверку практикой. Следует противостоять соблазнительной легкости бытописания и некритичному полету фантазии. В сложившейся ситуации это требует достаточно напряженных усилий от нашего профессионального сообщества.

Практическая психология, предлагающая потребителю рынок профессиональных услуг, не менее психологии академической заинтересована в уничтожении опасного конкурента — поп-психологии, бороться с которым она может лишь с позиции единении с психологией научной. Общий враг, таким образом, представляется тем фактором, который позволит преодолеть схизис в обозримом будущем.

5.5. Кризис психологии: перманентный, общий или локальный?

В контексте обсуждения актуальных проблем профессионального самосознания отечественной психологической науки и дискуссий о путях ее развития существенное место занимает так называемый кризис психологии. Правомерна ли оценка нынешнего состояния психологической науки как кризисного, — задается вопросом В. А. Кольцова, — и, если да, то каковы причины, характер и проявления кризиса [Кольцова, 2007, с. 8]? В цитируемой работе В. А. Кольцова справедливо отмечает, что ответы на эти вопросы в современной науковедческой литературе опираются на анализ состояния кризиса мировой психологии конца XIX — начала XX века в работах К. Бюлера, Н. Н. Ланге, С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, М. Г. Ярошевского, А. Н. Ждан и других отечественных и зарубежных ученых. В качестве основных «симптомов» кризиса в часто цитируемой работе А. В. Юревича [Юревич, 2005, с. 251–252] указаны:

- отсутствие единой, общеразделяемой теории;
- разобщенность на психологические «империи», такие, как когнитивизм, психоанализ, бихевиоризм и т. п., каждая из которых живет по своим собственным законам;
- отсутствие универсальных критериев добывания, верификации и адекватности знания;
- некумулятивность знания, объявление каждым новым психологическим направлением всей предшествующей ему психологии набором заблуждений и артефактов;
- раскол между исследовательской и практической психологией;
- расчлененность целостной личности и «недизъюнктивной» психики на самостоятельно существующие память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции;
- различные «параллелизмы» — психофизический, психофизиологический, психобиологический, психосоциальный, которые психология осознает как неразрешимые для нее «головоломки».

Доминирует в литературе представление о кризисе психологии как о перманентном и системном. Так, в качестве наиболее остро переживаемого проявления кризиса А. В. Юревич указывает отсутствие прогресса в устранении вышеназванных симптомов: «оценки методологического состояния психологии, которые давались У. Джемсом или Л. С. Выготским, ничем не отличаются от современных оценок» [Юревич, 2005, с. 252]. А. В. Юревич говорит о перманентном кризисе, присутствующем в самосознании психологов на всем протяжении самостоятельного существования их науки.

С нашей точки зрения, для понимания того, в какой мере и в каком смысле приложимо к современному состоянию психологической науки понятие кризиса, необходимым является разделение, выделение и обособление в кризисной симптоматике того, что может быть выделено и обособлено. Среди названных симптомов кажется необходимым выделить два существенно различных по своей сути кластера:

— симптомы, связанные с раздробленностью психологической науки на независимые «империи»-школы;

— симптомы онтологического рода, проявляющиеся в недостаточности понимания психологией своего предмета и пр.

Очевидно, что данные два кластера симптомов не слишком тесно между собой связаны и не обусловливают друг друга непосредственно, хотя в литературе традиционно рассматриваются в единстве.

Нам представляется необходимым прежде всего сосредоточить внимание на наиболее общеочевидной и общепризнаваемой симптоматике — на так называемом расколе психологии на слабо связанные между собой школы. Под углом зрения именно этих «симптомов» рассмотрим более чем вековую историю кризиса психологии.

Принято выделять следующие периоды кризиса:

1. период возникновения кризисной ситуации: третья четверть 70-х годов XIX в. — первое десятилетие XX в.;
2. период открытого кризиса: начало 10-х — середина 30-х годов XX в.;
3. период «затухания» борьбы школ: с конца 30-х годов XX в., окончание не определено [История психологии, 1992, с. 6].

Возникновение кризиса в психологии явилось непосредственным следствием введения экспериментального метода В. Вундтом, ассоцианистическая система которого была наиболее распространенным направлением в европейской психологии второй половины XIX в. Введя в психологию эксперимент, Вундт ограничил возможности его применения областью простейших психических процессов, преимущественно ощущения и восприятия, не считая возможным экспериментальное изучение «высших психических функций». Однако вскоре после своего возникновения экспериментальный метод проникает практически во все области психологии. Новые факты требуют новых теоретических обобщений. В полемике с психологией Вундта зарождается психология актов Ф. Брентано, появляются австрийская, вюрцбургская школы психологии мышления, система У. Джемса и возникший на ее основе функционализм, а также многие другие оригинальные направления.

Яркую картину этого периода дал Н. Н. Ланге: «В этом огромном и новом движении, при явном разрушении прежних схем и еще недостаточной определенности новых категорий, при, так сказать, бродячем и хаотическом накоплении новых терминов и понятий, в которых даже специалисту не всегда легко разобраться, мы получаем такое впечатление, будто самый объект науки — психическая жизнь — изменился и открывает перед нами такие новые стороны, которых раньше мы совсем не замечали, так что для описания их прежняя психологическая терминология оказывается совершенно недостаточной.

При этом, однако, обнаруживается вторая характерная черта новых психологических направлений <...>: крайнее разнообразие течений, отсутствие общепризнанной системы науки, огромные принципиальные различия между отдельными психологическими школами <...>. Ныне общей, т. е. общепризнанной системы в нашей науке не существует. Она исчезла вместе с ассоцианизмом. Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» (Ланге Н.Н., «Психология», цит. по: [Выготский, 1982, с. ?]).

Второй период кризиса, называемый периодом «открытого кризиса», начинается с выступления бихевиоризма в 1913 г. Этот период характеризуется возникновением новых ярких теоретических направлений, заявивших о себе как об общепсихологических теориях. В качестве основных влиятельных в психологии того времени школ Л. С. Выготский в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» называет психоанализ, рефлексологию, гештальтпсихологию и персонализм.

Во время открытого кризиса, или, как его еще называют, борьбы школ, между этими направлениями существовала активная полемика, велись постоянные дискуссии. «Исторический смысл психологического кризиса» написан Л. С. Выготским в 1927 г. — и написан непосредственным наблюдателем и участником событий. В этой книге поражает абсолютно точное видение автором тех тенденций, которые в полной мере развились позже и определили развитие мировой науки во время так называемого третьего этапа кризиса психологии. Во время Выготского дискуссия между школами еще существовала, но ведущей уже стала тенденция к прекращению контактов, полному распаду психологии на отдельные не согласующиеся между собой «науки», обозначенная ученым так: «В психологии происходит не борьба воззрений, которые можно привести к соглашению и которые уже объединены общностью врага и цели; даже не борьба течений или направлений внутри одной науки, а *борьба разных наук*. Есть много психологий — это значит: борются различные, взаимно исключающие друг друга реальные типы науки. Психоанализ, интенциальная психология, рефлексология — это все *типы разных наук*, отдельные дисциплины, тендирующие к превращению в *общую психологию*, т. е. к подчинению и исключению других дисциплин» [Выготский, 1982 , с. 374].

Выготский последовательно анализирует причины и признаки происходящего раскола. Корнем раскола является разное понимание самого предмета психологии. Подобно тому как астроном, наблюдая солнечное затмение, фиксирует не все случайные признаки, но лишь то, что делает явление астрономическим фактом, психолог, исследуя разнообразные явления душевной жизни, непременно должен выделять, описывать в них лишь то общее, что делает их предметом его науки. При этом традиционный психолог определяет в качестве психических явления непространственные и доступные восприятию лишь самого переживающего субъекта. Рефлексолог выделяет в качестве предмета своего анализа факты поведения, соотносительной деятельности, рефлексы. Психоаналитики считают психическими явления, в основе которых лежит бессознательное. Соответственно определены три разных предмета изучения — три разных науки. Любой факт, выраженный в понятиях каждой из этих трех систем, примет три различные формы. Вернее, пишет он, это будут три различных факта. По мере накопления фактов мы получим три различных обобщения, три различных закона, три отдельные системы, которые будут тем дальше от первого факта и друг от друга, чем успешнее они развиваются. Выготский отмечает, что психоанализ, бихевиоризм и субъективная психология уже оперируют не только разными понятиями, но и разными фактами: «Для В. Штерна <...> психоаналитические толкования, столь же обыденные в школе З. Фрейда и столь же несомненные, как измерение температуры в госпитале <...>, напоминают хиромантию и астрологию XVI в. Для Павлова утверждение, что собака вспомнила пищу при звонке, есть тоже не больше чем фантазия» [Выготский, 1982, с. 300].

Выготский отмечает, что сама мысль о том, что психологические направления расходятся и тяготеют к превращению в самостоятельные, не связанные между собой науки, носилась в воздухе. Об этом говорил К. Коффка, в этом смысле высказываются Павлов и Бехтерев.

И все же книга Выготского проникнута удивительной верой в необходимость и возможность синтеза, формирования единой науки, в структуре которой были бы соотнесены все научные знания о закономерностях душевной жизни в единстве ее субъективных и объективных проявлений.

Выготский говорит как о проблеме первостепенной важности для только что сложившегося профессионального сообщества психологов о проблеме разработки общей психологии. Существенно, что под общей психологией он понимает не теоретическую психологию в ее противопоставлении прикладной, не психологию некоторого усредненного взрослого человека в ее противопоставлении дифференциальной, возрастной, сравнительной, патопсихологии, но общую науку, в структуре которой были бы обобщены, соотнесены и систематизированы знания, накопленные отдельными психологическими дисциплинами.

«В последнее время, — пишет Л.С. Выготский в 1927 году, — все чаще раздаются голоса, выдвигающие проблему общей психологии как проблему первостепенной важности. Мнение это, что самое замечательное, исходит не от философов, для которых обобщение сделалось профессиональной привычкой; даже не от теоретиков-психологов, но от психологов-практиков, разрабатывающих специальные области прикладной психологии <...>, представителей наиболее точной и конкретной части нашей науки. Очевидно, отдельные психологические дисциплины в развитии исследования, накопления фактического материала, систематизации знания и в формулировке основных положений и законов дошли до некоторого поворотного пункта. Дальнейшее продвижение по прямой линии, простое продолжение все той же работы, постепенное накопление материала оказываются уже бесплодными или даже невозможными. <...>. Из необходимости — на известной ступени знания — критически согласовать разнородные данные, привести в систему разрозненные законы, осмыслить и проверить результаты, прочистить методы и основные понятия, заложить фундаментальные принципы <...> из всего этого и рождается общая наука» [Выготский, 1982, с. 292].

Выготский верил, что такая общая наука необходима, что она будет создана, что она будет служить нуждам практики и что основой ее послужит марксистская философия (в последнем пункте в полной мере проявилась его принадлежность к одной из школ — к советской психологии). Этой верой обусловлены и его выводы о сущности кризиса психологии, и его видение грядущего пути развития психологической науки, пути выхода из кризиса.

Выготский полагал, что материалистическая психология, развиваясь в непосредственном взаимодействии с практикой, сможет достичь единства и что основой для нее послужит марксизм. Этот прогноз не оправдался. Исторически сложилось, что раскол единой психологической науки на малосвязанные между собой независимо развивающиеся направления продолжился в длительном третьем этапе кризиса, который начался в 30-е годы и получил название периода «затухания» борьбы школ. Отечественная теория, основанная на марксистской философии, не стала

базой для объединения зарубежных школ, но, напротив, вступила в длительный период относительной изоляции за «железным занавесом». Связь отечественной науки с практикой, в которой Выготский видел важнейший нерв ее развития, была практически полностью разорвана после разгрома педологии и психотехники во второй половине 30-х годов, практически направленные исследования для советских психологов на многие десятилетия стали областью смертельного риска.

Мировая психологическая наука вслед за периодом открытого кризиса вступила в так называемый период затухания кризиса, когда связь между школами практически прекратилась и развитие психологии на протяжении большей части XX века осуществлялось в рамках отдельных школ, которые, в соответствии с гениальным предвидением Выготского, становились тем дальше друг от друга, чем успешнее они развивались.

Можно ли говорить как о типичном явлении о муках недостаточного понимания психологией своего предмета, о симптомах «онтологического» кризиса применительно к данному периоду, к периоду максимальной разобщенности школ? Я думаю — нет. Если выводы о принципиальной недостаточности психологических теорий и делались, то лишь по отношению к чужим теориям и чуждым школам, примером чего является представление о кризисе **буржуазной** психологии, бывшее неотъемлемой частью советской истории психологии. В советской психологии послевоенного времени никакого кризиса собственной науки никогда не диагностировалось. Да и в классической работе Л. С. Выготского наряду с констатацией отсутствия взаимопонимания среди психологов, принадлежащих к разным школам, ясно звучит оптимистическая уверенность в грядущей победе той школы, к которой он сам принадлежал, и в ее высоком научном потенциале в отношении преодоления актуальных проблем.

Таким образом, мне представляется правильным выделить в качестве отдельного явления истории мировой психологической науки ее кризис, суть которого сводится лишь к единому целостному комплексу проявлений — распаду психологии на отдельные, слабо связанные между собой школы. Именно этот кризис начался в последней трети XIX века, *и в 80-х годах века XX этот кризис завершился*.

Современное состояние мировой психологической науки, как и состояние других сторон жизни человечества, характеризуется выраженной тенденцией к интеграции. Мир становится единым. Информационный обмен и нужды практики, необходимость разработки единых стандартов профессий уже изменили то состояние мировой психологической науки, в котором она пребывала с конца XIX века на протяжении более ста лет, — состояние «феодальной раздробленности» школ, фактического отсутствия единого общенаучного контекста. Так, процесс объединения Европы вызвал к жизни ряд проектов соответствующей направленности. Важнейшие цели, которые поставлены в рамках данных проектов, — это создание единого диплома о психологическом образовании (Europsychologist diploma), который будет действительным во всех европейских странах, что должно обеспечить общеевропейский рынок труда для психологов и формирование общеевропейской единой правовой базы, регулирующей профессиональную деятельность в сфере психологии, с целью обеспечения гарантий высокого уровня соответствующих профессиональных услуг для населения европейских стран.

Обязательным условием достижения этих целей является формирование единого стандарта знаний, которыми должен обладать специалист, получающий диплом о высшем образовании. Выработка такого стандарта предполагает соотнесение в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными школами, существующими в современной психологической науке. Это непростая задача, над решением которой работают и Европейский союз психологов, и Европейская федерация профессиональных объединений психологов [Lunt, 2000; Newstead, Makkinen, 1997].

Необходимость соотнести различные подходы в контексте единой психологической науки становится актуальной задачей. В мировой психологической науке сегодня закономерно возникают попытки обобщения и соотнесения психологических теорий, создания «теории теорий» психологии, используя выражение А. В. Петровского.

В современной мировой науке сложились и упрочиваются устойчивые приемы сотрудничества представителей разных школ в рамках международных объединений, как практических, так и образовательно- теоретических. Коммуникация между школами активно и с неизбежностью налаживается, и ведущую роль играет в этом фактор институционализации психологической практики, становление психологии как профессии. Отечественная психология участвует в общем движении, она интегрируется в мировую науку после периода относительной изоляции.

Теперь обратимся к «онтологической» кризисной симптоматике современной российской психологии. Хочу подчеркнуть, что наблюдаемые сейчас в нашей науке явления: переживание психологией собственной несостоятельности, переживание психологами несостоятельности собственных теорий — представляют собой, во-первых, явление новое, появившееся в постсоветский период. Для советской российской психологии ничего подробного характерно не было. Как уже говорилось выше, критиковали «соседей», но отнюдь не сетовали на несовершенство собственной методологии. Во-вторых, явление это характерно сейчас именно для России, а отнюдь не является распространенным в мировой науке. Что касается ссылок В. А. Мазилова [Мазилов, 2003; 2006] на работы Л. Гараи и М. Кечке [Гараи, Кечке, 1997], то, во-первых, в данном случае зарубежные ученые давно и устойчиво зарекомендовали себя если не как представители советской психологической школы, то как ее сателлиты, а во-вторых, заслуживает внимания дата — 1997 г. Даже если оставить без внимания то, что публикация отражает ситуацию с опозданием на несколько лет, с 1997 года мировая психологическая наука прошла большой путь, и положение в ней сегодня является существенно иным. Особенно с точки зрения марксистской психологии, к которой относятся цитируемые авторы. То есть в данном случае, в случае работы Л. Гараи и М. Кечке, мы имеем дело с проявлением все той же выше уже упомянутой критики «буржуазной» науки с позиций марксизма.

Возьму на себя смелость утверждать, что «онтологическая» кризисная симптоматика — суть проявление нового, локального кризиса, лишь опосредованно связанного с первым, который длился более века и суть которого заключалась в феодальной раздробленности школ. Данный кризис имеет ярко выраженный локальный характер, а отнюдь не перманентный. Это кризис российской постсоветской

психологии, причины которого имеют конкретно-историческую природу, коренятся в ситуации, сложившейся в российской науке этот период. *Анализу причин этого кризиса, его проявлений и способов преодоления и посвящена вся эта книга.*

Именно к этому кризису, локальному, относятся, по моему мнению, такие часто упоминаемые симптомы, как:

- раскол между исследовательской и практической психологией;
- раскол между восточной и западной психологией;
- кризис рационалистической методологии;
- возрастание веса дезинтеграционных моделей в методологии;
- острое переживание «расчлененности» целостной личности и «недизъюнктивной» психики на самостоятельно существующие память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции;
- острые переживания по поводу отсутствия прогресса в преодолении различных «параллелизмов» — психофизического, психофизиологического, психобиологического, психосоциального.

В мировой психологической науке в настоящее время, в начале XXI столетия, данная симптоматика или успешно преодолевается или вовсе отсутствует. Так, можно уверенно констатировать прочное вхождение в «западную» психологию восточных, в первую очередь китайских и японских ученых (Люнг, Китояма и другие), многие из которых получают образование в американских университетах и, творчески развивая усвоенные там теории на основе национальной культуры, активно печатаются в международных изданиях и выступают на международных конгрессах. Если обратиться к материалам Всемирных психологических конгрессов 2000 и 2004 годов, можно видеть, как достойно представлены там авторы из стран востока, — к сожалению, несопоставимо с российскими учеными.

В. А. Мазилов (Мазилов, 2006) в контексте проблемы кризиса задается «вечными» вопросами: «Кто виноват?», «Что делать?» и «С чего начать?». Ограничусь здесь ответом на последний. Начать следует с непримиримого и четкого размежевания с психологией ненаучной, с психологией, которая открыто не желает «стеснять» себя рамками критериев научности, отрицает специфику научного психологического познания, размывает границы между психологическим познанием научным и ненаучным. Следует четко и институционально размежеваться с такой психологией и лишить ее представителей права на использование «бренда» науки на рынке психологических услуг.

Такой шаг позволит преодолеть раскол между психологической наукой и психологической практикой, о чем подробнее сказано в главе 2.

Этот шаг позволит преодолеть и раскол между восточной и западной психологией, т. к. под видом «восточной» в российской психологии функционируют сейчас в первую очередь именно ненаучные психологические воззрения, и кризис рационалистической методологии, и возрастание веса дезинтеграционных моделей: все эти симптомы суть следствие одной причины.

Что касается преодоления симптоматики острых переживаний по поводу «расчлененности» целостной личности и «недизъюнктивной» психики на самостоятельно существующие память, мышление, восприятие, внимание и другие

психические функции, а также по поводу отсутствия прогресса в преодолении различных «параллелизмов» — психофизического, психофизиологического, психобиологического, психосоциального, я полностью согласна с А. В. Юревичем, когда он считает данные симптомы надуманными переживаниями, путем к преодолению которых является «рациональная психотерапия», т. е. изменение самосознания отечественной науки.

С моей точки зрения такая «рациональная психотерапия» должна заключаться в переходе к восприятию российской психологической науки, а именно того направления, которое сложилось и развивалось в России советского периода, как одной из школ в мировой науке, не тождественной психологической науке в целом. Так как в основном все эти симптомы представляют собой переживания по поводу соринок в чужих глазах, которые — увы! — мешают этим глазам смотреть по-нашему. За названными симптомами стоит осознаваемая или нет тоска по «единой теории» — конечно, такой, которая в основе своей будет иметь наши сегодняшние воззрения. Тоска и надежда навязать соседу свое видение недостатков его теоретических позиций и обратить его в свою веру. Этим надеждам не суждено сбыться. Следует понять, что психология, какой она исторически сложилась в мире, — наука мультипарадигмальная и путь ее интеграции — развитие коммуникации (Мазилов) между школами, взаимного понимания, знания и признания. У каждой школы есть своя зона компетентности и свои ограничения. Когда мы осознаем себя в качестве великой школы, обладающей существенным потенциалом развития и сегодня [Кольцова, 2007; Ждан, 2006 и другие], но не единственной, не тождественной всей психологической науке, в поле нашего внимания окажутся проблемы решаемые, что резко повысит уровень оптимизма и самооценки.

Заключение
О перспективах прогресса российской школы в психологической науке

В ходе острых современных дискуссий о прогрессе психологической науки особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достигнутого отечественной наукой, и о перспективах ее прогресса в ближайшем будущем. На фоне имеющего место несимметричного срастания отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, произошедших в российской психологии в постсоветский период, среди российских коллег достаточно широко распространено как весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода, так и мнение о недостаточной перспективности продолжения теоретико-методологических традиций данного подхода.

Чтобы оценить перспективы прогресса отечественной школы, представляется необходимым прежде задаться вопросами: «Почему психологическая наука в целом переживает такие болезненные сомнения по поводу наличия или отсутствия прогресса в ее развитии? Каковы источники и причины ее «методологических комплексов»? Почему прогресс этот вызывает сомнения, несмотря на множество убедительных доказательств и очевидных свидетельств его наличия?»

Оценивая состояние и успехи нашей науки, психологи нередко обращаются к сравнению ее с естественными науками, как с неким эталоном. Замечательным примером является статья А. В. Юревича «Методологический либерализм в психологии» [Юревич, 2001]. «Одна из главных особенностей методологического самосознания психологов, сопровождающая их науку с момента ее официального рождения, состоит в перманентном ощущении кризиса» [Юревич, 2001, с. 3], — пишет А. В. Юревич, и далее: «В основе кризисного самосознания психологии <...> лежит сравнение с "благополучными" <...> естественными науками, как правило, имеющее результатом "комплекс" непохожести на них и прочие методологические "комплексы"» [Юревич, 2001, с. 6]. А. В. Юревич последовательно анализирует «методологические комплексы» психологии, корни которых он видит в том, что психологи усматривают различия между психологией и естественными науками, «во-первых, в хаотичном состоянии психологического знания — его неупорядоченности, некумулятивности и т. п., во-вторых, в различии систем объяснения, в-третьих, в дефиците практических возможностей психологии, в-четвертых, в недостатке ее прогностических возможностей» [Юревич, 2001, с. 7], и приходит к выводу, что рациональных оснований для того, чтобы констатировать существенные отличия психологии от естественных

наук, нет ни по одному из названных параметров. Психология «не имеет сколь-либо принципиальных отличий от естественных наук, и *когнитивные* основания для вынесения ей тяжелого диагноза — о том, что она находится в глубоком кризисе, — отсутствуют. Основания же для этого — преимущественно психологические: психология, не имея принципиальных методологических отличий от других наук, обладает специфическим и неадекватным *самовосприятием*» [Юревич, 2001, с. 12]. А. В. Юревич рекомендует психологии «*рациональную методологическую терапию*, в основе которой должна лежать коррекция, во-первых, ее Я-образа, во-вторых, образа естественных наук» [Юревич, 2001, с. 13]. В контексте «рациональной методологической терапии» А. В. Юревич обращается к образу прошлого и будущего психологии, и приходит к выводу, что «общая траектория развития психологической науки — это не бесконечное топтание на месте, а постоянный прогресс» [Юревич, 2001, с. 14].

Блестящий анализ, проведенный А. В. Юревичем, на мой взгляд, делает излишним поиск новых аргументов в пользу искренне разделяемой мною точки зрения: **психология ничем не хуже естественных наук, и прогресс в ней не менее очевиден, но оставляет открытым вопрос: почему же именно психология переживает такие болезненные сомнения по поводу наличия — отсутствия прогресса в ее развитии?** Каковы источники и причины ее «методологических комплексов»? Почему уязвлено ее «методологическое самосознание»?

Ответ на этот вопрос, мне кажется, лежит не в плоскости сравнения психологии с другими науками, но в контексте проблем более общего порядка, порожденных современностью. Психология является частью науки в целом, наука — часть человеческой культуры, культура, в свою очередь, представляет собой один из аспектов бытия человечества. Сомнения в прогрессе психологии возникают не тогда, когда мы оцениваем прогресс психологии относительно других наук. Эти сомнения являются закономерным проявлением затруднений, возникающих сегодня при попытках **дать оценку прогрессу науки в контексте развития человеческой культуры и оценить прогресс современной культуры в контексте жизни человечества.**

Здесь обнаруживается ряд острых противоречий, актуальных и болезненных проблем, возникших в результате радикальных изменений, которым подверглась и подвергается на протяжении последних десятилетий жизнь людей. Эти актуальные проблемы современности самым непосредственным образом затрагивают психологию, как в части ее предметной области, так и в части практических применений и «методологического самосознания». Это и порождает те самые «методологические комплексы», то самое «перманентное ощущение кризиса», атрибутом которого являются сомнения в прогрессе нашей науки. Они проявляются **а) как ощущение сомнительности происходящего в ней «прогресса» и б) в форме сомнений в реальности и перспективах подлинного прогресса психологии.**

1. Сомнительность прогресса?

Во-первых, к мысли о сомнительности прогресса психологии приводит дивергенция представлений о ценностях в контексте развития современной культуры. Как писал еще Н. К. Михайловский (1842–1904), наука, которая обращается к анализу

человека как личности, к анализу социальных явлений, неизбежно не просто вскрывает причины и необходимость исследуемого процесса, но и оценивает его с точки зрения «желательности», «идеала». Он так пояснял эту мысль: «Коренная и ничем неизгладимая разница между отношениями человека к человеку и к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором — цель эта не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения» (цит. по: [Голосенко, Козловский, 1995, с. 28]). И далее: «Мы не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно», т. е. через идеал справедливости. Поэтому в качестве первой из причин, вызывающих сомнения в отношении прогресса психологии, следует назвать то смятение в отношении идеалов и ценностей («целей» у Н. К. Михайловского), свидетелями которому мы являемся в современном мире, осознающем себя в своей мультикультуральности, множественности цивилизаций, основанных на различных системах ценностных ориентаций. Сказки об общечеловеческих ценностях уже мало кого убаюкивают, в то же время налицо отсутствие психологической готовности людей адекватно понимать друг друга и взаимодействовать в ситуации множественных и неопределенных ценностных ориентиров. Психологическая наука, как никакая иная, прямо поставлена самой жизнью перед лицом факта **отсутствия общечеловеческих ценностей, по отношению к которым можно было бы оценивать прогресс, в том числе прогресс психологии.**

Сама психологическая наука, как становится очевидным, весьма разнородна в отношении ценностных ориентаций, как терминальных, так и инструментальных. В концепциях разных школ существенно различаются представления о том, что является основной функцией психики, для чего и почему психика возникла в эволюции (свидетельством чему является, в частности, ведущаяся на страницах отечественных журналов дискуссия о предмете психологии). Различаются представления о сущности и идеале человеческой личности в различных психологических теориях. В процессе интеграции мировой науки обнажаются аксиоматические основания различных теорий, основания по сути своей ценностные, соотнесенные с идеалами культуры, в контексте которой та или иная теория создавалась. Не менее остро стоит проблема дивергенции ценностей в психологической практике. Так, на съезде психологов России в 2003 г. обсуждалась необходимость декларирования целей психологом-консультантом, чтобы клиент мог осознанно осуществить выбор вида предлагаемой психологической помощи. Таким образом, можно отметить, что сама разработка психологией актуальных вопросов дивергенции ценностных ориентаций в современной культуре становится источником болезненных субъективных переживаний в области профессионального самосознания психолога и служит основой соответствующего «методологического комплекса».

Во-вторых, важным источником сомнений в прогрессе психологии являются остро обозначившиеся в современном мире **противоречия между культурой и цивилизацией, между прогрессом материальным и духовным**.

Все более отчетливо звучит в трудах современных культурологов мысль о том, что современное развитие цивилизации, понимаемой сейчас прежде всего как материальная сторона жизни общества, научно-технический прогресс, уровень жизни

общества и потребляемые блага, в определенных случаях и аспектах разрушает культуру, влечет за собой снижение ее уровня. Так, стало уже стереотипом общественного сознания, что «приобщение к цивилизации» обществ, которые вели достаточно примитивный в смысле материальной стороны образ жизни, нередко приводит к духовному опустошению и снижению до уровня подлинного варварства духовного облика их членов.

Становится также очевидным, что в сложившемся противостоянии культуры «массовой» и культуры «высокой», элитарной, т. е. подлинной, «цивилизация» перетягивает канат на сторону массовой культуры. Само понятие массовой культуры как чего-то качественно отличного от культуры подлинной порождено цивилизацией. Массовая культура в этом смысле совсем не то, что культура народная, которой цивилизация традиционно противопоставлялась[9]. Можно утверждать, что именно современная цивилизация превратила имеющиеся в каждом обществе неоформившиеся ростки культурных тенденций, в чем-то архаичных, в мощного и опасного монстра, подобно тому как человеческим гением из ДНК лягушек и древних окаменелостей были созданы динозавры в «Парке Юрского периода» С. Спилберга.

В отношении возможного разрушающего влияния научно-технического прогресса на культуру примером является и имеющая место у существенной части молодого поколения утрата привычки и навыка серьезного чтения как следствие распространения новых информационных технологий. Можно с уверенностью говорить, что достаточно большой процент образованных молодых людей испытывает серьезные затруднения в восприятии и понимании традиционной письменной речи с ее усложненными языковыми правилами, оборотами как в сфере научной литературы, особенно в гуманитарных науках, так и применительно к литературе художественной. Вопрос преемственности в области культуры, носителем которой традиционно являлась именно письменная речь, становится неочевидным, что вызывает существенную тревогу.

Болезненные проблемы столкновения и противоречий тенденций в развитии цивилизации и культуры в современном обществе, как никакую другую науку, поражают и буквально разрывают на части психологию, область которой, как известно, лежит на перекрестке естественнонаучного знания, в большей степени реализуемого в области «цивилизации», и гуманитарного, непосредственно отнесенного к «культуре». Это также становится основой соответствующего «методологического комплекса» и порождает сомнения в прогрессе нашей науки.

Обратимся теперь к еще одному, *третьему* в нашем анализе источнику сомнений в прогрессе психологии, к еще одной актуальной проблеме, занимающей умы современников, — к противоречиям в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества и в целом к утрате веры в благотворность развития науки для человечества. Эти противоречия непосредственным образом затрагивают

---

[9] См., например, определение цивилизации в «Международной энциклопедии социальных наук»: «Цивилизация — категория, используемая антропологами в противопоставлении понятию примитивной или народной культуры человечества» (цит. по: [Сравнительное изучение цивилизаций, 1999, с. 12–14]).

психологию как в отношении ее предметного поля, так и в отношении методологического самосознания.

Следует отметить, что в истории философии существует три взгляда на направленность и качество развития общества. Это теории прогресса, регресса и циклического развития. Однако с древности до последнего времени — всегда вера в будущее человечества основывалась на вере во всесилие рационального мышления, перспективы человеческого общества связывались с развитием разума, с развитием науки и культуры. Даже такой мыслитель, как З. Фрейд, убежденный в том, что «человеческий интеллект бессилен в сравнении с человеческими влечениями», надежды на прогресс человечества связывал все же именно с интеллектом, с развитием науки. В одной из поздних своих работ, в книге «Будущее одной иллюзии», он отмечает, что, хотя человеческий интеллект слаб, «есть что-то необычное в этой слабости: голос интеллекта тих, но он не успокаивается, пока не добьется, чтобы его услышали». «В конечном счете, — подытоживает Фрейд, — ничто не может противостоять разуму и опыту...» — и приходит далее к оптимистичному заключению: «Мы верим в то, что наука в труде и исканиях способна узнать многое о реальности мира, благодаря чему мы станем сильнее и сможем устроить свою жизнь» [Фрейд, 1989, с. 140–141].

На протяжении жизни ныне живущего поколения[10] впервые в истории **вера в благотворность цивилизации и культуры, общий взгляд на науку как на опору и основу прогресса человечества были поколеблены.** На фоне возрастающего влияния науки на жизнь людей возникло и распространилось представление о том, что рациональное познание несет в себе угрозу человечеству. Потенциальная сила воздействия отдельных решений, принимаемых людьми, непосредственно связанными с «рычагами» научно-технического прогресса, на ход событий в масштабах планеты растет вместе с ускорением хода истории. В середине XX века Курт Воннегут в романе «Колыбель для кошки» показал ученого, который совершил открытие, приведшее к гибели мира, буквально не ведая, что творит. Сознание творца «льда-9» вмещало лишь академическую сторону его исследований и детали собственной частной жизни. Это был роман-предостережение, которым писатель хотел привлечь внимание современников к проблеме. К концу XX века переворот в общественном сознании совершился. Человечество достигло понимания того, что наука и технический прогресс не являются абсолютным благом не только для отдельного человека или сообщества, которые могут пострадать так или иначе в процессе приобщения к «цивилизации», но и для человечества в целом. Тема зла, которое несет наука, одна из наиболее популярных сегодня на рынке стереотипов массовой культуры: в сценариях фильмов и т. п.

Миф о безотносительной полезности науки развеян, и ему на смену уже пришел новый миф — о сверхценности «природных», отчасти утраченных с развитием

[10] Известный американский футуролог А. Тоффлер предложил последние 50 тыс. лет существования человечества измерить числом поколений, каждое продолжительностью жизни в среднем 62 года. Получилось около 800 таких поколений, из которых 650 жили в пещерах. Лишь два последних поколения людей используют электромотор, а подавляющее большинство всех материальных ценностей и приспособлений, которыми мы пользуемся, были созданы на протяжении жизни лишь последнего поколения.

цивилизации приемов и способов выживания. О том, в какой мере мифологична идеализация «природных» способностей человека к выживанию и насколько человечество своим положением доминирующего вида на Земле действительно обязано науке как особой форме детерминистского, рационального, эмпирически проверяемого познания, можно судить, например, по следующим фактам: «Ускоренный рост численности населения начался примерно 8000 лет назад с развитием земледелия, благодаря которому стала возможной жизнь в городах. В нынешнюю фазу, характеризующуюся колоссальным ростом численности населения и освоением все новых районов человечество вступило лишь в самое последнее время, с развитием индустриализации <...>. Общее число людей в эпоху неолита определяют примерно в 5 млн., а в период появления первых крупных городов — в 20–40 млн. Современному виду Homo sapiens потребовалось около 20 000 лет, чтобы достичь численности 200 млн. (во времена Римской империи). В последующие 1500 лет (к 1600 г. н.э.) население земного шара возросло до 500 млн., спустя еще 200 лет — более чем удвоилось (около 1 млрд. в 1800 г.). В наши дни на земле проживает около 3 млрд. человек» [Харрисон и др., 1979, с. 582]. Не стоит забывать и о колоссальном увеличении продолжительности жизни человека на протяжении жизни последних нескольких поколений.

Авторы изданной Оксфордским университетом в 1977 г. монографии «Биология человека» [Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Тэннер, Н. Барникот, В. Рейнолдс, 1979] отмечают: «Человек как биологическое существо добился решающего успеха лишь недавно, лишь в самое последнее время. Люди обычно забывают или недостаточно ясно представляют себе, насколько непрочным было их положение на Земле в первые тысячелетия их существования» [Харрисон и др., 1979, с. 8].

Таким образом, в современном мире вопрос о месте и значении научного познания, культуры в целом, в контексте проблемы выживания и адаптации человечества стал не просто дискуссионным — это вопрос веры и суеверия, область функционирования эмоционально насыщенных стереотипов массового сознания. Это вопрос, борьба мнений в отношении которого стала борьбой идеологической. И снова именно психология в наибольшей степени оказалась под ударом происшедшего разлома в общественном сознании. В силу своего статуса науки одновременно и о природе человека, и о человеческом познании, о видах и формах человеческой деятельности и жизнедеятельности, она оказывается единственной наукой, прямо и непосредственно имеющей внутри своего предметного поля проблему потенциального противоречия прогресса человеческой культуры и выживания человечества. Психология поставлена самой жизнью перед вызовом этой проблемы, значимость которой и сложность служат фактором колоссального методологического напряжения в нашей науке, которому сопутствуют «методологические комплексы» и сомнения в ее прогрессе.

Еще один, *четвертый*, из называемых нами источник сомнений в прогрессе психологии — это **противоречия во взаимосвязи прогресса человеческого индивидуума и человеческого общества в современной культуре.** Практически неизменным на протяжении веков в истории философии остается представление о прямой связи прогресса общества и блага отдельного индивидуума. Вредное влияние

общества на человека трактуется как результат неправильного, требующего исправления общественного строя. Типичным примером является теория К. Маркса, который исходит из взгляда на человека как на существо цельное, «неотчужденное», доброе, рациональное. Для того чтобы изначальные положительные качества человека проявились, необходимо преобразовать современное Марксу общество. В будущем коммунистическом обществе, как верит Маркс, человек, преодолевая отчуждение, вернется на новой, более высокой ступени к своему исходному и подлинному состоянию. Отличие этого нового «золотого века» от первобытного общества заключается в том, что здесь «неотчужденность» базируется на безграничном росте производительных сил, всемогуществе человека и невиданном изобилии. Высшая цель общественного развития по Марксу — развитие личности.

В XX веке вера в то, что прогресс общества является благом для индивидуума, была поколеблена, а в современный период ее можно считать утраченной. Причиной коренных изменений представлений о взаимосвязи блага индивидуума и общества стало то, что к началу двадцатого века отношения между индивидуумом и обществом приобретают совершенно новый, доселе невиданный характер. Общая тенденция ускорения исторического процесса привела к тому, что смена поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на глазах коренным образом меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, представления о том, как следует поступать в той или иной ситуации. Приспособиться к опережающим изменениям в культуре становится сверхзадачей, для решения которой индивид должен употребить все силы, часто подорвать душевное здоровье, внутреннюю гармонию.

В XX веке в психологической науке закономерно возникают и крепнут сомнения в благотворности общественного прогресса для индивидуального развития человека. К. Г. Юнг еще в первой половине XX века приходит к заключению: прогресс общества покупается ценой своего рода культурных увечий человеку, нарушения природного равновесия в нем различных способностей. Общество, по его мнению, добиваясь своего прогресса, использует человека в его профессиональной деятельности всегда односторонне, лишь определенная группа психических функций при этом оказывается задействованной — и развиваемой. К тому же обычно востребованы как раз те функции, которые и от природы более сильны. Юнг полагает, что такое одностороннее развитие нарушает природную сбалансированность личности, порождает дисгармонию и страдания. «Как порабощение массы было открытой раной античного мира, так рабство неполноценных функций является неизлечимой кровавой раной в психическом современного человека» [Юнг, 1995, с. 108], — заключает он и цитирует в подтверждение своих слов Ф. Шиллера: «Я ясно вижу преимущества, которые нынешнее поколение, рассматриваемое как единое целое, имеет на весах рассудка перед лучшими мужами прошлого. Однако состязание должно начаться сомкнутыми рядами и целое должно быть сравниваемо с целым. Кто же из новых выступит вперед, дабы сразиться один-на-один на приз человечества с каким-либо афинянином?» (Ф. Шиллер, «Письма об эстетическом воспитании человека», цит. по: [Юнг, 1995, с. 105]).

В конце XX века то обстоятельство, что прогресс человечества не обязательно предполагает прогресс человеческого индивидуума, стало очевидным и перешло в область стереотипов общественного сознания. Популярным сюжетом

«ужастиков» стало превращение людей в монстров-мутантов и т. п. безумными учеными, стремящимися к прогрессу.

Вопрос о возможной расплате человеческого индивидуума за прогресс человечества, порождающий неразрешимые и мучительные противоречия в общественном сознании, непосредственно относится к предметной области психологии, зона практических применений которой находится на пересечении потенциально противоречивых интересов индивидуума и общества. Рефлексия по поводу имеющих здесь место противоречий порождает «методологические комплексы» и ощущения сомнительности прогресса психологической науки.

И еще один, *пятый* в нашем анализе, источник сомнений в прогрессе психологии, еще один разлом общественного сознания кажется необходимым затронуть. Данная проблема среди уже названных кажется наиболее новой, порожденной последними событиями в развитии мировой цивилизации. Она также непосредственно относится к вопросу о месте и роли культуры в обеспечении перспектив человечества. В 1984 г. М.К. Мамардашвили писал: «...среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной из главных и часто скрытой от глаз является антропологическая катастрофа, проявляющаяся совсем не в таких экзотических событиях, как столкновение Земли с астероидом, и не в истощении ее естественных ресурсов или чрезмерном росте населения, и даже не в экологической или ядерной трагедии. Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процесса жизни» [Мамардашвили, 1992, с. 107]. В чем же заключаются та антропологическая катастрофа, которой опасается М. К. Мамардашвили?

На мой взгляд, в психологическом аспекте речь в его статье идет о совершающемся отрыве «поля значений» от «поля смыслов» в процессе того, что сейчас называют виртуализацией современной цивилизации [Иванов, 2002]. Виртуализация общества, в 80-е годы лишь едва наметившаяся как тенденция, а теперь ставшая очевидной реальностью, — это радикальная трансформация способа существования нашей цивилизации, порожденная развитием компьютерных технологий (прежде всего технологий виртуальной реальности) и проникновением их во все сферы жизни общества. Процессы производства и потребления приобретают характер «дискурса» знаковой манипуляции. В условиях массового производства и массового потребления товар — это прежде всего знак. Социальный статус товарного знака определяет, каких денег стоит вещь, а не ее реальные свойства и не затраты труда. «Знаки» не обмениваются больше на «означаемое», они замкнуты сами на себя, человек имеет дело уже не с вещью, а с симуляцией (изображаемым). Общение в виртуальном мире происходит не между реальными личностями, с их реальными статусами в общей, разделяемой, реальности, а между выдуманными, изображаемыми, героями, становится знаком реального в ситуации утраты самой реальности.

В процессе виртуализации основа человеческого сознания, традиционно понимаемая как единство общественного, общеразделяемого, реального слова и дела, оказывается под угрозой. Человеческое сознание в психологии традиционно рассматривалось как феномен, возникший из общей, коллективной деятельности, в которую

каждый вносил свой вклад, выполняя свою специфическую задачу, в результате чего совместными усилиями достигался реальный результат, позволявший всем удовлетворить свои реальные потребности. Индивидуальные смыслы, замкнутые на реальность, прямым и непосредственным образом здесь имеют очевидную зону пересечения в реальности же — коллективное потребление плодов коллективной деятельности. Общие для всех значения также коренятся в этой зоне пересечения смыслов, обеспечивая связь с реальностью и адекватность человеческим смыслам человеческой культуры, языка, — единство и неразрывность общественного и индивидуального сознания. В этом смысле Мамардашвили говорит о «фундаментальной двоичности сознания». Это неразрывная диалектическая связь реальности коллективного бытия и его отражения в человеческом сознании. Мамардашвили говорит о коллективном характере (образ «агоры»[11]) человеческого искания истины, человеческой культуры, человеческой жизни. Разрушение единой ткани общественного бытия и сознания, замещение «агоры» одиночеством в виртуальном мире — в этом он видит угрозу человечеству: «...сознание фундаментально двоично. В зазеркалье же, где меняются местами левое и правое, все смыслы переворачиваются и начинается разрушение человеческого сознания. Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия. Эти “сознательные” акты и знания перестают участвовать в мировых событиях, в истории. Не имеет значения, что у тебя в “сознании”, лишь бы знак подавал. В пределе при этом исчезает необходимость и в том, чтобы у людей вообще были какие-то убеждения. Веришь в совершающееся или не веришь — не имеет значения, потому что именно подаваемым знаком ты включаешься в действие и вращение колес общественного механизма» [Мамардашвили, 1992, с. 119]. Виртуализация стала фактом. И фактом стал порожденный ею «комплекс» общественного сознания — чувство утраты реальности жизни, утраты контроля над реальностью[12].

Рушатся традиционные представления о человеческой общности и общении, о человеческом сознании, построенные на представлениях об общей реальности, которая отражается в сознании, реальности, в контексте которой происходит общение, формируется общность и осуществляется взаимопонимание людей, взаимодействующих в общем для них пространстве и времени единого материального мира. В VI в. до н.э. Гераклит писал: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий космос, из спящих же каждый отвращается в свой собственный». Для современного человека то, что все мы, бодрствующие, чувствуем, действуем и мыслим в едином и общем мире, уже не является очевидным. Взаимодействие между людьми, опосредованное виртуальной реальностью, при отсутствии очевидной опоры на объективную реальность совместного бытия и коррекций образа мира на основе

---

[11] «...Для меня эта внутренняя, углубленная в себя жизнь без агоры то же самое, что искание истины в уборной. Если бы у меня был талант Кафки, я бы описал сегодня эти душевные внутренние искания как фантастические, странные искания истины там, где ее по онтологическим законам человеческой жизни быть просто не может» (Мамардашвили, 1992, с. 119).

[12] Отражением этого комплекса стал фильм «Матрица» и подобные, последовавшие за ним.

постоянно включенного механизма обратной связи, уже не обеспечивает переживания полноты и адекватности взаимного понимания в процессе взаимодействия, не обеспечивает переживания цельности личности партнера по общению и — как следствие — собственной личности. Границы личности в виртуальном мире размыты, а структура утрачивает определенность и тендирует к своего рода «мерцанию формы», что порождает болезненный комплекс проблем личности и общения у современного человека.

Комплекс острых и на сегодняшний день не разрешенных проблем человеческой культуры, порожденных виртуализацией современного общества, также оказывается частью предметного поля психологии, ложится бременем на «методологическое самосознание» нашей науки, порождая ощущение сомнительности ее прогресса.

Таким образом, мы приходим к заключению, что «методологические комплексы», сопутствующие нашему профессиональному самосознанию, есть не что иное, как следствие и отражение актуальных проблем развития человеческого общества, которым сопутствует переживание неразрешимых и мучительных противоречий в сознании современного человека. Эти проблемы порождены особенностями современного этапа человеческой истории. И самым непосредственным образом неразрешенность этих проблем рефлексируется в область «методологического самосознания» психологии, порождая ощущение **сомнительности прогресса** в нашей науке.

Среди этих проблем здесь были названы следующие:

- Дивергенция ценностей в современном мире, утрата веры в общечеловеческие, единые для всех идеалы.
- Противоречия во взаимосвязи культуры и цивилизации, прогресса научно-технического и духовного.
- Утрата веры в благотворность науки и культуры. Противоречия в оценке места и роли культуры в обеспечении будущего человечества.
- Противоречия во взаимосвязи блага человеческого индивидуума и прогресса человеческого общества.
- Разрушение традиционных форм человеческого общения, человеческой общности и сознания человека в процессе виртуализации общества.

2. Сомнения в прогрессе?

Список перечисленных проблем не претендует на полноту. Но уже названные позволяют ясно видеть, что комплекс важнейших и болезненных противоречий современной культуры, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории, прямо относится к предметному полю психологической науки и ее «методологическому самосознанию». Общий вектор развития психологии в XX столетии был определен тем фактом, что к началу XX века смена поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда на глазах коренным образом меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, представления о том, как следует поступать в той или иной ситуации. Проблемы соотношения

наследственного и приобретенного, пределов изменяемости человеческой психики, потенциальных возможностей развития и определяющих его факторов объективно стали главными проблемами бурно развивавшейся психологической практики двадцатого века и заняли центральное место в психологических теориях, которые не только составили существенную часть культуры XX века, но оказались и важнейшим фактором развития этой культуры в целом. И на современном этапе развития общества значимость психологии в системе наук и в культуре в целом лишь возрастает. Именно психология призвана дать ответ на наиболее острые поставленные временем вопросы, в силу своего статуса науки одновременно и естественной, и гуманитарной, науки о человеке во всей полноте и противоречивом единстве сторон и форм его бытия. Ни одна другая наука не может сделать этого в силу недостаточности своего предметного поля. **Прогресс психологии поэтому объективно необходим и неизбежен в контексте современного развития человеческой культуры**. Именно психология сейчас востребована, как никакая другая наука, и ее «методологические комплексы» — не что иное, как болезни роста, сопутствующие неизбежному, уже идущему — и ускоряющемуся прогрессу.

Однако этот прогресс не может быть, не был и не будет ни всеобщим, ни равномерным. И здесь лежит еще один, внутренний, порожденный особенностями структуры самой психологической науки источник сомнений в том, что психология прогрессирует.

Психологическая наука сегодня переживает период бурных и разноплановых изменений. После достаточно длительного периода так называемого кризиса психологии[13], в ходе которого мировая психологическая наука фактически распалась на независимые «империи», сегодня в мировой науке доминирует тенденция к интеграции. Важнейшим фактором интеграции мировой науки стало становление психологии в качестве профессии, что повлекло за собой необходимость единых стандартов психологической практики и образования, которые включали бы достижения различных школ. На наших глазах сегодня рождается целостная структура единой мировой науки, укрепляется взаимопонимание между школами и обмен информацией. Наряду с этим имеет место и обострение противоречий между направлениями, область психологии становится ареной борьбы различных течений. Так, в отечественной науке развернулись острые методологические дискуссии: об отношениях науки и вненаучных форм психологического познания [Юревич, 2005 б], о предмете психологии [Методология и история психологии, 2006], о взаимоотношениях естественнонаучного и гуманитарного направлений [Юревич, 2005 а], о парадигмальном статусе психологической науки [Корнилова, Смирнов, 2006].

В контексте последней дискуссии я разделяю точку зрения, что психология является наукой мультипарадигмальной. Сложная сетевая организация психологической науки как мультипарадигмальной адекватна многоплановости ее предметного

---

[13] Кризисом, в соответствии со сложившейся в литературе традицией (Ждан, Юревич и др.), здесь называется период в развитии мировой психологической науки, начавшийся в 70-х годах XIX века, на протяжении которого мировая психология существовала в состоянии раздробленности, развивалась в контексте отдельных относительно независимых школ в отсутствии единой теории и единых критериев валидизации научного знания.

поля. Соответственно, прогресс психологии мне видится как весьма дифференцированный. Оценка достигнутого в XX веке прогресса, как и место в науке XXI века, для разных школ представляются очень разными.

Особенно спорным и в то же время актуальным для отечественного профессионального сообщества является вопрос об оценке прогресса, достигнутого отечественной наукой, и о перспективах ее прогресса в ближайшем будущем.

Для отечественной психологии вхождение в формирующийся единый контекст мировой науки осложняется особенностями протекания предшествующего периода ее развития, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции школ усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития нашей страны, языковым барьером. Зарубежные коллеги не имеют представления о развитии российской науки на протяжении большей части XX века, что приводит сегодня к восприятию ими нашей психологии как «развивающейся» провинции мировой науки, лишенной собственных теоретико-методологических корней, миссионерскому к ней отношению. На фоне имеющего место несимметричного срастания отечественной и зарубежной науки и радикальных изменений, произошедших в российской психологии в постсоветский период, среди российских коллег также достаточно широко распространено как весьма критическое отношение к достижениям российской психологии советского периода, так и мнение о недостаточной перспективности продолжения теоретико-методологических традиций данного подхода.

В то же время, представляется, что потенциал этого направления далеко не исчерпан, что в психологии XXI века весьма достойное место может принадлежать отечественной школе, в теории и методологии которой, в отличие от большинства великих школ западной науки XX века, делается упор на культурной формируемости «лица» человеческой психики, на отсутствии природной заданности свойств и самой структуры личности, что создает благоприятные предпосылки для конструктивного подхода к пониманию радикально новых явлений в развитии культуры, в том числе и названных в настоящей статье актуальных проблем и болезненных противоречий, порожденных объективным ускорением хода человеческой истории.

Заложенное в основу отечественной теории, восходящее к работам И. М. Сеченова и И. П. Павлова представление о потенциальной противоречивости биологических и социальных программ и об их возможности оказывать взаимно отменяющие воздействия позволяет утверждать, что развитие и становление индивидуальности не предопределено ни биологической, ни социальной программой. С точки зрения отечественной психологии не существует «типового варианта» гармоничного человеческого развития: ни заложенного природой, ни социально обусловленного, — парадоксальная сущность человека заключается именно в том, что он творит себя сам, всегда и каждый раз по-новому. С точки зрения отечественной теории, социум уже не просто влияет на реализацию природной программы развития. Развитие личности предстает как сложное взаимодействие природной индивидной программы с интериоризуемой в процессе воспитания программой социального развития. Такой подход существенно углубляет представления о природе личности, пределах и возможностях ее изменения, развиваемые в зарубежных теориях, позволяет рассматривать обнажившиеся в культуре начала XXI века противоречия

как диалектические и открывает перспективы развития конструктивных подходов к пониманию новых явлений культуры и цивилизации.

Так, дивергенция ценностных ориентаций в современной культуре драматически противоречит основным постулатам западных теорий, несовместима с представлениями о должном, рассматривается как аномалия, требующая исправления, в пределе — насильственного исправления. С точки зрения отечественной школы, расхождение базовых ценностей получает объяснение как нормальный и естественный феномен. Здесь возможен поиск диалога и развитие понимания между разными культурными общностями.

В отношении противоречий во взаимосвязи прогресса индивидуума и прогресса общества заслуживает внимания диаметрально противоположный изложенному выше подходу К. Г. Юнга взгляд классиков отечественной школы на проблему функциональной специализации человека и развитие индивидных свойств в структуре субъекта деятельности, что особенно ярко проявилось в концепции индивидуальности Б. Г. Ананьева. Функциональная специализация, специализированное развитие функций здесь рассматривается как единственно возможный путь к общей стабилизации и гармонизации развития человека, путь к гармоничной и целостной структуре личности, всегда индивидуально неповторимой.

Представляется, что именно отечественная теория в силу специфики своего подхода к природе человека как к сущности, подвергаемой радикальным изменениям в процессе исторического развития, обеспечивает, что немаловажно, и возможность формирования оптимистической картины мира у современного человека.

Таким образом, в контексте **неизбежного**, на мой взгляд, хотя и **не равномерного, не всеобщего и не повсеместного прогресса** психологии в XXI веке отечественные теория и методология представляются остро актуальными и обладают существенным потенциалом развития. Для того чтобы российская психология была воспринята мировым профессиональным сообществом как самобытная школа, необходима многоплановая и настойчивая работа российских психологов. В русле решения этой задачи особое значение имеет прояснение профессионального самосознания: переход от аморфных и внутренне противоречивых общих представлений о том, что представляет собой российская психология и какое место она занимает в контексте мировой науки, к образу четкому и дифференцированному, от понятия по сути географического, к понятию концептуальному. Очевидно, что не все российские психологи придут в результате к единому мнению. Однако я полагаю, экспликация и прояснение имеющего место «сосуществования и сложного взаимодействия различных имиджей и позиций» [Юревич, 2006, с. 12] являются необходимым условием обеспечения развития традиций отечественных теории и методологии в мировой науке современного посткризисного периода.

RESUME

Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian Psychological Science

Hardly any of Russian psychologists today can stay indifferent to the question of the place and significance of Russian psychology in the world science and concomitant issues of integration into the global mainstream. The more so that formal evaluations of the work of Russian scientists are more and more determined by the presence or absence of their publications in foreign scientific journals and reference systems. The adequacy of such evaluation criteria and in general of that straightforward focus on the mainstream raise debates among Russian psychologists and demand analysis which is presented in a number of publications (Akser and Saveljeva, 2010; Mironenko, 2005; Mironenko, 2007b; Sirotkina and Smith, 2008; Yurevich 2008a; 2008b; 2009; 2010a; 2010b; Yurevich and Tzapenko 2010; Yasnitsky, 2011). We particularly note the works of A.V. Yurevich where the problem of the integration of Russian psychology into the mainstream and the applicability of the above-mentioned criteria for the evaluation of the work of Russian scientists are considered in the broad context of social processes in the professional community.

A.V. Yurevich notes, that among Russian psychologists today we can trace both "globalist" (integrative) and "counterglobalist" (isolationist) tendencies: "Straightforward orientation to Western standards, prescribing Russian science erasing national specificity comes along side with the same straightforward denial of the need to adjoin to the world mainstream " (Yurevich 2010b, p.55).

One cannot but agree with the conclusion of A.V. Yurevich that "the obvious inadequacy of both two extreme positions and the need to preserve most prolific national features of Russian science on one hand and on the other hand, the need of integration into the global mainstream, makes feasible the compliance of the principle of *optimum integration* "(Yurevich 2010b, p.55).

But what should be this *optimum*, what issues should be considered in order to define this optimum — these remain debatable, and this I would like to discuss.

For what purpose are Russian psychologists seeking integration into the mainstream? Who and why needs it (or does not need) in the heterogeneous contemporary Russian professional community? What motives bring forth the "globalist" and "counterglobalist" tendencies?

Let us try to reveal groups in our professional community within which interests and ideals of the participants seem to be more or less the same in relation to integration with the mainstream.

Our assessment will be based on theoretical grounds and predilections within the groups. To identify those let us consider the situation in which the contemporary psychological community was formed.

Contemporary Russian professional community was formed on the remains of the paradigm of Soviet psychological science. Soviet psychology had been, in a measure forcibly, kept within the framework of a mono methodological trend, oriented to standards of natural sciences and based on Marxist philosophy, with a priority of fundamental research. During the Soviet period psychological practices were restricted and research centers were scarces. There were only few units providing applied psychological research in big clinical centers, in defence industry central institutions, etc. Universities were the main centers providing psychological research and education, and there were only three universities in Russia (eight all together in the USSR), where there were psychology faculties: Moscow (MSU), Yaroslavl (YarSU), and Leningrad university (LSU). University faculties were more research centers than educational institutions, e.g., LSU graduated each year about 50 full-time students, YarSU was smaller, MSU graduated over hundred students. All education was free, the entrance was on a competitive basis. There were fully equipped laboratories, where all the students got profound training. And these faculties were doing research for the government, very well financed. The faculties and the departments were headed by well-known researchers who were directing the investigations for which the faculties got their money from the state.

When perestroika began financial support of science and education was seized. Researchers had to find some new sources for living. Many Russian specialists in mathematics and physics went abroad. For psychologists this appeared to be not so easy because of the language barrier and because of their specific theoretical background. But another powerful source of finance sprang up: the “customer demand” for practical psychology. Three product areas opened where psychologists were called for and very well paid:

- Politics. Elections, gubernatorial and others. Politicians believed that psychologists could help them to exert influence upon the voters.
- Young and wild Russian business. New Russians believed that psychologists could help them to sell their products and to raise labor productivity.
- Psychological education. People were interested in psychology. They believed that it could help them to get rid of their stresses and inner conflicts and to be influential. Psychological education became very popular, and it was provided at all levels, from short time courses up to university diplomas.

So, psychology has been boosted in Russia since “Perestroika”. The number of graduated psychologists has increased dramatically. In 2003 there were about 300 institutions of higher education in psychology in Russia from which about 5 000 students annually graduated. You can guess that these universities were very different from the old ones. The “father” University faculties also changed to meet the situation: now they were making money not on fundamental research, but on "educational services".

The totalitarian government during the Soviet period had treated psychology as a gardener shaping his tree: letting only those branches grow which fit his plan. Any deviation was illegal. With the fall of the Soviet state, ideological barriers to the development

of Russian psychological science were removed. Many of older psychologists were just tired of sticking to the old theoretical "rules". The majority of the newly graduated psychologists had little knowledge of what the theoretical basics of Soviet Psychology were, and no interest to know about it. Most rapidly developing areas of contemporary Russian psychology were those which had been virtually abandoned during the Soviet period: counseling psychology, social psychology etc. Naturally, Western psychological theories were generally recognized and widely employed. Lots and lots of textbooks translated into Russian had no references to Russian authors whatsoever.

Thus, the majority of the contemporary Russian psychological community does not at all refer to the paradigm prevailing in Soviet psychology.

What part of the contemporary professional community masters theories of Soviet psychology? A very small one. That knowledge had to be transmitted directly from teachers to students, particularly taking into account the role of oral tradition in psychological education in Soviet Russia. There were no tutorials and classbooks for future psychologists. Their studies were based on monographs and papers, which were written in "Aesopian" language. The texts of our classics require hermeneutics, require reading together with the teacher.

That theory is mastered today by a very small part of the professional community, by those who have been specially trained and educated. Moreover, not all of these people cling to the old theoretical positions, so that this group's size gradually decreases.

However, the first group, which we denote is a group of followers of the Soviet psychology traditions, let us call it "*Activity theory (AT) trend*", as this is the most frequently used label for Soviet psychology in the mainstream. This group is not numerous, but that does not diminish its significance in the context of the problem being discussed.

What other groups should be singled out?

In the 90's with the collapse of the Soviet psychology paradigm, against a combination of processes of blurring of boundaries between the national and the global science and those of disintegration of the national professional community, a focus on foreign theories dominated in Russian psychology. Scientists who cling to those we shall call here "Pro-Western Developments" and assign them to a particular group, the second one in our analysis.

As for authentic trends that have developed in Russia in the post-perestroika period, we can denote Christian Orthodox Psychology, or Spiritual-Philosophical psychology, that is developing vigorously now, continuing a tradition that existed in Russia in pre-Soviet period. This research we shall call here "National Authentic Developments" and assign the scientists to a new group.

Of course, our classification is unilateral and symbolic, it does not appeal to the substance of the theories, very different theoretical orientations we put here in the same group (behaviourists, psychoanalytics, humanistic psychologists are all ascribed to "Pro-Western Developments"), because here we take into account only one aspect — how the theoretical approach developed in Russia in Post- Soviet period: continuing the development of the paradigm of Soviet period (AT); following contemporary Western traditions ("Pro-Western Developments"); Authentic developments ("National Authentic Developments"). And of course, very rarely we can see a pure brand in reality. Yet the classification is very easy to use — just look into the reference lists in papers...

Thus, three groups of scientists result:

- “Activity theory” (AT),
- " Pro-Western Developments",
- "National Authentic Developments".

Note that the structure of scientific community, to which our analysis has lead, to a large extent resembles the one in Russia in the pre-Soviet period, as described by V.A. Koltzova (Koltzova 1997; 2002):

- “Experimental” psychology, closely linked with Russian physiologists (I.M. Sechenov, I.P. Pavlov.), which became the basis for the development of science through the Soviet period;
- “Empirical” psychology, which is characterized by the orientation to European concepts and methods (followers of V.Vundt);
- Religious and philosophical psychology, based on the ideas of Russian theological, spiritual and philosophical thinkers.

Let us consider the problem of interests, ideals and constraints to integration with the mainstream separately for the groups we denoted in Russian professional community.

«Pro-Western Developments» include those who focus on Western theories: behaviourist, psychoanalytic, humanistic, etc. Globalist tendencies are naturally inherent here. This group accounted for the bulk of the avalanche increment of psychological community in the 90's, due to massive emissions of translated foreign books on psychological education market, the latter growing rapidly at that time.

The growth of counterglobalist tendencies in modern Russia to certain extent results from the disappointment of many of these people which befell them when they tried to enter the mainstream. Their research is of no interest there, their papers are not published in the journals. The point is not that the West is not interested in the life in Russia they assess, as A.V. Yurevich writes. It is the level of their work which does not meet the requirements of the mainstream. This is not surprising, since a substantial part of this group of scientists studied foreign theories by translations and retellings in textbooks, they do not read contemporary Western journals and therefore can not meet the requirements of the discourse. One can agree with AV Yurevich when he states that «hidden» from the West, Soviet psychology was more interesting for the international community than contemporary, «wide open to the West», but the reason for the presence or lack of interest is not in secrecy or openness, it is in the quality of production that we show to the West.

Many of those who were oriented to Western theories in the 90's today are seeking new ideals.

However, there are many examples of successful integration of «Pro-Western Developments» to the international science, especially those from leading universities, and as for the evaluation of the quality of work of a scientist in respect to “Pro-Western Developments”, publications in international journals seem an appropriate criterion.

The other part of the professional community, which we have designated here as «National Authentic Developments», is rapidly growing since the beginning of the XXI c. Christian Orthodox, Spiritual or Philosophical psychology develops the traditions rooted in the pre-Soviet period of Russian psychology. This is an entirely authentic

trend, closely related to Russian culture, focused in practices on a vast Russian market, based on Russian authors and appealing to the Russian mentality.

Representatives of this group show no globalist tendencies, counterglobalist tendencies are strong.

Publications in foreign journals, of course, are no adequate indicator of the quality of work of these scientists, and the necessity of a «breakthrough» into the mainstream for them it is far from obvious.

At the same time, in the long term it seems quite possible. It is well known that representatives of Russian Spiritual and Philosophical thought, who had been expelled from the country in 1922 (N.A. Berdjaev, M.I. Vladislavlev, etc.), had a significant influence on the development of world science, in particular, on the development of existentialism.

Successors the *AT trend*. What determines the globalist and counterglobalist tendencies in this group of scientists?

Let us consider their reasons "for" integration.

First of all, it is this trend that meets the expectations of foreign colleagues. It is recognized that for western colleagues Russian psychology is, above all, represented by the works of classics of the Soviet period: "... the representation of Russian / Soviet psychology in the West. ... can be assessed as the idea that Russian psychology is the works of such luminaries as Vygotsky and Luria" (Yurevich, 2009, c. 79).

And it is to this trend that there remains a steady and even growing interest in the international science. The analysis of literature indicates that as time passes, the interest in international psychology to Vygotsky's work is only growing, as reflected in the growth of index of citations of his work. According to this indicator in recent years Vygotsky moved ahead of many classics of foreign psychology (Yurevich, 2009, Karpov, 2005). The interest in classics of Soviet psychology can promote an interest in the work of successors.

Thus, first, foreign colleagues are willing to hear scientists working in the AT trend. Secondly – the latter have something to say. These Russian psychologists have every reason to be involved in the dialogue with the West.

Behind the iron curtain psychological science was lively developing and many talented scientists contributed to it. The ideas of L.S. Vygotsky and I.P. Pavlov inspired new theoretical reasoning and empirical research alongside with ideas still unknown to the international community. Classical theories of Soviet psychology, known in the West, first of all the theory of L.S. Vygotsky, were developing on the native soil, and this development was different than in the West.

In addition to the development of the theories well-known to foreign colleagues there are other theories, which remain obscure for the West. First of all, I would name here B.G. Ananiev (Ananiev, 1961; 1968; 1977). B.G. Ananiev's theory remains obscure for the foreign scientific community. His name is not mentioned in modern foreign encyclopedias or journals. Few of his works that were translated into foreign languages, were duly understood and appreciated by the psychologists' community because of the specific notional and conceptual structure used by B.G. Ananiev. The conceptual structure of the theory, the issues discussed, do not directly correlate with the categorical structure of the modern international psychology, hence, this theory cannot be understood by Western scientists without special efforts. At the same time, B.G. Ananiev's

methodology and theory seem to be fruitful within the intensively developing areas of the world's psychological science provided the categorical system he used would be adequately explained (Mironenko, 2007a; 2009). Among such areas of research and topical issues, may be named personality impact on psycho-physiological functions, life-span human development and age dynamics of psycho-physiological functions in maturity.

Thus, the AT trend seems to be a welcomed contribution to the mainstream.

Would this integration be useful for Russian science?

I dare say that AT approach can keep on developing only if it is integrated into the mainstream. There is no future for the development of the AT but in the bosom of international science. I believe Russian psychology is now lacking every type of resources and social demand to provide for isolated development of the AT trend in Russia.

Perhaps we are the last generation that has been taught to understand those texts, who masters that language, that conceptual apparatus. After us the layer thins rapidly. Are there many among Russian psychologists wishing to study AT approach today? I do not believe that best students queue to study AT even in the prime universities which have preserved the teaching staff mastering the theory and methodology of the AT approach. This trend was actual in another country with a different culture and a different mentality, in different universities.

If we do not ensure integration of the AT developments into the mainstream, the concepts that have not yet been integrated are likely to share the fate of artifacts of a dead civilization. I believe that the integration it is a matter of professional viability for scientists developing AT approach, and their duty to their teachers.

However, it would not be true to say that in the AT group of scholars integration tendencies are dominating.

The point is that the integration strategy for AT group encounters the maximum constraints and tactical difficulties. The language problem, the problem of translation, turns up a problem of hermeneutics here, bringing forth a necessity to relate the conceptual system of Soviet psychology, conceptual system so complex and sophisticated, with the conceptual system of the mainstream.

Consider for example the difficulties in translation of a key scientific term of AT — "sub'ekt". Translation of this word as "subject" (unfortunately, it happens often) immediately renders a text meaningless because of the mismatch of semantic fields, because of the difference of the meaning attributed to the term in the texts of Russian scholars and meaning of the word "subject" in English texts. *Sub'ekt* means somebody who's activity is generated by his own needs, who is choosing and pursuing his own aims, serving his own purposes: a self-determined and self-actualizing agent. And in English "subject" means the opposite — it is something or somebody who is put under some pressure, exposed to some action, subjected to some impact... This difficulty of translation of the notion of "Sub'ekt" into English could probably account for the fact that AT approach caused more interest in Germany and in Scandinavia than in the English speaking countries.

A special hermeneutics is needed for the integration of AT texts into the mainstream. So, the tactics of the movement towards integration for AT trend should be discussed by itself, but the necessity of the strategy for integration seems obvious.

The question of the place and significance of Russian psychology in the international science is not limited to the formal parameters of evaluation of quality of scientists' work.

This is a key point today for professional self-identification for Russian psychologists, who from the very beginning of their professional education are actively assimilating production of foreign science, while at the same time, the vast majority of them are able to speak and write only in Russian.

Let us specify that by “international science” we mean the mainstream of scientific knowledge, which was shaped in the West after the World War II, and which is an objective reality of the contemporary world, where psychological practices have become a mass profession with more or less universal standards, where people live, study and work, moving from country to country.

Meanwhile the “Russian psychology” can be understood in different ways. By “Russian psychology” we can mean the psychological theories generated and developed in Russia. At the same time we can mean by “Russian psychology” the contemporary professional community in Russia.

Russian professional community has grown in number thousand times in the 90’s. Such rapid quantitative growth naturally was accompanied by decline in the quality of education (on average) and — on average — by change of preferences from complex fundamental theoretical concepts of Soviet science to Western theories, presented in an accessible form in translated textbooks and addressing the demands of psychological practice. For “Westerners” in the Russian professional community this time is a period of growth, accompanied by problems natural for developing countries.

At the same time, Russian psychology as one of the great schools of the 20th c. is going through a dramatic crisis. Speaking about Russian psychology as scientific knowledge, the question of its place in the international science is, first, the question of the impact on the development of the world science of Russian theories that had been integrated into its context, like Vygotsky’s and Pavlov’s, and secondly, it is the question of the causes and consequences of other Russian theories remaining obscure for the international science, not integrated in the context of the mainstream.

The tendency towards a kind of “partial isolation” from the mainstream, showing itself in “counterglobalist” attitudes, emerging in recent years, withdrawal of participation in the English language mainstream, are dangerous for the AT trend. Can such a science exist in contemporary world outside of mainstream? For how long? Won’t a “partial isolation” turn up an ivory tower, cut off from sources of livelihood, from the influx of new blood also from psychological practice and education in Russia?

The answer to the question of the “optimum integration”, the optimal combination of national specific and global traits in Russian psychology, cannot be universal and overall, and it cannot be formal. In search of “the optimum integration” it is necessary to take into account theoretical and methodological orientations of the scientists, as the motives and constraints to integration can be substantially different. It is hardly reasonable to push those who develop Russian Orthodox Psychology to publish in international journals in the same way as those who follow Western traditions. I believe it would be a big mistake to evaluate publications in high-ranking Russian journals lower than international publications. And my main concern here is the necessity of all possible support to internationalization of the AT trend, which is a highly challenging task. I believe the classification presented here can be a useful tool in determining “the optimum integration” for different types of developments in contemporary Russian psychological science.

Concerning Interpretations of Activity Theory

The history of Russian psychology is an intensively developing field in international science (Cole, 1996; Dafermos, 2014, Engeström et al., 1999; Graham, 1993; Janousek and Sirotkina, 2003; Joravsky, 1989; Valsiner 2009; Van der Veer, 2007; Vassilieva, 2010; etc.). The most recognised branch of Russian psychology outside Russia is Activity Theory (AT). However, the general view of AT in international science is lacking in important aspects and areas necessary for a proper understanding. It is generally assumed that "In the early 1930s, Vygotsky's school of thought started to disintegrate. A new school, advocating what is now known as 'activity theory', emerged in that process of disintegration (van der Veer and Valsiner, 1991). According to activity theory, the emergence and development of mind is determined by the activity an animal or a human being is involved in (Leontiev, 1981)" (Toomela, 2000, p. 353). There are stark discrepancies between scholars as to whether L.S. Vygotsky and S.L. Rubinstein should be considered as the authors of AT, while the theory of A.N. Leontiev is generally acknowledged as the "mainstream" of AT. Moreover, the image of the AT school in international science is often reduced to the theory of Leontiev, so that criticism of AT increasing in the literature (Toomela, 2000, 2007), should actually be attributed to Leontiev theory.

Alternative ideas of Leontiev's predecessors and theories of the AT school in Russian psychology contemporary to Leontiev remain obscure for the international scientific community. This state-of-the-art can be explained by considering the historical situation in which the term "Activity Theory" entered into international science. This term entered into the international mainstream from the works of A.N.Leontiev. Since the late 1950s A.N. Leontiev's works were repeatedly republished in the USSR in translations into English, Danish, Spanish, German, Finnish, and other languages. "Activity Theory" is the usual translation of the "Theory of Dejatelnost" which Leontiev developed. The theory of Leontiev as he himself acknowledged was based on theoretical reasoning of his great predecessors: S.L. Rubinstein and L.S. Vygotsky. That is why in the context of international science *the term AT actually turned out to comprise the whole trend dominating Soviet psychology for the greater part of the XXth c., based on ideas of the procreative role of vital activity of a living being for psyche formation.*

Here we use the term "Activity Theory" to denote this trend, to fit the content of the concept established in the international literature.

Theoretical foundations of the Activity Theory

Russian AT is often supposed to be confined to a set of methods for the analysis of interaction of an individual with his environment. But it is a theoretical and methodological approach, rooted in the history of psychology and well-developed at the level of philosophical methodology (Mironenko, 2008, 2013).

One of the key figures of Russian AT, Sergey L. Rubinstein wrote:

"At the heart of every significant philosophical conception, as the origin of its creation, there can be found some basic tendency, some integrative moment of truth, some basic motive and interest of thought" (Rubinstein, 1997, p. 138).

The lack of understanding of this creative motive leads to misinterpretation and misunderstanding. So, what was this *motive* for the creation of Russian AT? To answer this

question, first of all, let's consider the situation in which the Russian AT was created, because it is there that this "basic motive and interest of thought" comes from.

Russian AT was born in 1920-s in post-revolutionary Russia, where a great experiment, aimed to test Marxist theory in practice, was carried out. At that time Russia saw a wonderful splash of creative activity in culture and science. It was the time of Blok, Kandinsky, Malevich, Mayakovsky, Meyerhold, etc. The rise of psychology was caused by a huge demand of practical work and the need for a new scientific methodology based on Marxism. Many scientists such as Bekhterev, Vygotsky and Luria sincerely believed that Russia was standing at the edge of social and cultural rebirth, and tried to take an active part in the creating of a new life. Great expectations of the Soviet government were laid on psychological practice. Two great unrealizable tasks were put forward, both concerning ideology as well as economical life of the country: to increase *labor productivity*[1] and to *bring up a new human type* — the one of proletarian culture. The Soviet government gave an unprecedented support to the development of psychology in Russia. In 1918 (just after the devastating First World War, after the period of Civil war which followed the October revolution 1917) Bekhterev addressed the government asking for organization of the *Institute for Research on the Brain and Mental Activity* (Институт по изучению мозга и психической деятельности) on the basis of *St. Petersburg Psychoneurological Research Institute*. Soon the Institute was opened, equipped with the best possible apparatus in Europe, and its director until his death was Vladimir Bekhterev)[2]. At the beginning of 1920-s one by one psychological departments and laboratories were being opened throughout the country. In 1921 Soviet government issued a special regulation to support the laboratory headed by I.P. Pavlov. Applied psychology (pedology and psychotechnics) was rapidly developing. (Basov, 1928; Blonsky, 1934; Kornilov, 1924; Lazursky, 1918; Vygotsky, 1931; etc.)

This situation accounted for the radical and even arrogant nature of the new Marxist psychology. In contrast to static concepts and implicit theories of immutable human nature, domineering in Western psychology, Russian AT, driven by the idea of managing human evolution in order to prove the "bolshevik understanding" of Marxist theory that dominated Soviet discourses after 1920s, focused on the understanding of human as an infinitely changing creature. Culture in humans was considered as first of all the ability to change under the influence of social surroundings, the speed and extent of changes making humans unique among other animals. This entailed a primary focus of ruptures and discontinuities in evolution, first of all, on the principle difference between human and animal (Mironenko, 2009b; 2010). The unity of nature and culture in humans was considered as not only based on affinities, but also on contradictions, and investigations mainly focused on these contradictions, as they were supposed to account for the dialectics of change and development, both cultural and biological.

---

[1] An essential thesis of Marx's theory is that evolution of society is determined by labor productivity. Socialism was expected to overcome capitalism for labor productivity would be higher.

[2] Since 1938 — State Institute for Brain Research named after Bekhterev; in 1948 renamed as Institute for Physiology of the Central Nervous System of the Academy of Medical Sciences of the USSR; since 1950 — part of the Physiological Institute of the USSR Academy of Sciences named after Pavlov.

As repeatedly has been noted in the literature (Castro and Lafuente, 2007; Marsella 2012, Moghaddam 1987, Rose 2008), the 20th c. Western psychology developed based on assessments of personality of a human belonging to contemporary Western culture and practices of culturing traits, sought after in Western culture. These psychological characteristics acquired the status of universality in mainstream psychology. Due to the stereotype of taking a western citizen for a human in general, mainstream psychology is dominated by an implicit tendency to blurring boundaries between human culture and human nature and perceiving both as basically static. Culture is regarded here as a kind of superstructure on the foundation of biology, and the unity of nature and culture in humans is considered as somewhat indivisible and forever given and specified.

It should be noted, that in the mainstream the fact is virtually neglected, that commonly quoted Vygotsky counterposed drastically higher mental functions, which he called *"cultural"*, and believed to be specific only for humans, to the *"natural"* functions, that both humans and animals have. Vygotsky is mainly popular among specialists in "linguistic turn" in cultural psychology, while, perhaps, the most striking example of development of his ideas we find in neuropsychology, in Vygotsky's colleague Luria's theory of dynamic brain localization of higher mental functions (Cole & Wertsch,1996). Luria has proved that unlike "natural" functions, which are linked to specific brain structures, higher mental functions are organized as chains of conditional reflexes, accessible to dynamic transformations and substitutions of brain units. As Galperin, a younger colleague of Vygotsky and Leontiev, stressed, "Vygotsky focused on the influence of the higher (social) mental functions on the development of natural mental functions" (Galperin 1983, p. 241).

The ideas on the impact of higher mental processes on psycho-physiological functions were creatively advanced by Boris G. Ananiev, who founded the Faculty of Psychology of Leningrad State University (Mironenko, 2009a, 2013). The key issue in the works of Ananiev was the impact of individual's activities on psycho-physiological functions, first of all on individual sensory development. In contrast to ideas dominating in the international science, Ananiev rejected the nativist view on sensory processes and sensory development. Ananiev insisted that sensory-perceptive processes are inextricably linked to the holistic structure of human personality development. Ananiev argued that in the course of human life all psycho-physiological functions undergo a general reconstruction, so that the adult human brain and human body as a whole become an integrated system fit for the typical forms of activity of the individual. These ideas were verified in many wide-scale experimental investigations, which revealed surprising effects of individualization of the ontogenesis of psycho-physiological functions. Ananiev (1961, 1977).

Never the less, this new Russian Marxist psychology was built on solid bases of European philosophy and science, which the founders were well acquainted with. Sergey Rubinstein, Nikolai Lange, Lazursky, Shpilrein and others got education and internship in Germany, France, England, as it was usual for Russian intelligentsia before the October Revolution.

For example, Sergey Rubinstein, whose work laid main foundations of Soviet psychology school (mainly known as AT), is a German philosopher by his educational background. Rubinstein was born and spent his childhood in Odessa. After graduating

from secondary school with a gold medal in 1908, he went to Germany for higher education. He graduated from Marburg University (1914), where he attended the lectures of Hermann Cohen and Paul Natorp, and in the same year he defended a Ph.D. thesis in Philosophy at Marburg University. When the First World War began he returned to Russia.

At the beginning of the 20th c. many Russian students were educated in German universities and many Russian scientists were trained there. German philosophy was well-known and acknowledged in Russia. This changed in the beginning of the 1930s. During the time when Russian psychology was developing in relative isolation behind "the Iron Curtain" (from 1936 to early 1960s), German roots in Russian science and philosophy including works of Sergey Rubinstein were hardly ever brought to the attention of the readers of Soviet psychological literature for ideological reasons. It is only in recent decades that we are witnessing emergence of publications on German influence on RAT's scientific grounds (Lektorsky, 2013).

Russian AT is a full representative of the *praxeological* approach, basing on Marx, which roots can be traced back to Aristotle's idea of the ability to initiate activity being the essence and the generative function of psyche. It should be also taken into account, that young Soviet psychology developed in close relation with Russian biology and physiology, aiming to become an "objective" science and grounding on works of Sechenov and Pavlov (Mironenko, 2009a). Ivan Sechenov (1829-1905), internationally acknowledged physiologist, whose works "Who Must Investigate the Problems of Psychology, and How?" (1873b), "Psychological Studies" (1873a), and "Elements of thought" (1878), greatly impacted the development of "objective psychology" in Russia, founded the tradition of considering psyche as, first of all, a function of nervous system enabling movement of the organism, its active interaction with the environment. Sechenov used to say: "psyche is born and dies with motion".

Another factor, which should be taken into account in our assessment of the creation of Russian AT, is the specificity of Russian cultural tradition, denying pragmatism and rationalism of the Western culture. The concept of "Natural Man", spontaneous and complacent, for whom freedom is just an absence of external compulsion, was denied by eschatological Russian culture (Dostoevsky, Tolstoy, etc.), which traditionally focused on intra-personal conflicts, on the conflict between spiritual and natural drives in human being, who is striving to get free from his own weaknesses and passions. Russian philosophy (Berdjaev, Solovyev, etc.) traditionally dwelt on ethical problems, on conscience and responsibility, based on the postulate of the freedom of will. This gave Russian AT a specific "spiritual" touch (Mironenko, 2008). That was the generative situation for the creation of AT, which accounts for its specific character, combining materialistic determinism and romantic belief in freedom of will.

The main theoretical propositions of Russian AT, which were formulated by Rubinstein, are (Rubinstein, 1940):

A. The Psyche is an attribute of the material world, engendered in the course of active interaction of the individual with the environment. Psyche serves to make this interaction more effective for the individual, serves the needs of individual and promotes the survival. Thus Psyche is not an independent substance but a specific procreation of the material world (Philosophical monism and materialism).

B. A Psychic set-up is shaped by the specific pattern of the interaction of the individual with the environment.

C. The Psyche displays itself in the process of active interaction of the individual with the environment, and investigating this process of interaction is the right way to analyze and explore Psyche.

These Rubinstein positions laid the foundations for Russian psychology of the Soviet period. For the greater part of the XXth C., Activity Theory in Russia was the indisputable methodological basis of all psychological research, bearing the official label of the "right" Marxist psychology (and after the 1923 no psychology but Marxist was legitimate in Russia[3]). On this basis a number of brilliant theories emerged.

Internationally, Russian AT is mostly known by the few translated works of Alexei N. Leontiev, by his theoretical model of activity (*Activity — acts — operations* (Leontiev, 1976 Russian, 1978 English). Leontiev (1903-1979) developed his theoretical model as a rather late invention (in the1970s) of his lifetime, and it should not be supposed to be Russian AT as a whole. The Russsian AT trend, though integrative, was never a monolithic one. It comprised a set of psychological theories, more or less divergent, developed by Sergey L. Rubinstein (1889–1960), Boris G. Ananiev (1907–1972) and others. In the Russian literature this trend is named the "Sub'ekt Approach".

Leontiev himself wrote, that *activity* in psychological science can be approached in two ways: *a)* as a research of psychological *aspects* of activity (and all psychological schools and even all sciences can be engaged in research of activity); *b)* considering activity as the *generating source* of psyche development (Leontiev, 1986). Leontiev acknowledges and stresses that AT is the "*b)"* approach. Still, in his works which were translated, the "a)" approach seems more articulated. But there are his other works and especially works by Rubinstein and Ananiev (the so called "Leningrad school"), where the generative function is well explained (Mironenko, 2009a). The "b)" approach is naturally focused on ontological problems.

Considering the place of Russian AT in the history of international psychological science, Rubinstein designated as the primary achievement and the basic sense of AT the overcoming of the separation of psyche from the physical world, the disruption of the so called psychophysical parallelism. AT opened the way to use the principle of determinism without simplification and reduction of psychic phenomena, considering psyche as an element of the real life in the real world, as an attribute of evolution (Rubinstein, 1945).

Russian AT is an essentially materialistic theoretical approach. Materialistic psychological perspectives, such as behaviorism and psychobiology, are mostly based on a straight-forward interpretation of Darwin's theory, putting the sources and the causes of the development in the external world. It is the stimulus, the change of the environment, which is the cause of the change of the behavior and the structure of living beings for these theories. Dialectical materialism, realized in the Russian AT, on the contrary,

[3] When in 1923 marxist K. N. Kornilov took the place of G. I. Chelpanov at the head of the Psychological Institute the development of non-Marxian psychology in Soviet Russia was terminated.

accounts for both continuity and discontinuity, seeking internal origins and causes of development, which are viewed as a result of resolving internal conflicts. This entailed a primary focus on ruptures and discontinuities in evolution: on the principle differences between animate and inanimate matter and between human and animal. The former was implemented in wide-scale investigations of sensory processes, supposed to be adjacent to the border between physiological and psychological aspects of reality, and the latter accounts for enhanced development and specific character of Soviet comparative psychology (Mironenko, 2009b; 2010).

There is an important point of linguistic origin which has caused confusion in the notions "Sub'ekt Approach" and "Theory of Dejatelnost" in the international literature, which we have to consider. There are two key words in the context of the AT:

- Sub'ektnost (субъектность),
- Dejatelnost (деятельность).

The translation of both usually turns out to be the same: Activity. But in Russian these words differ in their meaning. And moreover — there is another Russian word — "activnost", which is precisely translated as "activity". So the English translation does not allow us to obtain the right understanding of the difference.

Let's consider the exact meanings of the concepts "Sub'ektnost" and "Dejatelnost".

The concept of *Sub'ekt* (and "*Sub'ektnost*" for a quality to be a Sub'ekt) refers to S.L. Rubinstein whose main idea was that Psyche is a procreation of *active* interaction of individual with the environment. Sub'ekt means somebody whose activity is generated by his own needs, who is choosing and pursuing his own aims, serving his own purposes: a self-determined and self-actualizing agent[4]. According to Rubinstein, Psyche has developed in the course of evolution as a means for a living being to promote its survival and to pursue its needs. Psychic structure is determined by the inner needs of the individual; so to reveal a psychic set up, the needs should be analyzed. It is the *inner* sources of activity which Rubinstein focused on.

Vygotsky accepted the idea of "Sub'ektnost" and relied on that in his Cultural-Historical theory. Vygotsky points out: "An infant is a "sub'ekt" of development" (Vygotsky, 1982, V. 2, p. 281). He emphasized that culture is not just poured into the child: on the contrary, the child actively enters into culture, and commandeering culture elements which he needs, taking them from the outside and internalizing them.

"Dejatelnost" means a process of active and purposeful treatment of the environment, the *outward* activity. This was the main concept in Leontiev theory. He based on the Vygotsky's idea that human mental functions are structured in the process of social interaction, in the process of outward activity (Dejatelnost), and believed that analysis of Dejatelnost is the only way to understand Psyche.

---

[4] It should be mentioned that unfortunately "Sub'ekt" is usually translated as "subject", and this translation kills the meaning of a translated text completely, because in English "subject" means something or somebody who/which is put under some pressure, exposed to some action, subjected to some impact... This difficulty of translation of the notion of "Sub'ekt" into English could probably account for the fact that Rubinstein approach caused more interest in Germany and in Scandinavia than in the English speaking countries.

Leontiev's Activity Theory

The theory of Leontiev was based on a combination of ideas of Rubinstein and Vygotsky. Vygotsky is mostly known outside Russia for his concept of the zone of proximal development. But his main contribution is a more general theory of internalization, known also as the socio-cultural historical theory. According to this theory, the main part of human psychic set-up is formed in the course of socialization through interaction with other people and operating with tools. So first a psychic function is structured in the process of outward activity, and then it is internalized.

For example, oral speech originates when a baby, initially lacking command of language, is involved in dialogue with his mother who is talking with the baby while she is attending his needs. In the course of the interaction with the mother, elements of the dialogue, words and phrases are internalized by the baby, and form the basis of endophasia and verbal thinking.

According to this theory, human psyche development is socio-culturally- historically specific. Development of human psychic functions is mediated by culture tools, which makes it different from the development of other living species. Human development, as Vygotsky stated, "switches from the natural path of development to the cultural one" when the "ignition" of the latter occurs in the course of socialization.

Leontiev developed the ideas of his predecessors in his own way, so that neither Vygotsky nor Rubinstein fully agreed with his reasoning, so that they both had perpetual discussions with Leontiev and even incurred personal enmity. So Leontiev's theory is justly considered to be an original one, not a mere derivative from the two above mentioned.

What were the main points of Leontiev's theory? What points has he added to the three propositions of AT that refer to Rubinstein?

1. Psyche is the result of the internalization of processes of outward activity. It is a derivative of the outward process, the outward process internalized.
2. The structure of psychic processes is isomorphic to the structure of outward activity from which psyche is a derivative.

The latter proposition he believed to be the essential one and the key to psychological analysis.

These propositions can be considered rather as elaborations of Rubinstein's proposition B, concerning how psyche is shaped, but these elaborations are more narrow and one-sided interpretations of Rubinstein's general formula. Rubinstein considers the interaction between the individual with the environment as a substrate generating psyche. But this does not mean that material interaction is the only and even the main factor, determining psychic development. His stressing of internal subjective mediation of external stimuli should not be underestimated. The inner, the subjective (and first of all motivational phenomena), for Rubinstein determined not only the objective process of interaction with the environment (external), but also the subjective experiencing of this interaction (internal), thus, psyche formation can never be viewed as a straightforward one-sided process of internalization of the outward processes.

Leontiev's theory might be considered to be a simplified approach: it is very straightforward, too straightforward, perhaps. When foreign colleagues blame RAT for it: "(1)

relies on unidirectional instead of a theoretically more plausible dialectical view of culture–individual relationships; (2) focuses in analyses on *activities* without taking into account the *individual* involved in the activity at the same time" (Toomela, 2000, p.298), — it is all true as far as Leontiev's theory is concerned. Leontiev consistently refused "to look inside the individual". He is emphasizing, for example, the difference between needs and motives, he limits his analysis to motives, to how they structure activity, and turns away from the problem of the needs (Leontiev, 1978).

He considered that needs are the attributes, the inalienable properties of the individual, denoting something that is really necessary for survival. For example, the need for food can be described in terms of proteins, fats, carbohydrates and vitamins, etc., necessary to ensure homeostasis. Needs can be either conscious or unconscious. A motive Leontiev defined as something which an individual fancies that he needs. For example, a motive relevant to the necessity for food can be a pastry or a beefsteak. To engender activity a need has to be "embodied" in a motive and the latter serves as a goal for the active interaction with the environment: a motive determines whether we cook pastries or beefsteaks. A need not "embodied" in a motive cannot engender activity, and produces only a stirring state of excitation, like hunger in a situation when no food is available.

Not all motives adequately respond to needs: the "embodiment" can be fallacious. Nevertheless, these fallacious motives engender activity in the same way as adequate motives do, and their fallacious nature shows only at the end, when the goal is achieved, but instead of satisfaction and positive emotions an individual suffers havoc and devastation. The idea of fallacious motives, however promising it is, did not become a focus in Leontiev's investigations but was just a support for him to limit his analysis to motives, to how they structure activity.

Leontiev developed a specific mode of analysis of psychic processes and a set of directions for how to perform this analysis:

- *Activity* should be considered as a system in which structure is determined by the *Motive* (the Target, the Aim);
- Activity components are *Acts*, which are determined by situations, in which Targets are presented, i.e. by conscious goals;
- & Acts are composed of *Operation*s, which are determined by means, available in actual situations, including tools, motor skills of the subject and his psycho-physiological functions.

So, scientific analysis performed in compliance with this theory should explain psychological contents of the points described above: *targets*, *situations* and *means* of the behavioral process.

The latter proposition he believed to be the essential one and the key to psychological analysis. Under the supervision of Leontiev much experimental and theoretical research was performed at the Moscow State University. Mostly known is the conception of formation of mental operations developed by Piotr Y. Galperin (1902–1989). The above- mentioned idea of Leontiev, that the structure of psychic processes is isomorphic to the structure of outward activity from which psyche is a derivative, was explained and developed by Galperin. According to his theory, initially an operation (for example counting) is carried out outwardly (counting sticks, for example), and then, passing

through a number of certain phases, it is internalized and turns up as a mental operation. Leontiev's ideas have been put to educational practice by Elkonin and Davidov (Davidov, 1986) whose works laid foundations of Soviet pedagogical science.

Leontiev's propositions can be considered rather as elaborations of Rubinstein's proposition B, concerning how psyche is shaped, but these elaborations are more narrow and one-sided interpretations of Rubinstein's general formula. Rubinstein considers the interaction between the individual with the environment as a substrate generating psyche. But this does not mean that material interaction is the only and even the main factor, determining psychic development. His stressing of internal subjective mediation of external stimuli should not be underestimated. The inner, the subjective (and first of all motivational phenomena), for Rubinstein determined not only the objective process of interaction with the environment (external), but also the subjective experiencing of this interaction (internal), thus, psyche formation can never be viewed as a straightforward one-sided process of internalization of the outward processes.

Building on the Rubinstein's position of the initial role and decisive significance of active interaction with the environment for the development of the psyche, and on Vygotsky's position of internalization of the structure of mental functions initially formed in the course of outward activity, Leontiev neglected the idea of his predecessors of the key role of internal factors of activity, determining the vector of individual interaction with the environment.

In the theories of Rubinstein and Vygotsky, development is considered primarily as a self- actualization of the individual aiming at his own goals. Mastering cultural tools of mental and motor activity, an individual appears to be a self-determining creator of himself and the "sub'ekt" of his own life.

The concept of self-determination appeared in Western theories in 1970s, and since then it has been developed in the context of a teleological humanitarian approach, viewed as an intrinsic quality of a human being, which can explain human behavior — itself beyond explanation (Deci, 1971, 1975; Deci and Ryan, 1985). In Russian psychology the concept of self-determination dates back to the1920s, when it was defined by S.L. Rubinstein as "sub'ekt". Soviet psychology was oriented to the standards of natural science[5], and so in the AT foundations a causal approach to self-determination was laid, that was relevant to the natural science. But it was not in the Leontiev school that the ideas of self-determination were developed.

The reasons why Leontiev's views prevailed in the literature, and why there was virtually no discussion, can be revealed by historical analysis.

[5] The contribution of Russian physiologists I.M. Sechenov, A.A. Ukhtomsky, I.P. Pavlov is of basic importance for the development of Soviet psychology. I.M. Sechenov came up with the idea of objective research on mental phenomena. He meant that objective factors causing psychic acts should be explained and analyzed. First of all physiological acts were supposed to be objective indications of mental phenomena. This approach had a basic impact upon the formation and development of Soviet psychology.

Was there a disagreement between A.N. Leontiev and his predecessors? A.N. Leontiev and L.S. Vygotsky

Theoretical discrepancies between A.N. Leontiev and L.S.Vygotsky, A.N. Leontiev and S.L. Rubinstein, can hardly be assessed and understood separately from the history of their personal relations, the latter being strongly impacted by developments in the political life of the totalitarian state, making the history of Soviet psychology what A.V. Petrovsky called "a political history of psychology" (Petrovsky, 2000). As a matter of fact, there were no open and free discussions in Soviet science.

Since 1917, culture and science in Soviet Russia had been developing under hard ideological control. Under the guidance of the Communist Party, the country was to accomplish a grand social experiment. It was bound to prove the ideas of Marxist philosophy: the unity of all aspects of social development, comprising economy and culture, and a definite direction, a line of advance for that development, which was aimed at Communism — a comprehensive whole of prosperous economy and social harmony.

Marxist philosophy was based on principles of materialism and dialectics. Culture and science as part of it in Soviet Russia had to be Marxist, and psychological theories were severely inspected to conform to that. Idealism and metaphysics were a deadly charge.

All open theoretical discussions were authorized and officially approved, and led to "organizing" (so it was called) consequences, infringing the very possibility of a professional career for the discussant who was supposed to have lost the debate. An open unauthorized polemics could well lead to the same "consequences" for both.

There was and is much rumor about the ruptures of Leontiev and Vygotsky, and of Leontiev and Rubinstein, but little was stated openly. That is why in order to learn about the difference of opinions of the founders of Soviet psychology today, explorers turn to analysis of archives and memoirs. As a result there are many controversies in the works of contemporary historians and huge impact of personal attitude, a good example being a brilliant biography of A.N. Leontiev written by his son A.A. Leontiev and grandson D.A. Leontiev (Leontiev et.al., 2005).

As for the discrepancy of views and the rupture between Vygotsky and Leontiev, there are some facts we can be sure of, and wide space for interpretations and hypotheses. The facts are that in 1924 Vygotsky came to Moscow invited by A.R. Luria (1902—1977), and began working at the Psychological Institute. Luria, though a very young man, was already a well-known scientist at that time, and Leontiev worked as his assistant. When Vygotsky appeared in the Institute he was immediately recognized as a creative leader for the trio. Leontiev later acknowledged that he had been "empty" and the ideas of Vygotsky "filled the vacuum", thus determining his professional life line (Leontiev et al., 2005). Their collaborative work was in good progress until the beginning of 1930s.

The 1920s in Russia were a time of a wonderful splash of creative activity in psychological science. Great expectations of the Soviet government were laid on psychological practice. Two great tasks were put forward, both concerning the ideology as well as the economic life of the country: to increase labor productivity[6] and to develop a new

[6] It is an essential thesis of Marxist theory that the evolution of society is determined by labor productivity and socialism is deemed to overcome capitalism for the reason that labor productivity would be higher.

human type — that of “proletarian culture”. As a result, psychotechnics and pedology were rapidly developing. At the beginning of 1920s, one by one, psychological departments and laboratories were being opened throughout the country. Applied psychology was also rapidly developing. It was the time when the world-renowned Vygotsky cultural-historical theory was born.

In the 1930s the situation in the country changed. Repressions and political persecutions of psychologists followed as a result of their failure to accomplish both unrealistic tasks set by the Soviet government. These repressions “interrupted” the development of applied and practical psychology in Soviet Russia for many decades. Vygotsky, who was closely connected with practical work, was blamed for ideological sabotage. Cultural-Historical theory was labeled “a pseudoscientific, reactionary, anti-marxist and hostile theory” (Leontiev et al., 2005; Luria, 1994). Henceforth, works by Vygotsky were not published in the USSR until 1956, when his “Intellectual processes and speech” was re-published. Moreover, books by Vygotsky were destroyed in the libraries in 1936. And only in 1982, the edition of six volumes of works by Vygotsky, mainly manuscripts from archives unpublished before, was started. His early death in 1934 from tuberculosis, which he refused to treat, is often interpreted as a sort of a suicide[7] (Leontiev et al., 2005).

At the beginning of the 1930s the normal pace of collaborative work of Vygotsky — Luria — Leontiev at the Psychological Institute in Moscow ceased. In 1931 the Psychological Institute and the department of Psychology in MGU were closed, and teaching of psychology was stopped. It turned out to be necessary to look for another place to work. A good chance was an invitation to Charkhov, a city in the Ukrainian republic of the USSR. The three scientists took the invitation but only Leontiev moved to Kharkhov totally, and it is there that “Leontiev’s” school began (the period of the so called “Kharkov school”). Luria was continuously travelling between Moscow and Kharkhov. Vygotsky’s presence in Kharkov was rather scarce; he spent more time in Moscow.

At this complicated moment a rupture between Vygotsky and Leontiev occurred. This fact is generally acknowledged by all biographers, though the exact reasons and motives remain obscure. It is generally acknowledged that this rupture was caused by serious theoretical disagreement alongside personal matters (Leontiev et al., 2005).

The hypothesis concerning the former can be based on analysis of some private letters of the two people and on memoirs.

We can assume that it was the time when Leontiev entered on his own road, developing ideas of Vygotsky in his own way, the way which was never fully approved by Vygotsky himself. In his autobiography published in 1999 (Leontiev, 1999), Leontiev wrote: “During this period I directed a number of experimental research projects based already on new theoretical positions which I had developed in concern of the problem of activity”.

Vygotsky took hard the collapse of the unity of adherents of socio-cultural theory. In a private letter to Leontiev from August 7th 1933 (Leontiev et al., 2005) Vygotsky

[7] Vygotsky was a fervent Marxist. He is reputed to have said the words: “I don’t want to live if I’m not considered to be a Marxist”.

wrote: "...as a matter of fact, your definitive departure to Kharkov is our heavy, crushing failure..."

Regarding the difference in their views, it was perhaps best summarized by P.J.Galperin, a younger colleague of Vygotsky and Leontiev, who, remembering the Kharkov period, stressed that Leontiev's doctrine "has led to essential change in the focus of research: Vygotsky focused on the influence of the higher (social) mental functions on the development of natural mental functions and practical activities of a child, while Leontiev focused on the leading part of external instrumental activity in the development of mental activity, in consciousness development" (Galperin, 1983, p. 241)[8].

Vygotsky points out that external activity is inseparable from inner mental activity. Any external operation is the result of a play of internal recourses. Explaining the importance of the "social situation of development", Vygotsky emphasizes that an infant is an active participant of the latter. First, growing, the child changes the situation by his actions. Second, his perception of the social situation is transformed under the influence of his internal attitudes and life plans. Vygotsky's fundamental conclusion is that the "main path" of development is not a gradual socialization introduced into the child from outside, but a gradual individualization that occurs on the basis of the internal activity of the child.

It should be noted also that in the letter which Vygotsky wrote to Leontiev, cited above, there are the words: "The inner bears the impact of the outer, but, of course, the former is not determined by the latter entirely". This seems much in tune with the Rubinstein disagreement with Leontiev.

Was there a disagreement between A.N. Leontiev and his predecessors? A.N. Leontiev and S.L .Rubinstein

After the repressions of the1930s, strange as it might seem, World War II turned out to be a time of most fruitful and intensive development for Soviet psychology. The necessity to take part in the struggle against fascism which united all Soviet people, the need for psychological knowledge to be applied for war purposes, as well as for rehabilitation of wounded soldiers, and a great amount of unique empirical data — all these contributed to facilitate the development of psychology. New advanced theoretical approaches appeared such as the neuropsychological theory of Luria based on ideas of Vygotsky, and a theory of individual development in adulthood by B.G. Ananiev.

During the war ideological pressure in society eased, and psychological theory and practices were permitted to grow. In Moscow State University a department of Psychology was opened in 1942. To chair it Sergey L. Rubinstein was invited from Leningrad. He also headed the research Institute of Psychology of MStU.

Rubinstein was a highly educated man. Son of a jurist from Odessa, after graduating from secondary school with a gold medal in 1908, he went to Germany for higher education. In 1914 he graduated from Marburg University, where he attended the lectures of Hermann Cohen and Paul Natorp, and in the same year he defended at Marburg

[8] It should be noted that the influence of the higher (social) mental functions on the development of natural mental functions became the key point in the investigations of B.G. Ananiev, described below.

University a Ph.D. thesis in Philosophy. When the First World War began he returned to Russia.

At the beginning of the1940s, Rubinstein occupied all the key positions in Soviet psychology: he chaired the department of psychology of Moscow State University; he headed the Institute of psychology of MStU and the Department of psychology of the Institute of philosophy of the Academy of Sciences of the USSR. He was also the deputy director of this institute, an academician of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR established in 1944, and a corresponding-member of the „big" Academy of Sciences of the USSR (the only one among psychologists at that time). His book «Basics of general psychology» was granted a Stalin Award in 1942.

It was Rubinstein who invited Leontiev to a professorial position at the Department of Psychology in MStU.

But soon Rubinstein and Leontiev disagreed on the nature of psychic phenomena and personality. Rubinstein used to say that personality structure can be understood as an explication of inner drives and needs: "The outer is the incarnation of the inner". Leontiev argued that personality structure should be considered as the internalization of outward activity: „The inner is the incarnation of the outer". According to Rubinstein, psychological research should be aimed inward, into the depths of the human psyche, seeking the roots and sources of outward activity. According to Leontiev, it should be focused on outward activity, which is the key to understanding psychic structure.

Rubinstein objected to considering outward activity as a factor initiating and determining psychic functions. He wrote that outward activity should be considered as an interaction, an interrelation, between the individual and the material world around him, so that it is impossible to declare that outward activity is the initiating factor for psychic development.

There were some serious theoretical discrepancies between the two scientists, but it was not until 1947 that these discrepancies were joined by personal enmity. As to the nature of this enmity, the opinion is repeatedly expressed in memoirs (Leontiev, et al., 2005) that the scientists were purposefully set against each other by ill-wishers so that this hostility could be used in the campaign against Rubinstein.

The late 1940s was the time of aggravation of the "cold war". In Soviet society a campaign of "struggle against cosmopolitism" was started. Rubinstein was doomed to become a victim as were many other outstanding scientists. As was usually done, a series of public "discussions" was organized, in which Communist party leaders of the faculty and students of the faculty participated. Leontiev and Rubinstein were the main opponents. As a result, in April 1950 Rubinstein was blamed a "cosmopolitan", anti-patriot, a follower of the "bourgeois" psychological theories. He was displaced from all his positions and the formal reason was the decision of the Academic Council.

The department of psychology was then headed by B.M. Teplov, and soon in 1951 Leontiev took this position and held it through his lifetime. In 1966, the Faculty of Psychology of MStU was opened on the basis of the department and was also headed by Leontiev, and this position was also held through his lifetime, until 1979.

S.L. Rubinstein had not been subjected to further repressions, and after a year he was authorized to return to work, but he never returned to Moscow State University.

Development of AT in Russia after World War II

In the1950s after Stalin's death, new possibilities for the development of Psychology in Russia opened and for integration with international science. There were only three universities in Soviet Russia where psychological education was provided: Moscow, Leningrad and Yaroslavl, a smaller city not far from Moscow (eight Universities altogether in the USSR, among which were such prominent universities as Tartu, Tbilisi, etc.). The universities were the main foundations of psychological science because at that time there was hardly any practical psychology in Russia and very few centers where psychological research was carried out, mainly at psycho-neurological hospitals. The University faculties were more research centers than educational institutions; LStU recruited about 50 full-time students each year, YarStU was smaller, and MStU recruited over hundred students. All education was free, and entrance was on a competitive basis. There were fully equipped laboratories, where all the students obtained training in depth. These faculties were doing research for the government, which was very well financed. The faculties and the departments were headed by well-known researchers who maintained the investigations for which the faculties got their money from the state.

The Moscow faculty was definitely the main one, the largest, receiving maximum governmental support, and Yaroslavl faculty was very closely connected with it. From 1951 to 1979 A.N. Leontiev was head of the department and then of the faculty of Psychology of Moscow State University. He greatly promoted scientific life of the faculty and also the development of Psychology in Russia, and his theoretical approach is definitely a brilliant one — but the fact is that under his leadership no other approach was welcomed, so that for more than 30 years the whole team of the main psychological faculty in Russia was developing Leontiev's theoretical approach, with more or less sincere faith and inspiration.

Leontiev's theory was much discussed after his death and is still discussed, and the discussions reflect many personal attitudes (Leontiev et al., 2005; Zinchenko, 2003; Galperin, 1983; Materials of MSU, 2012).

Leontiev's theory was also the only one that had a good chance to be known outside Russia after the World War II. In 1954, when Stalin died, new possibilities for contacts with foreign colleagues opened. In 1954 a Soviet delegation was sent to the XIV International Psychological Congress which was held in Canada (Montreal). The delegation was headed by A.N. Leontiev. It was the first — after almost a thirty-year break — visit of the Soviet scientists to an international congress. After that Leontiev headed Soviet delegations to the XV, XVI, XVII international congresses on psychology. He was the authorized leader of Soviet psychology. Works of Leontiev were repeatedly republished in translations into English, Armenian, Bulgarian, Hungarian, Vietnamese, Danish, Spanish (Argentina, Spain, Cuba), Italian, Chinese, German (GDR and Germany), Polish, Romanian, Slovak, Finnish, French, Czech, and Japanese.

Unfortunately few of the works of other theorists had their chance to become known outside Russia. That is the case with the brilliant theory of B.G. Ananiev.

"The Leningrad school of Psychology". B.G. Ananiev: the Impact of Individual Activity on Psycho-Physiological Functions

The ideas of Rubinstein and Vygotsky on the self-determination of human development and on the impact of higher mental processes on psycho-physiological functions, neglected by Leontiev, found their full realization and were creatively advanced by Boris G. Ananiev who founded the Faculty of Psychology of Leningrad State University, which was opened in 1966, same year as the MStU faculty.

It has been already mentioned above that there were only three universities in Russia, with psychology faculties: Moscow (MStU), Yaroslavl (an old Russian city near Moscow), where the faculty was developing in close contact with and under the strong influence of Moscow University (YarStU), and Leningrad University (LStU). Before Perestroika, in the "classic" Soviet period, in Moscow University and in Yaroslavl they taught and developed Leontiev theory, while in the Leningrad University Ananiev theory was taught and developed.

The opposition of the so called "Leningrad school" ("Ananiev' school" or "Rubinstein-Ananiev' school, as it is sometimes referred to) to the "Moscow school" ("Leontiev' school") in psychology is generally acknowledged in Russia, though hardly mentioned in printed matter. But the fact that the Leningrad school was highly esteemed in the professional community can be illustrated by the following examples. After Leontiev died in 1979, Alexei A. Bodalev (1923-2014) from Leningrad, who was occupying the position of the Dean of the LStU faculty at that time, was taken on to the position of the MStU faculty Dean. Another fact is that when the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (IPRAS) was organized in Moscow in 1971, Boris F. Lomov (1927-1989) from the LStU faculty, a close disciple of B.G. Ananiev, was invited to head it.

It should be noted that nowadays IPRAS — in contrast to the MStU and the Psychological Institute RAO in Moscow — is known to continue the "Leningrad tradition", and this tradition, partly opposing the Leontiev tradition, is gaining more and more influence in the Russian professional community. When in 2009 IPRAS held a conference dedicated to the120th anniversary of S.L. Rubinstein, more than 400 people from all over Russia came to take part, and six volumes of the conference materials were published (fully available on site of IPRAS in pdf: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/top_menu_rus/trudy_inst1/psihologiy3.html).

The key issue in the works of B.G. Ananiev was the impact of personality aspirations and individual's activities (mostly professional activities) on psycho-physiological functions, which was considered as individual self-determination of psycho-physiological development.

Ananiev formulated a number of theoretical models which were verified in wide-scale experiments:

- the concept of Human Sensory-Perceptive Organization,
- the three-component model of the structure of human cognitive processes,
- the concept of two qualitatively different stages in Human Life-Span Development, and two types of aging,
- a model of Human Life-Span Development, or the "Individuality concept" as it is often referred to.

Ananiev's concept of Human Sensory-Perceptive Organization

In contrast to ideas dominating in the international science in the 1960s, Ananiev rejected the nativist view of sensory processes and sensory development. Ananiev insisted that sensory-perceptive processes belong to the core phenomena of life activity, inextricably linked to the holistic structure of human personality development. Developing the ideas of Vygotsky's socio-cultural theory, Ananiev argued that in the course of human life all psycho-physiological functions undergo a general reconstruction, so that the adult human brain and human body as a whole becomes an integrated system fit for the typical forms of activity of the individual. This idea was proved in many wide-scale experimental investigations of Ananiev (1960; 1961; 1968a). In his experiments he proved that in adulthood basic physiological functions that are used in typical forms of activity (first of all in professional activity) keep stable and are even in progress for long periods, while the functions that are not used are doomed to degrade quickly with age.

Most impressive are experimental data concerning effects of professional work on life-span dynamics of perceptual abilities. For example, sensitivity to red and yellow colors in adulthood normally degrades quickly with age. Ananiev and his colleagues showed that workers engaged in steel foundries keep this sensitivity for long periods.

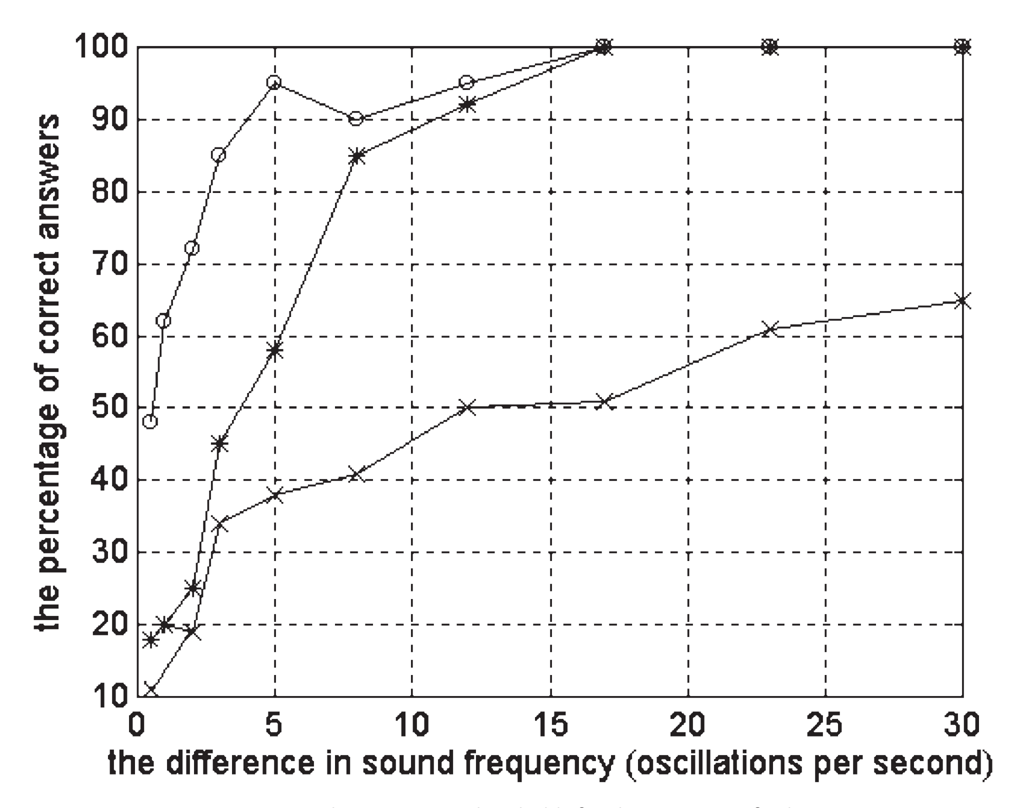

Figure 1. Acoustic discrimination thresholds for three groups of subjects: non-musicians (×), piano players (✻), violin players (○)

Ananiev argued that this is because the workers use their visual color perception to determine the moment when steel is perfectly ready. So the natural regularity of age dynamics is abrogated to promote effective professional activity. Similar effects were shown concerning the stability and even progress of other psychophysical functions used in professional activities: tactile sensitivity, taste discrimination, etc.

One example of this experimental research is an experiment performed by Ananiev's colleague K. Kaufman (Ananiev, 1968a), who studied the effects of musical professional work on acoustic discrimination. The aim was to show that being a musician not only requires high perceptual abilities as a starting point, but in itself is a factor promoting specialized development of basic psychophysical functions. Acoustic discrimination was measured for three groups of subjects: non-musicians, piano players, and violin players. In each group the researchers tested adult professionals and children beginning their musical education. Sounds were presented in pairs; the first sound was always the same, at a frequency 435 oscillations per second, and the second sound was the same or a certain interval higher or lower. The task was to say whether the second sound was higher, lower or the same as the first one.

At the beginning of their musical education children who chose violin were as good as those who chose piano. The results for adult musicians are shown in Figure 1. Circles are for violin players, stars are for piano players, and crosses mark the results for non-musicians. As expected, the discrimination thresholds are much higher for non-musicians. Much more interesting is the difference between violin players and piano players. They do similarly well as long as the interval between two sounds is not too small. As soon as we come to micro intervals piano players do much worse. To explain these results, Ananiev turns to the specific nature of the subject's musical profession. He argued that piano players work with a «discrete» scale of sounds, with the keyboard, while violin players have to construct the sound each time, as they work with a non-discrete, continuous, scale. That is why the latter professionally use their abilities to discriminate micro intervals and have the relevant perceptual functions stable and in progress, while the former do not have to use these, so that perceptual functions related to micro intervals perception become degraded.

Ananiev and his colleagues have described surprising effects of individualization of the ontogenesis of psycho-physiological functions in the works «Sensory processes» (1961), «Human Sensory-Perceptive Organization» (1982) and others. These works have remained almost unknown up to now to foreign colleagues. At the same time, these works might turn out to be extremely topical today, and their currency only increases along with new successes in the development of biological science.

The idea that physiological explanation of sensory processes and perception is not exhaustive can be heard more and more often from experts on cognitive processes today. It is significant that the main topic of the lecture delivered by Cambridge professor J.D. Mollon at the opening of the 29th European Congress on Visual Perception (ECVP 2006), which brought together psychologists, physiologists and specialists on artificial vision from different countries, — was the discrepancy between the physiology of color perception and the subjective perception of colors, which is manifested ever more strongly with more successful research on physiological mechanisms. «Should we not look for a key to the mystery of color perception outside our body?» (Mollon, 2006), — he asked.

Ananiev three-component model of the structure of human cognitive processes

In the structure of human cognitive processes, B.G. Ananiev singled out three types of components (mechanisms):

- functional,
- operational,
- motivational.

The development of the functional mechanisms conforms to the laws of ontogenesis. Operational mechanisms develop as the result of assimilation of the cultural & historical experience of humankind (as Vygotsky stated). The requirements of human practice potentially contradict nature; for example, professional activities may require that sensory processes escape age-related degradation. The controversy between the natural laws of development of psycho-physiological functions and culturally determined operations is resolved by way of training, so that psycho-physiological functions are structured and reconstructed to comply with the requirements of practice. The direction in which functions develop is determined by individual motivational mechanisms, which set targets of human activity and provide energy for reconstruction.

The quicker the advance of technology while humankind creates itself a new habitat, the more the idea is proved that was originally declared and substantiated by Ananiev: the idea of the continuing evolution of human Sensory-Perceptive Organization under the influence of the progress of civilization. More confirmation is provided of Ananiev's idea that an important factor of this evolution is the «progressive development of the instruments of labor, and technical means that broaden the field of sensory cognition» (Ananiev, 1977, p. 88).

Anybody who has ever dealt professionally with complex modern visual devices (e.g. a thermal imager) can witness that an image of the real world on the screen of such a device seems to be a chaos of spots to an inexperienced person. And that chaos cannot be transformed into the familiar picture of the world by way of any algorithmic transformation. But, amazingly, by gaining more and more experience working with such a device, by gaining experience of real activity, moving in the field, for example, — an operator learns to see the real world in the images on the screen. How a person learns to see the world looking on such images cannot be explained by response of any innate detectors, as there are no such images in nature — they were created by human civilization.

Ananiev's concept of two qualitatively different stages in Human Life-Span Development, and the two types of aging

Ananiev specified the two-phase nature of human development during the life span: «In the *first* phase, general, *frontal* progress of functions takes place in the course of growth and in the earliest evolutionary changes of maturity» (Ananiev, 1977, p. 201). The laws of ontogenesis play the key role in this period. The second phase differs drastically from the first; it lasts from the onset of maturity to the end of life. This second phase begins at the highest level of functional developments of the first phase and superimposes it. So the peak of the functional development is reached at later stages of maturity, while «the optimum of specialized functions may coincide with the imminent involution of the *general characteristics* of the same functions» (Ananiev, 1977, p.202). The universal

generic program of human development loses the supremacy in adulthood; to be more precise, the development in adulthood is secured by the active forces within the human psyche that counteract the inevitable ageing: «At the *second* phase of the functions' evolution, their *specialisation* ...occurs» (Ananiev, 1977, p.202).

Ananiev points out a divergent type and a convergent type of aging. The convergent type is characterized by total decrease of functions with ageing, which happens when the psyche's operational and motivational mechanisms are not duly established in the course of life-span development. In the case of the divergent type of ageing, operational and motivational mechanisms provide stability of psycho-physiological functions and even of their progress, which is manifested by optima of certain functions in old age, beyond the limits of biological growth. In the case of the divergent type of aging a total decrease of functions is opposed by active dynamical brain centers resisting decrepitude.

The Ananiev Model of Human Life-Span Development (the "Individuality concept")

Individualization, the increase of individual singularity, is the main effect of human development and its indicator for Ananiev. Ananiev considers individualization as the most important pattern of human ontogenetic development: "Human life journey (biography) influences ontogenetic evolution via the more and more increasing individualization of this evolution" (Ananiev, 1977, p. 165). But "Individuality" is not only individual differences. It is a holistic structure, essentially individual by nature, which emerges in the course of human life activities, bringing to harmony human tendencies and potentials. It turns to be the cause and the result of the integration of natural and cultural development.

According to Ananiev, human psychic development manifests itself in three expressly separated planes:

- Ontogenetic evolution of psycho-physiological functions (Man and Nature bias).
- Life journey — personality history (Man and Society bias).
- Development of man's activities as an agent of labour, cognition and communication (Man and Civilization bias).

Thus the process of human development is biased by the laws of Nature, Society and Civilization, relatively independently and potentially in contradiction. There is no Universal Law of human development, there is only a number of relatively independent factors, and their influence is mediated and integrated by the human individuality to constitute a holistic structure of the human psyche. It is the individuality which determines the vector, direction and route of development. Individuality from early age manifests itself by refracting and combining Nature, Culture and Civilization. In mature age, the individuality factor becomes dominant, determining individual development of psycho-physiological functions in adulthood.

A human being in Ananiev's theory stands out as, first, a historically concrete type, specific in its psychic organization in different moments of history, as Vygotsky stressed and second, as a self-determining creator of one's own self in the tradition of Rubinstein.

Ananiev's theory also stands out for its' humanistic appeal. Being mainly concerned with striking social effects on human biology, he was very well aware of the natural limits of this flexibility. He believed the main practical aim of psychological science is to help

the individual in seeking his unique way of coping with the situation and himself, becoming the master of his own life and obtaining individual harmony.

Ananiev's theory remains mainly unknown to the scientific community outside Russia. At the same time, Ananiev's methodology and theory seem to be fruitful even nowadays within the intensively developing areas of the world's psychological science. Among the areas of research and topical issues may be named, alongside the impact of personality on psycho-physiological functions, the areas of life-span human development, analysis of development in various age periods from the point of view of the holistic context of human life, and age dynamics in adulthood.

Conclusion

Activity theory is the *trend which shaped the development of psychological science in Russia throughout the Soviet period. It is based on the ideas of the procreative role of vital activity of a living being for psyche formation*. Its representation in English-speaking science is depleted by not enough light being shed upon the complex and dialectic nature of the trend. A general tendency to unambiguous reduction of AT to the theory of Leontiev — however brilliant the latter is, and however significant is its impact on Russian psychology — impoverishes the creative potentialities and capabilities of the trend.

Foundations of AT were laid by Rubinstein and Vygotsky. Leontiev developed and supplemented the ideas of his predecessors. However, Leontiev neglected the ideas of the key role of internal factors of activity which determine the course of individual interaction with the environment. These ideas of Rubinstein and Vygotsky were developed and elaborated by other Soviet psychologists, less well-known outside Russia, first of all in the works of B.G. Ananiev.

The key issue in the works of Ananiev was the impact of personality on psycho-physiological functions — in this aspect he carried on the agenda of Vygotsky and Rubinstein from which the Leontiev school moved to the analysis of outer activity.

The reasons why Leontiev's theory was dominant in the literature, and there were virtually no open discussions in 1930s and in 1950s concerning the discrepancies between his views and those of his predecessors, as well as the reasons why in the1960-1970s Ananiev's theory was overshadowed by Leontiev's work, can be found in the political context of the development of science in a totalitarian state.

Leontiev contributed much to Activity Theory, but his contribution is not all AT, only part of the trend. Bringing to the light theories less straightforward and less simplifying, might reveal new perspectives and potentialities for the integration of AT into the international mainstream.

Литература

1. *Абульханова А.К., Брушлинский А.В., Воловикова М.И.* Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
2. *Абульханова-Славская К.А.* О субъекте психической деятельности. М., 1973.
3. *Абульханова-Славская К.А.* Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
4. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
5. *Абульханова-Славская К.А.* Активность и сознание личности как субъекта деятельности // Психология личности в социалистическом обществе. Ч. 1: Активность и развитие личности. М., 1989. С. 110–134.
6. *Абульханова-Славская К.А.* Личностная регуляция времени // Психология личности в социалистическом обществе. Ч. 2: Личность и ее жизненный путь. М., 1990. С. 114–129.
7. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегии человеческой жизни. М., 1991.
8. *Абульханова-Славская К.А.* Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психол. журнал. 1994. № 4. С. 39–55.
9. *Абульханова-Славская К.А.* Типология личности и гуманистический подход // Гуманистические проблемы психологической теории / Под ред. К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского. М., 1995. С. 27–48.
10. *Абульханова-Славская К.А.* Психология и сознание личности. М.–Воронеж, 1999.
11. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
12. *Аверин В.А.* Психология личности. СПб., 1999.
13. *Акинщикова Г.И.* Антропология. Л., 1974.
14. Активность и жизненная позиция личности. М., 1988.
15. Актуальные вопросы психологии личности. М., 1988.
16. *Александров И.О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
17. *Аллахвердов В.М.* Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.
18. *Аллахвердов В.М.,* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
19. *Алмаев Н.А.* Элементы психологической теории значения. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
20. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М., 1960.
21. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1969.
22. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
23. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1980.
24. *Ананьев Б.Г.* Теория ощущений. Л.: ЛГУ, 1961.
25. *Ананьев Б.Г., Дворяшина М.А., Кудрявцева Н.А.* Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М., 1968.

26. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2000.
27. *Андреева Е.А., Белопольский В.И., Блинникова И.В. и др.* Ментальная репрезентация: Динамика и структура. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
28. *Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1970.
29. *Анцыферова Л.И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 1978. №1. С. 37–50.
30. *Анцыферова Л.И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 3–19.
31. *Анцыферова Л.И.* Системный подход в психологии личности // Принцип системности в психологических исследованиях. М., 1990. С. 61–77.
32. *Анцыферова Л.И.* История психологии и психологическая история личности // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. М., 1992. С. 9–12.
33. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
34. *Анцыферова Л.И., Завалишина Д.Н., Рыбалко Е.Ф.* Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1988. С. 21–36.
35. *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирования личности. М., 1976.
36. *Асеев В.Г.* Единство содержательной и динамической сторон мотивации // Принцип системности в психологических исследованиях. М., 1990. С. 78–85.
37. *Асеев В.Г.* Личность и значимость побуждений. М., 1993.
38. *Асмолов А.Г.* Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
39. *Асмолов А.Г.* Психология личности. М., 1990.
40. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.–Воронеж, 1996.
41. *Асмолов А.Г.* Вперед к Эльконину: неклассическая психология будущего // Вопросы психологии. 2002. №1. С. 4–9.
42. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002а.
43. *Балин В.Д.* Психическое отражение. Элементы теоретической психологии. СПб, 2001.
44. *Барабанщиков В.А.* (*ред.*) Идея системности в современной психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
45. *Барабанщиков В.А.* Психологическая наука на изломе времен // История отечественной и мировой психологической мысли. Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» 26–29 июня 2006. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 15–23.
46. *Барабанщиков В.А.* Восприятие выражений лица. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
47. *Барабанщиков В.А.* Системная организация и детерминация психики. М.: Изд-во ИП РАН, 2009а.
48. *Барабанщиков В.А.* Современная психофизика. М.: Изд-во ИП РАН, 2009б.
49. *Барабанщиков В.А., Белопольский В.И.* Стабильность видимого мира. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
50. *Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
51. *Барабанщиков В.А., Самойленко Е.С.* (*отв. ред.*) Общение и познание. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
52. *Барабанщиков В.А., Самойленко Е.С.* (*ред.*) Познание и общение: Теория, эксперимент, практика. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
53. *Басов М.Я.* Общие основы педологии. М.–Л: Госиздат, 1928.
54. *Бассин Ф.В.* Проблема бессознательного. М., 1968.

55. *Бассин Ф.В.* О силе «Я» и психологической защите // Вопросы философии. 1969. №2. С. 118–125.
56. *Бассин Ф.В.* О развитии взглядов на предмет психологии // Вопросы психологии. 1971. №4. С. 101–113.
57. *Бассин Ф.В.* Еще раз о законах психики // Психологический журнал. 1982. Т. 3. №6. С. 145–151.
58. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
59. *Бехтерев В.М.* Личность и условия ее развития и здоровья. СПб., 1905.
60. *Бехтерев В.М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925.
61. *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.
62. *Бехтерев В.М.* Проблемы развития и воспитания человека. М., Воронеж, 1997.
63. *Бехтерев В.М.* Избранные труды по психологии личности: В 2 т. / Под ред. Г.С. Никифорова, Л.А. Коростылевой. СПб., 1999.
64. Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977.
65. *Блонский П.П.* Педология. М: Гос. уч-пед ГИЗ, 1934.
66. *Богданов В.А.* Социально-психологические свойства личности. Л., 1983.
67. *Бодалев А.А.* Психология о личности. М., 1988.
68. *Бодалев А.А.* Вершина в развитии взрослого человека. М., 1998.
69. *Бодров В.А.* (*ред.*) Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
70. *Бодров В.А.* Психология профессиональной деятельности: теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
71. *Бодров В.А., Орлов В.Я.* Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
72. *Бодров В.А., Журавлев А.Л.* (*ред.*) Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
73. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
74. *Божович Л.И.* Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1976. №6. С. 45–53.
75. *Бойко Е.И.* Механизмы умственной деятельности. М., 1976.
76. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
77. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.–Воронеж, 1996.
78. *Брушлинский А.В.* Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999. №5. С. 110–121.
79. *Брушлинский А.В.* Гуманистичность психологической науки // Психологический журнал. 2000. Т. 21. №3. С. 43–48.
80. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
81. *Брушлинский А.В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
82. *Брушлинский А.В., Темнова Л.В.* Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993. С. 45–56.
83. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1983.
84. *Вагнер В.А.* Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). СПб.–М., 1910–1913. Ч. 1, 2.
85. *Вагнер В.А.* Сравнительная психология. М.–Воронеж, 1998.
86. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
87. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
88. *Веденов А.В.* Психологические вопросы формирования личности. М., 1956.
89. *Веккер Л.М.* Психические процессы. Л., 1974. Т. 1.
90. *Веккер Л.М.* Психика и реальность. М., 1998.

91. *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
92. *Волков И.П.* Слово о душе, необходимое для развития отечественной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 32–37.
93. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
94. *Воловикова М.И., Ребеко Т.А.* Соотношение когнитивного и морального развития // Психология личности в социалистическом обществе. М.: ЧП, 1990. С. 81–87.
95. Вопросы психологии личности. М., 1960.
96. Вопросы психологии личности. М., 1961.
97. Вопросы формирования волевых качеств учащихся. Рязань, 1965.
98. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
99. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982а. Т. 2. С. 5–361.
100. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1983. Т. 3. С. 5–328.
101. *Вяткин Б.А.* (*ред.*) Интегральная индивидуальность человека и ее развитие. М.: Изд-во ИП РАН, 1999.
102. *Гальперин П.Я.* К воспоминаниям об А.Н. Леонтьеве // А. Запорожец, В. Зинченко (ред.) А.Н. Леонтьев и современная психология. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 240–244.
103. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л., 1984.
104. *Гараи Л., Кечке М.* Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. 1997. №4. С. 86–96.
105. *Генов Ф.* О законах психики // Психологический журнал. 1984. Т. 5. №1. С. 99–102.
106. *Глезер В.Д.* Зрение и мышление. Л., 1985.
107. *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.
108. *Голубева Э.А.* Дифференциальный подход к способностям и склонностям // Психологический журнал. 1989. №4. С. 75–86.
109. *Голубева Э.А.* Способности и индивидуальность. М., 1993.
110. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
111. *Горбатенко А.С.* Системная концепция психики и общей психологии. Ростов н/Д., 1994.
112. *Григорьев С.В.* Самовыражение и развитие личности в игре: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 1991.
113. Гуманистические проблемы психологической теории / Под ред. К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского. М., 1995.
114. *Гуревич П.С.* Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии / Пер. под ред. Ю.Н. Попова. М., 1988. С. 504–517.
115. *Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология и вызовы постмодернизма // Вопросы психологии. 2002. №3. С. 119–131.
116. *Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология: от классической — к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. №1. С. 99–115.
117. *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения. М., 1986.
118. *Давыдов В.В.* О понятии личности в современной психологии // Психологический журнал. 1988. №4. С. 22–32.
119. *Дементий Л.И.* Типология ответственности и личностные условия ее реализации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
120. *Дикая Л.Г.* (*ред.*) Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа. М.: Изд-во ИП РАН, 1999.
121. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельный подход). М.: Изд-во ИП РАН, 2003.

122. *Дикая Л.Г., Журавлев А.Л.* (*отв. ред.*) Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
123. Добрынин Н.Ф. Проблемы активности личности, активности сознания // Проблема активности личности. Ученые записки МГПИ им. П.П. Потемкина Т. 36. М., 1954. Вып. 2. С. 5–82.
124. *Добрынин Н.Ф.* Проблема значимости в психологии. М., 1957.
125. *Дорфман Л.Я.* Метаиндивидуальный мир. М., 1993.
126. *Дорфман Л.Я.* Эмоциональные стили. М., 1994.
127. *Дробницкий О.Г.* Понятие морали. М., 1974.
128. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. М., 1999.
129. *Дружинин В.Н.* Психология семьи. Екатеринбург, 2000.
130. *Дубинин Н.П.* Что такое человек? М., 1983.
131. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации Российского общества. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
132. *Еремеев Б.А.* Психометрика мнений о людях: Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
133. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
134. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности до наших дней. М., 1990.
135. *Ждан А.Н.* Основные тенденции развития отечественной психологии постсоветского периода // История отечественной и мировой психологической мысли: Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» 26–29 июня 2006. М.: Изд-во ИП РАН, 2006. С. 69–72.
136. *Ждан А.Н.* К теоретическим проблемам общей психологии // Вопросы психологии. 2007. №6. С. 137–142.
137. *Журавлев А.Л.* Влияние коммуникативных качеств личности руководителя на эффективность руководства коллективом // Психология личности и образ жизни. М., 1987.
138. *Журавлев А.Л.* Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
139. *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
140. *Журавлев А.Л.* (*отв. ред.*) Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина. М.: Изд-во ИП РАН, 2005а.
141. *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН: Доклад на юбилейной научной конференции, посвященной 35-летию ИП РАН и 80-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова, 31 января 2007.
142. *Журавлев А.Л., Артемьева Т.И.* (*ред.*) Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (14–15 февраля 2008 г.). М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
143. *Журавлев А.Л. и др.* (*ред.*) Прогресс психологии: Критерии и признаки. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
144. *Журавлев А.Л., Кольцова В.А.* (*отв. ред.*) Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной научной конференции 2007 года: В 2 т. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
145. *Журавлев А.Л., Кольцова В.А.* (*ред.*) Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
146. *Журавлев А.Л., Корж Н.Н.* (*ред.*) Междисциплинарные исследования памяти. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
147. *Журавлев А.Л., Крюкова Т.Л., Сергиенко Е.А.* (*ред.*) Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
148. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.

149. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1.
150. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2.
151. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2005а.
152. *Журавлев А.Л., Мироненко И.А.* Система научных представлений Б.Д. Парыгина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №5. С. 28–38.
153. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* (*отв. ред.*) Феномен и категория зрелости в психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
154. *Журавлев А.Л., Юревич А.* Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
155. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* (*ред.*) Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
156. *Журавлева Н.А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
157. *Завалишина Д.Н.* Практическое мышление: Специфика и проблемы развития. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
158. *Залевский Г.В.* Личность и фиксированные формы поведения. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
159. *Зацепин И.В.* О регуманизации психологии: генеральный предмет интегральной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004.
160. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.
161. *Зинченко В.П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.
162. *Зинченко В.П.* Духовный организм и его функциональные органы // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004.
163. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. Ярославль, 2005.
164. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.
165. *Знаков В.В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
166. *Знаков В.В.* Понимание в мышлении, в общении, человеческом бытии. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
167. *Знаков В.В., Рябикина З.И.* (*ред.*) Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
168. *Зорина З.А., Полетаева И.И.* Поведение животных. М.: Астрель, 2000.
169. *Зорина З.А., Полетаева И.И.* Элементарное мышление животных. М.: Аспект Пресс, 2001.
170. *Иванов Д.В.* Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб., 2002.
171. Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
172. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2000.
173. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология. СПб, 2001.
174. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб, 2002.
175. Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. М., 1992.

176. История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
177. История психологии. Тексты / Под ред.: П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М., 1992.
178. *Каверин С. Б.* Мотивация труда. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
179. *Каган М. С.* Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи. Л., 1991.
180. *Калин В. К.* Волевая регуляция деятельности. Тбилиси, 1989.
181. *Карицкий И. Н.* Методологические основания определения предмета психологии: сущность психического // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 137–152.
182. *Карпов А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
183. *Карсаевская Т. В.* Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека. М., 1978.
184. Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1988.
185. *Келасьев В. Н.* Интегративная концепция человека. СПб., 1992.
186. *Климов Е. А.* Основы психологии. М., 1997.
187. *Ковалев А. Г.* Психология личности. Изд-е 3-е. М., 1970.
188. *Ковалев В. И.* Психологические особенности личностной организации времени жизни: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1979.
189. *Козлов В. В.* Седьмая волна в развитии психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 185–206.
190. *Кольцова В. А.* (*отв. ред.*) Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997.
191. *Кольцова В. А.* Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 6–18.
192. *Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
193. *Кольцова В. А.* Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 5–18.
194. *Кон И. С.* Открытие «Я». М., 1978.
195. *Кон И. С.* Категория «Я» в психологии // Психологический журнал. 1981. № 3. С. 25–37.
196. *Корнилов К. Н.* Современная психология и марксизм. Л.: Госиздат, 1924.
197. *Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. СПб., 2006.
198. *Коростылева Л. А.* Теоретико-методологические основы изучения самореализации личности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1999. Вып. 3. С. 5–25.
199. *Коростылева Л. А.*, *Зайцева Ю. Е.* О методологических вопросах развития и саморазвития в трудах Б. Г. Ананьева // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 2000. Вып. 4. С. 3–11.
200. *Косарева Л. М.* Рождение науки нового времени из духа культуры. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
201. *Костюк Г. С.* Актуальные вопросы формирования личности ребенка. М., 1948.
202. *Крайг Г.* Психология развития. СПб., 2002.
203. *Крупник Е. П.* Психологическое воздействие искусства на личность. М.: Изд-во ИП РАН, 1999.
204. *Крэйн У.* Теории развития: секреты формирования личности. М., 2002.
205. *Куликов Л. В.* (*ред.*) Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000.

206. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
207. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
208. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М., 1935.
209. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей. Изд. 3-е. Л., 1924.
210. *Лазурский А.Ф.* Очерк науки о характерах. М., 1995.
211. *Ламберт Д.* Доисторический человек. Л., 1991.
212. *Ланге Н.Н.* Психология // Итоги науки. Т. VIII. С. 110.
213. *Латынов В.В.* Стили речевого коммуникативного поведения. Структура и детерминанты // Психологический журнал. 1996. Т. 16. № 6. С. 90–100.
214. *Лебедев А.Н., Москаленко И.В.* Проблема закона в психологии // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 4.
215. *Левитов Н.Д.* Психология характера. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1969.
216. *Левонтин Р.* Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М., 1993.
217. *Левченко Е.В.* История и теория психологии отношений. СПб., 2003.
218. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). М., 2001.
219. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. М.: Смысл, 2005. [Link: http://www.anleontiev.smysl.ru/index.htm].
220. *Леонтьев А.Н.* Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 48–56.
221. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
222. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
223. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983.
224. *Леонтьев А.Н.* Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 109–120.
225. *Леонтьев А.Н.* Автобиография // А.Е. Войткунский, А.Н. Ждан, О.К. Тихомиров (ред.) Традиции и перспективы теории деятельности в психологии: школа А.Н. Леонтьева. М.: Смысл, 1999. С. 365–369.
226. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М., 1999.
227. *Лихи Т.* История современной психологии. СПб., 2002.
228. *Ломов Б.Ф.* Категории деятельности и общения в психологии // Вопросы философии. 1979. № 8. С. 37–46.
229. *Ломов Б.Ф.* Об исследовании законов психики // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 18–30.
230. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
231. *Ломов Б.Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
232. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
233. *Лурия Е.А.* Мой отец А.Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994.
234. *Люблинская А.А.* Очерки психического развития ребенка. М., 1959.
235. *Люсин Д.В., Ушаков Д.В.* (*ред.*) Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
236. *Мадди С.* Теории личности. СПб., 2002.
237. *Мазилов В.А.* Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
238. *Мазилов В.А.* Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 207–225.
239. *Мазилов В.А.* Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. Ярославль, 2005. С. 248–279.
240. *Мазилов В.А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23– 34.

241. *Макаренко А.С.* Соч.: В 7 т. М., 1956–1958.
242. *Мамардашвили М.К.* Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982. С. 38–57.
243. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107–121.
244. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994.
245. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М., 1996.
246. *Марцинковская Т.Д.* Позитивизм умер, да здравствует...? // Психологический журнал. 2001. Т. 23. № 5. С. 105–106.
247. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.–М., 2002.
248. Материалы итоговой научной конференции Института Психологии РАН (1–2 февраля 2006 г.). М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
249. *Мерлин В.С.* Очерки психологии личности. Пермь, 1959.
250. *Мерлин В.С.* Очерк теории темперамента. М., 1964.
251. *Мерлин В.С.* Проблемы экспериментальной психологии личности. Пермь, 1970.
252. *Мерлин В.С.* Принципы психологической характеристики типов личности // Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974. С. 8–212.
253. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
254. *Мерлин В.С.* Личность как предмет психологического исследования. Пермь, 1988.
255. Методологические и теоретические проблемы психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1977.
256. Методология историко-психологического исследования / Отв. ред. А.В. Петровский. М., 1974.
257. *Мироненко И.А.* Современные теории в психологии личности: Монография. СПб.: Изд-во Михайлова, 2003.
258. *Мироненко И.А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 88–94.
259. *Мироненко И.А.* Континуум или разрыв? // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 105–111.
260. *Мироненко И.А.* О классификации концепций личности и имплицитных основаниях психологических теорий // Вопросы психологии. 2006а. № 4. С. 95–105.
261. *Мироненко И.А.* О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. 2006б. Вып. 1. С. 160–173.
262. *Мироненко И.А.* Методология Б.Г. Ананьева в свете современного развития мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 151–160.
263. *Мироненко И.А.* Монизм, плюрализм и реальность // Вопросы психологии. 2007а. № 3. С. 145–148.
264. *Мироненко И.А.* Об источниках сомнений в прогрессе психологии // Методология и история психологии. 2007б. Вып. 3. С. 94–107.
265. *Мироненко И.А.* Отечественная психологическая наука и вызов современности: Монография. СПб.: Тускакора, 2007в.
266. *Мироненко И.А.* Отечественная психология и вызов современности // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л. Журавлева и др. М.: Изд-во ИП РАН, 2007г. С. 249–267.
267. *Мироненко И.А.* Значение работ Б.Г. Ананьева для решения актуальных задач психологической науки // Методология комплексного человекознания и современная психология / Под ред. А.Л. Журавлева и др. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 73–83.
268. *Мироненко И.А.* Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии. 2008а. № 4. С. 119–128.
269. *Мироненко И.А.* Поп-психология или о пользе науки // Вопросы психологии. 2008б. № 2. С. 103–108.

270. *Мироненко И.А.* О прошлом, настоящем и будущем российской сравнительной психологии // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 45–59.
271. *Мироненко И.А.* Проблемы нравственности в современной российской психологии: поиск ориентиров // Вестник ЛГУ. Вып. 4. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. С. 62–75.
272. *Мироненко И.А.* Субъект и личность: о соотношении понятий // Методология и история психологии. 2010а. Т. 5. Вып. 1. С. 149–155.
273. *Мироненко И.А.* Кризис психологии — системный или локальный? // А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич (отв. ред.) Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. Серия: Методология, теория и история психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2012. С. 201–216.
274. *Мироненко И.А.* Образ российской психологии в мировой науке // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. М.: Изд-во ИП РАН, 2012а. С. 200–206.
275. *Мироненко И.А.* О мотивах и проблемах интеграции российской психологии в мейнстрим // Вестник ЛГУ. 2012б. №3. С. 5–16.
276. *Мироненко И.А.* Современная российская психология в контексте мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2012в. №3. С. 44–50.
277. *Мироненко И.А., Сорокин П.С.* Биологическое и социальное в человеке — современный методологический кризис и вечная проблема мировой психологии // Вестник ЛГУ. Серия: Психология. 2015. №1. С. 60–72.
278. *Митькин А.А.* Пути психологического поиска: Претензии и возможности. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
279. *Михайлов Г.* Наша душа. СПб., 2005.
280. *Михайловский Н.К.* Что такое прогресс? // Отечественные записки. 1869. №9. С. 1–45.
281. *Моросанова В.И., Аронова Е.А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
282. *Мухина В.С.* Проблемы генезиса личности. М., 1985.
283. *Мясищев В.Н.* Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. Т. II. С. 110–125.
284. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. М., 1960.
285. *Небылицын В.Д.* Избранные психологические труды. М., 1990.
286. *Никифоров Г.С.* Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л., 1977.
287. *Никифоров Г.С.* Самоконтроль человека. СПб., 1989.
288. *Носуленко В.Н.* Психофизика восприятия естественной среды. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
289. *Ньюкомб Н.* Развитие личности ребенка. СПб., 2002.
290. О человеческом в человеке. М., 1991.
291. *Обознов А.А.* Психическая регуляция операторской деятельности: в особых условиях рабочей среды. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
292. Образ Российской психологии в регионах страны и в мире: Материалы международного форума и школы молодых ученых ИП РАН, 24–28 сентября 2006. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
293. *Орлов А.Б.* Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М., 1995.
294. *Палмер Дж., Палмер Л.* Эволюционная психология. Секреты поведения homo sapiens. СПб., 2002.
295. *Панферов В.Н.* Классификация функций человека как субъекта общения // Психологический журнал. 1987. Т. 8. №4. С. 51–60.
296. *Панферов В.Н.* Психология человека. СПб., 1996.

297. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология как наука. Л., 1967.
298. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971.
299. *Парыгин Б.Д.* Проблема опосредованности в социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 31–44.
300. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. СПб, 1999.
301. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
302. *Петренко В.Ф.* Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии / Под ред. А.Е. Войткунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М., 1999. С. 277–303.
303. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23. №3. С. 113–121.
304. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М., 1967.
305. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М., 1984.
306. *Петровский А.В.* Психология в СССР. История и современность. М., 1990. (На английском языке.)
307. *Петровский А.В.* Психология в России в XX столетии. М.: УРАО, 2000.
308. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. Т. 1–2. Ростов, 1996.
309. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М., 1998.
310. *Петровский В.А.* Личность в активности: парадигма субъектности. Ростов н/Д., 1996.
311. *Петровский В.А.* Личность в психологии. Ростов н/Д., 1996а.
312. *Петровский В.А.* Психология в России. XX век. М., 2000.
313. *Платонов К.К.* О системе в психологии. М., 1972.
314. *Платонов К.К.* Система психологии и теория отражения. М., 1982.
315. *Платонов К.К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
316. *Полани М.* Личностное знание. М., 1985.
317. *Пономаренко В.А.* Профессия — психолог труда. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
318. *Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
319. *Поппер К.* Логика и рост научного знания: Избранные работы. М., 1983.
320. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
321. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979.
322. *Почебут Л.Г.* Психология социальных общностей. СПб., 2002а.
323. Принцип развития в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1978.
324. Проблема индивидуальности в онтопсихологии / Под ред. А.А. Крылова, Е.Ф. Рыбалко. СПб., 1994.
325. Проблемы дифференциальной психофизиологии / Под ред. В.Н. Небылицына. М., 1974.
326. Проблемы личности. М., 1969.
327. Проблемы психологии личности. М., 1969.
328. *Прохоров А.О.* Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
329. Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2000.
330. Психология личности и образ жизни. М., 1987.
331. Психология личности в социалистическом обществе. Ч. 1: Активность и развитие личности. М., 1989.
332. Психология личности в социалистическом обществе. Ч. 2: Личность и ее жизненный путь. М., 1990.

333. Психологические исследования социального развития личности. М., 1991.
334. Психологические основы формирования личности в педагогическом процессе. М., 1981.
335. Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993.
336. Психология личности и время жизни человека. Черновцы, 1991.
337. Психология личности и образ жизни. М., 1987.
338. Психология формирования и развития личности / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1981.
339. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.
340. Психология формирования и развития личности. М., 1981.
341. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. М., 2002.
342. *Пузырей А.А.* Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М., 1986.
343. *Реан А.А.* Психология познания педагогом личности учащихся. М., 1990.
344. *Резников Е.Н.* Методические проблемы этнической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
345. *Рейнвальд Н.И.* Личность как предмет психологического анализа. Харьков, 1974.
346. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М.: Учпедгиз, 1935.
347. *Рубинштей С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940; 1946; 1989. Ч. 1, 2.
348. *Рубинштейн С.Л.* Пути и достижения советской психологии (о сознании и деятельности человека) // Известия АН СССР. 1945. №4. С. 67–84.
349. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
350. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
351. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
352. *Рубинштейн С.Л.* О философской системе Германа Когена // А. Брушлинский (ред.) Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 138–160.
353. *Рубцов В.В.* Основы социогенетической психологии. М.–Воронеж, 1996.
354. *Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979.
355. *Русалов В.М.* Некоторые положения специальной теории индивидуальности человека // Принцип системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990. С. 165–172.
356. *Рыбалко Е.Ф.* Возрастная и дифференциальная психология. Л., 1990.
357. *Савченко Т.Н., Головина Г.М.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
358. *Семенов В.Е.* Полиментальная специфика России и российская политика // Вестник политической психологии. 2001. №1. С. 20–23.
359. *Семенов И.Н.* Экзистенциально-акмеологический и рефлексивно-психологический подходы к изучению одаренных и личностной ориентации непрерывного образования // Психолого-педагогические аспекты перестройки образования. Т. VI. Тверь, 1994. С. 78–82.
360. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия и организация творческого мышления и саморазвитие личности // Вопросы психологии. 1983. №2. С. 35–43.
361. *Сергиенко Е.А.* (*ред.*) Исследования по когнитивной психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
362. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
363. *Сержантов В.Ф.* Философские проблемы биологии человека. М., 1974.
364. *Сироткина И.Е., Смит Р.* Психологическое общество и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 73–90.
365. *Скотникова И.Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.

366. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека. М., 1995.
367. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.
368. *Смирнов П.И.* Социология личности. СПб., 2001.
369. *Смит Н.* Современные системы психологии. М., 2002.
370. *Соловьев В.Д.* (*ред.*) Когнитивные исследования. Вып. 2. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
371. Соотношение биологического и социального в развитии человека. М., 1977.
372. *Соснин В.А., Нестик Т.* Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
373. *Сосновский Б.Н.* Мотив и смысл. М., 1993.
374. Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности. М., 1968.
375. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Под ред. Б.С. Ерасова. М., 1999.
376. *Старовойтенко Е.Б.* Жизненные отношения личности. Киев, 1992.
377. *Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
378. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
379. *Теплов Б.М.* Избранные труды: В 2 т. М., 1985.
380. Теоретические и прикладные вопросы психологии / Под ред. А.А. Крылова. Вып. 1. СПб., 1995.
381. Теоретические проблемы психологии личности / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1974.
382. *Тимирязев К.А.* Избранные соч.: В 4 т. М., 1949. Т. 3.
383. *Тих Н.А.* Предыстория общества. Л., 1970.
384. *Ткаченко А.Н.* Категориальный строй психологии как предмет историко-научного исследования // Методология историко-научного исследования. М., 1974. С. 3–22.
385. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф, 2002.
386. Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии / Под ред. А.Е. Войткунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М., 1999.
387. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004.
388. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. Ярославль, 2005.
389. *Ушаков Д.В.* (*отв. ред.*) Психология творчества: школа Я.А. Пономорева. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
390. *Ушакова Т.Н.* (*ред.*) Речь ребенка: Проблемы и решения. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.
391. *Ушакова Т.Н., Чуприкова Н.И.* (*ред.*) Психология высших когнитивных процессов. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
392. *Фельдштейн Д.И.* Психология развития личности в онтогенезе. М., 1989.
393. *Фельдштейн Д.И.* Психология взросления. М.–Воронеж, 2001.
394. *Фоули Р.* Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М., 1989.
395. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 94–142.
396. *Фрейджер Р., Фейдимен Дж.* Личность: теории, упражнения, эксперименты. М., 2002.
397. *Фрэнкин Р.* Мотивация человека. СПб., 2002.
398. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
399. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж. и др.* Биология человека. М.: Мир, 1979.
400. *Харламенкова Н.Е.* Сопоставление смысловых характеристик целеполагания у личности с консервативной и радикальной установкой // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2. С. 17–25.
401. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. М., 1986.
402. *Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М., 1997.

403. *Хомская Е.Д.* Достижения отечественной нейропсихологии в изучении проблемы «мозг и психика» // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 5–14.
404. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1997.
405. Человек в системе наук / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1989.
406. Человек и культура / Под ред. П. С. Гуревича. М., 1990.
407. Человек / Под ред. П. С. Гуревича. М., 1995.
408. *Чернышев А.С. и др.* Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
409. *Чудина Е.А.* (*отв. ред.*) Психологические исследования личности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
410. *Чудновский В.Э.* К вопросу о психологической сущности устойчивости личности // Вопросы психологии. 1978. № 2. С. 23–34.
411. *Чуприкова Н.И.* Психика и сознание как функция мозга. М., 1985.
412. *Чуприкова Н.И.* Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 104–118.
413. *Шадриков В.Д.* Деятельность и способности. М., 1994.
414. *Шадриков В.Д.* Духовные способности. СПб., 1997.
415. *Шадриков В.Д.* От индивида к индивидуальности: Введение в психологию. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
416. *Швырков В.Б.* Введение в объективную психологию: нейрональные основы психики: Избранные труды. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
417. *Шкуратов В.А.* Психика. Культура. История. Ростов н/Д., 1990.
418. *Шорохова Е.В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961.
419. Шорохова Е. В. Некоторые аспекты социально-психологического изучения личности // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М., 1987. С. 6–10.
420. *Эльконин Д.Б.* Детская психология. М., 1960.
421. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., 1978.
422. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М., 1989.
423. *Эльконин Д.Б.* Психология развития. М., 2001.
424. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
425. *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб.–М., 1995.
426. *Юревич А.В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2.
427. *Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–17.
428. *Юревич А.В.* Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. № 1. С. 5–13.
429. *Юревич А.В.* Психология и методология. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
430. *Юревич А.В.* Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005а. № 2. С. 147–151.
431. *Юревич А.В.* Наука и паранаука: столкновение на «территории психологии» // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 79–87.
432. *Юревич А.В.* Предисловие. Социальные и когнитивные источники парадокса // Образ российской психологии в регионах страны и в мире. Материалы форума. М., 2006.
433. *Юревич А.В.* Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М.: ГУ ВШЭ, 2004, Препринт WP6/2004/02. Серия WP6.
434. *Юревич А.В.* Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006а. Т. 27. № 4. С. 5–14.
435. *Юревич А.В.* Социология психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 43–56.

436. *Юревич А.В.* Социология психологического знания // Методология и история психологии. 2008а. Т. 3. Вып. 3. С. 57–72.
437. *Юревич А.В.* Российская психология в мировом мейнстриме // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 3. С. 76–89.
438. *Юревич А.В.* Вносить или выносить? К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Независимая газета. 2010. № 233. 27 октября. С. 14.
439. *Юревич А.В.* Оптимум интеграции // Наука. Инновации. Образование. 2010а. Вып. 9. С. 45–56.
440. *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Наука в современном российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2010.
441. *Якунин В.А.* О принципах и тенденциях изложения истории психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 2. С. 18–26.
442. *Якунин В.А.* История психологии. СПб., 1998.
443. *Ядов В.А.* Диспозиционная концепция личности. Социальная психология. Л., 1979.
444. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. М., 1971.
445. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1976.
446. *Ярошевский М.Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М., 1977. С. 7–97.
447. *Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь. М., 1996.
448. *Ярошевский М.Г., Анцыферова Л.И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.
449. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт–экспорт» в науке и власть // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 108–121.
450. *Adair J.G., Vohra N.* The Explosion of Knowledge, References, and Citations: Psychology's Unique Response to a Crisis // American Psychologist. 2003. Vol. 58. Iss. 1. January. P. 15–23.
451. *Adkins L., Lury L.* What is the empirical // European Journal of Social Theory. 2009. N 12. P. 5–20.
452. *Auerbach B.* Publish and perish // Actes de la recherché en sciences sociales. 2006. N 4. P. 75–92.
453. *Balachova T., Isurina G., Levy Sh. et al.* Psychology in Russia // M.J. Stevens, D. Wedding. Handbook of International Psychology. Hove: Brunner-Routledge, 2004. P. 293–309.
454. *Back L.* Live sociology: social research and its futures // The Sociological Review. 2012. N 60 (Suppl. 1). P. 18–39.
455. *Barkow J.H., Cosmides L., Tooby J.* The Adapted Mind. Oxford, 1995.
456. *Bar-Tal D., Bar-Tal W.* (*eds.*). The social psychology of knowledge. Cambridge, 1988.
457. *Beck U.* The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. N 51 (1). P. 79–105.
458. *Beck U., Sznaider N.* Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda // British Journal of Sociology. 2006. N 57 (1). P. 1–23.
459. *Berger P.* Whatever Happened to Sociology? // First Things. 2002. N 126. P. 27–29.
460. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H. et al.* Cross-cultural psychology: Research and implications. New York, 1992.
461. *Berry J.W., Segall M.H., Kagitcibasi C.* (*eds.*) Handbook of cross-cultural psychology. 2nd ed. Honolulu, 1987.
462. *Betzig L.* Not whether to count babies, but which // Crawford C., Krebs D.L. (*eds.*) Handbook of Evolutionary Psychology. Mahvah, 1998.
463. *Bhambra G.* Rethinking Modernity: Postcolonialism and the Sociological Imagination. Oxford: Berg, 2007.
464. *Biro D., Inoue-Nakamura N., Tonooka R., Yamakoshi G., Sousa C., Matsuzawa T.* Cultural innovation and transmission of tool use in wild chimpanzees: evidence from field experiments // Animal Cognition. 2004. Vol. 6. N 4. P. 213–223.
465. *Blackmore S.* The Meme Machine. Oxford, 1999.

466. *Bois S.* The coming crisis? Some questions for the future of empirical sociology // Graduate Journal of Social Science. 2012. Vol. 9. Iss. 2. July. P. 40–64.
467. *Bower G.H.* The fragmentation of psychology? // American Psychologist. 1993. N 48 (8). P. 905–907.
468. *Burr V.* An Introduction to Social Constructionism. London, 1995.
469. *Cartwright J.* Evolution and Human Behaviour. London, 2000.
470. *Castro J., Lafuente E.* Westernalization in the Mirror: On the Cultural Reception of Western Psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2007. Vol. 41. Iss. 1. March. P. 106–113.
471. *Cole M.* Culture in mind. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
472. *Cole S.* (*ed.*) What's Wrong with Sociology? New York: Transaction Publishers, 2001.
473. Concise Encyclopedia of psychology. New York, 1987.
474. *Dacey J.S., Travers J.F.* Human development across the life-span. Madison, 1996.
475. *Dafermos M.* Soviet Psychology // T. Teo (ed.) Encyclopedia of Critical Psychology. New York: Springer, 2014. P. 1828–1835.
476. *Dafermos M.* (2015). Activity theory: theory and practice // I. Parker (ed.) Handbook of Critical Psychology. London; New York: Routledge, 2015, P. 261–270. [Link: http://www.routledge.com/books/details/9781848722187/]
477. *Daly M.* Introduction // Bock G.R., Cardew G. (eds.) Characterizing Human Psychological Adaptations. Chichester, 1997. P. 1–3.
478. *Davies P., Fetzer H., Foster T.* Logical reasoning and domain specificity: a critique of the social exchange theory of reasoning // Biology and Philosophy. 1995. Vol. 10 (1). P. 1–37.
479. *Dawkins R.* The Selfish Gene. Oxford, 1976.
480. *Deci E.L.* Effects of externally mediated rewards on intrinsic motivation // Journal of Personality and Social Psychology. 1971. N 18. P. 105–115.
481. *Deci E.L.* Intrinsic motivation. New York: Plenum, 1975.
482. *Deci E.L., Ryan R.M.* Intrinsic motivation and self-determination in human behaviour. New York: Plenum, 1985.
483. *Digman J.M.* Personality structure: emergence of the 5-factor model // Annual Revue of Psychology. 1990. Vol. 41. P. 417–440.
484. *Driver-Linn E.* Where Is Psychology Going? Structural Fault Lines Revealed by Psychologists' Use of Kuhn // American Psychologist. 2003. Vol. 58. N 4. P. 269–278.
485. *Doi T.* The anatomy of dependence. Tokyo, 1973.
486. *Dyal J.A.* Cross-cultural research with the locus of control construct // H.M. Lefcourt (ed.). Research with the locus of control construct. New York, 1984. Vol. 3: Extensions and Limitations. P. 209–306.
487. *Eaves L., Eysenck H.J., Martin N.G.* Genes, Culture, and Personality. New York: Academic, 1989.
488. Encyclopedia of Psychology / Ed. by R.J. Corsini. Vol. 1–4. New York, 1994.
489. *Engeström Y., Miettinen R., Punamäki R.* (*eds.*) Perspectives on activity theory. New York: Cambridge University Press, 1999.
490. *Essex C., Smythe W.E.* Between numbers and notions. A critique of psychological measurement // Theory and Psychology. 1999. N 9 (6). P. 739–767.
491. *Gane N.* Measure, value and the current crises of sociology // The Sociological Review. 2011. N 59 (Suppl. 2). P. 151–173.
492. *Garai L.* Marxian Personality Psychology // Harré R., Lamb R., (eds.) The Encyclopedic Dictionary of Psychology. Oxford: Basil Blackwell, 1983. P. 364–366.
493. *Geary D.C.* Male, Female. The Evolution of Human Sex Differences. Washington, 1998.
494. *Gergen K.J.* Social Psychology as History // Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 26. P. 309–320.

495. Gergen K.J. Social constructionist inquiry: Context and implications // K.J. Gergen & K.E. Davis (eds.) The social construction of the person. New York: Springer, 1985. P. 3–18.
496. *Giddens A.* Doubting diversity's value // Foreign Policy. 2007. N 163. November/December. P. 86–88.
497. *Gigerenzer G.* The modularity of social intelligence // Machiavellian Intelligence — 2. Cambridge, 1997. P. 265–288.
498. *Gigerenzer G., Hug K.* Domain-specific reasoning: social contrasts, cheating and perspective change // Cognition. 1992. Vol. 43. P. 127–171.
499. *Gigerenzer G., Todd M. et al.* Simple Heuristics That Make Us Smart. Oxford, 1999.
500. *Goertzen J.R.* On the possibility of unification: The reality and nature of the crisis in psychology // Theory and Psychology. 2008. Vol. 18. Iss. 6. December. P. 829–852.
501. *Graham L.* Science in Russia and the Soviet Union: A Short History. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
502. *Humle T., Matsuzawa T.* Oil Palm Use by Adjacent Communities of Chimpanzees at Bossou and Nimba Mountains, West Africa // International Journal of Primatology. 2004. Vol. 25. N 3. P. 551–581.
503. *Hollands R., Stanley L.* Rethinking 'Current Crisis' Arguments: Gouldner and the Legacy of Critical Sociology // Sociological Research Online. 2009. Vol. 14 (1). P. 1.
504. *Hunt H.T.* Why Psychology Is / Is Not Traditional Science: The Self-Referential Bases of Psychological Research and Theory // Review of General Psychology. 2005. Vol. 9. N 4. P. 358–374.
505. *Hollway W.* Gender difference and the production of subjectivity // J. Henriques, W. Hollway et al. (eds.) Changing the Subject: Psychology, Social Regulation and Subjectivity. London, 1984.
506. *Hyman L., Sturm T.* Crisis debates in psychology: Causes, contexts, and consequences. Berlin: Max Planck Institute for the History of Science, 2008. [Link: http://www.mpiwg-berlin.mpg.de/PDF/CrisisWorkshop_Abstracts.pdf].
507. *Janousek J., Sirotkina I.* Psychology in Russia and central and eastern Europe. Porter, 2003.
508. *Joravsky D.* Russian Psychology: A Critical History. Oxford: Blackwell, 1989.
509. *Karpov Y.V.* The Neo-Vygotskian Approach to Child Development. Cambridge, 2005.
510. *Kitayama Sh., Cohen D. (eds.).* Handbook of cultural psychology. New York: Guildford Press, 2007.
511. *Kitayama Sh., Markus H.R. (eds.).* Emotions and culture: Empirical studies of mutual influence. Washington, 1994.
512. *Kitayama S.* Cultural and basic psychological processes — Toward a system view of culture: Comment on Oyserman et al. (2002) // Psychological Bulletin. 2002. N 128. P. 189–196.
513. *Kolstad A.* Time for Paradigmatic Substitution in Psychology. What are the Alternatives? // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2010. Vol. 44. Iss. 1. March. P. 58–64.
514. *Lash S.* Afterword: in praise of the a posteriori: sociology and the empirical // European Journal of Social Theory. 2009. N 12. P. 175–187.
515. *Lektorsky V.* German philosophy and Russian humanitarian thought: Sergei Rubinstein and Gustav Shpet // Russian Studies in Philosophy. 2013. N 52 (1). P. 82–99.
516. *Leontiev A.N.* Activity, consciousness and personality. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1978. [Link: http://www.marxists.org/archive/leontev/].
517. *Leung K., Bond M.H.* Social Axioms: A Model of Social Beliefs in Multicultural perspective // Advances in Experimental Social Psychology. 2004. N 36. P. 119–197.
518. *Lunt I.* EuroPsych Project // European Psychologist. 2000. Vol. 5. N 2. P. 93–102.
519. *Mammen J.* Mapping the subject: the renewal of scientific psychology // Journal of Anthropological Psychology. 2002. N 11. P. 77–89.

520. *Mammen J., Mironenko I.A.* Activity Theories and the Ontology of Psychology: Learning from Danish and Russian Experiences // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2015. N 49. P. 681–713. [Link: DOI 10.1007/s12124-015-9313-7].
521. *Markus H., Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychological Review. 1991. N 98. P. 224–253.
522. *Marsella A.* Psychology and Globalization: Understanding a Complex Relationship // Journal of Social Issues. 2012. N 68 (3). P. 454–472.
523. Materials of MSU seminars on Activity theory. M.: Изд-во МГУ, 2012 [Link: http://www.psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials.html].
524. *Matsumoto D.* Cultural influences on research methods and statistics. Pacific Grove, 1994.
525. *Matsumoto D.* Culture and psychology. Pacific Grove, 1996.
526. *McNally R.J.* Disunity in psychology: chaos or speciation? // American Psychologist. 1992. N 47. P. 1054.
527. *Michell J.* Normal science, pathological science, and psychometrics // Theory and Psychology. 2000. N 10 (5). P. 639–667.
528. *Mironenko I.A.* An epigenetic approach to life-span human development // Int. J. Psychology. 2000. Vol. 35. Sp. iss. 3/4. XXVII Int. Congress of Psychology, N 40313.02. P. 314.
529. *Mironenko I.A.* On Some Difficulties in the Dialogue with Foreign Colleagues // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook / Ed. by Y. Zinchenko, V. Petrenko. M.: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. P. 41–47.
530. *Mironenko I.A.* “Great Ideas” in Russian Psychology: Personality impact on Psychophysiological Functions and Causal approach to Self-determination // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook / Ed. by Y. Zinchenko, V. Petrenko. M.: Russian Psychological Society, 2009. P. 225–238.
531. *Mironenko I.A.* Life and work of a woman who pioneered Evolutionary Psychology: Nadezhda Ladygina-Kots // The History of the Human Sciences: an Open Atmosphere / Ed. by J. Boos, M. Sinatra. Bari: Pensa Multimedia Editore, 2010. P. 231–238.
532. *Mironenko I.A.* Nadezhda Ladygina-Kots: a Russian Woman Pioneer in Evolutionary Psychology // European Pioneer Woman in Psychology / Ed. by H. Gundlach, R. Roe, M. Sinatra, G. Tanucci. Milan: Franco Angeli Pub., 2010a. P. 115–124.
533. *Mironenko I.A.* Concerning Interpretations of Activity Theory // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2013. Vol. 47. Iss. 3. September. P. 376–393. [Link: 10.1007/s12124-013-9231-5].
534. *Mironenko I.A.* Contemporary Russian Psychology in the Context of International Science // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2013a. N 86. P. 156–161. [Link: 10.1016/j.sbspro.2013.08.542].
535. *Mironenko I.A.* The Crisis in Psychology — Systemic or Local?// Journal of Russian and East European Psychology. 2013b. Vol. 51 (4). July. P. 2–21. [Link: 10.2753/RPO1061-0405510401].
536. *Mironenko I.A.* The Problem of Morality in Contemporary Russian Psychology // Russian Studies in Philosophy. 2013. Vol. 51. N 4: The Psychology of Morality in Contemporary Russia. P. 51–63.
537. *Mironenko I.A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7. Iss. 2. P. 4–13. [Link: 10.11621/pir.2014.0201].
538. *Moghaddam F.M.* Psychology in the Three Worlds: As Reflected by the Crisis in Social Psychology and the Move Toward Indigenous Third-World Psychology // American Psychologist. 1987. Vol. 42. Iss. 10. October. P. 912–920.
539. *Molenaar P.C. M.* A Manifesto on psychology as idiographic science: Bringing the person back into scientific psychology, this time forever // Measurement. 2004. N 2 (4). P. 201–218.

540. *Mollon J.D.* The Perception. Lecture // Perception. 2006. Vol. 35. Suppl. ECVP, abstracts. P. 1.
541. *Newstead S., Makkinen S.* Psychology teaching in Europe // European Psychologist. 1997. Vol. 1. N 14. P. 52–59.
542. *Oak E.* Quo vadis the social sciences? Appropriating ground in the indeterminacy of knowledge crisis — the role of qualitative social work research // International Journal of the Interdisciplinary Social Sciences. 2007. N 1 (5). P. 69–78.
543. *Papalia D.E., Olds S.W.* Human development. New York, 1995.
544. *Parker S.* The precultural basis of the incest taboo: towards a biosocial theory // American Antropologist. 1976. N 78. P. 285–305.
545. *Perrett D.I. et al.* Effects of sexual dimorphism on facial attractiveness // Nature. 1998. N 394. P. 884–887.
546. *Piaget J.* Some impressions of a visit to the Soviet psychologists / Reprinted from "American Psychologist", 1956 // Piaget–Vygotsky: The social genesis of thought / Ed. by A. Tryphon, A. Voneche. Hove, 1996.
547. *Pinker S.* The Language Instinct. London, 1994.
548. *Plomin R.* Genetics and Experience: The Interplay between Nature and Nuture. Thousand Oaks: Sage, 1994.
549. *Porter Th. M., Ross D.P.* The Cambridge History of Science: The modern social sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
550. *Ridley M.* The origins of virtue. London, 1996.
551. *Rose N.* Psychology as a social science // Subjectivity. 2008. N 23. P. 1–17.
552. *Rose N.* The human sciences in a biological age // Theory, Culture and Society. 2013. N 30 (1). P. 3–34.
553. *Rose R.J.* Genes and Human Behavior // Annual Revue of Psychology. 1995. Vol. 46. P. 625–654.
554. *Rubinstein S.L.* Grundlagen der allgemeinen Psychologie. Berlin: Volk und Wissen, 1971.
555. *Rubinstein S.L.* Sein und Bewußtsein. Berlin: Akademie-Verlag, 1973.
556. *Samuels R.* Evolutionary psychology and the massive modularity hypothesis // British J. for the Philosophy of Science. 1998. Vol. 49. P. 575–602.
557. *Samuels R.* Nativism in Cognitive Science // Mind and Language. 2002. Vol. 17. N 3. June. P. 233–265.
558. *Santrock J.W.* Life-span development. Dubuque, 1997.
559. *Savage M., Burrows R.* The coming crisis of empirical sociology // Sociology. 2007. N 41 (5). P. 885–899.
560. *Savage M., Burrows R.* Some further reflections on the coming crisis of empirical sociology // Sociology. 2009. N 43 (4). P. 762–772.
561. *Scarr S.* Developmental theories of the 1990s: development and individual differences // Child Development. 1992. Vol. 63. P. 1–19.
562. *Schwarz M.* Is Psychology Based on a Methodological Error? // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2009. Vol. 43. Iss. 3. September. P. 185–213.
563. *Shapiro L., Epstein W.* Evolutionary theory meets cognitive psychology: a more selective perspective // Mind and Language. 1998. Vol. 13 (2). P. 171–194.
564. *Shweder R.A., Bourne E.J.* Does the concept of person vary cross-culturally? // R.A. Shweder, R.A. Le Vine (eds.) Culture theory: Essays on mind, self and emotion. Cambridge, 1984.
565. *Singh D.* Adaptive significance of female attractiveness // Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. P. 293–307.
566. *Singh D.* Female judgment of male attractiveness and desirability for relationship // Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69 (6). P. 1089–1101.
567. Sociological Forum. 1994. Sp. Iss.: What's Wrong with Sociology? Vol. 9. Iss. 2. P. 179–197.

568. *Steinmetz G., Chae O.B.* Sociology in an Era of fragmentation: From the sociology of knowledge to the philosophy of science, and back again // The Sociological Quarterly. 2002. N 43 (1). P. 111–137.
569. *Sperber D.* Mental modularity and cultural diversity // The debated mind: Evolutionary psychology versus ethnography / H. Whitehouse (ed.). New York, 2001. P. 23–56.
570. *Sternberg R.J.* The search for criteria: Why study the evolution of intelligence? // The evolution of intelligence / R.J. Sternberg, J.C. Kaufman (eds.). New York, 2002. P. 1–7.
571. *Sternberg R.J., Kaufman J.C. (eds.)* The evolution of intelligence. New York, 2002.
572. Tele-interviews // European Psychologist. 2000. Vol. 5. N 2. June. Sp. iss. P. 90–162.
573. The developmental psychologists: Research adventures across the life-span / Ed. by M.R. Merrens, G.G. Brannigan. New York, 1996.
574. *Timberlake W.* Animal behavior: a continuing synthesis // Ann. Rev. Psychol. 1993. Vol. 44. P. 675–708.
575. *Tooby J., Cosmides L.* The past explains the present: adaptations and the structure of ancestral environments // Ethology and Sociobiology. 1990. Vol. 11. P. 375–424.
576. *Tooby J., Cosmides L. (eds.)* The Adapted Mind. Oxford, 1992.
577. *Toomela A.* Activity theory is a dead end for cultural-historical psychology // Culture & Psychology. 2000. N 6. P. 353–364. [Link:10.1177/1354067X006300].
578. *Toomela A.* (2007). Culture of science: Strange history of the methodological thinking in psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2007. Vol. 41. P. 6–20. [Link:10.1007/s12124-007-9004-0].
579. *Toomela A.* Commentary: activity theory is a dead end for methodological thinking in cultural psychology too // Culture & Psychology. 2008. N 14. P. 289–303. [Link:10.1177/1354067X08088558].
580. *Toomela A., Valsiner J. (eds.)* Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray? Charlotte: Information Age Publishing, 2010.
581. *Turner S., Turner J.* The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology. Newbury Park: Sage Publications, 1990.
582. *Urry J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
583. *Valsiner J.* Cultural psychology today: innovations and oversights // Culture & Psychology. 2009. N 15 (1). P. 5–40.
584. *Valsiner J.* A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.
585. *Vaughan T., Sjoberg G., Reynolds L.* A Critique of Contemporary American Sociology. New York: Roman & Littlefield, 1993.
586. *Van der Veer R.* Lev Vygotsky. London: Continuum International Publishing Group, 2007.
587. *Van der Veer R., Valsiner J.* Understanding Vygotsky. A quest for synthesis. Oxford: Blackwell, 1991.
588. *Van de Vijver F.J.R., Leung K.* (2001). Personality in cultural context: Methodological issues // Journal of Personality. 2001. N 69. P. 1007–1031. [Link: doi:10.1111/1467-6494.696173].
589. *Vassilieva Y.* Russian Psychology at the turn of the 21st century and post-Soviet reforms in the humanities disciplines // History of Psychology. 2010. N 13 (2). P. 138–159.
590. *Vygotsky L.S.* The collected works. Vol. 1–2. London: Plenum Press, 1987. [Link: http://www.marxists.org/archive/vygotsky/index.htm].
591. *Walsh-Bowers R.* Some social-historical issues underlying psychology's fragmentation // New Ideas in Psychology. 2010. N 28. P. 244–252.
592. *Westermark E.A.* The History of Human Marriage. New York, 1891.
593. *Whitehouse H. (ed.)* The debated mind: Evolutionary psychology versus ethnography. New York, 2001.

594. *Wilson D. S.* Adaptive genetic variation and human evolutionary psychology // Ethology and Sociobiology. 1994. Vol. 15. P. 219–235.
595. *Wilson E. O.* Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, 1975.
596. *Wilson E. O.* Consilience: The Unity of Knowledge. London, 1998.
597. *Wolf A. P.* Childhood association and sexual attraction... // American Antropologist. 1970. N 72. P. 503–515.
598. *Wright R.* The Moral Animal: Evolutionary Psychology and Everyday Life. London, 1994.
599. *Yamagishi T., Hashimoto H., Cook K. S., Kiyonari T., Shinada M., Mifune N., Inukai K., et al.* Modesty in self-presentation: A comparison between the USA and Japan // Asian Journal of Social Psychology. 2012. N 15 (1). P. 60–68.
600. *Zittoun T., Gillespie A., Cornish F.* Fragmentation or Differentiation: Questioning the Crisis in Psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2009. N 43 (2). P. 104–115.

Научное издание

Ирина Анатольевна Мироненко

РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ НАУКИ

Корректор *В.Т. Мусбахова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 30.11.2015. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 24,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 103

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235–15–86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622–01–23